

Российская Академия Наук
Институт философии

СВОБОДНОЕ СЛОВО
Интеллектуальная хроника:
1998-1999

Альманах – 1999

Москва
2000

ББК 66.3(2)5
УДК 323-5
С 48

Составитель и редактор
В.И. Толстых

Рецензенты:
доктор полит. наук *О.В. Гаман-Голутвина*,
доктор филос. наук *Ю.К. Плетников*

С 48 **Свободное слово. Интеллектуальная хроника: 1998-1999.** – М., 2000. – 325 с.

Альманах теоретического клуба Института философии РАН «Свободное слово» является продолжением публикаций под тем же названием двух книг, вышедших в 1996 и 1997 годах. В нем помещены материалы клубных дискуссий последних двух лет, на которых обсуждались актуальные вопросы политической, социально-экономической и духовной жизни современной России. Альманах адресован широкому кругу читателей и дает возможность проследить за эволюцией и развитием общественного сознания в контексте реальной действительности.

Содержание

НУЖНА ЛИ РОССИЯ РУССКИМ?

Парадоксы российского сознания и поведения 4

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ:

ПРОБЛЕМА ВОСТРЕБОВАННОСТИ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ 62

РОССИЯ И ВОСТОК 103

1985–1999 гг.: ПУТИ–ПЕРЕПУТЬЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

К 90-летию со дня выхода сборника «Вехи» 157

ИМПЕРАТИВЫ И ИСКУСЫ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА 216

РЕФОРМЫ В РОССИИ И КИТАЕ — КТО ОКАЗАЛСЯ МУДРЕЕ? 271

НУЖНА ЛИ РОССИЯ РУССКИМ? Парадоксы российского сознания и поведения

18 ноября 1998 года

В.И.Толстых

Вопрос о русских лично у меня возник еще в октябре 1994 года, когда на Клубе обсуждался вопрос о евреях — «Существует ли в России «еврейский вопрос»?». Во вступительном слове я применил полемический прием, как бы принимая само это деление, абсолютно неприемлемое в такой многонациональной и интернациональной по своему духу стране, как Россия. Использовал для того, чтобы снять накипь и жестко обнажить суть проблемы, для современной России ставшей вопросом вопросов — о ее существовании и дальнейшей судьбе. И обратился к тем русским, кто открыто или скрытно исповедуют антисемитизм, считая, что все беды России идут «от евреев», и к тем евреям, которые озабочены проявлениями антисемитизма, но при этом делают вид, что они вообще тут «ни при чем».

Первых я просил задуматься, наконец-то, над тем, почему у нас все получается вкривь и вкось, превращается в свою противоположность: если социализм, то «казарменный», если капитализм, то «дикий», варварский. И почему, проголосовав за «политику реформ» и поддержав ее вдохновителей-руководителей (причем большинством голосов и не раз), то есть фактически приняв идею рынка, купли-продажи, власти частных интересов и денег, зная наперед, что евреи приспособлены к такому порядку и устройству жизни лучше, чем они, русские, теперь во всем винят евреев, а не себя? Сами-то вы, русские, чего хотите? На что надеетесь? Кого и что поддерживаете? И так ли уж сильно любите свою страну, если позволяете совершать над нею любые эксперименты?

Евреев, возмущенных экстремистскими выходками антисемитов и напуганных угрозой «русского фашизма», тоже можно спросить: а вам нравится то, что произошло и происходит в стране

в эти последние годы, вас это устраивает — безраздельная власть денег, нарастающее как снежный ком богатство немногих нуворишей и кричащее обнищание абсолютного большинства? Кого и что поддерживаете вы в современной России? И почему, столь ревниво отстаивая саму идею и суверенитет еврейского государства, идеологию сионизма, которую, между прочим, тоже обвиняли в шовинизме и расизме, вы никак не можете понять русских, остро переживающих сегодня кризис идентичности и желающих во что бы то ни стало сохранить свою государственность и целостность? Почему тезис влиятельного израильского политика, недавно посетившего Россию, «главное — быть евреем» вас не смущает и не возмущает, а понятие «русский патриот» превращено в обидный ругательный термин, и опасность распада великой державы на 40-50 небольших «удельных княжеств» не вызывает у вас видимой тревоги и беспокойства? Как быть тут русским? Будет или не будет Россия — для них это вопрос исторической судьбы, их будущности.

Но, повторяю, задавая эти вопросы чисто полемическим образом, я пришел тогда к выводу, что (цитирую самого себя) «еврейский вопрос» оборачивается «русским вопросом». Впрочем, может быть, они так и существуют у нас — не врозь, а рядом и вместе. Тогда их так и надо рассматривать, не убегая от себя: евреям от своего «еврейства», а русским — от свой «русскости». В том, что именно так и получается в реальности, меня еще больше убедил Танкред Голенпольский, главный редактор «Еврейской газеты», издаваемой в России. Я пригласил его на то заседание и просил выступить, а он так и не выступил, объяснив это следующим, для меня весьма неожиданным, образом: «Я внимательно выслушал всех, кто выступал (а большинство из них были евреи — либералы, социал-демократы, коммунисты — В.Т.), и понял, что это не евреи, а русские с еврейскими фамилиями. Ни один из них не говорит на идише и иврите, не знает глубоко еврейской культуры, не соблюдает обычаев и т.д.».

Выходит, русский вопрос, как ни странно, относится не только к русским, а ко всем россиянам, поскольку они определяют свою принадлежность к России через свое отношение к **государству и культуре**, к тому «миру миров» или «супер-этносу», каким вчера был Советский Союз, а сегодня — Российская Федерация. Кстати, нас всех — русских, татар, евреев, бурятов и т.д. — так и воспринимают на Западе, называя вчера «советик», а сегодня — «рашен».

Вот о русских в этом широком значении и смысле — об их общественном сознании и поведении, ментальности и позиции, об отношении к собственной стране и будущему — я и предлагаю поговорить на Клубе откровенно и беспристрастно. Скажем, о том, почему русские так спокойно, безразлично отнеслись к распаду СССР, молчаливо согласившись с «Беловежским сговором» в декабре, хотя в марте того же 1991 года подавляющим большинством проголосовали за его сохранение и целостность? Ведь никто, ни один человек не вышел на улицу или на Красную площадь, чтобы опротестовать безусловно своевольное, юридически неправомочное решение, не воспользовался этим своим правом при свете гласности и свободы слова, тогда как в тоталитарные времена нашлись целых восемь (!) человек, открыто выступивших против ввода советских войск в Чехословакию. Почему миллионы русских позволили средь бела дня ограбить себя правительству Гайдара в 1992 году, затем обмануть еще и еще раз, смирившись с грабительской приватизацией «по Чубайсу», разгулом оголтелой преступности и беспрецедентной для цивилизованного мира практикой неплатежей за выполненную, сделанную работу? Даже западные наблюдатели, при всей их приверженности к рынку и демократии, не могут найти объяснение феномену русского долготерпения, хотя именно оно, видимо, и является почвой и источником возникновения русского бунта — «бессмысленного и беспощадного» (А.С.Пушкин).

Но мы, русские, вместо того, чтобы задуматься о собственной самости, своей гражданственности и национальном достоинстве, о том, чего, собственно, сами хотим, можем и должны, упорно продолжаем искать нити международных «заговоров», ссылаться на происки «жидомасонов», искать «чеченские» и другие «следы», подозревать в неблаговидных помыслах и делах подряд всех «лиц кавказской национальности». До недавнего времени я внутренне не принимал расхожий в научных кругах тезис поиска русскими своей идентичности, полагая, что мы эту идентичность или национальный характер давно уже выработали и обрели. И потому постоянно внутренне, на уровне культуры сопротивляемся всяческим новациям и переменам — то перестройке, критикуя ее «прорабов» за нерешительность и медлительность, то либеральным реформам, ужаснувшимся нас своими шоковыми результатами и последствиями. Защищая русскую ментальность, я вместе с тем вижу многие ее вывихи и перекосы, в частности склонность к радикализму (и «левому, и «пра-

вому»), излишнюю восприимчивость к модным веяниям, чрезмерную осторожность, даже недоверие к положительному опыту других народов и культур, и, одновременно, всеядное поглощение наихудших привычек и образцов. Относя все это на счет «всемирной отзывчивости» русского характера и образа мышления, разудалости, не знающей удержу, природы русского человека. И потому писал в эти последние годы «О пользе консерватизма», участвовал в разработке «Центристского проекта для России» и т.д.

Но сейчас, под впечатлением и давлением многих парадоксов российского сознания и поведения, я готов признаться, что я не понимаю, значит — не знаю, что же такое «русский характер», во что он верует и на что надеется, позволяя стране и самому себе опускаться все ниже и ниже, вплоть до, увы, реальной угрозы самоистребления и самоисчезновения. Никогда не разделяя позиций ни благонамеренного, ни просвещенного патриотизма, считая любовь к своему отечеству совершенно естественным чувством любого нормального человека, я вдруг почувствовал острейшую потребность разобраться в том, кто мы такие — русские, в чем реально выражается (на деле сказывается!) наша любовь к собственной стране и на что мы готовы — умом и поступком, чтобы защитить и сохранить дорогие нам ценности и завоевания, которые, что бы там ни говорили, породили великую страну, великую культуру и великий народ.

В.Л.Махнач

Когда я рассказал одному своему старому другу, тоже гуманистарию, о том, каков будет «круглый стол», где я должен выступить, он сказал: своевременный вопрос, но на него может быть однозначный ответ: разумеется, Россия русским не нужна, они это продемонстрировали в 1917 году. По-моему, он имел право на подобное, пусть полусерьезное, утверждение в качестве посылки. Хотя, думается, это не совсем так. Потому что последующие 80 лет показали различные повороты темы, и иногда начинало казаться, что нужна. Банальных примеров приводить не буду, они мне еще понадобятся — мне сегодня понадобится вторая мировая война.

Я попробую представить свой взгляд на этот вопрос следующим образом. Инстинкт, созидающий государство, стереотипы государствообразующие никуда у русских не девались. Они — русские — сформировались как государственники хотя бы пото-

му, что этнически формировались в сверхплотной ситуации — в ситуации XIII века: враждебных границ со всех сторон и иноземных вторжений со всех направлений. Столь плотная ситуация уже определяет такие стереотипы. Даже если не разделять позиции Л.Н.Гумилева по данному вопросу, все равно далеко не уйти от XIII века. Ну, пусть XII и даже XI век, потому что сейчас все мои коллеги согласны, что по крайней мере в первом тысячелетии нашей эры славяне составляли единый этнос. А раз единый, то никаких русских еще нет.

Так вот, государствообразующий инстинкт русским присущ всем, а великороссам чрезвычайно, он и виной тому, что можно поставить — и с правом поставить, основной вопрос сегодняшнего «круглого стола». Русским мешает этатизм. Но я полагаю, что с каждым годом все меньше и меньше, потому что этатизм убывает, этатизм вымывается.

Я не смотрю сквозь розовые стекла на историю Российской империи. Мне доводилось печатно упрекнуть Санкт-Петербургское имперское правительство в том, что оно злоупотребляло доверием стержневого, господствующего народа. Особенно это заметно в XVIII веке, когда армия Российской империи была исключительно русской, а пехота, к тому же, и великорусской, малороссы попадают на флот и в кавалерию, а основной массив крепостного, то есть интенсивно эксплуатируемого крестьянского населения, — тоже великороссы. XIX век смягчил ситуацию, но не компенсировал положение. Хотя вполне справедливо считать, что если кто-то больше сражается и больше проливает кровь, то иные народности должны больше пахать в прямом и во всех переносных смыслах слова: нести воинские налоги или что-то в этом духе. То есть злоупотребления я вижу в поведении Санкт-Петербургского режима. И они были возможны только благодаря развитому русскому этатизму — империя была **своей**, государство было **свое**, самоидентификация совершалась именно с государственной структурой. Государство это поддерживало не самым бездарным способом. Во всяком случае гораздо эффективнее, чем любое советское правительство.

Но дистанция между имперской государственностью и русской нацией начала увеличиваться. Не было бы этого, думаю, невозможна была бы и революция.

То есть проблема этатизма снимается жизнью — «*etat, state*» провинилось, «*etat*» вело себя настолько плохо, что демос и вполне складывающееся гражданское общество проявляли недоволь-

ство этим государством. Напомним здесь, что формирование гражданского общества в России было задержано бюрократическим переворотом Петра I.

Что мы получаем в советское время? Мы получаем попытку химеризации 20-х — начала 30-х годов, попытку создать ложно-этническую общность «советский народ». Только историк XXI века может проанализировать, насколько это удалось, насколько несчастные, топающие ногами на улицах Нарвы, скандируя «Са-вет-ский Са-юз», жертвы химеризации. А грохнули бы кулаком и сказали, что Нарва — русский город, тут же вся прогрессивная общественность недовольно согласилась бы. И первым бы согласилось Эстонское государство, пока не вспомнили, что Юрьев — Тарту — тоже русский.

Это — попытка химеризации, и я думаю, что революция была направлена не просто на разрушение русской культуры, но и на разрушение русского этноса (я осторожнее бы использовал термин «русская нация», ибо мы будем вкладывать разные понятия в термин «нация»), и вовсе не потому, что революцию успешно провели и составили правительство пресловутые «жидомасоны» (хотя, конечно, многовато представителей этого этноса в первых правительствах революционной России). Не в этом дело, а просто русские мешали — надо было расчистить дорогу созданию «советского народа», созданию химеры, и, естественно, господствующий этнос мешал.

Казалось бы, русские могли избавиться от этатизма или по крайней мере минимизировать его, ибо откровенно чужим был коммунистический режим. Но тут наступает война, и я согласен с утверждением И.Л. Солоневича: в первой своей книге «Россия в концлагере» (1935 года) он пишет, что как только начнется более или менее крупная война, большевиков и комсомольский актив перебьют, и с коммунизмом в России будет закончено. Так бы и случилось. Он был в 1935 году прав. А в 1956 году этот же публицист был прав, когда в «Народной монархии» он вспоминал, как предупреждал немецких профессоров: «Вы вызовете народную войну, что вы делаете».

Россия в 40-ые годы проиграла бы войну любой Германии — имперской, монархическо-прусской, республиканско-демократической, даже Германии фашистской проиграла бы войну, а выиграла у Германии нацистской, которая имела **достаточно глупости** вызвать страх русских за собственное этническое существование. Весь процесс освобождения от избыточного этатиз-

ма был утрачен, потерян. Победоносный финал — День Победы, фейерверк, но государство стало почти своим. Почти совсем своим. Для кого-то оно оставалось не своим, но это было уже меньшинство и общества, и населения. И русские остались в подвешенном состоянии. Этатизм получил подкормку, с этатизмом мы вошли в эпоху Горбачева, и, из этатистской преданности государству исходя, начали пространство этой страны разрушать. Этатизм мешает до сих пор русскому человеку.

Я проверял это в другой ситуации. Напротив меня сидели три видных действующих политика, более или менее национальной, по крайней мере, патриотической ориентации. И когда я сказал одну фразу, было видно, что я открываю для них свет в окошке, хотя я не думал, что над этим можно задумываться. Я сказал, что «вы все время путаете банальные термины, когда, наконец, политики перестанут свободно взаимозаменять понятия «страна» и «государство»? Это же вам **всем** мешает. У них же разные корни, разная этимология, как и в других европейских языках. Один бормочет: «Да, да, это так», вспомнив английский вариант.

Этатизм мешает четкому использованию категории «страна» и «государство», они действительно разные. Но все больше становится людей, которые не говорят «Россия» применительно к Российской Федерации, а говорят «Российская Федерация», «президент Российской Федерации», «правительство Российской Федерации». Это вполне законно и законопослушно. А в самом деле, почему? Государство Российской Федерации не совпадает с территорией **страны** России. Это и не удивительно, так бывало много раз. В XII веке каждое княжество было государством, а Русь воспринималась как единая страна. А сколько было суверенов в Германии в середине прошлого века, до 1870 года, я и не вспомню.

Итак, налицо этатизм, этатистская проблема, этатистская болезнь, этатизм, мешающий твердому пониманию того, что и страна, и тем более нация могут быть расчленены между множеством государств. Да, существует такое государство — Украина, и государство Российская Федерация, которое может иметь с ним двухсторонние отношения. Но такой страны — «Украина» — не существует и никогда не будет существовать, потому что это «окраина России» и называют ее Малороссией, Новороссией.

Все это вызывает вопрос национальной идентификации, проблему национальных границ, проблему этноса и нации, проблему *nation state* — что строим? Четкому объяснению проблем

границ этноса, нации, государства, «национальное государство» или «империя» — мешает пока один-единственный этатизм. Думаю, этатизм преодолевается, и демократическая прививка очень хорошо работает. Слава Богу, мы изучали десять лет принципы гражданского общества. Слава Богу, любой молодой человек сейчас тверд в том мнении, что государство — это обслуживающий персонал общества, а не наоборот. И нам с этого пути уже не свернуть. И это тоже поможет преодолеть этатизм и будет способствовать появлению национальной самоидентификации. А уж насколько это будет уютно и кого при этом обидят, я не знаю, я не смею заглядывать в завтрашний день. Историк на это не имеет права.

Г.Г.Водолазов

Я хотел бы сосредоточиться на вопросе: «Парадоксы современного российского сознания и поведения» — в рамках подхода, намеченного Валентином Ивановичем в его вступительном слове.

Начать я хочу вот с чего. Всегда, когда на тебя накатывают тяжелые жизненные обстоятельства, встает гамлетовский вопрос: смириться под ударами судьбы иль надо оказать сопротивление? Ответ на него важен, в частности, и потому, что нам хорошо известны позиции различных фракций современной политической элиты, а вот позиции широких слоев российских граждан, социальных низов мало занимают воображение наших ведущих аналитиков. Итак, как же наше общество, наш народ отвечает на этот вопрос — смириться иль оказать сопротивление? И есть ли смысл в сопротивлении? И есть ли силы для него?

Создается впечатление (и Валентин Иванович об этом говорил), что народ как будто бы смирился. Он молчит. (Хотя в скобочках замечу, что в 1991 году он не молчал.) Тогда миллионы выходили на площади, на защиту Белого дома, на митинги и демонстрации. То есть он не всегда молчал, не всегда смирялся. Но сейчас, действительно, он как будто бы молчит, как будто бы смирился.

И вот передо мной этот вопрос — что означает это молчание? Как повлияет оно на жизнь общества? Ожидать ли, в силу этого молчания, следующих, и все более увесистых, ударов судьбы? Некоторые деликатно говорят (например, Андраник Мигранян, если я его правильно понял), что народ не созрел, что народ своей отсталостью, неразвитостью лимитирует историчес-

кое развитие, лимитирует ту деятельность по историческому прогрессу, которую ведет «далеко продвинутая» интеллигенция. А если выразаться неделикатно (как это случается, например, с Валерией Новодворской и Константином Боровым), то можно договориться и до того, что народ — быдло, стадо, и поэтому он молчит, что он мычать только и может. Отсюда с необходимостью возникает идея: неплохо бы иметь авторитарных деятелей, «пастухов» той или иной ориентации, которые бы повели это стадо «куда надо».

У меня другое представление обо всем этом. Забегая вперед, сделаю некоторые выводы, а потом попытаюсь их обосновать. Во-первых, думаю, что нынешнее молчание народа — это очень содержательное молчание, это не пустота. Массовое сознание (имею в виду общественное массовое сознание низовых структур народа, гражданского общества) продвинулось, на мой взгляд, максимально возможно на сегодняшний день — настолько, насколько может продвинуться непрофессиональное сознание. И второе. Незрелой, не выполняющей свои функции, своего назначения внутри общества силой, ограничивающей и лимитирующей развитие общества, является как раз интеллигенция — гуманитарная интеллигенция и, в особенности, та ее часть, которая именуется теоретической интеллигенцией, т.е. — размышляющей над проблемами общественного развития.

Первый вопрос: почему молчит народ, в чем содержательность этого молчания?

Мне кажется, что в основе этого молчания ясное понимание (или скорее — ясное ощущение) того исторического тупика, в который зашло наше общество. Ни прежний социализм, ни нынешняя так называемая либеральная демократия не принимаются сегодняшними россиянами. И не ясно, с другой стороны, что может быть вместо этого. 1991 год. Миллионы поднимались на активные действия потому, что тогда была надежда, что вместо рухнувшей парадигмы социалистического типа нас спасет демократическая (либеральная). А сейчас рухнули обе исторические парадигмы — и прежняя, и нынешняя. И неясно, что дальше. И возникла ситуация — приостановиться, подумать, помолчать, поразмыслить, куда же двинуться дальше. Надо сказать, что в этом молчании идет содержательная работа массовой мысли, вырабатывается и оттачивается отношение к содержанию исторических парадигм и поиск выхода из них.

Я опираюсь на данные опроса, который проводил Фонд Эберта и социологический институт, возглавляемый Михаилом Горшковым. В моем кратком сообщении, естественно, невозможно привести все цифры и, кроме того, я понимаю, конечно, всю ограниченность подобных опросов. Но все-таки это некоторая эмпирия, образ реальности, а не абстрактно-кабинетные гипотезы.

Вот опросы, касающиеся сопоставления трех политических режимов: сталинского, брежневского и ельцинского. Опрос по 28 параметрам.

Общее первое место занял брежневский режим: по 17 позициям он поставлен на первое место, по 10 — на второе, и только по одной — он на третьем месте. На втором месте сталинский режим: 8 первых мест, 12 вторых, 8 третьих. На последнем месте — с огромным отрывом — современный режим: 3 первых места, 12 вторых и 19 последних мест.

Казалось бы, какой вывод должно сделать из этого? Вроде бы такой: вернемся к брежневскому режиму, или хотя бы к сталинскому. Но вот что любопытно: такого вывода опрашиваемые не делают. Почему? Посмотрите, какие недостатки фиксируют у сталинского и брежневского режимов.

Сталинский режим на последнем месте по следующим позициям: первая — общество живет в страхе («господство страха» — 70 процентов россиян говорят об этом), вторая — отсутствие доверия между людьми (лишь 5,3 процента говорят, что доверие между людьми тогда было); третья — отсутствие гражданских и политических свобод (о существовании в те поры этих свобод говорят лишь 1,7 процента).

Всего три последних места. Но каких! Чего стоят все его «первые места» — «авторитет в мире», «любовь к отечеству», «быстрое экономическое развитие», «дисциплина и порядок», «наличие идеалов», если приходится жить в атмосфере «страха», отсутствия доверия между людьми, политических и гражданских свобод!

И в другом опросе — был вопрос: «Можно ли оправдать сталинизм?». «Нельзя!» — так ответили 75,6 процента молодых людей (от 16 до 24 лет) и 53 процента граждан старшего поколения. А если взять в целом — 64 процента россиян ответили, что «нельзя оправдать сталинизм». Поэтому тяги к сталинизму в современном массовом сознании россиян нет. Сейчас плохо, но к сталинизму — ни за что!

Брежневщина только по одному параметру на последнем месте — «всевластие бюрократии» (60 процентов опрошенных об этом говорит). Отмечаются «плюсы» — «социальная защищенность» (1 место с большим отрывом), «жизнерадостность» (*смех в зале*), «доверие между людьми», «успехи в образовании», «успехи в науке и технике», «мощная промышленность». Но при этом — «всевластие бюрократии» и, следовательно, человек отчужден от всех этих достоинств.

Достоинств (первых мест) нынешнего режима только три, но зато какие! Первое: гражданские и политические свободы (причем, с каким отрывом!) — об этом говорят 71,7 процента (при Сталине — лишь 1,7; при Брежневе — 5,15). Второе: уважение к православной церкви, по сути дела — к свободе совести (при Сталине — 1,9; при Брежневе — 3,5; сейчас — 32,4 процента россиян считают, что это есть). Третье: возможность стать богатым человеком. Здесь разные могут быть подходы и оттенки, но здесь есть и оттенок возможности экономической инициативы, деятельности, активности. При Сталине наличие такой возможности видели лишь 0,7 процента россиян, т.е. это было общество всеобщей бедности; при Брежневе — 5,8 процента.

И вот общий итог: нынешний режим неприемлем, по большинству параметров он на последнем историческом месте. Но люди не хотят и в прошлое, и поясняют, почему. Т.е. это **осознанное** неприятие, это **осознание** плюсов и минусов систем и **понимание**, что плюсы этих систем и минусы взаимосвязаны и друг друга порождают. Это один из моментов **содержательности молчания**. Как и куда выходить из этой ситуации? Здесь большой ясности нет. Но проблемы в массовом сознании поставлены, ограничители указаны, чего хотят, чего не хотят россияне в целом, тоже указано.

Моя убежденность в содержательности молчания увеличивается еще больше, когда я вижу, каким видится массовому сознанию основное противоречие современного российского общества и в каком направлении ищет массовое сознание выход из нынешнего положения — и в сфере социально-экономической, и в сфере политической.

Опросы ясно показывают, в чем видят россияне суть главного социально-экономического антагонизма в российском обществе. Это — противостояние богатства олигархии и нищеты громадного большинства граждан. Что делать, как двигаться к

устранению этого антагонизма? Ответы — смутные, с противоречиями и парадоксами, но теоретическое сознание может выявить в этих ответах нечто важное и существенное.

Вот один из массовых ответов: государство должно обеспечивать каждую семью минимумом доходов (за это выступает 86%). Это почти брежневско-сталинская постановка вопроса: государство должно обеспечивать каждую семью определенным уровнем доходов. Но вместе с тем (вот парадокс этого сознания!) в другом месте опрашиваемые склоняются к тому, что «каждый человек должен сам заботиться о материальном обеспечении семьи, не надеясь на государство» (за это выступает 50,3%, т.е. за рыночный вариант, причем идеально рыночный: невмешательство государства!). Иначе говоря, в сознании **одних и тех же людей** присутствуют две эти идеи, две парадигмы: государство должно вмешиваться в экономическую жизнь и не должно этого делать! Такое же и отношение к государственному и частному сектору. И если взять всю массу ответов на этот вопрос, то вектор массового сознания все-таки вот каков: рыночная экономика плюс сильное социальное государство, регулирующее имеющиеся рыночные отношения.

А теперь — о политической сфере. Когда говорится о «регулирующей роли государства», то упускается — и в массовом сознании, и в теоретическом — один очень важный аспект. Часто говорят, что основной тезис третьей силы (на прошлых выборах — Лебедь, Федоров, Явлинский) — **социально-рыночная экономика**. И вопрошают при этом: но почему они не соединяются? Полагают чаще всего, что дело в амбициях политиков. Нет, не в этом, в первую очередь, дело. А в том, что у них **разные государства**. Нечасто задают вопрос, о регулирующей роли **какого** государства идет речь? Потому что ельцинско-чубайсовское государство — это тоже регулирующий инструмент. И регулировали они и приватизацию с ваучеризацией, и ГКО, и потому главным является вопрос — о **каком** государстве идет речь и как строить и двигаться к этому государству?

О каком же государстве мечтает массовое сознание? Главная беда нынешнего государства, по мнению опрашиваемых, — это отчуждение массы народа от политических структур, политических партий, инструментов и т.д. На вопрос, кто препятствует развитию общества, экономики, политики, культуры, отвечают так: препятствуют президент, правительство, Госдума и наиболее известные политические партии. А — «способствуют»? — Рабочие,

крестьяне, интеллигенция, предприниматели и т.д. Можно сделать вывод, что в массовом сознании совершенно ясно присутствует мысль, что главным политическим противоречием современного общества является противоречие политической «элиты» и «низовой демократии», низовых структур, граждан России. Не противоречия внутри элиты, не противостояние коммунистической и либеральной парадигм. Нет, это все игры внутри **единой** политической элиты, в целом противостоящей российскому обществу, российскому народу. Социально-классовая общность интересов «элиты» легко выявляется, когда речь заходит о статусе депутатов, об их привилегиях. Налицо отрыв всей «элиты» от общества в целом. Назначение теоретика-профессионала — развеять мифы, сочиненные различными фракциями «элиты» о самих себе. Например, миф о КПРФ как о партии интернациональной, партии угнетенных и обездоленных, партии социалистической идеи. Ни первое, ни второе, ни третье не свойственно этой организации. Никакие они не обездоленные и не угнетенные, даже визуально не похожи они на представителей «мира голодных и рабов» — ни Купцов, ни Зюганов, ни Макашов. Это — «сытые» и «господа». Поэтому так легко они в этой элите вращаются.

И «демократы» — это совсем не демократы. Не похожи они на демократов — и по политике своей, и по образу жизни. Только припомнить: Мостовой, Чубайс, Кох, Дубинин и т.д. — с их невероятно высокими «зарплатами» и «доходами». Когда у Герашенко сегодня спрашивают, почему такие огромные зарплаты в государственном банке, он отвечает, что, например, в Германии платят банкирам больше, чем канцлеру. Но в Германии, г-н Герашенко, и профессору платят не меньше, чем канцлеру. Что-то вы об ученых не слишком печетесь.

Вывод, который я должен сделать. Эвальд Ильенков любил приводить один примерчик из опытов Павлова. Когда у собаки отрабатывали рефлекс на выделение слюны, ей показывали ровненький круг — и у нее выделялась слюна для приема пищи. Потом этот круг на глазах у собаки начинали потихоньку вращать, и он начинал превращаться в эллипс. И здесь происходила сшибка рефлексов: вначале — истерия, а потом — тупая апатия. На протяжении одного поколения у нас два этих круга (социалистическая идея и демократическая идея) превращались на глазах в нечто прямо противоположное. Но в отличие от павловской собаки человек — существо, одаренное сознанием, способен разрешать подобные противоречия, не впадая ни в истерику, ни в апатию.

Мне кажется, что приведенные мной данные говорят о том, что российское общество готово к сопротивлению, и оно ищет ответ на вопрос — как это сделать наиболее эффективным образом. Я думаю только, что наша теоретическая мысль отстает от запросов гражданского общества. Хотя общее направление ответа на этот вопрос выяснено в лучших работах наших теоретиков: это идеи конвергенции демократическо-социалистических и демократическо-либеральных идей, их соединение в том синтезе, начало которому было положено, в частности, в теории и первых годах практики НЭПа.

А.И.Уткин

Я хотел бы сказать, что XX век для патриотов — самый трагический век, но, возможно, он — самый интересный для историков. И когда мы говорим о том, нужна ли Россия русским, необходимо помнить, что дважды в этом столетии большая Россия исчезала. В 1918 году абсолютно исчезла большая Россия, и в 1991 году. И в обоих случаях она погибла, она исчезла по одной простой причине — ее никто не любил. Ее не любили два слоя, которые существовали и в 18-м году и которые существуют сейчас, в 90-ые годы. Эти два слоя любили «свою» Россию — революционеры, модернизаторы в 18-м году любили *Россию европейскую*, любили петербургскую Россию, и ради нее начала гражданскую войну.

Основная масса населения не любила свою страну потому, что ее корежили, она не любила Россию, которую ей навязывали; она не понимала, почему столица находится в гнилом Петербурге, а не в Москве. Они любили Россию *традиционную*, которая исчезала. И это повторилось, с моей точки зрения, в 91-м году. Две России — основная масса населения и демократическая Россия — не любили свою страну. Не любили ее по простой причине, потому что они любили вымышленную. Одна сторона не понимала, почему корежат ее сознание и население воспринимается как второсортное, а другая сторона не понимала, как можно жить в этой стране. И когда по улицам нашего города гуляли Горбачев с Шеварднадзе, то мотив их сокровенных бесед был один и тот же: так дальше жить нельзя.

Случилось так, что русские люди постоянно говорили: так дальше жить нельзя, имея в виду разное. Верхние слои говорили, что так дальше жить нельзя в немодернизированной стране;

основная масса населения говорила, что так дальше жить нельзя, потому что она воспринимала модернизационное насилие как приемлемое для Отечественной войны, приемлемое для первой пятилетки, но никак не приемлемое как постоянное состояние жизни.

И в этом причина того, что Россия оказалась не нужной русским. Она оказалась ненужной русским, потому что никто не любил реальную Россию, ту самую. Россию, которая от океана до океана пытается догнать Запад, живет этой идеей три столетия. Разделить государство на 15 частей (или на 30, как в 18-м году), отдать среднеевропейские территории России Германии, только бы сохранить свою Россию в двух столицах – это и послужило причиной того, что мы сегодня обсуждаем вопрос: нужна ли Россия русским? Как оказалось, она не нужна как таковая, что мечтали об идеальной стране. В этом – самая большая трагедия русской истории – идеальное восприятие страны, что во многом не понятно рациональным людям. Попробуйте объяснить немцам или шведам, англичанам, что такое идеальное состояние и чем хуже нынешнее?

Великая беда правящего слоя Россия в том, что существует своего рода восторг, какой-то карнавализм в том, чтобы показать свое презрение к собственному народу. Вы не найдете этого ни на Западе, ни на Востоке. В опричнине Ивана Грозного лисьи хвосты и волчьи головы – это сознательное утрирование, показ того, что население, народ недостойн уважительного управления. И это идет сплошным потоком по русской истории. Обрезание бород, одевание камзолов на мужиков (я имею в виду – армейских мундиров на русскую армию 1700 года). Это стремление надеть кожанки в 19-м году. Это постоянное выпячивание, удивительный показ, не стремление спрятать куда-то, а потрясающее желание верхов показать, насколько недостойна основная масса населения быть русскими, быть гражданами или подданными страны. Особенность русской истории – постоянный эпатаж основной массы населения. К сожалению, это свойственно правящим кругам России.

Третье, что мне хотелось бы сказать сегодня, это то, что, к сожалению, именно Россия дала миру выражение «Потемкинские деревни». Кто, где еще найдет такой пример. Зачем немке Екатерине Великой в письмах Вольтеру было писать, что русские мужики предпочитают курицу, но иногда они едят индеек. Не было никакого резона лгать великому философу, которого это абсолютно не интересовало. Но национальная черта – же-

вание приукрасить действительность. Сухомлинов до декабря 14-го года не говорил ни единого слова о том, что в России возможен дефицит снарядов. И только когда снарядов не стало, он объявил об этом представителям Англии и Франции, хотя можно было договориться заранее. Можно приводить бесконечное число примеров, включая нашу эпоху, наше время — перестроенный под непонятный ресторан Кремль, это все Потемкинские деревни. Все это стало частью национального сознания и привело к тому, что мы усомнились в России, которую мы рисуем.

И если она не похожа на наши идеалы, существует ли смысл ее защищать и любить ее? Я хочу сказать только одно, и это мой главный тезис. Когда мы обсуждаем проблему исчезновения большой России и когда мы говорим на тему сохранения большого государства, то прежде всего, с моей точки зрения, надо иметь в виду, что наша особенность в этом мире — мы единственная европейская страна, никогда не завоеванная Западом. И это — единственное наше достоинство. И это — наша самая большая гордость. И об этом никто никогда не говорил. Мы — разделенная страна. В нашей небольшой аудитории любой из вас может сказать десять слов, и сразу будет видно, что это за человек, что ему дорого, является ли он «западником» или, так сказать, «почвенником». И это — основная проблема в России. И потому-то страна, с моей точки зрения, пришла к тому парадоксу, когда задают вопрос, нужна ли она нам самим?

Это обстоятельство, с моей точки зрения, является ключевым. Если же мы будем относиться к России как просто к стране и будем говорить о ней как о государстве огромного масштаба, о европейских тенденциях, мы упустим основное обстоятельство. Что мы любим в этой стране? Не знаю, насколько лирически это звучит, но в начале 30-х годов среди белых, которые испытывали невероятную ностальгию по отношению к России, был проведен конкурс «Опишите свое ностальгическое чувство». И первое место занял совершенно малосвязный рассказ одного генерала, что он видит маленькую железнодорожную станцию, близится вечер, буфет закрывается, и ходит по перрону гимназистка. И этот рассказ получил премию. Это то же самое, что Лермонтов пишет о дыме отечества, о чем угодно. Это необъяснимое чувство, оно либо существует, либо его нет. И мы можем как угодно спорить. Мы можем спорить логически и смотреть, как Петр Чаадаев. Он смотрит на русскую историю как на неверный поворот. Мне представляется, что основное в

трагическом повороте нашей страны — это то, что мы не можем любить реальную, настоящую страну, которая бросилась влонгону Западу триста лет назад, которая не всего достигла, но сумела стать державой мира и которая затем распалась.

А.А.Кара-Мурза

Прежде всего хочу поблагодарить руководство клуба за исключительно удачное сочетание сегодняшних двух ведущих, выражаясь словами Григория Григорьевича, их согласия и несогласия по многим пунктам, весьма содержательного и весьма продвинутого. Несогласия между ними больше, хотя по многим позициям, которые они сейчас перечислили, их взгляды во многом симметричны. На выходе из этой констатации я и попытаюсь сформулировать свой ответ на вопрос нашей сегодняшней дискуссии.

Оба докладчика не приемлют российской бюрократии, идентификации России с чиновничеством. Оба они не приемлют русского варварства и выступают за русскую культуру и цивилизацию. Преимущество отдают среднему классу. Можно перечислять массу других совпадений, но парадокс заключается в том, что сколько бы в России ни создавались теоретические центристские конструкции, они, к сожалению, в России не удерживаются. И тот эллипс, который нам рисовали, тоже не получается, все превращается в «гантели» — асимметричные и с очень узким центром. Мне кажется, что ближайшие выборы нам снова подчеркнут нежелательность российского центризма, а Чубайс и Макашов нас весьма и весьма удивят.

Почему это происходит? Вот где загадка: если мы угадаем, почему, когда выступал Владимир Леонидович, достаточно строго слушал его Григорий Григорьевич, и наоборот, многое прояснилось бы. Мне кажется, если бы они между собой еще и публично поспорили, было бы вообще идеально. Оба они принадлежат к политическому центру. Как я понял, для Владимира Леонидовича самой референтной фигурой все-таки является Солоневич с его идеей белой империи, народной монархии. Вопрос в том, может ли быть империя незтатистской? Для меня это большая загадка. Пока в России всегда получалось наоборот: есть империя этатистская, а если не получается этатизма, то неясно, что ее держит. Добавлю к этому ряду еще ранних славянофилов — антиэтатистов, и в этом смысле низовых либе-

ралов по интенции: свобода в общении, свобода в государстве имперском у Владимира Леонидовича по типу Солоневича—Ильина и социал-демократическая свобода современного типа за счет гражданского общества и среднего класса у Григория Григорьевича. И почему-то в России ни то, ни другое, ни третье не уживаются. Я думаю, если мы выясним, почему это происходит, мы выйдем на проблему, почему русские разрываются между идентификацией с государством, с чиновничеством, иногда путают родину с начальством и почему-то льнут ближе к начальству, а другие любят ту индивидуалистическую свободу, которая полностью отрицает некоторую референтность с нацией, с государством, вообще с общностью. Разрыв того, что Бердяев называл тотальным государством этатистского типа — идентификация с чиновником, с начальником, и идентификации только с самим собой, по своей, в терминах Достоевского, дурацкой воле пожить — вот антиномию тотального нигилизма и анархизма и жесткого, держимордовского государства. Почему не удается как-то полюбить и приобщиться к чему-то третьему, кроме гимназистки на перроне? Я бы тоже предпочел эту гимназистку на перроне, но, к сожалению, жизнь разрывает нас на отрицательные западные идентификации: любая свобода у нас является антигосударственной, и культура у нас, и интеллигенция или общественность антигосударственные, а чиновник и государство, как правило, антикультурные.

Поэтому гимназистки потом бродили уже на других перронах, а разрыв в российской идентичности, на мой взгляд, до сих пор так и остался. Причем договориться не могут даже центристы. Я согласен с Григорием Григорьевичем в том, что весь центризм у нас крайне разный. Все хотят чего-то среднего, золотую середину, как в гоголевской «Женитьбе», где Агафья Тихоновна пыталась соединить все лучшее в одном образе, но известно, что из этого получилось.

Ю.М.Бородай

Я вернусь к названию — вопросу темы, обозначенной странным образом: «Нужна ли русским Россия?». Для меня здесь нет проблемы: думаю, что русским Россия нужна, для меня это аксиома. Я, русский, может быть, России и не нужен, но мне Россия нужна, независимо от того, где я окажусь, где и как я буду жить, с большим счетом или без всякого счета.

Какая Россия мне нужна? Тут на некоторые размышления меня навел В.Л.Махнач. Бог его знает, какая Россия мне нужна. Для разных русских не так-то просто этот вопрос разрешить. Мне, наверное, нужна очень разная Россия: и московская Россия, и моя старая ташкентская Россия, или, скажем, Россия сан-францискской русской общины, которая, говорят, по сей день забавляется тем, что забивает гвоздики в полуразрушенном форте Рос, построенном на месте Сан-Франциско первопроходцами, и видят в этом значительную часть смысла своей жизни. Это все очень разные общности, но все они — тоже Россия, какая мне нужна. Для других Россия просто не представима без того, против чего протестовал как раз В.Л.Махнач, т.е. без элемента этатизма. И в этом тоже есть смысл, и я, грешен, тоже этому подвержен.

Опять же вопрос — есть ли у русских инстинкт государственности. Для меня он давно решен. Русский народ по природе своей государственник. Много можно было бы говорить по этому поводу, но времени нет. Так сложилось — инстинкт государственности у него в крови. Более того, я думаю, что если Россия не будет существовать в качестве какого-то государственного организованного целого, то и о русских вряд ли можно вообще будет говорить. Просто русские так сложились — как нациообразующий и государствообразующий стержень.

Я понимаю, о чем идет речь, когда вы проводите различие между государством и страной, и вижу в этом большой смысл. Но для меня совершенно неочевиден ответ на вопрос: а может ли страна существовать без государства? При этом я совершенно ясно могу представлять себе, что границы страны или национальные границы и государственные границы могут не совпадать. Я об этом когда-то писал. Это разные вещи — государственные границы и национальные границы. Чаше всего они не совпадают. Но когда мы рассуждаем об этом, надо помнить, и нас предупреждали, что не стоит злоупотреблять терминами, выясняя, где там нация. Мне во всяком случае ясно, что русские давно уже не этнос. Евреи — этнос, они могут жить в диаспоре сколько угодно, для них государство Израиль в какой-то степени очень важная вещь, но не принципиально существенная. Для России все-таки это не так. И если не будет Российского государства, российской государственности, я так думаю, что для многих русских жизнь вообще потеряет смысл не просто как для какого-то экзистенциального существа, а для впол-

не определенного существа со своими какими-то, не важно, архаическими, культовыми особенностями и традициями. Здесь очень многое еще неясно.

Разумеется, русским Россия нужна, разумеется. Весь вопрос заключается в том, что понимать под Россией — русский народ? Ну, уж простите, люблю ли я русский народ? Бог его знает, наверное не очень.

В.И.Толстых

Сейчас это модно. Зиновьев говорит, что не любит.

Ю.М.Бородай

Дело не в том, модно или немодно. У меня уже своя старая, сложившаяся система представлений. Народ измеряют не по массе его, не по телу. Тело может быть сплошь состоящее из язв смердящих. Народ измеряют не по массе, а по единицам праведников. Народ кончается тогда, когда будет распят последний русский праведник, или не распят, потому что распятие тоже может быть своего рода приметой. Это уже особая история, когда сойдет на нет последний русский праведник. Все дело в типе русской праведности. Поясню свою мысль — это так же, как высоту культуры измеряем. Культура в конечном счете состоит из массы различных вещей, под ней подразумевают и музыкальные, и литературные вещи и т.д. Большая часть ценностей — средняя, но культуру меряют по самым высоким ее проявлениям, по наивысшим. То же самое, если угодно, и с народом, с тем, что мы называем Россией.

Россия для меня — это не нечто существующее как некоторая материальная данность, в той или иной степени это духовная парадигма. Есть она или нет — это другое дело. И говорить в этом смысле о России, которая нужна русским, так или иначе, с моей точки зрения, значит говорить о так называемой русской идее и о том, есть ли она вообще как нечто определенное.

Стержнем духовной русской парадигмы является специфическое русское православие. Если коротко говорить о специфике русского православия, то, наверное, оно в наибольшей степени сохранило проповедь Иисуса Христа. А христианство — очень серьезная вещь в том смысле, что в какой-то степени, в

значительной степени оно антикультово. Любой народ существует до тех пор, пока срабатывает механизм идентификации. И так живет 99 и сколько-то десятых процента населения. Принципы, образцы идентификации всегда задаются извне. Неважно, каким образом – через церковь, сегодня через телевидение, – это не имеет значения. Другое дело, что идентификация всегда предполагает какой-то элемент культовости, соборного сознания.

В.Л.Махнач

Никак не могу промолчать по двум причинам. Во-первых, проблема самоидентификации – культурная. Конечно, эта проблема стояла в начале XIX века, но она была решена в конце XIX, до А.Дж.Тойнби все образованные русские люди поняли, что мы принадлежим к «греко-славянскому» или восточно-христианскому миру. Даже для Владимира Соловьева – это уже данность. И это связано с другим.

Я согласен с вами, когда вы утверждаете, что русские – христиане православные, очень глубокие. Только, видите ли, в чем тут дело. Христос сказал весьма замечательную фразу: «На час сей я призван в этот мир» не перед Нагорной проповедью, а перед Тайной вечерей. Он не учение основал. Он основал церковь. И русские – христиане не потому, что они следуют или не следуют нормам христианства, это третьестепенно, а потому что они в храм ходят. Я помню, в конце 70-х годов здесь храмы были полны, а в Тбилиси – пусты, хотя все грузины были крещены, многие венчаны, но в церковь не ходили, не участвовали они в богослужении. А русские участвуют. Сейчас церковью в Москве стало в десять раз больше – 400 вместо 40, и они полны.

А.Г.Бурганов

Я попробую с ходу ответить на поставленный вопрос: такая Россия сегодня русским не нужна, в чем я глубоко убежден. Я вас, господа философы, хочу опустить на землю. Российское государство воспитало народ в качестве воина, чтобы по первому зову можно было создать любую армию и идти на завоевания. С этим я связываю, что русский народ никогда не был собственником земли. И потому русский человек уже много веков очень динамичен, как перекасти-поле. Где только русского человека нет?

Я исследовал свой родной край в Татарстане. Есть там русская деревня, татарская деревня, чувашаи, мордва вперемешку, есть уголки, про которые не скажешь, что только татарское окружение. Я обратил внимание на то, что татарская деревня как деревня – красивая, ухоженная, подметенная, с пчелами, с фруктовыми садами и т.д.; в русской деревне и дома как амбары, очень много окон крест-накрест забито (правда, сейчас возвращаются), по улице ходит черно-белая свинья грязная. Одним словом, русской деревни за последние годы не стало. Я думал, может быть, это связано с тем, что русский человек не окружен своей родной стихией? Нет, это отпадает. Может быть, дело в православной религии? Нет. Есть крещеные татары. Крещеная татарская деревня и обычная мусульманская татарская деревня на одинаковом уровне по благополучию. Так что и религия тут не играет решающей роли, хотя, конечно, какую-то роль играет.

Я пришел к выводу – все дело в том, что русский человек на своей земле не пускает корни. Оттого такое легкое отношение к русским людям, которые остаются везде. Одним росчерком пера в Беловежской пушке 25-30 миллионов оставили где-то, Бог с вами, как хотите, так и живите. Почему-то русский человек запросто расстаётся со своей родиной. В этой связи я хотел бы вспомнить одно замечательное высказывание Петра Струве: «Отечество как собственность». До тех пор, пока каждый русский человек не будет собственником своей родной земли, это безобразие будет продолжаться и дальше. Причем у Струве есть очень интересное суждение об интеллигенции насчет того, откуда у нее произрастает государственное отщепенство, и каким образом это можно преодолеть. И эта проблема тоже связывается с проблемой собственности.

Когда государство – монстр, эксплуататор, когда в роли господствующего класса в России уже в течение многих веков выступает бюрократия, в стране нет хозяев. Ведь фактически и дворяне никогда не были хозяевами, даже у дворян частная собственность на землю, например, вплоть до 1917 года в ряде случаев была общей, как у общины. Даже они не были настоящими хозяевами, а уж о крестьянах не будем и говорить. В советский период всех превратили в пролетариев, лишив собственности и ликвидировав крестьянство как класс. И в результате мы имеем в качестве хозяина страны лжехозяина, потому что бюрократия, которая у нас властвует, глупа по определению.

Мне кажется, когда мы говорим о том, нужна ли Россия не только русским, но и татарам, поскольку вместе живем, и другим народам, — своя родина нужна тогда, когда ты в ней пустил корни, когда ты на ней хозяин, у тебя есть собственность и прежде всего земля. А если ты перекаати-поле, если ты всю жизнь ходишь с протянутой рукой: дай тебе ясли, дай тебе сад, дай школу, дай поликлинику и потом дай два аршина земли, которые тебе тоже, смотря где, дадут, — в этих условиях человек, живущий в этой стране, не может любить свою страну, за исключением, может быть, очень ограниченного круга бесребренников, людей — от природы патриотов.

И.А. Михайлов

Сегодняшняя ситуация в России была детерминирована всем ходом развития нынешнего века. В том числе и апатия — то, что народ безмолвствует. Все было определено с начала века, с 1904 года: русско-японская война, революция, первая мировая война, еще одна революция, еще одна революция, далее эксперимент — Троцкий, Сталин, Ленин, 1991 год и очередной эксперимент, вакханалия. В этой связи ни одна нация, за исключением только такой гигантской нации, как российская, не могла бы, наверное, перенести такие колоссальные эксперименты, которые произошли в XX веке. Давайте вдумаемся. Только ГУЛаг и вуйны унесли от 40 до 60 миллионов человеческих жизней. Существует понятие «ресурсы нации». Так вот, ресурсов оставалось после каждого эксперимента все меньше и меньше, и в результате сегодня мы имеем Россию уровня границ XVIII века, а ресурсы нации исчерпаны почти до конца.

Теперь, что касается 1991 года. Конечно, Советский Союз, большая Россия была беременна реформами. Естественно, эти реформы ждал народ, который выходил на площади, на манифестации. Но вдумайтесь: дети, родившиеся в 1991 году, уже пошли в школу, а нам говорят сегодня: реформы были неудачными или вообще их не было и нужны новые реформы. Нужны новые реформы — нам говорят уже четко и ясно, а сил на это уже ни у кого нет. Консолидации общества нет, Россия ослаблена во всех мыслимых и немыслимых областях деятельности государства.

Теперь далее. За пределами России живут примерно от 25 до 35 миллионов русских. Вы много видели, чтобы прежние русские проявили внимание к своей прародине, приехали сюда и стали сотрудничать? Ничего подобного. На Россию сегодняшнюю экстраполируется отношение, которое было к Советскому Союзу.

Сейчас вышла книга Бжезинского «Великая шахматная доска». В ней откровенно сказано о том, как ждали обновленную, реформистскую Россию на Западе, как к ней относились и как будут к ней относиться в ближайшее время. Я к тому, что Россию никто не ждал — реформистскую или нереформистскую — в том западном сообществе, в которое мы сегодня устремились.

Второй существенный момент. Мне кажется, нынешний итог, к которому мы пришли, — то, что я бы назвал крушением или катастрофой цивилизации, которая у нас была, — делался и нами самими — и нашим непониманием или плохим пониманием того, что происходило в России, и удивительно консолидированным западным сообществом, для которого сильная Россия никогда не была нужна, особенно для Соединенных Штатов. Это все очевидно, книга Бжезинского как раз об этом. Фактически Россия оказалась между молотом и наковальней в этих гигантских экспериментах, которые длились весь век.

Я еще раз хочу повторить свой вопрос: мог ли другой народ вынести все эти эксперименты? Ведь из огня да в полымя весь век русский народ находился. Все лучшее в русском народе сумели уничтожить. Правда, когда я занимался Приднестровьем, будучи представителем Приднестровья в России, я однажды встретился в Молдавии с несколькими политологами, которые кричали, что русский народ темный, пьяница и так далее. Тогда я был вынужден показывать им нашу карту и говорить: пьяный, темный народ не мог бы создать такого государства, и это был один из самых мощных аргументов. Но сейчас мы имеем то государство, которое имели в XVII веке, и не исключена ситуация, что с помощью нашего калмыцкого друга, а может быть, найдутся и другие, мы будем еще более ужиматься, как та самая шагреновая кожа. Без национальной идеи, без общих национальных идей и процессов, которые необходимы, нам из этого хаоса не выйти. Бисмарк говорил: самый короткий путь из хаоса — через диктатуру. И это тоже нам нужно помнить. Сейчас у нас две перспективы — или придут новые десантники, которые скажут: упасть и отжаться, или придет кто-то, как Людвиг Эрхард, который скажет: делайте так-то и так-то. Другого выхода у нас нет.

М.В.Масарский

Самая авторитетная, многочисленная международная организация, где членствуют государства, называется — Организация Объединенных Наций. Я понимаю всю дискуссионность понятия «нация», но все-таки уверен, что «нация» много шире

чем «этнос». Нация — это политическое согражданство и вне государства существовать не может. Равно как и граждане не существуют вне государства, а гражданское общество возникает в сопоставлении с правовым государством. Когда мы говорим о парадоксах российского сознания, поведения, то, очевидно, имеются в виду взаимоотношения общества и государства.

Я согласен с пафосом и с теоретическими посылами Ю.М. Бородая, что русский народ по определению (я бы сказал, исторически, изначально) был государственным, поскольку его формировало, лепило по образу и подобию своему боевое (наступательное и оборонительное) русское государство, крепкое, которое постоянно должно быть в походе. Оно гналось за подданными, за налогоплательщиками, за тягловым и служилым сословием, в экспансии народной и государственной катилось до океана, потом встречным валом было остановлено в западном направлении. Но тем не менее империю отгрохали, и государство пухло — народ хирел.

Сегодняшние реалии таковы — децентрализация власти стала фактом, а без власти нет государства. Произошло то, что мы называем сейчас «утрата государством рычагов материального господства и духовного лидерства». Современное Российское государство пытается компенсировать ощутимые для себя потери (потери — в случае приватизации), например, сакрализацией самих правовых процедур. Например, выборы — это главный правоустанавливающий акт. Если раньше мы с трепетом прочитывали решения очередного судьбоносного съезда, то теперь подсчитываем проценты. И легитимация власти совершается таким будничным способом — не маузером, а опусканием бюллетеня.

Государство вроде бы должно с помощью этого слиться с народом, поскольку происходит вторичная сакрализация этого государства под названием «всенародно избранный президент», но почему-то поддержка этого всенародно избранного президента не более одного-двух процентов. И неизвестно, как держится это государство при таком низком рейтинге. А оно держится. И не только инерция политических институтов. Кстати, государство, утрачивая рычаги материального господства и духовного лидерства, обязательно компенсируется за счет институализации. Так вот, за счет этого оно и держится. А также за счет истеблишмента, за счет политических элит, региональных элит, столичной элиты, которые еще не раскололись.

Тут как раз и начинаются парадоксы — отождествляет ли себя с государством большая часть граждан? Здесь надо поставить вопрос, как хитро его поставил Горбачев в 1990 году: «Го-

товы ли вы жить в обновленном Советском Союзе, где будет то-то и то-то очень хорошее» — «Да». А если сказать: «Готовы ли вы на алтарь отечества положить жен и детей, платить налоги 98 процентов от прибавочного продукта, готовы ли вы посылать своих сыновей, «чтобы землю в Гренаде крестьянам отдать», да еще в Анголу по пути завернете?». Я думаю, что большинство населения ответит такому государству — «Нет».

Я согласен с Григорием Григорьевичем, когда он говорит: «Сейчас вновь обострился вопрос экономического «дирижизма», вмешательства государства в прямое хозяйствование, в инфраструктурную часть этого хозяйства». Действительно, современная экономика чрезвычайно инфраструктурная, эта инфраструктура многостоящая. Но какое государство будет вмешиваться? То госплановское, госснабовское, которое мы имели, или государство госкомимущества? Очевидно, это должно быть другое государство. Не государство-собственник, а государство-институция. Государство — совокупность публичных институтов власти, политических институтов, правовых институтов. Т.е. государство вместо доминирования должно перейти к контролю, вместо силового управления — к параметрическому управлению. Это государство отделено от собственности.

Исторически сложилось, что русское государство, в лице государя как собственника рабов и вещей, было собственником территорий. Князья северо-восточной Руси были собственниками территорий, в отличие от вечевых старинных городов, где они должны были договариваться с населением. А владимиросуздалские князья (начиная с Андрея Боголюбского — он совершил этот переворот) вообще ни с кем не должны были договариваться. Они не могли договориться, например, с Ярославом, они взяли и организовали пригород — Владимир. С Суздалем не могли договориться — пожалуйста тебе Боголюбово.

Ныне государство внезапно потеряло материальные рычаги, даже в РАО «Газпром» не имеет государственного пакета акций. И возникает вопрос: «С помощью чего государство собирается управлять экономической деятельностью населения?» С помощью права, с помощью законов? Не силовым, а параметрическим образом.

Конечно, можно пойти по легкому пути, как недавно рявкнул генерал-десантник: «Какая там демократия? Это все навязано, это все от лукавого. Диктатура». Косноязычно об этом говорил и Черномырдин. Да, диктатура возможна — с опорой на

неконкурентную часть населения, на экономически пассивную и политически агрессивную часть населения. Да, им, может быть, и нужна диктатура, они готовы в ответ на заботу о куске хлеба, пайке поступиться свободой. И так не раз бывало в истории. Действительно, можно внушить миллионам, что враги вовсе не чиновники, не лентяи, не лодыри, не свои (славянские) преступники, а инородцы, или НАТО, или кто-то другой. Можно сейчас страну и в боевой лагерь превратить, хотя порох сырой, он шипит, но не загорается. Поэтому даже потеря Дагестана, боюсь, не всколыхнет, и «Великую Кавказскую стену» мы уже готовы строить по перешейку между Черным и Каспийским морями.

Закругляясь, скажу, что сегодня действительно обострились проблемы не национальной идентификации. Еще Короленко говорил: «Ну, я после погромов уже не имею этого отечества, мое отечество — русская литература». У каждого есть возможность себя отождествить с Малой родиной, со своей профессией, с некими символами вроде гимназистки на перроне. Но тем не менее государственность у нас в крови. Сами русские возникли среди славян как дружина, как люди государственных, как люди, которые включали в орбиту государственности людей из самых разных этносов. Как-то я прочитал расклад, сколько было в XVII веке представителей различных других этносов (не великорусских): 25 процентов — западноевропейцы (это в высшем военном сословии, аристократия), 25 процентов — с тюркскими корнями, и славяне тоже где-то 25 процентов, остальные — разные.

Скажу, на чем зиждется мой оптимизм. Если мыотрегулируем новые отношения между правовым государством и гражданским обществом, кстатиговоря, путь к правовому государству более короткий, чем к гражданскому обществу, и у нас государство более правовое, чем общество — гражданское, я все-таки склоняюсь к тому, что государство будет выполнять служебную функцию. Вот Юрий Лужков говорит: «Мы на службе, мы будем служить, и государство на службе». Еще 10-15 лет назад никто из кандидатов, и Ельцин тоже, не ставил так вопрос, чтобы кому-то служить. Государству, великой России весь народ будет служить. Сейчас происходит процесс регионализации государства, политического пространства. Регионалы, вроде Кирсана Илюмжинова, заинтересованы в том, чтобы отхватить себе ресурсы, чтобы взять и овладеть всем газом на Ямале или овладеть алмазами Саха-Якутии, хотя там всего 30 процен-

тов якутов. У них один способ – национальная идентификация. Но по конституции – это предмет совместного ведения, а не принадлежность отдельного субъекта федерации.

К счастью, соотношение ресурсного воспроизводства потенциала такое, что доноров у нас 10, а реципиентов – 70, и неравномерность воспроизводства этого ресурсного потенциала заставляет все-таки укреплять федеральный центр, который должен выполнять распределительные функции. Но кто будет направлять эти трансферты? Их надо сначала взять, а уж потом куда-то направить. Я уверен, что время сепаратизма закончилось. Мы видим одну попытку – неудачную – построить государство. Чечня никак не может построить государство, чечня – это не государствообразующий этнос. Кстати, из десятков тысяч этносов, которые проживают на территории Земли, только несколько сотен сумело построить государство. Русский народ сумел построить могучее государство. Русский народ, таким образом, – государственный по определению, не по этническим своим корням, а по судьбе своей исторической он мог физически выжить, только будучи огражден силой, стенами государства. Но я согласен с докладчиком Григорием Григорьевичем, что мы одновременно должны выстраивать две силы – правовое государство, которое ограничивает беспредел общества, и гражданское общество, которое отпиливает ноги государству, если оно чуть плотнее усаживается на шею этому обществу.

В.Г.Сироткин

Я бы хотел выступить под девизом: бульон отдельно, мухи отдельно. Бульон – это наши докладчики, мухи – это другие. В отличие от некоторых выступающих я, как ни странно, согласен с обоими докладчиками. Единственное, мне хотелось бы уточнить Владимира Леонидовича в одном моменте. Все-таки не случаен конфликт между Западной Европой и Восточной Европой: там нация, здесь народ. Вся история Западной Европы – история наций, каждая нация – это отдельное государство, начиная с французской революции. В России, в Австро-Венгрии и в Османской империи не было понятия нации, национальности. В России до февраля 1917 года Керенский ввел национальность, честь офицера и так далее. До этого было шесть членов: православный, лютеранин, протестант, иудей, мусульманин, буддист. Остальные – иноверцы. Точно так же было в

Австрии, в Священной Римской империи и особенно в Османской империи. И это не случайно, потому что понятие религии в этом смысле было великоросским, малоросским. Так что тут разные пути развития. Мы взяли за образец модель западную, и получилось так, будто мы одели на корову ковбойское седло. Это началось давно — с времен Петра Первого. Это один факт насчет «бульона».

Второй факт. Все-таки еще одно принципиальное отличие. Европа — это противоречие «государство и человек», а в России — «человек и природа». Разница? До Бога высоко, до царя далеко. Русский человек — правильно Ильин писал — не жил никогда, он выживал, боролся с природой. Это очень важный факт, связанный с климатом. Расходы на выживание, на жизнь у нас в 3-4 раза больше, чем в Западной Европе. Я даже написал небольшую статью «Субтропический капитализм и Россия». Мне приходится читать лекции в Сорбонне по русской цивилизации и приходится студентам многое объяснять: они не понимают, что такое сугроб, валенки, шапки, что такое баня, — самых элементарных вещей, они никогда их не видели. Они не знают, что у нас 60 процентов территории — мерзлота и только 13 процентов — плодородные земли. А сейчас еще меньше, потому что отпала Украина, Северный Казахстан и т.д. Нужно представлять реальную ситуацию. Во Франции можно убирать сено 90 дней в году и собирать три урожая минимум. У нас 20 дней — на сенокос, весенний день год кормит и т.д. Это чрезвычайно важно. И никто не хочет обращать внимания на это — ни правые, ни левые. Есть такая работа Пестражевского. Что он предлагал в 1936 году? Не надо осваивать новые площади, давайте сократим пары. 40 процентов площадей в начале века было под парами. Давайте сделаем как в Германии, Франции и Италии — 2 процента. Но у нас другой климат. У нас виноград и апельсины на растут. Мы сажаем картошку. Вот это-то народ понимал, а начальники — никогда. Отсюда постановления ЦК — увеличить урожайность Нечерноземья в 5 раз и т.д.

Еще один очень важный момент — расстояния. Николай Бердяев писал: Русь ушиблена ширью. Я как-то подсчитал: то, что во Франции 10 км, у нас — 100, а в Сибири — 300. Есть разница? В Европе почти нет спальных вагонов — 1-2. Куда ехать-то? Сидя. А у нас попробуй посидеть до Владивостока. А цены растут. Теперь билет до Владивостока стоит дороже, чем в Париж. Потому что расстояния большие. Это все о «бульоне».

Теперь насчет «мух». Что сейчас происходит? Подоплека простая. Нынешнее правительство, загнанное в угол всякими финансовыми делами — мы должны в этом году 3,5 млрд. заплатить и 18 млрд. в следующем. Нет денег. Ведутся переговоры с Западом по поводу наложения ареста на банковские счета. Отсюда и все остальное — Макашов, антисемитизм, теперь уже ФСБ, говорят, что хотят скупить письма и прочее. Главная фигура здесь — Березовский, точно так же, как в начале века был Рубинштейн, который провел несколько комбинаций, что завершилось Февральской революцией. Тоже построили пирамиду, займы; из 10 млн. займов, распространенных во Франции, 6 млн. — липа, «мавродийки» (я в своей книжке все это подробнейшим образом расписал).

Поэтому надо отличать русский вопрос как теоретически вечно-бесконечный вопрос о выживании и существовании, и искусственный вопрос, который возник сейчас в чисто спекулятивных политических интересах узких групп. Как он будет разрешен — не знаю. Все-таки ситуация достаточно сложная, и я скорее пессимист, чем оптимист.

И.К.Пантин

Как и многие выступающие, я принадлежу к т.н. государственнымникам. Однако я по-иному и, главное, в другом контексте осмысливаю роль государства в современной России.

Дело в том, что российское государство с самого начала возникает как жестко централизованная структура, призванная объединить русские (а затем присоединенные к России) земли, превратить суммарное единство в некую целостность с помощью авторитарно-деспотических средств. Раз возникнув как своего рода обруч, стягивающий полиэтничную и поликонфессиональную страну, не дающий ей распасться на составляющие элементы, централизованное государство («центр») постепенно начинает играть по отношению к обществу, регионам страны все более интервенционистскую роль, становится самодовлеющей силой, распоряжающейся жизнью подданных, а затем (в 20-80-х гг. XX века) вообще огосударствует все ранее самостоятельные сферы жизни. В этом же направлении толкал развитие российской государственности и геополитический фактор. Ибо соответствовать ушедшей вперед, особенно в техническом отношении, Европе российское государство могло лишь в том

случае, если оно в лице самодержавия (или тоталитаризма) превращалось в распорядителя всех ресурсов страны – людских и материальных. Лишь становясь *над* обществом, подчиняя его, власть получает возможность соперничать «на равных» с западными (отчасти южными) соседями, принимать активное участие в «концерте европейских держав».

И вот это-то государство столкнулось с необходимостью формирования полномасштабной рыночной экономики. Естественно, что скроенное по совершенно иным, нежели рыночные, меркам оно оказывается неспособным соответствовать новым потребностям общества и страны.

Для меня драматизм сегодняшней ситуации заключается в том, что, с одной стороны, совершается закономерное движение к рынку (мы не минуем, не обогнем рынок), с другой – наблюдается полная неспособность существующих политико-государственных институтов превратить экономический, частный интерес в нечто более цивилизованное, культурное, чем интерес к наживе. Ведь ни капитализма, ни рыночной экономики не существует без определенных правил игры, без соблюдения общественных норм, какой-то морали и т.д. У нас все это отсутствует. Я не очень люблю ссылаться на разного рода классиков, но приведу высказывание М.Вебера, автора «Протестантской этики»: «Безудержная алчность в делах наживы, – писал он, – ни в коей мере не тождественна капитализму, а еще менее его духу. Капитализм идентичен обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае рациональному его регламентированию».

В этой связи возникает вопрос: в отсутствие правил игры, уже выработанных, признанных обществом, в отсутствие моральных сдержек и противовесов и т.д., кто может наш «дикий» рынок привести в нечто социообразующее, в совокупность экономических интересов. Ведь экономический интерес представляет собой нечто большее и более высокое, чем голое стремление к наживе. И формируется он не сразу. На Руси, на мой взгляд, это может сделать только государство, хотим мы того или не хотим, нравится нам это или не нравится. Вот почему я являюсь сторонником государства – «государственником», если использовать современную лексику.

Я согласен с Григорием Водолазовым: сейчас к нам приходит осознание своего рода тупика. «Меньше государства» – кричали либералы в конце 80 – начале 90-х годов. На деле этот лозунг обернулся бессилием власти, рэкетом, мафией и т.д. «Боль-

ше государства» — призывают сегодня коммунисты. Но мы это «уже проходили», что такое «больше государства», нам уже известно. А дело в том, что «ни больше» государства, и «ни меньше» его, не выражает сути момента: нам нужно *иное* государство. Ни либералы, ни коммунисты поэтому не встанут в диапазон проблемы. Вот почему я не согласен ни с коммунистами, ни с либералами.

Мне кажется, что главная наша проблема заключается в том, что административная машина государства слишком крупна, чтобы быть подконтрольной, слишком своевольна, чтобы кому-нибудь подчиняться, она подмяла под себя общество. В этом смысле (и только в этом) действительно возникает вопрос: нужна ли Россия россиянам или нет? Я думаю, что о *такой* России, о *таком* государстве, которое приватизировано отдельными группами и насквозь коррумпировано, многие русские скажут: «Нам она (оно) не нужна(о)».

Я согласен с высказанным мнением, что на Западе на первом плане стоит проблема «человек — государство». В России же огромную роль сверх того играет оппозиция: человек — природа. Целиком согласен. В своих работах я часто возвращаюсь к этому сюжету, чтобы люди поняли наши проблемы.

Но все же главное в современной России — проблема государства. Надо же когда-то начинать переделывать стереотипы деятельности этого государства. Что я имею в виду? Если угодно, новую «сборку» государства. Причем вполне правомерную, вполне осуществимую при данном уровне культуры общества. Я поначалу скептически относился к идее земства, выдвинутой А.И.Солженицыным. А сейчас, когда я убедился, что самоуправления в России нет, государство не заинтересовано в нем, несмотря на все «демократические» указы, законы, высказываюсь за земства. Проблема муниципального самоуправления — это первый камень, который должен быть положен в основание нового государства, которого должно быть не «больше» и не «меньше», а ровно столько, сколько нужно.

Второе — проблема законности, причем прежде всего в отношении соблюдения закона самими властными структурами. У нас первыми нарушителями закона, принципов правового государства являются властные структуры. Милиция, ФСБ, Налоговая полиция это целый сонм начальников, для которых закон не писан, а если писан, но не про них. Здесь царит произвол как в отношении граждан, так и в отношении рядовых сотрудников этих ведомств.

Третье — надо прекратить квазифеодальный торг между центром и регионами. Центр говорит: я тебе дам то-то и то-то, если ты меня поддержишь в том-то и том-то. Но простите, это торги либо между вассалом и феодальным синьором, либо, по-другому, между феодальным синьором (губернатором) и государством. Может быть по сравнению с тоталитаризмом это в каком-то смысле прогресс (все-таки как-то соблюдаются права регионов, субъектов федерации), однако подобного рода процедура не имеет абсолютно никакого отношения к демократии и федерализму.

Четвертое — «сцепка» интересов государства с общенациональными интересами. У нас этой «сцепки» нет. Наверху господствуют сегодня могущественные корпорации, они борются между собой. По телевизору нам доказывают: этот — плохой человек, а этот — хороший, потому что корпорации в одном заинтересованы, другого хотят утопить. Но когда-то государство должно задуматься о национальных интересах, о благе общества, страны.

И пятое, последнее — проблема чиновничества. Я не устаю повторять, что российская проблема — это проблема *всевласти* чиновников. Порок российского чиновничества заключается не просто в коррумпированности, волоките, некомпетентности. Нет. Бюрократия в России *узурпирует* власть над человеком, лишает суверенитета личность каждого, вторгается в элементарные условия человеческого существования. О могуществе бюрократии свидетельствует тот факт, что в отсутствие гражданского общества (или крайней слабости его) все усилия правительства, направленные на улучшение работы государственного аппарата, разбиваются о сопротивление касты чиновников.

Кто-то неплохо сказал на этом обсуждении: «государственность у нас в крови». Я бы несколько перефразировал данное высказывание. Именно потому, что государство у нас, россиян, в крови, надо эту кровь немного почистить, обновить, чтобы растворена была в ней *иная* по типу государственность.

Б.С.Ерасов

У меня три тезиса.

Во-первых, следует подчеркнуть характерность обсуждаемой нами темы, особенно ее вводной формулы: «Нужна ли Россия русским?» Независимо от ответа, уже по семантике можно судить, что наша общественная мысль логически приблизилась к

концу, дошла до дна, так как ставятся вопросы, немыслимые ни в каком научном контексте. Существуют само собой разумеющиеся вещи в социокультурном бытии, которые являются постоянным достоянием этноса, нации, цивилизации или же индивида и не подлежат онтологическому оспариванию.

Как известно, образцов «нужной России» у нас несколько и уже который раз в истории решение намечается провести в пользу одних русских — за счет других. Ленинский анализ «двух культур в культуре каждой нации» остается до сих пор очень точным — в применении именно к России. Накопившийся за последнее десятилетие потенциал взаимной ненависти и отторжения все больше приводит к противостоянию двух России и разрушению тех срединных оснований культуры, на которых и выстраивается любое «нормальное» общество. Впрочем, в силу присущих всякой цивилизации инверсионных поворотов это означает отнюдь не разрушение Российской цивилизации, а подготовку новой инверсии.

Содействуют этой инверсии именно те силы, которые хотят «взломать» и «сломить» Российскую цивилизацию как неудачный, в их представлении, вариант общества. Именно «либерально-демократическая» интенция порождает в России не только тотальный развал, но и естественную реакцию самозащиты, выраженную в нарастании «антидемократии», «антизападничества», всего того, что клеймится как «коммунофашизм» или «красноколичневые», вызывая в ответ столь же экспрессивные выражения «дерьмократия», «демофашизм» и т.п.

Второй мой тезис относится к роли государства в жизни России. Как выразился первый докладчик, русский народ «ушиблен» этатизмом, и его поддержали многие выступавшие, полагающие, что как бы то ни было, государство «в крови» у русских, что это главное достояние российской истории, что без государства страна рухнет и т.д.

Все это совершенно справедливо и нужно быть уже совсем невменяемым либералом, чтобы отрицать значимость этого фактора в любом варианте российского устройства и призывать к «уничтожению империи» и ее «госнарода». Здесь все «трудное» — и пространства, и народ, и время, и внешние обстоятельства. Поэтому державность — важнейший компонент устройства России на протяжении всей ее самостоятельной истории. Экспрессивные наскоки на «империю» как воплощение всего пагубного не способствуют пониманию смысла прошлого и настоящего, а

лишь выражают ту степень раздражения, которую вызывала реализация имперских принципов регуляции среди активных слов, не принимавших участия в «строительстве империи» и поэтому полагающих возможным предать ее осуждению и пустить на слом. А соответственно — предать Россию вместе с ее государством и госнародом «идентификационной смерти».

Высокая идеологичность таких концепций и даже программ делает их весьма функциональным средством в том информационном манипулировании, которое обеспечивает ускоренный геноцид населения, характеристики которого явно не отвечают критериям «реформаторов-западников». Тем не менее, исходя из цивилизационного подхода к российскому устройению, полагаю, что какое-либо перспективное устройство России лежит лишь через ограничение — восстановленного — государства и его дистанцирование от общественных порядков, приобретающих автономные и устойчивые характеристики.

К настоящему времени престиж государства и власти вообще в российском сознании находится на запредельно низком уровне. Этому способствовала прежде всего сама власть, которая в прежние времена тотально блокировала самостоятельное участие общества в делах управления и до крайности ослабляла все формы самоорганизации населения, а затем — «кинула» общество как объект своего попечения с целью обеспечения своих интересов и примкнувших к ней финансовых, интеллектуальных, информационных элит.

О какой общей России можно говорить, если согласно приводимым время от времени данным за последние годы из России было вывезено нелегально около 350 миллиардов долларов? Кому еще неясно, что существует та «Россия», которая вывозит — мафиозно-олигархическая, — и та, которую грабят — вся остальная. Перед такой расстановкой сил все средства хороши — с обеих сторон. С одной — тотальная дискредитация всей оппозиции и подпитка «нужной» интеллигенции, а с другой — радикализация и организация социальной напряженности.

Именно на этом фоне и идет затянувшаяся и оголтелая компания по дискредитации государства, развязанная либеральной интеллигенцией, олигархией и криминалитетом. Мотивы каждой группы могут различаться. Но они, выходит, нужны друг другу, и интеллигенция волей-неволей оказывается пособницей этих групп, а нередко либо прямо переходит к ним на службу и

действует «применительно к подлости», либо в силу внутренней логики саморазвития вновь и вновь ратует за «права человека» и «устранение репрессивной державности».

Как мы слышали за этим «круглым столом», сопоставление с «нормальными странами» заставляет возлагать значительные надежды на право, в поле которого и будут решаться столь сложные проблемы. Однако и здесь работает крайне выборочная и идеологизированная логика, отделяющая «своих» — достойных правового обеспечения, и «социально чужих», остающихся за бортом права. Например, создается впечатление, что в правовом поле тотально отсутствует такая крайне актуальная проблема, как нарушение прав человека через невыплату заработной платы, его ограбление через принудительное лишение накоплений и прошлых заслуг. Множество экспрессивных описаний этого явления никак не сопровождаются даже анализом социального статуса этой части населения, годами не получающего заработную плату или ограбленного приватизацией. Если они — не безработные, не маргиналы, не рабы и т.д., то кто? Они лишенцы, хотя и не по декрету или указу, а в силу необъясненных обстоятельств.

Реально функционирующее право в нашем обществе не может быть введено уже потому, что оно будет предельно жестким и прямо репрессивным — по отношению к «маргиналам», то есть большинству населения. Вместо официального бездействия в отношении этого населения на фоне пустых обещаний и отслеживания степени «взрывоопасности» социального протеста будут введены правовые репрессии, что-то вроде «драконовского законодательства». Это будет уже вполне эксплицитно сформулированная политика подавления низов.

Таким образом, если вернуться к поставленному в начале нашей дискуссии вопросу — нужна ли Россия русским? — то можно констатировать, что из упомянутых наиболее активных в настоящее время слоев населения «этой страны» Россия «нужна» именно как объект ограбления и выкачивания ресурсов. Что касается заметной части «демократической интеллигенции», то ей данная Россия — с «отсталым» населением, с коммунистами, с патриотами, с «азиатами» — не нужна, и если другой нет, то она охотно меняет «эту страну» на другую.

Несомненно, что в «остальном» обществе назрела огромная потребность в восстановлении государства в его собственно общественных функциях. Такого рода попытки предпринимаются вновь и вновь, хотя до сих пор только в риторическом и сим-

волическом плане. Они вызывают крайнюю подозрительность со стороны финансовой олигархии и криминалитета, гасятся сопротивлением властных кланов и корпораций, дискредитируются «демократическими» масс-медиа и сводятся на нет. В обществе возникают естественные, пока еще слабые тенденции к самоорганизации, но они еще не могут преодолеть активной деструктивной деятельности сил, заинтересованных в распаде России.

Из констатации этого положения вырастает мой третий тезис — о причинах молчания народа. Этот вопрос пытаются решить через данные тех или иных опросов. Каждый раз, когда я слышу результаты таких опросов, у меня возникает недоумение: а если бы провели опрос в России в начале октября 1917 г., насколько показательны были бы его результаты в свете последующих событий? И еще больше: если бы был проведен опрос среди жителей Иудеи в некотором первом году до нашей эры, что бы они сказали о своем государстве и путях избавления от невыносимого ига римлян и какой вывод можно было бы сделать правящим кругам? Как известно, вывод сделала история, выдвинув Иисуса Христа и его апостолов, чтобы через некоторое время тотально преобразить историю Средиземноморского региона.

Мой вывод сводится к тому, что результаты таких опросов нужны только имиджмейкерам для высчитывания процентов и манипуляций в ходе избирательных компаний. Но как мы могли убедиться, эти компании ничего не меняют.

Счастливы те страны, в которых во время появлялись пророки, лидеры, обеспеченные «группой поддержки» из последователей. В середине XX века в Индии, находившейся уже полтора века под заморской властью, появился Махатма Ганди и мирными способами, не прибегая к оружию добился устранения временного оккупационного режима. В России пророков, выводящих на правильный путь, не оказалось — хотя и раздаются постоянно призывы типа «России нужен новый Моисей». Зато есть множество пророков разрушения и гибели. Посмотрите, что творится на страницах газет и журналов — тонких и толстых, включая и журнал, который издается при Институте философии. С поразительным упорством и изобретательностью ведется постоянное поношение народа, его истории, его государства, его культуры и цивилизации. Это постоянное, подчас весьма эрудированное обоснование того, что Россия на заслуживает сохранения. Вся почва общественной мысли истоптана

такого рода пророками разрушения и гибели, жаждащими «идентификационной смерти» России, смены ее генотипа и преодоления своего «варварства».

Все это дает вполне обоснованную почву для обвинения интеллигенции в предательстве. Интеллигенция — в лице ее «лучших представителей», получающих доступ к правящей верхушке, оказывается прислужницей — или молчаливой пособницей — в процессе разрушения культуры, намного более крупномасштабного, чем то, что осуществили «красные комиссары». Она создала те идейные и словесные формулы, «мыслеобразы», которые снимают ответственность с олигархов, чиновников, криминалитета и дают им необходимую словесную формулировку для уничтожения культуры и истребления населения.

Конечно, у всякой инверсии есть свой предел, определяемый скорее всего накопленной негативной энергией, способной обрушить негодный строй и отстранить его носителей от распоряжения политическим и духовным механизмом социальной регуляции.

А.А.Крушанов

Хотел бы обратить внимание на динамику происходящих вокруг процессов, на то, что мы можем получить вскоре, если всерьез не озадачимся размышлением над исходным вопросом сегодняшнего обсуждения.

Прежде всего я имею в виду то отношение к образованию, называемому «Россией», которое вырабатывается, существует (или не существует) у нашей молодежи. Хочется думать, что этот слой населения прекрасно понимает, что такое Россия, имеет четкое представление о своем отечестве, и что это представление в главном совпадает с образом России в головах политиков. Увы, боюсь, что реальная картина далеко не столь идеальна.

В современном мире активно формируется совершенно новое, планетарное, сознание. Например, наблюдается очень мощная миграция людей, что ведет к тому, что могилы предков оказываются совсем не там, где обживаются молодые потомки. Фактически весь мир становится по-своему близким и родным для каждого человека и отнюдь не замыкается чисто национальными государственными границами. Это касается и России. Новые факторы фактически срабатывают как мощные центробежные силы, стремящиеся увести отдельные регионы Рос-

сии в области более мощных локальных международных центров притяжения. И все это формирует сознание с очень нетрадиционными для нашей страны «наднациональными» установками.

Другой момент. Могу ли я гордиться современным образованием, называемым Россией? Боюсь, что нет. Что мы получили в последнее время? Государство? Политическую систему? Мы что, в восторге от этой политической системы? Нет, мы этим не гордимся. Что дала нам культура за эти годы? Памятники Церетели? Боюсь, что это тоже не основание для радости, оптимизма и любви к тому, что называется Россией. То есть и по этой линии мы оказываемся очень ущербными и не задаем образцов, на которых можно было бы воспитывать, воспитываться самим и говорить: знаете, вот что такое Россия!

Можно, конечно, вспоминать и гувернантку, наши духовные корни, но даже этого не делается всерьез. А если будет делаться, то перевесят ли такого рода реминисценции то, что реально и мощно действует в русле глобализации жизни сегодня. Порождаемые таким образом силы масштабны, и действуют они на национальное самосознание и идентификацию главным образом размываяше. Новейшие ценности, пока реализованы у нас в каком-то уродливом и плохо работающем варианте, и в конечном счете также не способствуют подчеркиванию и выделению чисто российской специфики, необходимой для консолидации граждан страны. Мы считаем, что у нас есть ценности, которыми мы справедливо гордимся, на которых воспитываем и воспитываемся сами, но, как оказывается, в реальной жизни это далеко не всегда имеет отношение к молодежи. А между тем завтра именно она придет к рычагам управления. Очень интересно, куда она начнет рулить.

В этой связи возникает вопрос и о языке. Провайдер, транш и т.п. — все это лингвистические новации, характерные для круга общения граждан отнюдь не подросткового возраста. С одной стороны, русский язык все более интернационализируется лексически. С другой стороны, ныне на русском языке говорят не только в России, но и в странах СНГ, т.е. и он перестал быть четким признаком национальной идентификации.

Наконец, территория. Обратите внимание, мы ведь не привыкли к собственно российским границам, т.е. и этот ориентир для становления государственного мышления нашей молодежи пока должным образом не выстроен. Согласитесь, что нынешние «прозрачные», подвижные границы — это совсем не то же

самое, что четкие и жесткие границы СССР. Причем территориальное оформление России все еще нельзя признать завершенным. Фактически откололась Чечня. Будируются разговоры об отделении Калмыкии, Курил, Карелии. Сибирь готовы прикупить наши американские коллеги и друзья. То есть опять получается, что Россия, о которой мы говорим, — это пока такое условно очерченное и подвижное образование, что и в этом отношении нам трудно ожидать большой приверженности к собственно российским делам наших молодых людей, если только мы не предпримем для исправления сложившейся ситуации больших и специальных усилий.

Перечисленные факторы мощны и реальны. Они влияют на всех, и мне кажется весьма характерным, что хотя я — государственный, гордившийся, что родился и вырос в сверхдержаве, но тем не менее, находясь в Монако, в этом маленьком преуспевающем княжестве, создающем благоприятные условия для жизни и деятельности своих граждан, вдруг почувствовал, что вообще-то можно достойно жить и на маленькой территории. И тогда вспомнились слова одного знакомого бизнесмена: зачем мне нужны Советский Союз или Россия? Пусть моя страна будет хоть с Лихтенштейн, я бы вполне смог организовать свое дело, и мне бы этого хватило.

В.И.Толстых

Маршал Голден сказал на той неделе: ваше проклятье — это ваше пространство и ваши ресурсы.

А.А.Крушанов

Это, может быть, и не проклятье, но пока зачастую получается именно так. Но это может быть и плюсом, и минусом.

И как резюме. Я думаю, у нас еще существуют возможности для того, чтобы ситуация была стабилизирована в пользу России как целостного, самобытного и необходимого для граждан государственного образования, которым можно гордиться и за которое стоит бороться. Для этого все же есть государственность, для этого есть СМИ, есть еще добрая привычка жить вместе. Надеюсь, что мы сможем и успеем полноценно распорядиться еще имеющимися возможностями.

В своих рассуждениях я буду исходить из методологии отделения плевел от зерен.

В.Л.Махнач ввел очень продуктивное разделение понятий страна и государство. Можно и продолжить это разграничение. Россия не только страна русских, государство русских; это еще и политическая власть (в совокупности всех ее ветвей), и определенный режим, определяющий лицо этой власти, и камарилья, в которую вырождается власть и ее окружение. Нужны ли русским их страна, их государство? Безусловно, нужна своя страна. Безусловно, 90 процентов не-идиотов и не-отщепенцев (внутреннее зарубежье) скажет, что стране нужно собственное государство, а не юрисдикция какого-либо другого или марионеточное, полузависимое, бутафорское государство-клиент под эгидой каких-либо других государств или надгосударственных сил. (Как всегда к месту скорый на язык мастер точных слов и нелицеприятных определений З.Бжезинский, который в июне на экономическом форуме в Зальцбурге напомнил некоторым забывчивым и самонадеянным западным и восточным европейцам о том, что Европа была, есть и останется протекторатом США.)

А вот вопрос о том, всякая ли власть нужна русским, всякий ли режим отвечает национальным традициям, интересам страны и граждан — можно считать открытым. Ясно и очевидно, что любая камарилья, озабоченная личными, узкогрупповыми и узкоэтническими, в том числе криминальными интересами, — противна интересам русских, не вовлеченных тем или иным способом в эти камарильи.

Есть этатизм и этатизм — государственничество в русской транскрипции. Нет слов, российский этатизм неоднократно в русской истории выплескивался далеко за границы, определяемые народными представлениями о справедливой власти как помазанничестве свыше, освященной церковью и находящейся с ней в симфонии. Этатизм, сначала возвышающий себя над церковью, потом понукающий всеми и вся в порядке общей очереди. Советский этатизм высоко вознесся над исходным идеалом социалистического государства рабочих и крестьян, потом общенародного государства как средоточия свободы, социального равенства и справедливости. Проельцинистский режим — и говорить нечего. Исторический грех русского этатизма в том, что он всегда стремился к самодовлению, всеподавляющей и всевластвующей государственности.

Но верно и то, что в русском обществе всегда находились противодействующие силы, действовали контртенденции. Когда дело доходило до исторических тупиков и глобальных сшибок, конкретное историческое государство сходило в небытие. Так завершилась история Российской империи, так исчерпал себя Советский Союз. И вместе с тем государственнический инстинкт народа и его высшего культурного слоя, лучшие исторические традиции и ценности российской государственности, совокупность внешних и внутренних вызовов и условий приводили ранее и приведут ныне к воссозданию российского государства как глобальной державы.

В прошлом, в мире мировых империй, Россия нашла свой ответ на вызовы имперского мира, создав величайшую в мире империю, подлинный Третий Рим, наследуя Византии как Духовному Риму единой вселенской апостольской церкви православного христианства, и имперскому Риму, связывающему многие страны и народности узами универсальной власти и культуры. Россия инициировала создание новой, биполярной модели мира по критериям принадлежности к разным социально-экономическим формациям и, продолжив традиции имперской государственности, создала одну из двух мировых сверхдержав, консолидировав вокруг себя мировую социалистическую систему, страны социалистической ориентации третьего мира. Следует ожидать, что, пройдя через трагический опыт распада советской сверхдержавы и мировой социалистической системы, Россия вновь найдет адекватный ответ на вызовы новой эпохи глобального сообщества, глобальной экономики и геополитики, предложив свою версию глобальной государственности.

Но для этого необходимо понимание новых реалий. Сложившаяся в самое последнее время ситуация связана с целым рядом новых обстоятельств. Во-первых, Россия оказалась очень плотно интегрирована в глобальное перераспределение ресурсов и собственности. Во вторых, страна, по существу, включилась в происходящее в настоящее время формирование *стратегических альянсов* по поводу перераспределения этих ресурсов. В-третьих, Россия быстро превращается в субъект качественно новых форм международной конкурентной борьбы с резким усилением в ней концептуально-смысловых стратегических начал.

В условиях глобализации мира складываются совершенно новые реалии и среда функционирования *национальных государств*. Государство становится единственным субъектом пред-

ставительства и охранения национальных интересов страны перед лицом единственной пока глобальной державы, консолидированного Запада, современных региональных союзов и интеграций, ТНК, наднациональных органов международного планирования, регулирования, координации. Для России это вдвойне актуально в силу ее совершенно особого геополитического и геостратегического положения, своеобразия исторического периода, переживаемого страной. *Русское государство — главный субъект и гарант национального суверенитета, национальных интересов, национального развития.*

Теперь о том, каким русским нужна или не нужна Россия. Здесь тоже надо говорить о русских и русских. Давайте сначала о тех русских, которым Россия не нужна.

Говоря о русском и русских, национальной самоидентификации, национальной идее, мы стали слишком гипертрофированную роль придавать культурному и гражданскому началу. Но при этом умаляется или сознательно принижается, опошляется, вульгаризируется то начало, которое связано с кровью и почвой, этническое, народное начало. Нынешнее «россиянство» и «россияне» — это есть недонациональное, в котором выхолощено этническое начало, этнические корни, этническая культура, а именно русскость. Русским только лишь по культурному самоощущению можно быть и на Брайтон-бич. Вообще здесь еще надо подумать о так называемой раздвоенной (а может, и расщепленной) идентификации, когда русскоязычность и русскокультурность может сочетаться с совершенно иным этническим (может, точнее гражданским, политическим) самоопределением, с соответствующими этнокультурными архетипами и стереотипами, политическими симпатиями и предпочтениями. Такие смешения могут давать совершенно непредсказуемые разнонаправленные реакции в отношениях группового и межгруппового общения, с одной стороны, и отношениях к понятиям Родины, Отечества нации, государства, страны — с другой. Можно считать родным языком русский, любить русскую культуру и одновременно презирать русский народ, полагать его за раба и быдло и ненавидеть так называемую «эту страну», быть непримиримым врагом русского государства.

Ю.М.Бородай прав, когда поднимает тему «чужих» в русской жизни и русских делах. Но я бы добавил еще кое-что. Понятие «чужой» вызывает невольные ассоциации с парностями «свой — чужой», «наши — не наши». Оно само по себе носит

какой-то бытовой оттенок. Или дворово-романтический, как у А. Невзорова. Я бы связал то, что стоит за этим понятием, в триаду «чужость — чуждость — отчуждение». И постоянно находящуюся в опасной близости — «вражду и враждебность». К слову сказать, можно быть этнически русским, а во всем остальном — полным и абсолютным чужаком, источающим вражду и враждебность ко всему исконно русскому и российскому. Самые близкие и общеизвестные примеры — наши наиболее узнаваемые телевизионные «килл-инфо».

Надо ясно видеть и безусловно признавать конститутивное значение духовно-религиозного начала, конфессионального самоопределения в национальном самоопределении или самоидентификации. Яркий пример — сербоязычные сербы и хорваты, галичане и украинцы и т.д.

И наконец, все великие нации и государства имели свои эсхатологические ориентиры и мировые проекты. Это качество в полной мере исторически присуще русскому самосознанию и историческому действию. Русская нация, культура и государственность складывались как великие в силу наличия собственных эсхатологических проектов, способности самоопределиться в мировой истории и быть ее активным игроком. Отсюда — великая культура, великие империи, великий народ. Эти определения и суммируются в понимании русского и русскости. Поэтому если ощущаешь себя в этом триединстве как в собственном самоопределении, то вопрос о том, нужна ли русским Россия, решается без всяких «...с одной стороны. Но с другой стороны...», т.е. без всяких ложных сложностей. Очищение русскости от эсхатологизма и универсализма под заношенными предложениями освобождения от великодержавных предрассудков, имперских комплексов и претензий на духовное избрание имеют целью и последующим безальтернативным результатом уничтожение этой самой русскости.

Болезнь национального самосознания начинается с неприятия и сознательного отвержения этих, казалось бы, отвлеченных материй. Заканчивается она принципиальным, осознанным и последовательным руссо- и россиененавистничеством.

Кому конкретно не нужна Россия? — Прежде всего тусовке. Тусовка — это как тип и характер, — торжествующий и победительный «пост-совок» с одной оговорочкой. «Совок» как презируемый типаж отошедшего в историю советского общества, посредственность, лишенная высоких идеалов и устремлений, кол-

лективно-стадный индивид – был совместным продуктом идеолого-политического и культурного творчества столичного андер- и оверграунда. Это фигура – во многом вымышленная, виртуальная. Это скорее был образ-инструмент борьбы с властью, режимом, потом и государством вообще. Пост-совок – это фигура более чем реальная, в гипертрофированном виде наследующая и умножающая все вымышленные черты виртуального аутентичного совка.

Тусовка – это тот же андер- и оверграунд, стремящийся максимально заместить место и функции культурного слоя, политических и экономических элит. Она агрессивно претендует на всеобщность, включая в свой круг семейно-клановые, политические, финансовые, информационные и другие группы и группировки. Искусство распадается на арт-тусовки, журналистика – на СМИ-тусовки с выделением суперпривилегированной TV-тусовки. Судя по всему, и преступное сообщество также разделяется в самом себе на своеобразные крайм-тусовки. В этом смысле «пост-совок» – это конечно «тусовок». А элитарии – тусолитарии.

Тусовка – это также новый интернационал, тусовка трансгранична, солидарна, у нее нет национальности и гражданства. Она космополитична, если иметь в виду «космос» западной цивилизации и масскульта. В ней причудливо сочетаются черты современной медиакратии и социальных маргиналов по признакам абсолютной отвязанности и свободы от всякого устоя. Ее оплаченная агрессивность не знает удержу. Она виртуальна по способу существования и всепроникающа по своему психотронному воздействию, ибо пространства ее «творчества» и самовыражения – электронные СМИ и Интернет.

Мы не ошибемся, если скажем, что современной российской тусовке Россия не нужна. Она для них место комфортабельного тусования, за этот комфорт она готова рубиться до последнего русского. Но и к худшим для себя вариантам она в принципе готова. Посмотрите на наиболее типичные образцы культурного продукта ельцинской России. Лейтмотив его героев – в кино, в литературе и т.д., – «...здесь жить нельзя». Экзистенциальный императив – «делать деньги и делать ноги».

Здесь и другой сакраментальный вопрос – что им нужно от России? Ответ на этот вопрос требует более подробного осмысления феномена беглых мозгов, беглых талантов, беглых золотых рук, беглых капиталов, и т.д. Масштабы разворовывания

страны в 1991—1998 годах говорят сами за себя. А вообще-то русским — «русским — в себе — и — для себя», в философском смысле этого слова, русским, чтущим великое прошлое своей Родины и чающим для не менее великого будущего (Н.Б.Струве), — Россия как Святая Русь и Великая Россия, нужна безусловно и безоговорочно.

И в заключение еще один не менее сакраментальный вопрос: только ли русским нужна Россия? Сошлюсь на Панарина: русская идея суть также и римская идея, евразийская идея как идеи универсальной наднациональной государственности, обеспечивающие этнокультурное многообразие, его защиту, этнополитическую стабильность и мир на обширных трансконтинентальных, транскультурных и транснациональных пространствах. В этом качестве Россия как воплощение русской идеи в истории нужна безусловно и безальтернативно не только русским. Не будем отвергать с порога и трансконтинентальную идею в ее противостоянии атлантической. Россия может и должна стать естественным историческим ядром, консолидирующим центром противодействия гегемонистским устремлениям Запада и США.

В общем, Россия нужна не только русским.

В.И.Холодный

Слова Тютчева, на мой взгляд, относятся не только к России, они относятся к любой духовности, иррационально, спонтанно складывающейся, т.е. духовность внутреннюю умом не понять. Почему эти слова больше относятся к России? Россия действительно (и русская ментальность, и российская ментальность в целом) интегрировала общечеловеческие духовные ценности, которые сперва нарабатывались, потом частично проявлялись в практической жизни. К сожалению, у нас русская мысль, русская ментальность понимаются с позиции западной парадигмы. Но Алексей Степанович Хомяков отнюдь не ратовал за свободу вообще, как геолог раннего славянофильства он имел в виду, что в ментальности русского крестьянина интегрировалась идея соборности, идея духовно-целостного видения мира. А последнее интегрирует в себе все специфические ценности, которые выработало все человечество. Это духовно-целостное видение мира ориентирует человека на духовное единение всех людей. В этом величие русской нации и ее трагедия, в этом ее катастрофа и возможная гибель или великое будущее.

Речь идет о том, как говорил Владлен Георгиевич Сироткин, что на Западе нет понятия «народ», там «нация». До своей либеральной цивилизации Запад дошел насильственным путем: католицизм подавлял личность и все социальные структуры и народности и т.д.; после католицизма появилась националистическая идеология — этносы уничтожались или искусственно из этносов делалась нация. В Америку приехали европейцы, уничтожили коренное население. Нет населения, нет проблем, а есть уже единое общество.

Россия формировалась на совсем других духовных основах — все народы сливались в единую семью. Есть народы — есть проблемы: есть калмыки, есть якуты... Хорошо это или плохо? Не знаю, но знаю, что западный путь неприемлем в этом плане.

Другой момент — мы вызываем ненависть. Не только Кох говорит, что из русских может что-то и получится, если они перестанут болтать. Украинские националисты ненавидят нас как раз за ту общечеловеческую духовность, которая присуща и украинцам, и белорусам, и русским. Также польские и прибалтийские националисты. Исторически мы оказались в безвыходной ситуации. Здесь многие говорили, что Россия и русские устали от экспериментов, от исторических проблем. Но они не только устали, они загнаны в угол. Поскольку я сам с Украины, знаю хорошо обстановку на Украине, могу зафиксировать, что не только националисты, но и люди, далекие от националистической идеологии, убеждены в том, что наша ориентация на какие-то общечеловеческие ценности, на объединение народов является шовинизмом, а русские — это народ — шовинист. Вот где проблема и беда.

В.Л.Махнач

Я с огромным удовольствием выслушал почти все выступления и нашел массу точек соприкосновения. Простите, я вынужден интерпретировать то, что было вами сказано, в своем последнем слове. У меня три тезиса.

Первое. Проблема антибюрократизма, проблема земства, проблема муниципализма (слова этого не произносили, но именно об этом многие говорили) — это проблема формирования гражданского общества. К сожалению, в одном из выступлений говорилось почти как о синонимах об «обществе» и «массах», но они — противоположны. Общество всегда структурировано, мас-

сы — не структурированы, массы — это толпа. Вот вам основной вопрос формирования общества. Естественно, ни одному олигарху не нравится это слово — корпорация, зато это нравится обществу. Такова первая проблема, очень существенная, связанная как раз с этатистской проблемой, потому что это проблема взаимоотношения социума и государства. Я понимаю ее так, вы — иначе, но у нас она упирается не только в проблему развития самоуправления. Она упирается у нас прежде всего в проблему жилища, потому что «*my home is my castle*» (т.е. «мой дом — моя крепость»), как говорят англичане, и не всегда русские жили в своих домах. Проблема неприкосновенности жилища — это первый этап надежной защиты от произвола бюрократов. И второй вопрос, без чего не строится гражданское общество, — это проблема наличия у граждан оружия. Свободный человек всегда вооружен. Он может быть ограничен в праве ношения оружия, но он не может быть ограничен в праве наличия оружия у него в жилище. Вот блестящая проблема, которая сразу поворачивает очень многое, без чего мы не решим социальные проблемы, в том числе проблему свободного общества и проблему самоидентификации. Гражданское общество без оружия не выстраивается.

Вторая, с ней связанная, проблема — это проблема исчерпанности или неисчерпанности либерализма. Я с интересом выслушал все сказанное Григорием Григорьевичем и возразил ему на ушко, теперь возражаю при всех. Все так, но если дополнить приведенный опрос, приведенные статистические данные еще одним вопросом, все встанет на свои места. Противоречие между тем, что нравится рынок, нравится свободное предпринимательство и вместе с тем не нравится то, что происходит сейчас, снимается одним вопросом. Задайте его людям: желаете ли вы пересмотра результатов приватизации? И вы получите 99 процентов с хвостом: да, желаю. Это не проблема провала либерализма. Это проблема, что у общества в ходе приватизации — в значительной мере у русских людей — украли их собственность.

И третье, что не было здесь произнесено ни разу. Никто не говорил о национализме. Да, действительно, не всякий этнос — нация, не стану спорить с Марком Вениаминовичем. Да, проблема нации, безусловно, тесно переплетена с проблемами гражданского общества. Но ядром любой нации, без исключения, является этнос. Да, французом считается бретонец-кельт, гасконец-баск, французский еврей, потомок марокканских солдат,

отслуживших во французской армии, который говорит теперь только по-французски. Но ядром французской нации, численно превосходящим всех остальных вместе взятых, все-таки являются этнические французы. Да, можно строить нацию — «гражданское общество», можно строить «*nation state*», но никакого другого ядра, кроме русского этноса, — здесь мы не можем говорить «русской нации», только «российской нации», — иначе не выстраивается. Потенциал у русского национализма есть. Никакие комические псевдо- или квазинационалистические выходы вроде выходы одного отставного генерала не рисуют подлинную картину. И этот потенциал растет, и поэтому задача интеллектуалов — (в скобочках хочу заметить, что интеллигенция растеряна, потому что она исчезает. Мы присутствуем при агонии интеллигенции, и слава Богу. Надеюсь, что в XXI веке русские этим перестанут отличаться от других людей и интеллигентов у нас больше не будет, а будут, как у всех нормальных людей, интеллектуалы) — задача интеллектуалов — стать национальной элитой.

Прежде всего необходима разумная реабилитация понятия национализма. Агрессивный национализм называется иначе, он называется шовинизмом. Национализм, включающий в себя идею национального превосходства, тоже называется иначе — он называется нацизмом. Термин «национализм» только в советских энциклопедических словарях был ругательным. Заметьте, на Западе — он безоценочный. Это нормальное положение человека в социуме, нормальное мировидение, которое означает только то, что дела его нации его касаются в первую очередь, а любые другие дела — во вторую или в третью. Больше ровным счетом ничего.

Я писал на эту тему, и ни разу никто, хотя тема скандальна, потому что нас приучали к тому, что национализм — это плохо, — ни разу мне никто печатно не ответил, не возразил. Ответить ведь нечем. И хотим мы этого или не хотим, потенциал этот растет, и поэтому он будет реализован. А вот как будет реализован этот потенциал русского национализма, — это зависит от нас — интеллектуалов.

Я бы очень хотел, чтобы жесткость, потребная для выхода из кризиса, отлилась в форме британского торизма. Пусть викторианского, чопорного, но мне глубоко симпатичного. Кстати, вот кто уж не бюрократы — это англичане. Немцы бюрократичнее русских. Французы неизмеримо бюрократичнее.

Так вот, хорошо бы по-английски. Если мы будем мешать реализации «мягкого» — то есть твердого, но не кусающегося, — национализма, по английской версии, мы можем пойти по пути испанской версии — по пути фаланги, эта версия меня тоже устраивает, хотя это гораздо хуже. Тогда будет восстановлена Россия и разрешена проблема российской национальной самоидентификации, то есть русская нация будет создана силовым путем. Это еще не самый худший вариант. Но если мы не одумаемся и будем тормозить даже и такой вариант, отпадет и он, тогда получим Гитлера. Повторяю, все зависит от нас. Можно все это реализовать красиво. Пока еще.

Г.Г.Водолазов

У меня четыре небольших замечания.

Первое. Мне кажется, первый вопрос: «Нужна ли Россия русским?» — сформулирован двусмысленно, теоретически опасно, и эта опасность проявилась в некоторых выступлениях нашей дискуссии. Что я имею в виду? В этом вопросе был заложен один ложный ход размышлений. Он состоит в следующем. На вопрос: «Нужна ли Россия русским?» возможны два ответа, две теоретические позиции: одни говорят, что Россия русским нужна, а другие — нет. И вот, предлагают нам, сначала давайте решим **этот** вопрос, давайте объединимся те, «кому Россия нужна», и вступим в конфликт и полемику с теми, «кому Россия не нужна», а потом уже в рамках этого «объединения» будем определяться, какая именно Россия нужна.

Так вот, я думаю, что этого «сначала» и «потом» нет. Мне, например, не всякая Россия «нужна». Мне не «нужна» тоталитарная, сталинская, брежневская Россия. И я не могу объединяться ни при каких условиях с Макашовым, Илюхиным, Зюгановым, которым «нужна» Россия сталинская. Я не могу вступать с ними даже во временный союз, потому что России «вообще», России вне ее социально-политических и прочих характеристик — абстрактной России не существует. Поэтому изначально вопрос и должен состоять в том, какая именно Россия нужна русским.

И второе. Изначально, когда мы говорим «Россия», мы не должны упускать из виду факт включенности России в мировую систему. Нет России вне ее включенности в мировую и европейскую систему. Суть дела лучше всего выражает знаменитая

пушкинская формула: «Войти в Европу и остаться Россией». Быть Россией и одновременно частью Европы, частью мира. И потому нелепо говорить (в зюгановском духе) об антагонизме «двух» цивилизаций – Западной и Российской.

По поводу одного тезиса из выступления Игоря Пантина. Игорь Константинович говорит: «Я государственный изначально, это мое абсолютное». Смутный, теоретически опасный тезис. Мне-то кажется, что «изначально» следует сказать, какого типа государство защищает тот или иной «государственный». Ведь для сталинистов (и прошлых, и нынешних) – государство тоже «абсолют». Ты же, Игорь, не хочешь попасть с ними в одну компанию? Потому изначально должно быть сказано: «Я государственный такой-то», а не вообще – государственный.

Третья моя реплика Б.С.Ерасову относительно опроса иудеев и что из этого следует. Вы говорили, что даст опрос иудеев; да, они хотят и то, и другое, но они не организованы, не соединены пророками, идеологией. Правильно. Если не будет организации, «пророков», которые смогут их понять и повести, то ничего не будет. И я в своем сообщении пытался сказать: если этому народному мироощущению (понимание сути нынешнего режима, прошлого, понимание тупика, в котором мы все оказались) не придут на помощь теоретические «пророки» (условно говоря), если они не помогут организовать, мы из этого тупика не выскочим. Самоорганизоваться низовое общество не сможет.

(Реплика: «Сначала их распнут!»)

Кого-то распнут, а кто-то сумеет осуществить эту организацию. То, что современные россияне не отождествляют себя с современной Россией (эта Россия, таким отвратительным образом организованная, им не нужна), – об этом данные опроса, которые я хочу привести. Так на вопрос: «С кем и в какой степени испытывают чувство общества россияне?» отвечают: 1 – «со своей семьей» (79%); 2 – с друзьями, 3 – с людьми своего поколения, 4 – с товарищами по профессии, 5 – с людьми той же национальности, ... 8 – с россиянами (лишь 27,8%). Ощущение общности российской – на одном из последних мест.

И реплика моему содокладчику Владимиру Леонидовичу. Он, как бы полемизируя со мной, сказал, что либерализм не исчерпан, не погиб. Я скажу больше – не только либерализм, настоящий, демократический, не исчерпан, но и социализм не исчерпан. Я говорил об исчерпанности того воплощения социа-

лизм и либерализма, которое имело место в России. Сталинизм, брежневизм — это вовсе не социализм в его классическом варианте, провозглашающий общество равенства, общественной собственности. Сталинско-брежневский социализм — это классовое общество, антагонистическое, где есть господствующий класс — партноменклатура (реальный собственник основных средств производства). Вот эта-то модель и исчерпана.

Поэтому задача, видимо, и состоит в том, чтобы неисчерпанный потенциал социализма и либерализма суметь объединить в рамках общей социально-политической парадигмы. И мне кажется, что практика и теория показывают, что социализм (идея) неосуществим вне либеральной огранки, либерализм, мне думается, тоже неосуществим вне демократической, социалистической огранки. А основой их конвергенции, их объединения является действительная, настоящая, подлинная демократия. И задача теоретиков состоит в том, чтобы дать язык безъязыкому сегодня обществу, безъязыкому пока народу, помочь ему организовать себя. Сегодня у широких слоев российского народа нет оформленного выражения своих интересов, у него нет, по сути, и своих политических представителей. («Элита» представляет только себя, да интересы различных олигархических групп.)

Я вижу задачу современной теоретической интеллигенции в том, чтобы дать осмысление действительных интересов гражданского общества, сформулировав его социально-экономические и политические требования, способствовать всевозможным общественным и политическим формам объединения российских граждан.

В.И.Толстых

Вместо послесловия

Эти строки пишутся некоторое время спустя, в момент подготовки стенограммы к печати. Думаю, разговор получился весьма содержательным, а в чем-то и поучительным не в дидактическом смысле этого слова. Как всегда в таких случаях, какие-то грани большой и необычной темы вышли на первый план и получили достаточно объемное освещение, а другие остались в тени, или их только коснулись. Поэтому хотелось на некоторых моментах остановиться подробнее, особенно тех, которые были обозначены в подзаголовке — парадоксы российского сознания и поведения.

Понятно, почему в центре внимания оказался вопрос российской государственности и связанная с ним проблема этатизма, остро поставленная В.Л.Махначом. Русский вопрос, так или иначе, всегда упирается в вопрос о роли и судьбе Государства Российского. Во все времена и при любых режимах русские могли бы заявить, переиначив известную формулу – «Государство – это мы». Что это близко к истине, можно подтвердить множеством примеров, вспомнив Ивана Калиту и Ивана Грозного, Отечественные войны 1812 и 1941 годов, и многие другие. Не только в форс-мажорных, исключительных обстоятельствах, но и в обыденной, «нормальной» жизни русские в массе своей исповедовали идеал соборного единения, принцип коллективности как основу своего мироустройства (социологические опросы советского времени отнюдь не ввали, выводя на первое место в реестре предпочтений и ценностей качество трудового коллектива, а не зарплату или профессионализм, что можно, разумеется, по-разному истолковать, но нельзя проигнорировать). Поэтому не надо спешить, как делают многие, и выдавать эту склонность и особенность русского сознания и поведения за патернализм, социальное иждивенчество, якобы исконно-посконную нужду людей в «отеческой заботе» и покровительстве государства. Как ни странно это выглядит со стороны, но для русских государство действительно «отец родной», на которого можно посетовать, обидеться, можно обмануть и обругать, но отказаться от него, предать, не выручить в трудный момент нельзя. Да, это сыновье, одновременно ревнивое и ревностное, чувство к государству можно исказить, иногда чудовишно и до неузнаваемости, как в случае с Павликом Морозовым. Но тогда надо вспомнить и подвиги Ивана Сусанина, Минина и Пожарского, рожденные тем же самым чувством.

Русские представляют собой титульный народ Российского государства и являются, как давно уже замечено, одним из самых «державных» народов мира. Когда это упускается из виду и с этим не считаются, и у нас, и за границей возникает масса недоразумений и проблем, рано или поздно отрезвляющих самых самонадеянных и рьяных «преобразователей» – и реформаторов, и революционеров. Неважно, во что вы целитесь – в монархию или в коммунизм, главное – это «не попасть» в Россию. Большевикам, сначала Ленину, после гражданской войны и провала политики «военного коммунизма», а затем и Сталину, когда немцы оказались уже под Москвой, пришлось всерьез задуматься о России, сохранении ее государственности и цивилизационного своеобразия. Нашим либералам – разрушителям и потрошителям – это еще невдомек, хотя один из них (Петр Авен) недавно самокритично признал: «Давно российское государство не было таким слабым. И ослабело оно под флагом либеральных реформ».

Но есть и другая точка зрения – именно государственное первоначало и сознание русских является причиной всех бед и проблем страны, вставшей на путь возрождения и обновления. Как-то так получается, что государство все пухло и разрасталось, а народ – хирел и нишал. Парадоксально, но факт: в той же Японии ничего нет (ни нефти, ни газа, ни чернозема), и все есть, а в России есть все, и нет ничего. Может быть, действительно причина в этатизме? Но, видимо, не случайно говорят, сетуют – «за державу обидно», а блок или партию называют «Отечество» и «Вся Россия». Значит, возникает целое умонастроение общества, осознающего нависшую над страной угрозу распада и самоуничтожения. И прежде всего – государства. Когда престиж и авторитет государства оказываются на нуле, особое значение приобретает позиция общества и народа, это общество составляющего. Если «государство – это мы», непонятно, почему своим сознанием и поведением русские столь парадоксально неадекватно реагируют на происходящие в стране перемены, и откуда берутся, проистекают это долготерпение и жертвенность, массовая апатия и импульсивная агрессивность, характерные для так называемого «молчаливого большинства».

Г.Г.Водолазов хорошо показал, пользуясь социологическими данными, как многозначна и сложна складывающаяся ситуация, и как не простодушен и не бездумен наш народ, что бы о нем ни говорили наши либералы типа Новодворской и Борового. Русский народ отнюдь не молчит и не смирился с тем, что с ним и со страной сегодня творят и вытворяют. На выборах в Думу в декабре 1993 и 1995 годов он уже удивил и преподнес сюрпризы, поддержав ЛДПРовцев Жириновского и коммунистов Зюганова, голосуя скорее «против» кого-то, чем «за» них. Можно догадаться и предсказать, как он удивит, «осюрпризит» нас всех на предстоящих выборах. Только не надо снова кричать «Россия одурела!». Потому что сегодня (а многим и вчера) стало ясно, что если вы хотите проводить реформы, то будьте добры и любезны – проводите их без обмана и прохиндейства, и желательны за свой счет, а не за счет огромного большинства народа. Или назовите их как-то иначе, но не «реформами», или проводите их так, чтобы в выигрыше были все, а не узкий слой и круг «новых русских».

Вспомним, как активно проявили себя общество и народ с началом перестройки и в 1991 году, в момент путча. Нынешнее молчание, пока глухое, вызвано не только моральной усталостью – оно налицо, но и растущим ощущением исторического тупика, в который загнали народ и общество реформаторы и поддерживавшая их часть интеллигенции. Массовая апатия и всплески агрессивности – это средства самозащиты народонаселения от новых потрясений, еще более страшных,

чем уже испытанные. Впадать в отчаяние не надо, но не надо и злоупотреблять долготерпением народа. Несколько лет назад известный шоумен пугал меня тем, что «вот придут коммунисты, и начнется...», а я начал свой ответ ему так: «во-первых, они не сами придут, а вы их приведете, почти за руку, своей бездарной и бесчеловечной «политической реформ»... Сейчас ситуация такая, что население проголосует хоть за «черта лысого», чтобы избавиться от всех политиков и политика-нов, которых, по простонародному высказыванию молодого Владимира Рыжкова, «народ в гробу видел».

Народ не надо ни обожествлять, ни уничтожать, представляя его «быдлом» и «стадом», которым можно погонять, втягивая его в новые авантюры социального экспериментаторства. Скажем, мне понятно было высказанное пять лет назад мнение Григория Померанца, что именно «страх перед анархией и усталость большинства русского народа от насилия удерживает наше общество в равновесии». Но не понятны тогда же высказанные другими нашими интеллектуалами определения народа — «самодвижущееся тело без участия сознания», или «идеологический фантом, порожденный исключительно российскими условиями» и т.п. Как выясняется сейчас, это не совсем так, а может быть, и совсем не так. Григорий Водолазов это обстоятельно показал и доказал, используя материалы аналитического доклада «Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?», подготовленного по заказу московского представительства Фонда им. Ф.Эберта.

И тем не менее хочется понять, почему же столь «государственный» народ не заговорит в полную силу и голос. Почему он, охотно предаваясь любимой привычке пожить «по своей дурацкой воле» (Ф. Достоевский), допускает и мирится с существованием режимов, настоянных на причудливом сочетании тотального нигилизма и анархии с жестокостью «держимордовского» государства? Откуда берется, пристраиваясь эта постоянная надежда на «авось пронесет», «все образуется» и т.п. перлы российской ментальности и психологии? Где заключен корень долготерпения и равнодушия к собственной судьбе у народа, издревле отдавшего предпочтение коммунальным, общинным и соборным началам жизнеустройства и жизнедеятельности? И почему естественное стремление к свободе у него оборачивается «волей-волюшкой», от которой рукой подать до произвола и вседозволенности? Чем объяснить, что русскому человеку мало Бога, на которого он неустанно надеется и полагается, и при этом он так неразборчив и опрометчив в выборе его земных «наместников»?

Вопросов много, и все они не простые. А ответов гораздо меньше, и все они такие разные, как убедился читатель, знакомясь с материалами дискуссии. Но среди всех возможных объяснений одно напрашивается сразу.

Рано или поздно русскому человеку, все-таки, придется осознать, что «соборное» единение и существование не освобождает его от индивидуальной ответственности за себя лично и за страну. Когда он поймет, что в его бедах и проблемах виноваты не «другие» или «чужие», а прежде всего он сам, то независимо от того, станет он владельцем клочка земли или не станет (далеко не все мечтают и хотят стать собственниками и предпринимателями), у него обязательно проснется «чувство хозяина» страны и своей собственной судьбы. Это неправда, что гражданское самосознание личности напрямую зависит от наличия и размера собственности, которой владеешь. Лично я не заметил, чтобы крупный счет в банке или обладание недвижимостью делало «владельца» умнее, совестливее и ответственнее в своих действиях и поступках. Может быть, чего-то не вижу и не понимаю, но никакой прямой зависимости я здесь не обнаружил. Вот когда русские в массе своей это осознют, они утвердятся в своей самости, обретут идентичность и найдут достойный выход из ситуации, в которую сегодня попали. Тогда никакими посулами, соблазнами, «калачами» их не проймешь и ни в какое новое «светлое будущее» не заманишь.

Есть нечто большее, чем личное благополучие и благосостояние, что побуждает человека жить и творить, идти на жертвы и совершать благородные поступки. Это — любовь к Родине, Отечеству, чувство мучительное и спасительное, не раз выручавшее русских в многострадальной истории России. Об этом участники дискуссии не говорили. А этот вопрос встает, причем в очень острой форме — а любят ли русские Россию, и что она для них значит?

Если Россию отождествлять с нынешним государством, то ответ однозначный — нет, не любят. Парадокс: государство по происхождению и нутру, а государство свое не любит, не жалуется. А как полюбить государство, которое обрекло на выживание миллионы своих сограждан, равнодушно взирает на растущую смертность и падающую рождаемость, не способно обеспечить безопасность и элементарную справедливость? Достойно ли любви государство, угробившее в «маленькой непобедоносной войне» десятки тысяч молодых людей, так толком и не объяснив, во имя чего оно в эту бойню ввязалось? Говорю об этом с болью и горечью, потому что понимаю, что без государства — сильного, справедливого и уважаемого своими гражданами — выйти из нынешнего обвала, возродиться и добиться процветания невозможно.

Но Россия — не только государство. И вообще это понятие скорее **духовное**, чем географическое, этническое или административное. Как верно кто-то отметил, Россия не просто определенный тип государственности и социальной жизни, но и «духовная община» особого рода

и склада. У нее действительно «особенная статья» (Ф.И.Тютчев), своя оригинальная культура и своя историческая миссия. Это целый «мир миров», наднациональное, полиэтническое образование, позволившее объединиться и совместно существовать множеству народов, этносов и культур. Короче, Россия – это еще и **страна**, а не только государство, что надо всегда иметь в виду и с чем надо считаться. Умный политик американец Джордж Ф.Кеннан еще полвека назад, в самом начале «холодной войны» мудро советовал дать русским возможность «быть русскими», позволить им «решать их внутренние проблемы своим собственным путем». Понимают ли это сами русские?

Русских явно подводит недостаток чувства здорового, конструктивного консерватизма, свойственного тем же англичанам или шведам. Последние не поймут, если им начнут втолковывать, что существует какое-то идеальное состояние, которое лучше нынешнего, того, что они уже имеют. И они никогда не поймут и не примут «восторга презрения», с каким «верхи» могут относиться к «низам», как это издавна привилось в России. И при этом следует особо сказать о болезни беспочвенничества, отщепенства, каким заражены, увы, многие русские. Для них Родина не больше, чем «место рождения» и «пространство местожительства», которое можно запросто поменять и покинуть, захватив с собой драгоценности и кучу семейных реликвий. Ничего не стоит пожертвовать своими привязанностями, привычками и даже прежними убеждениями, лишь бы покомфортнее устроиться и разбогатеть. Они, собственно, и не русские по образу своего мышления и действий, ибо русскому, так уж он устроен, помимо «синицы в руках» нужен еще и «журавль в небе».

XX век оказался трагичным для русских, и потому они с такой опаской и недоброжелательством относятся к любым модернизациям и социальным пертурбациям, не ожидая от них для себя ничего хорошего. Как можно, например, поверить президенту, явно страдающему недостаточностью сердобольности и сочувствия – даже на словах, не говоря уже о делах. Или тому же Гайдару, который на вопрос, заданный ему публично в 1992 году: «А не получится ли так, что от ваших реформ пострадают сотни тысяч стариков, пожилых людей, начнет падать рождаемость и повысится смертность...», ответил кратко и беспощадно – «Пусть!..». Так буду ли я спрашивать этих людей – любят ли они Россию?

Сейчас часто, к стати и некстати, вспоминают знаменитые строки Тютчева «в Россию можно только верить», толкуя их как кому заблагорассудится. Причем упорно игнорируя истинный смысл, вложенный в них поэтом. А Тютчев лишь продолжил мысль – чувство лер-

монтовской «Родины». Читатель, конечно, помнит ее начальные строки: «Люблю Россию я, но странную любовью; // Не победит ее рассудок мой...». Попробуйте сегодня, как говорится, «своими словами» пересказать стихотворение Лермонтова, скажем, человеку, не знающему или прочно позабывшему их, и вас могут не понять, осмеять, а то и освистать. Как это – любить страну за холодное молчание степей, колыхание безбрежных лесов, разливы рек, дрожащие огни печальных деревень, чету белеющих берез и, что уж совсем странно, за удовольствие видеть пляску с топаньем и свистом под говор пьяных мужичков?!

Любовь не всепрощенчество, но она и не расчетлива. Любят не за «что-то», а просто любят. И потому представить себе не могут, как это возможно – жить вне и без России. Для тех, кто Россию любит и в нее верит, доказывая это делом, а не словом только, вопроса о том, нужна ли она – не возникает.

Но сегодня, увы, мы его все еще вынуждены себе задавать...

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ВОСТРЕБОВАННОСТИ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ

16 декабря 1998 года

В.И.Толстых

Думаю, что это тот случай, когда актуальность и значимость темы не требуется специально и долго обосновывать. Казалось бы, здесь все и так очевидно, ясно. И мы на наших более чем десятилетних заседаниях Клуба не раз касались данной темы, но затрагивали ее как-то мимоходом, вскользь и в связи с другими важными вопросами, не делая ее предметом особого рассмотрения. А сейчас решили этот пробел заполнить. Можно сказать и так: сама объективно складывающаяся в стране ситуация заставляет это сделать.

Я вижу две стороны этой проблемы, побудившие лично меня вынести ее на обсуждение именно сейчас. Положение в духовной сфере не хуже и не лучше, чем в других сферах — экономической или политической. В критическом положении оказалась не только культура и наука, но и производство, и государственное строительство, и благополучие населения, обездоленного и нищенствующего в своем большинстве. Сложился своего рода парадокс: зарплата ученых мизерная, у многих ниже прожиточного минимума, а институты и университеты продолжают работать, внешне «как ни в чем не бывало». Раньше бы это объяснили высокой сознательностью, но мы с вами хорошо знаем, что дело тут совсем в ином — в характере самого труда интеллектуала. Он, строго говоря, от зарплаты не зависит. Например, в нашем Институте философии в эти последние годы наблюдается буквально бум исследовательской активности и публикаций. Уже возник анекдот, что если завтра вообще перестанут выдавать зарплату, то все равно все будут сочинять и публиковать

свои «бессмертные» произведения. Так уж устроена голова интеллектуала, она напрямую не связана с материальным благополучием, хотя и здесь, конечно, лучше быть «богатым и здоровым», чем «нищим и больным».

Судя по всему власть предрежащие исходят именно из такого понимания механизма и секрета интеллектуального труда, и потому так его оплачивают. Впрочем, это касается не только ученых, но и шахтеров, врачей, учителей и многих других. Когда на Западе, случается, я вынужден бываю сказать, сколько получает у нас в России, например, доктор наук и профессор, в ответ слышишь: «И вы продолжаете работать?». До недавнего времени в это просто не верили, а теперь поверили, но удивляться не перестают. Так что в отношении сознательности мы «впереди планеты всей», это уж точно.

Как вы понимаете, я говорю не о зарплате, а об отношении демократической власти и государства вообще к сфере духа и интеллектуальной деятельности. Вопрос и проблема в том, как далеко — и куда именно — мы, продолжая так жить и действовать, дойдем, доскачем. В цивилизованном мире давно уже все поняли, что чудес не бывает, что будущее закладывается в настоящем, и прежде всего в наращивании интеллектуального потенциала страны. О развитости и перспективах той или иной страны и общества принято судить по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), куда входят три основных показателя: **уровень благосостояния**, выражаемый в цифрах среднедушевого дохода, **состояние здоровья**, определяемое средней продолжительностью жизни, и **образованность**, оцениваемая по уровню грамотности всего населения (особенно молодежи). Таков совокупный интегральный показатель качества жизни.

В условиях перехода или прорыва в постиндустриальное, информационное общество особое значение приобретает именно интеллектуальный потенциал страны, куда, помимо фактора образованности, относят также **состояние науки**. Вот об этом и хотелось бы поговорить сегодня. Тема не простая и достаточно конфликтная.

Я очень благодарен нашим ведущим, давшим согласие быть закоперщиками дискуссии, которая, не сомневаюсь, произойдет. Это — Сергей Павлович Курдюмов, член-корреспондент РАН, директор Института прикладной математики, и Сергей Викторович Егерев, доктор физико-математических наук, профессор Московского педагогического университета. Я пригла-

сил его после того, как прочитал в недавнем номере «Московских новостей» его статью «Мозги утекающие» (написанную в соавторстве с руководителем отдела газеты Натальей Давыдовой).

С.П. Курдюмов

В виде тезисов я расскажу о том, что мне кажется важным в разговоре о будущем нашей культуры и науки, потому что именно образование и культура отвечают на вызов современности. Неплохо бы знать, к чему надо готовиться и какие проблемы предстоит решать. Культура создается в течение столетий, а образование — это десятилетия. Какие проблемы призваны решать поколения в ближайшие десятилетия — это важнейшая проблема. Готовить бухгалтеров и юристов сегодня, может быть, и нужно, но это будет локальный ответ, имеющий значение для части людей. А есть проблемы, которые встают перед всем человечеством, и вопрос в том, как в них нам вписаться, найти свое место. Отвечая на него, я хотел бы обратить внимание на следующие моменты.

Начну с того, что в Европе большинство правительств — социалистические. Это не случайно. В этом проявляется потребность нашего времени: некоторые общие проблемы человечества можно решать только коллективно, а не на уровне хаоса, не на уровне индивидуалистических потребностей отдельных личностей и не с помощью только рынка.

Самый простой пример — это утверждение нашего бывшего мэра Попова, который говорил: включим рынок, и он нас сам вынесет в будущее. Это глубочайшее заблуждение, противоречащее представлениям, которые давно развиты в современной науке. Действительно, хаос или его аналоги — борьба за существование, рынок — они есть сила, выводящая на будущее, отбирающая из всех структур, которые существуют, то, что соответствует внутренней тенденции развития. Но будущее неоднозначно. И нужно помнить, что мир не сводится к случайной борьбе людей, организаций, классов и т.д. У нас был большой перегиб в этом плане. Есть потребность в понимании будущего, причем определенного будущего, и нельзя все сводить к задачам хаотического движения, складыванию усилий и выхода на что Бог пошлет. Действовать методом проб и ошибок в современном обществе, насыщенном оружием, неустойчивостью, кризисами, недопустимо. Это проявление отчасти социалистических тен-

денций, социализации подходов прогнозирования и руководства обществом, когда нельзя полагаться на безудержно мчащихся лошадей рынка.

Значит, нужно знать будущее. Представляли ли мы, что будет в ближайшие 20-30 лет? Сразу же сошлюсь на оценки ряда ученых, демографов, в том числе С.Капицы (я буду ссылаться на книгу С.Капицы с соавторами «Синергетика и прогнозы будущего»), связанных с разработкой новых направлений в науке, в частности и прежде всего с синергетикой, которой во многих странах уделяют сейчас большое внимание. Они стараются найти математические методы прогноза, в которые вписываются образование и культура.

Могут сказать, что математики, физики – неучи в истории и гуманитарных науках, и не им заниматься этим делом. Но проблема моделирования будущего решается ими совместно со специалистами, а не вместо них. Появились совершенно новые подходы. Появился нелинейный мир, в котором по-другому выглядит управление сложными системами. Изучая процессы в сложных нелинейных системах, ученые пытаются найти и сформулировать «законы запрета», определяющие течение эволюции и самоорганизации, внутренние цели развития сложных систем.

Общий итог такой: есть способы, замечательный новый антропный принцип, который может быть перенесен из физики в моделирование сложных систем. Оказывается, это давно известно биологам, что выход в будущее всегда достаточно узок. Вы знаете, что в биологических катаклизмах при переходе от одной эпохи к другой, при изменении климата происходит большой разброс попыток природы приспособиться к новым условиям, и только несколько из видов, несколько из ростков пробивается на следующую эпоху. Они обладают преимуществом, а дальше, при встрече с новой катастрофой, опять потребуется большой разброс. В некотором смысле и у нас такой разброс мнений, попыток, часто поверхностных, но все-таки попыток найти выход из возникшей ситуации, увидеть будущее, понять, как мы в него вписываемся, и прежде всего наша наука и культура.

Надо знать, куда идут исторические процессы хотя бы в рамках ближайших десятилетий. Потому что темп развития науки накануне 2000 года изменился очень сильно. За последние 40 лет человечество сделало во всех областях знания, культуры, производства товаров, энергии, систем связи столько, сколько за несколько сот тысяч лет до этого. Мы живем в эпоху, когда все

процессы чудовишно ускорены благодаря тому, что человеческая система обслуживает рост человечества и вынуждена обслуживать все остальные области — науку, культуру и связь. Один из опасных вызовов — отнюдь не экологический кризис, и не термоядерная война, а кризис демографический где-то около 2000 года: 20 лет до этого и 20 лет после этого. Нынешние темпы развития не сравнимы с темпами сто лет назад — в десятки раз, а по отношению к египетской империи (цивилизации) — в сто раз быстрее. Это очень важный фактор. Оказывается, все сложные структуры в это время тяготеют к распаду: не только Советский Союз, Австро-Венгерская империя или Великая Британия, а все без исключения. Это общая тенденция неустойчивости.

Оказалось, что существует новая термодинамика таких быстрых и нестационарных процессов, которая претендует на правила коэволюции. Иначе говоря, на правила устойчивого сосуществования, соединения разных структур, находящихся на разных уровнях развития, разных стран, разных регионов. Математически можно «определить» эти законы коэволюции. Если имеются режимы с обострением, или вблизи них, то в действие вступают правила запрета, которые предписывают ограниченный способ объединения структур, находящихся на разных уровнях развития. А это одна из важнейших проблем, незнание которой и приводит к распаду, отсутствию устойчивости в совместном развитии.

Распад сложных структур состоит в том, что новые возникающие экономические, экологические, культурные и другие ситуации выводят из равновесия структуры, которые до этого были объединены. И вся проблема состоит в том, как выжить в этот период, как не развалиться, как сложное сохранить. Но существует и противоположная тенденция, как, например, интеграция Европейского союза. Чрезвычайно интересно инструментально проверить, объединяются ли они как раз по этому закону или нет и можно ли преодолеть кризис и сохранить структуру. Мы живем в такое время, что животрепещущие вопросы можно ставить и разрешать, и не так, как в традиционном обществе, где все очень медленно изменяется.

Я как физик, ответственный человек, выступаю не от своего имени, а от имени большого коллектива, который работает сорок лет над этими проблемами нелинейной динамики в других областях, а сейчас уже около 15 лет вместе с коллегами в Институте философии и с другими группами исследователей.

Я утверждаю, что открытие такого устойчивого закона роста числа людей на Земле, которое говорит о системном факторе, который обеспечивается системой отношений в течение полутора миллиона лет, — это такой же важности открытие, как открытие постоянства скорости света. Сверхсложная система человечества была системой и миллионы лет назад, когда бродили племена. Важно понять, а за какие сроки устанавливалось равновесие. Мы в своей теории исходим из того, что существует конечный набор способов объединения структур, находящихся на разных стадиях развития. При произвольном объединении структуры развалятся. А при правильном наборе они могут существовать и коэволюционировать достаточно долго. И еще один важный факт — обязательные периодические колебания с отходом в прошлое, с откатом в прошлое, с возобновлением старых культурно-исторических связей.

Из сказанного следует, что сейчас наступает эра коэволюции как одного из возможных путей решения проблем, которые возникают перед человечеством.

Вопрос состоит в том, как же будет жить общество, которое очень разнообразно и, с другой стороны, насыщено чудовишной силой — термоядерной, химической, биологической и другими факторами — нравственными, религиозными различиями? Как оно сохранится и будет жить дальше? До сих пор огромную роль в жизни общества играла сила — и в науке, и в решении социальных проблем и других вопросов. Но в этом обществе оружие чудовишной силы, которое может попасть к какому-нибудь террористическому правительству, использующего террор ради достижения каких-то своих целей, в том числе религиозных или социальных, может попасть в руки маленькой группы людей. Мир стал опасен!

Мне кажется, задача России, которая привыкла жить в условиях сосуществования разных религиозных групп, разных верований, сочетания разных национальностей внутри, в отличие от США, заключается в сохранении, в определенных условиях с определенной деформацией, разнообразия. Что достаточно сложно, но возможно, если понимается объединение не как простое сложение, а с уступками, с какими-то консенсусами. Иначе развалимся.

Мне кажется, что для нас проблема сохранения России — наиважнейшая. Хотя возможность распада тоже сейчас встает со всей сложностью. Надо найти способ и для себя, и для мира в целом, как в этих условиях сложного развития выживать, со-

хранять сложное и развиваться, и именно его отдать миру. Мы говорим о роли России: о том, что она может сыграть выдающуюся роль. Она уже и так сыграла, несколько раз спасала человечество — от фашизма и т.д. Но сегодня это одна из главных и реальных ее задач, ее миссии для всего Человечества.

Теперь позвольте вернуться к жестокой практике. Мы с Вячеславом Семеновичем Степиным, как директора институтов, знаем, в каких условиях мы находимся. Многие философы занимаются дома, но это не значит, что не надо чинить крышу, здания, а мы их не чиним, и они начинают гореть. Мы в огромной степени живем старым капиталом. Это долго продолжаться не будет. Есть оценки, сколько это будет продолжаться, если не изменится политика правительства. Если мы не найдем выхода и не убедим в этом и правительство, и других, эта ситуация в ближайшие 10 лет грозит катастрофой. Мы живем на старые запасы, на старый капитал, который быстро исчезает: время полураспада у него — это почти поколение, 15-20 лет. Я с ужасом как директор вижу, что у меня за полтора года ушло (умерло) пять главных научных специалистов, значит, исчезло пять направлений. И это сверхопасно.

Культура и наука — наш капитал, который призван, с моей точки зрения, решить нашу национальную и мировую проблему. Здесь мы не можем уступать. Полезные ископаемые еще есть, экология еще 50 лет просуществует более или менее устойчиво, а развал науки и культуры лишит нас всякой перспективы.

Нам не все равно, как мир будет развиваться дальше. В нелинейных средах уже заложен план бытия — так, как у Платона. Идеальные формы. Новое представление о мире демонстрируется на реальных нелинейных процессах, которые мы пытаемся перенести на социально-экономические процессы и структуры. Среда уже есть, а все возможности, скрытые в ее нелинейных свойствах, еще не проявились. Зная эти структуры, а это конструктивный результат, — оказывается, они обладают инвариантно-групповыми свойствами тел, пространство и время в них связаны, — мы можем опереться на новое представление о мире, о правильной организации структур, об управлении и о замене действия сил и насилия пониманием внутренних тенденций развития. Мы получаем возможность выбора, чтобы выбрать наилучший вариант. Не насиловать среду и не приносить чудовищные жертвы тому, что неустойчиво и все равно развалится, как мы убедились на своем горьком опыте.

Что же касается кризиса образования, то, с моей точки зрения, выход есть. В нашей книге (С.П.Капица, С.П.Курдюмов, Г.Г.Малинецкий «Синергетика и будущее». М.: Наука, 1997 г.) мы вместе с Министерством образования на основе статистических данных смоделировали развитие российской науки. Есть такой сценарий: надо выделить несколько вузов — да, несколько, больше не получится, — и обеспечить их уровнем оплаты, может быть, с помощью Запада, который заинтересован хотя бы в оттоке части наших высококвалифицированных специалистов, — и несколько институтов исследовательских, способных держать высокую планку (они у нас есть). И мы будем опираться на синтез гуманитарного и естественнонаучного знания, в чем мы имеем целый ряд продвижений, которые есть еще в 3-4 институтах в США, Германии и Англии, и больше нигде в мире. В нашей стране эту высокую планку может держать только небольшой ряд институтов — Университет, Физтех, МИФИ, МАИ. Вот их-то и надо поддержать и обеспечить всем необходимым.

У нас есть большой опыт выживания отдельных групп на основе научных фондов. Выживание отдельных групп можно обеспечить с помощью контактов с Западом, где гигантская разница в оплате оказывается чрезвычайно выгодной для них. У нас есть здания, кое-какое оборудование, а если оно устарело, его можно заменить для каких-то сложных экспериментов. Наш институт, например, несмотря ни на что, оснащен лучше, чем многие европейские университеты. Были бы задачи и было бы маленькое обеспечение — ничтожное по сравнению с теми затратами, которые у нас всегда на железки тратят, а не на людей, чтобы сохранить потенциал. В Америке на два-три порядка более мощные машины, а что толку?

С.В.Егоров

Должен сказать, что нахожусь под большим впечатлением от выступления Сергея Павловича. Последние шесть-семь лет я занимаюсь научно-технической политикой России, занимал аналитические должности в Министерстве науки и Администрации президента, но при этом всегда оставался действующим физиком, работая в серьезном физическом институте. То есть у меня была возможность посмотреть ситуацию изнутри и с несколько общих позиций.

Почему я очень хотел поучаствовать в вашем разговоре? Отсутствие методологической основы не то что для реформ, а хотя бы по конкретным направлениям управленческой деятельности в сфере науки заводит нас постоянно в тупики и приводит к недоразумениям. В качестве самого свежего примера могу сослаться на недавно проходивший (декабрь 1998 г.) семинар на весьма представительном уровне Министерства науки и технологии, организованный совместно с Организацией экономического сотрудничества и развития – ОЭСР. Огромное количество экспертов, представляющих европейские и американские научные фонды, приехали сюда с единственной целью – методическим образом обеспечить основу для выполнения Министерством науки прогнозов на тему, что ждет российскую науку в ближайшей перспективе и, может быть, в несколько более отдаленной. Меня поразило отсутствие методологической основы и взаимопонимания между российскими и зарубежными экспертами, шел просто разговор глухих.

В какой-то момент ответственный за семинар от ОЭСР вскричал: есть ли здесь представители Российской Академии наук, есть ли представители российского фонда фундаментальных исследований, кто вообще прогнозами занимается? Чиновники быстро успокоили: они заменяют собой всех, поэтому семинар можно продолжать.

Это – иллюстрация к вопросу о важности методической основы любого начинания. Наш последний проект, совместный с Натальей Давыдовой, обозревателем «Московских новостей», посвящен исключительно российской научной диаспоре. Диаспору составляют временно или постоянно работающие за рубежом российские ученые, поддерживающие отношения друг с другом и составляющие таким образом любопытный социальный организм.

В чем замысел проекта? После опубликованных в № 46, 1998 г. «Московских новостей» материала по поводу российской научной диаспоры разгорелась интенсивная международная дискуссия в Интернете. Сервер «Московских новостей» организован таким образом, что можно не только давать оценку каждой статье, но можно организовать и дискуссию. Дискуссия идет уже четвертую неделю с продолжением. Материал очень интересный, он позволил вычлнить 5 пунктов проблемы востребованности интеллектуалов в России 90-х годов.

Первое. Мифология и разного рода наслоения и спекуляции вокруг проблемы. Вот уж поистине народная примета. Допустим, появились коротенькие статейки в разных изданиях или

на телевидении, которые выглядят следующим образом: «Россия — родина Ломоносова, а вместе с тем затраты на науку в России позорно малы». Если такого сорта статьи появились, это значит, что или обсуждение бюджета дошло до строчки «Расходы на науку», или какие-то выборы приближаются, или готовятся какие-то структурные изменения в департаменте правительства, отвечающем за науку. Конечно, с содержанием статей спорить не приходится, но опасность в том, что такие упрощенные представления подменяют серьезный разговор.

Второе. Следующий вопрос состоит в том, что такое востребованность сама по себе? Это большой индекс цитирования, другие формы признания ученого или стабильная, спокойная работа из года в год, из десятилетия в десятилетие над одной какой-то проблемой? Ситуации бывают разные, но очень часто под понятием востребованности, как показали обследования (одно из блестящих обследований — это работа новосибирских социологов «Академическая наука в условиях кризиса»), что большая часть научного сообщества под востребованностью понимает своего рода индульгенцию для себя продолжать заниматься все тем же самым, чем ты хотел бы заниматься, чем ты занимался десять, двадцать лет назад. Этот подход — иждивенческий.

Третье. Следующий пункт, который тоже важно отметить, — какова реакция на невостребованность, и как внешне она проявляется в поведении научного персонала, который ощущает свою невостребованность? Тут мы подходим к так называемой одноканальной модели деградации постсоветской науки. Она выглядит таким образом. Не получив признания на родине, ученые уезжают, естественно, за границу. То есть очень большое внимание уделяется физическому пересечению телом ученого границы. Уезжая, он попадает в прекрасную лабораторию, добивается блестящих результатов, после чего на родине кусают локти, и задача ставится таким образом, чтобы эту цепочку где-то остановить. Эта модель была очень модной, и практически все социологические исследования 1992-94 годов исходили из нее. Во многом постановка такого упрощенного взгляда связана с воспоминаниями о счастливой судьбе некоторых российских эмигрантов первой волны — Сикорского, Капицы, Зворыкина, Гамова. Не всегда дело кончалось Нобелевскими премиями, но это было в памяти. Это послужило тому, что в 1992-94 годах вся научная аналитика съехала на анализ этой проблемы. Кроме того — влияние ОЭСР. Европейские страны просто-напросто хотели

узнать, что их ждет от того, что распался СССР и ухудшились условия работы российских ученых. Тогда ждали массового бегства наших граждан, и, помню, были сообщения, что Чехословакия на своих границах развернула инженерные войска, чтобы не допустить массового прорыва оголодавших советских людей. Этот страх заставил ОЭСР форсировать вопрос внешней интеллектуальной миграции российских ученых. Сказано – сделано. Министерство науки уже готовилось к организации департамента по ликвидации интеллектуальной миграции, как вдруг выяснилось, что ушедших из науки в другие области деятельности, причем не пересекая границы, в два, три, четыре раза больше, чем тех, кто уехал. Дальше – еще более удивительное. Думали-то, что уезжают на постоянное место жительства ученые, и поэтому пользовались эмиграционной статистикой МВД, где указана их предыдущая деятельность. На основании этих листочков делали удивительный вывод, что вся российская научная общественность переехала в Германию. На самом деле эти листочки были связаны с тем, что среди этнических немцев, уезжавших в 1992-94 годах, было много учителей. Основная же масса ученых уезжала временно, оставляла свои трудовые книжки в институтах и учитывалась в статистике как работающая у нас. Это еще одна ловушка, в которую попадают те, кто очень просто представляют себе этот процесс.

Четвертое – научная мобильность. Что означает снижение спроса на какое-то конкретное знание? Всегда ли это недосмотр руководителей страны? Всегда ли это чей-то злой умысел? Получается, что не всегда.

Простой эмпирический опыт показал, что в США сейчас утрачиваются знания по тому, как правильно пломбировать зубы – проходить канал, цементировать и лечить человека от кариеса. Действительно, закрываются клиники, институты. Те, кто еще умеют это делать, называются не просто врачи, а эксперты. Это, естественно, не злой умысел, это результат достаточно осмысленной политики 70-80-х годов по профилактике этого заболевания у подростков. Там только что появившийся коренной зуб покрывают пластмассой, со временем пластмасса стачивается, но кариес уже не развивается. По потенциалу знаний прохождения зубных каналов наши стоматологи на голову выше американских. А в каких-то странах, возможно, совершенствуют конскую упряжь и соответствующие специалисты гордятся своей востребованностью.

Пятое. Следующий пункт связан с тем, что от ученых требуется – помимо мобильности в области выбора своей тематики, внутренних обязательств находиться в хорошей научной форме – еще и чисто физическая необходимость согласиться с переездом в какой-то другой город, в другой субъект федерации, в другой штат США. В США это считается в порядке вещей. Здесь такое часто воспринимается как трагедия. А ведь сколько столичные институты командировали ученых в Сибирь и на Дальний Восток.

Я бы хотел поделиться с вами некоторыми высказываниями российской научной диаспоры. Хочу привести фразу из одного письма. Прошу прощения за длинную цитату. «В науку пробиваются те, кто готов в течение многих лет терпеть лишения, жить жизнью зачастую на грани нищеты, тяжелый труд и безумную бюрократическую круговерть. Выживают две категории людей – истинные энтузиасты, зачастую богемного склада, которым наплевать на материальные блага, и ловкие бюрократы-приспособленцы, умеющие выколачивать деньги, хорошо болтать, устанавливать связи, эксплуатировать подрастающее поколение». Это написано не про нашу, про американскую науку. И дальше цитата из большого аналитического материала, где изложено то, о чем мы сейчас знаем: наука в США все менее привлекательна для представителей среднего и даже высшего класса, это занятие во многом для эмигрантов, для энтузиастов, для тех, кому жить без науки физически невозможно.

Вот таким образом мы пришли к тому, что, несмотря на чудовищные различия в финансовых возможностях российской и американской науки, куда ни уезжай, от себя не уедешь, потому что закон развития одинаков, научный хлеб очень тяжел, и не в этой аудитории мне об этом говорить. Но, заканчивая свое выступление, хочу сказать: мне кажется, что несмотря на такую ситуацию, наука – это хоть и жесткая и часто несправедливая система, но все-таки это не благотворительная сфера, не отдел социального обеспечения. Говорю об этом потому, что программы поддержки российской науки во многом подпитаны чувством вины перед учеными: мол, так, товарищи, получилось: что есть, то есть, но зато мы от вас ничего и не требуем. Если эту ситуацию мы сможем переломить, то все увидят, что научный потенциал у нас еще достаточный.

Я в последнее время занимался изучением состояния науки, и поэтому я хотел бы поделиться некоторыми своими размышлениями.

Первый тезис. В 1993 году уже упомянутая ОЭСР составила доклад для Министерства науки и технологии России, в котором было сказано, что технологически Россия не сможет содержать науку, доставшуюся ей в наследство, и ее надо сократить на две трети. На тот момент в науке был занят миллион человек, значит, надо оставить 300 тысяч.

Второй тезис. Россия должна отказаться от претензии на технологический авангардизм, ей никогда уже не достичь уровня, положим, той же «семерки» в области технологии. Что это означает? Это означает, что Россия по своему технологическому базису и технологическим возможностям является страной второго или третьего эшелона.

Эти два тезиса четко реализуются на протяжении последних пяти лет. Мы уже сократились наполовину, осталось совсем немножко, чтобы сократиться на две трети. Мы ориентируемся на западные образцы, так же, как наши предыдущие правительства действовали по указаниям МВФ. Под востребованностью интеллектуального потенциала я понимаю нечто иное, чем предыдущий оратор. Для меня — это запрос общества к интеллектуальной России. В лице государства его нет: культура финансируется по остаточному принципу, наука тоже (50 долларов главному научному сотруднику в месяц). Говорю так, потому что востребованность общества оценивается в деньгах.

Тут говорили о рынке, я хочу выступить в защиту рынка. Раз мы перешли на рыночную экономику, давайте все мерить в деньгах. Конечно, для фундаментальной науки законы рынка — это ее гибель, это однозначно. Но для всей сферы инноваций переход к рынку оказался крайне болезненным, еще больше, чем для фундаментальной науки. Хотя здесь реформы должны быть более глубинные, чем в области фундаментальных наук. То есть существуют две модели при планировании науки и адаптации к новым условиям. Фундаментальным наукам не так нужны структурные перестройки, нужна селективная политика, о чем здесь уже говорили. Действительно, денег на всех не хватает. Эта селективная политика, кстати, единственно последовательная политика, которая ведется нашим государством по отноше-

нию к науке. Но что касается научно-технической сферы, то здесь должны произойти очень глубокие преобразования. В чем их смысл? В Советском Союзе существовала определенная инновационная система, основанная на командно-административных принципах. Мы все знаем, что на протяжении десятилетий Советский Союз так и не смог решить проблему связи науки и производства, внедрения нового оборудования. Я всегда себя спрашивал, почему у нас такой плохой технологический уровень? Дело не в недостатке денег, а в том, что сама система организации была построена таким образом, что производство отталкивало науку, не принимало ее. И сам план был рассчитан на количественные показатели, за это давали премии, надбавки, всякие блага. А всякая технологическая инновация этот план срывала. Поэтому производство отталкивало инновации.

Рыночная система инноваций более эффективна. В этом смысле я хочу защитить рынок. И поэтому нужно строить новую систему отношений в науке. Тут есть разные точки зрения, предлагаются разные стратегии.

Одна стратегия исходила из такой посылки: вот у нас пойдет производство, производство потребует инноваций, мы его приватизировали и думали, что новые хозяева сразу побегут к науке, чтобы модернизировать свое производство. А они начали прежде всего воровать, потом самоснабжаться, покупать мерседесы и т.д., и ни о какой технологии, ни о какой науке, ни о каком будущем своего производства они вовсе не думали. Большинство. В результате у нас только 5 процентов производств — это точная цифра — работает на современном технологическом уровне, а остальные 95 процентов — на прежнем. Вот что получилось в результате. Значит, приватизация не привела к технологической революции в России.

Что делать? Стали говорить: давайте подождем, пока все-таки производство начнет развиваться и от него пойдут импульсы, появится востребованность в научно-технической сфере. Но до сих пор производство топчется, падает, хотя что-то от иностранцев и получает. Конечно, у иностранцев покупать патенты, лицензии и т.п. нужно, но нужно создавать и свою систему, потому что мы — великая страна, мы не можем жить только на иностранных подарках. До сих пор эта проблема не решена. А все, что было накоплено, разваливается, кончается. Если мы будем и дальше так продолжать, то мы вообще потеряем способность развивать современную технологию. Нам нельзя дожидаться, пока

производство начнет развиваться, а нужно создавать и развивать инновационную сферу, используя ее как рычаг для подъема производства.

Мы до сих пор не имеем последовательной научно-технической политики. Когда началась приватизация и начались реформы, не было просчитано, как это скажется на науке и культуре, и до сих пор мы здесь крутимся без выверенной, без последовательной, рассчитанной на перспективу научно-технической политики.

С.П.Курдюмов

Я абсолютно согласен с этим. Вопрос в том, какие товары производить. Это не значит, что все. Что мы производили раньше, нужно возобновить. В информационном обществе товаром может быть и наука, культура, и здесь наша сила. А мы продолжаем цепляться за старые заводы. Нужно выбрать тот товар, который войдет в мировую нишу, найдет свое место на рынке.

И.А.Раскин

Вызывает почти автоматическое неприятие употребление терминов «рынок», «приватизация». Рынка нет, приватизации не было, это называется иначе. Думаю, всем понятно, что имеется в виду.

И что это значит — «мы должны». Кто такие мы? Те, кто сидит здесь? Наверное, нет. Может быть, имеется в виду вся страна? Скорее всего, да. Я не понял, к кому апелляция. Единственное, что я услышал, что нужна помощь научному сообществу от правительства. Правительство этого не делает. Почему, спрашивается. Вот этот вопрос должен быть задан в первую голову. И в первую голову нужно задаться вопросом, как сконструировать тот социальный субъект или организацию, или орган, который будет способным стать этим самым «мы». Его нет. И в этом суть проблемы.

В.Ю.Царев

Думаю, что востребованность и потребности не находятся в состоянии вечного, временно прерываемого родства. Наоборот, они постоянные и иногда с трудом преодолеваемые родственники. То есть это состояние, как говорят в научном сообществе, дихотомии.

Востребованность внутренняя, внутри науки, мне кажется, — ключевая проблема всей жизни науки и проблема необязательно решаемая. Дело в том, что наука — процесс естественный и в этом качестве мало зависящий от хотения, воли, намерений, планов и программ — 50 или 500-дневных и т.д. В науке время от времени поднимаются на поверхность совершенно разнокачественные ритмы. Конечно, наука начинается с достижений. Науку делают те люди, которые на самом деле предлагают нечто новое, и, опираясь на авторитеты, вооруженные этим новым словом, занимают командное положение при организации и продвижении науки. Но это обязательно проходит, и наступает другой момент: вместо элиты достижений наукой начинают руководить люди из элиты положений, то есть люди, которые уже не говорят нового слова, уже не гениальны по божественному предопределению, но они занимают командные посты и потому провозглашаются в науке сказителями новых слов и дел. Беда заключается в том, что и наука достижений, и элита положений опираются на деле на исполнителей, которых нельзя отнести к произносителям новых слов.

В булгаковском «Собачьем сердце» есть ускользающая из поля зрения большинства толкователей текста деталь: профессор Преображенский очень удивляется результатам своего дела. Он задумал черт знает что, и удивился, что черт знает что получилось. Вот эта безответственность человека остается сквозной, трагической и опасной, разрушительной «троянскоконной» чертой любого научного дела, любого научного производства. Вторая особенность профессора Преображенского — это вполне средний человек, средний ученик, который, как говорят, погудок, хорошо поет, если рядом с ним кто-то поет очень хорошо. И, наоборот, исполняет с ошибками и фальшивит, если вокруг него фальшивят.

Так вот, когда естественным образом в естественных и гуманитарных науках командные высоты заняты элитой положений, то есть теми, кто стали академиками, потому что стали директорами и окружили себя средними людьми уже по своему вкусу и хотению, то есть не теми средними, которые хорошо исполняют хорошее дело, а теми, которые исполняют по большей части дело декоративное, искусственное, внешнее, то вот это как раз и есть то, что создает нынешнюю проблему. В том числе и проблему утечки мозгов.

Вообще-то для того, чтобы мозги могли утекать, они предварительно должны начать разжижаться. Утекают разжижающиеся мозги. Мне кажется, что новая руководящая элита сожалеет не о том, что утекают лучшие, а утекают лучшие, с ее точки зрения, исполнители. То есть те, с которыми можно хорошо работать, которые хорошо подчиняются, не заносятся, не шмыгают носом, не косятся, не хмыкают, когда им дают новое руководящее указание. В этом смысле, думаю, проблема как бы отсутствует: лучшие не уходят, лучшие как раз остаются. Другое дело, что они переходят в таинственный разряд людей, которые в лучшем случае сжигают свой ум, а в других случаях просто отстраняются и впадают в существовательное поле. И деньги тут никакие не помогут. Дело ведь не во внешних условиях, которые мало или совсем мало влияют на обстоятельства. Впрочем, говорю как бы об общих проблемах, хотя я полагаю, что мы, естественники и гуманитарии, своих проблем не решим одновременно хотя бы потому, что мы найдем мало совместных проблем. В конце концов идеал естественной науки — это достижения, которые можно пересчитать и повторить, а идеал гуманитарной практически любой идеи — это достижение, которое повторить в принципе нельзя.

Но вернусь к нашей гуманитаристике, к ее иллюзиям. Вы обратили внимание, что за этими скоробогачествами, за этими миллиардами, взявшимися как бы ниоткуда, стоят наши страшные отечественные иллюзии, которые отметил еще Федор Михайлович Достоевский. А именно то, что можно взять весь капитал целиком. Весь, какой есть, схватить и, практически не имея на то никаких оснований, не опираясь ни на какие заслуги, сидеть на этом капитале, как курица на золотых яйцах до тех пор, пока эти яйца не протухнут. Вот эта иллюзия мне кажется разрушительной, потому что она лишает наши души жизненного порыва.

И внутри нашего благородного цеха тоже есть иллюзия, что нашей философии не хватает свободы языка, красочности, наполненности. Вот нас освободят, мы будем ходить, а за нами будут бегать, записывать, а мы будем говорить и рассказывать. В принципе теперь все-таки свобода есть. Но ждали мы афористов, а дождались аферистов. С одной стороны, занимаются Бог знает какими вещами, я даже не могу сказать и чем. И все это на птичьем языке. Правда, и раньше щебетали на этом языке, так называемом сциентистском. Раньше казалось, что щебечут воробьи, а сейчас кажется, что щебечут птеродактили. Потому-

то страшно от такого шебета становится — никуда это не девается. Этому можно не симпатизировать, но сделать с этим, по моему, ничего нельзя. По-моему, нужно это переждать. Просто нельзя исходить из того, что одни и те же люди вдруг, неожиданно ударившись оземь, сказочным образом превратятся из чего-нибудь такого, допустим, в сокола, который высоко летает, землю озирая. Скорее всего нет. Здесь проблема потребности: нуждается ли окружающая нас сегодня среда в полетах фантазии над Евразией и прочих красотах духа? Я очень сильно сомневаюсь.

Дело в том, что образ мыслетворца о внешнем мире, о всем окружающем опыте, мне кажется, подстроен не столько под полеты духа этого общества, сколько под его комплексы, под его представления о том, как это должно быть. Ведь Ницше говорит, что он учитель толпы заикающихся. Толпа и не будет слушать другого вообще-то, по большому счету. Пропадает устремление к шедевру и среди тех, кто занимается производством продукции, и, возможно, среди тех, кто эту продукцию потребляет.

В общем, как мне кажется, вопрос этот остается открытым. Как бы там ни было, конвейерная, поточная, технологизированная идея творчества в любой отрасли так или иначе будет подчиняться универсальным законам. Если развитие таково, что на смену одной волне должна подняться другая волна, то тут ничего не сделаешь. Выйти из этого можно только за пределами потока, то есть в одиночестве. Но у нас ведь нет обыкновения одиночества. У нас нет личного устремления к шедеврам в гуманитаристике. У нас нет устремления все делать, невзирая на гранты, на поддержку и все такое прочее, тем более, что получение всех грантов упирается в экспертизу и опять же во всякие сомнительные обороты и рейтинги. Стало быть, надеяться можно на то, чтобы делать свое гуманитарное дело, и как можно лучше, понимая, что ничего ты не изменишь. И все.

С.В.Егоров

У меня реплика к двум последним выступлениям.

Национальная инновационная система это, конечно, дело будущего, и хорошо, если бы она была создана. Но мы не должны забывать, что на нас движется очень серьезная проблема. Это проблема разрыва поколений. Какие бы планы ни строили те студенты, которые учатся сейчас в университете, они для фундаментальной науки и собственной инновационной деятель-

ности уже потеряны. Есть небольшая надежда, если правильно построить политику в ближайшие десять лет, лишь на тех, кто сейчас учится в 3-4 классах школы. Это грустная вещь. Вторая грустная вещь состоит в том, что, действительно, гримаса приватизации и реальность 90-х годов подкосили общую картину.

Но теперь нечто положительное. Поскольку научная сфера большая — такая же большая, как наша страна, то пытаются усреднять все в плохом или хорошем смысле. Можно пригласить желающих посетить в последний четверг каждого месяца ежемесячный семинар российского общественного центра Интернет-технологии, который заседает в Центральном экономико-математическом институте в три часа дня. Вы увидите там очень много счастливых молодых жизнерадостных толковых специалистов в области телекоммуникаций, которые знают, чем занимаются и чем будут заниматься в ближайшие десять лет. Будет кризис, не будет кризиса, они прекрасно сориентированы, и на них можно рассчитывать. Почему так? Потому что вместо усреднения они вошли в отлично развивающуюся отрасль.

А.В.Бузгалин

Остановлюсь на трех моментах.

Первое. О необходимости развития интеллектуального потенциала. Это только кажется, что необходимость есть банальность: все знают, что необходимо. Ничего подобного. В общественном мнении такого убеждения нет. Более того, в общественном мнении есть противоположное убеждение. Поэтому задача номер один для нас с вами — это формировать такое убеждение. В данном случае мы очень много можем сделать сами. Даже если будем только серьезно говорить, обсуждать эту тему.

Эта необходимость совпадает с серьезными мировыми исследованиями о том, что те уникальные интеллектуальные продукты, супердорогие товары, которые производят корпорации и нации, которые стоят десятки и сотни миллионов долларов, миллиард, если говорить о космической промышленности или о новой системе программного обеспечения или новой информационной сети, именно они сегодня определяют будущее. Поэтому мы сегодня должны постоянно талдычить, что Россия имеет единственный шанс выхода из ямы и скатывания даже не на уровень Бразилии, а гораздо ниже. Мы останемся на нижнем уровне второй группы стран — это оптимистический прогноз, а реалистический прогноз — скатимся еще ниже.

В этой же связи мы должны говорить о необходимости опережающего развития не только науки, но и образования, и культуры, постоянно сцепляя эти две вещи, но в сегодняшних своих выступлениях наши ведущие как-то симптоматично их не сцепили.

Второй момент — это условия, которые нужны для такого опережающего развития науки, культуры, образования. Первое условие, о котором все говорят, — это деньги. Условие очень важное, и это иллюзия, что денег в нашем государстве нет. Практически все грамотные представители оппозиции — от экспертов Явлинского до экспертов неонационалистического крыла КПРФ — многократно показывали, откуда можно взять в России без больших напряжений до 10 миллиардов долларов ежегодно. Но проблема в том, кто и как эти деньги будет использовать. Хотя на самом деле для науки и образования нескольких миллиардов долларов достаточно для осуществления нескольких прорывных программ. Через несколько лет они дадут продукты, которые имеют стоимость на порядок выше, чем инвестиции. Ну, хотя бы в той системе, где мы могли бы в потенции создать конкуренцию даже Майкрософту.

Известно, что рыночная стоимость корпорации Майкрософт в 12 раз выше стоимости ее активов. Почему? Потому что там есть головы. Достаточно вложить один миллиард долларов, и стоимость вашей корпорации, если вы вложите сегодня наши мозги, будет 12 миллиардов, и вы будете стричь купоны. Это живые деньги, акции, которые котируются, приносят дивиденды и дополнительную прибыль.

Итак, условия. Деньги — это раз, и есть откуда их взять. Два — это институциональные условия. Иллюзия, что достаточно дать деньги, и все само собой завтра будет. Нужен субъект — кто это делает. Сегодня даже с большими деньгами выйти на мировой рынок «ноу хау», интеллектуальных продуктов, образовательных программ невозможно. Нужно создать и обладающую кулаками, зубами, мозгами и шкурой транснациональную корпорацию. Масштабы сравнимы с Майкрософтом или IBM или чем-то таким. Это сейчас под силу только российскому государству, желательно в кооперации с еще несколькими государствами. При этом мы тут же столкнемся с тем, что никакой Запад с нами никогда равноправно конкурировать не хотел, не хочет и не захочет. Это иллюзия, что они будут вкладывать в нас и это будет приносить им прибыль. Это реальный современный глобальный мир. Свободная конкуренция возможна только тог-

да, когда вы работаете субподрядчиком, тогда вывеска свободной конкуренции вам доступна. Когда я каратист, а вы калека, тогда мы можем драться на равных на улице. Но если вы взяли автомат, то никакой свободной конкуренции не будет. Против вас можно выставить атомную бомбу. Я использовал образ, чтобы уйти от чисто экономического контекста.

Третий момент — климат. Наша страна сейчас переживает эпидемию отупения и лжи. Это не случайно, что наша интеллектуальная среда больше всего любит слушать Жириновского. Если мы не сломаем эту эпидемию отупения, мы останемся там же, где сейчас находимся, а то и хуже.

Поэтому основной вопрос — это не вопрос, где деньги взять, а вопрос, кто сможет взять деньги там, где они лежат, кто сможет создать соответствующие институты и изменить общественную атмосферу в стране, осуществить всю эту грандиозную программу изменений. Вот это проблема номер один. Вывод, к сожалению, пессимистический: сейчас такого субъекта нет. Но есть в этом пессимизме определенная оптимистическая нота: если мы не начнем, как лягушка в сметане, дрыгать своими лапками, то его никогда и не будет. Тем не менее процесс потихоньку начал меняться. Людям эта эпидемия глупости уже надоела. Люди устали от прагматики. Интеллигенция начинает снова шевелить мозгами, мальчики и девочки начинают интересоваться интернетовскими программами, тратить на это силы и время. Здесь есть шанс. Но здесь нужна и воля, тем более интеллектуальному сообществу. Но что-то можно делать. Перестройка начиналась с таких клубов и семинаров — я напоминаю нашу недавнюю историю. И сейчас на этой теме возможна некая консолидация. Вы упоминали Попова, он сегодня говорил в Горбачев-Фонде нечто крайне противоположное тому, что говорил семь лет назад.

В.С.Степин

В принципе из того, что было сказано, я со многим согласен, поэтому просто эскизно напомним, с чего мы все начинали. Ведь была потребность — такая, которую Тойнби назвал бы историческим вызовом, — в 70-х годах страны Запада провели научно-техническую революцию, а мы ее провести не сумели. Это и был, пожалуй, тот самый исторический вызов, который стимулировал перестройку. Она не является злонамерением отдельно взятых людей, окружавших Горбачева, это был какой-то, пусть не очень адекватный, но все-таки ответ на вызов.

Почему мы не смогли, при всей потенциальной интеллектуальной мощи государства, проделать то, что сделали страны Запада? Тут выяснилась простая вещь: то общество, которое сейчас называется постиндустриальным, информационным, которое связано с глобализацией, мировым рынком, разделением труда и т.д., требовало открытости информации. Мы натолкнулись на нашу систему, где информация стерильно дозировалась и была под контролем. Ни о каком Интернете при наличии мощи КГБ не могло быть и речи. Тогда с пишущих машинок снимали образцы шрифтов, а уж ксероксы тем более были под жестким контролем. То, что потом свершилось, несмотря на все колоссальные издержки, все-таки имело определенный позитивный результат в том смысле, что сейчас какой-то уровень интеллектуальной свободы есть и наше говорение имеет место. Это был, как говорится, некий шаг. Хотя этого мало и, конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы решить ту самую грандиозную интеллектуальную задачу.

А задача состояла в том, что предпосылки постиндустриального развития, конечно же, увязывались с развитием «ноу хау», науки с технологическими ее измерениями и вхождением в мировой рынок. Казалось бы, у нас было все и мы могли бы это сделать, но что-то не получилось. В сценарии развития сейчас маячит явно другое. Я считаю, что для России сейчас есть три развертки или сценария.

Первый сценарий обозначается всеми: в экономическом смысле мы есть страна, которая подпитывает мировой рынок своими ресурсами, в политическом — это господство компрадорской буржуазии, а в идейном, интеллектуальном отношении наблюдается разброд и шатание, усиление комплекса национальной неполноценности, а идеалы и образ жизни Запада воспринимается как нечто недостижимое. Это один из сценариев, по нему мы сейчас и рулим.

Есть другой сценарий, который был для нас желателен в начале перестройки и который, кстати, подменил идею выхода на рубежи постиндустриального развития. Это сценарий такого сорта: дайте нам, как на Западе, рынок, маркетинг, дайте нам супермаркеты, мы хотим потреблять так, как они. То есть сделайте нам вот такую хорошую жизнь. Собственно, наши рыночные реформы под эти идеалы и строились. Не получилось — это уже другой разговор. Можно тоже показать, почему не получилось и не могло получиться. Это не значит, что этот сценарий

нереализуем в принципе. Думаю, если этот сценарий будет реализовываться, он на нас повлияет тоже очень своеобразно. Возможно, страна разобьется на ряд своеобразных регионов, которые будут по-разному включаться в мировой рынок, тяготеть к разным центрам мирового рынка, и тогда Россия, наверное, станет уже конфедерацией и будут достаточно сложные отношения здесь. Вряд ли мы выйдем на уровень такого потребления, как сейчас в Европе. Не думаю, чтобы мы его достигли когда-нибудь.

И есть оставшийся идеалом сценарий – выход на передовые рубежи постиндустриального развития. Владислав Жанович правильно говорил, что мы сейчас все время отдаляемся от этих рубежей, но они остались. Вот они как раз и требуют высокого уровня науки и образования, определенного уровня интеллектуального развития нации. Мы сегодня зафиксировали этот парадокс: обстановка, которая у нас сложилась в результате неудачных рыночных реформ, крайне неблагоприятна для того, чтобы развивать науку, образование и поднимать интеллектуальный потенциал страны.

Однако нужно внимательно посмотреть, какие стратегии движения тут возможны. Я согласен с теми, кто говорил о прорыве. Если денег не хватает, сосредоточьтесь на этих направлениях, киньте туда деньги, и вы получите «ноу хау», рост и т.д. Другой вопрос: а решит ли это проблему? И может ли наука так развиваться. Фундаментальные науки – это целостный организм, тут не все так просто. Скажем, вы возьмете и в биосфере выделите какие-то биоценозы как хорошие, прогрессивные, а остальные, что же, уничтожать? Но это невозможно. Как только исчезнет разнообразие научных школ, направлений, так эти прорывные направления и заглохнут. Наука есть системная целостность, чего часто не понимает научная бюрократия. Я сам участвовал в совещаниях, где разрабатывались реформы образования. Как они строятся? Мы вам даем денег меньше, чем раньше. Делайте, как хотите, но денег будет столько. И назовем это реформой. Все, что вы будете там делать, назовем реформой образования. Примерно так и реформы науки проводятся. Давайте, говорят, создадим научные центры. Вопрос: кто их создаст? Тот, кого правительство назовет, у кого каналы связи, тот выделит свой институт в научный центр. Или люди близкие к правительству создадут такой центр, который будет финансироваться. Они туда соберут людей, будут платить, но результатов у таких скороспелых центров пока не видно. А у академи-

ческих, давно сложившихся институтов, где уже были отработаны направления, им просто дали дополнительное финансирование, — там результаты есть.

Хочу остановиться на втором пункте своих размышлений. Ломать, как говорится, не строить. Надо посмотреть, что у нас было в прошлом, что помогало нам как-то развивать науку, и нужно ли это все ломать. И правильно ли, что мы сейчас берем у Запада какие-то лежащие на поверхности вещи, пытаемся на нашу почву привить, но результата не получаем. На Западе нет академии наук, там есть университеты, которые развивают науку. Казалось бы, давайте сделаем так же: будем развивать науку в университетах, академию наук расформируем, превратим ее в набор научных центров и выделим отдельные узлы, которые могут дать перспективные направления развития. Сомневаюсь, что это приведет к хорошему результату. И вот почему. Здесь своя история. Запад развивал науку из университетского образования. А в России все происходило иначе. Был Петр Первый, проект академии наук, разработанный Лейбницем, который был, кстати, тайным советником Петра и деньги получал за это. В 1696 году состоялась встреча Петра Первого и Лейбница. Потом был десант знаменитых европейских ученых во главе с великим Эйлером. Потом сформировалась академия, сформировались кадры — Ломоносов руководил. Лишь потом на ее основе возник Московский университет. Академическая структура все время была системообразующей в том смысле, что я не мыслю Физтеха без Академии наук СССР. Раньше такого вуза у нас не было. Когда наш Институт философии хотели слить с университетом, я получил письмо от Моравчика, вице-президента Американского философского общества. Он писал: ни в коем случае не рушьте свой институт, это благо, это замечательная вещь, мы к этому идем. Ведь что такое наши профессора, которые получают годовой творческий отпуск? По существу, это и есть сотрудники вашего института, их переводят с сохранением оплаты, чтобы они занимались научной работой.

Значит, если говорить сейчас о синтезе науки и образования, то надо понимать, что для этого есть структуры, они сложились, и их надо использовать. Да, реформировать надо, но опираться нужно на то, что есть.

В 60-е годы в науке по многим ключевым направлениям был паритет с зарубежной наукой. Что, денег больше было? Нет. Были, помню, совместные исследования, действовали мораль-

ные факторы, в обществе очень высок был престиж ученого. И молодежь шла в науку, и кандидат наук ценился, а доктор наук очень ценился. И была система жестких нормативов. Да, мусора тоже было много, но тем не менее не было такого, чтобы только один мусор.

Да, чтобы, во-первых, был один мусор, а во-вторых, чтобы каждый депутат или человек, добившийся некоего чиновничьего положения, — это началось уже при Брежневе, но сейчас просто густым цветом расцвело, — сразу пишет книгу своих размышлений о судьбах жизни, России, космоса и докторскую диссертацию, и сразу в ВАК. Такого не было. Вообще не было, чтобы без кандидатской защищали докторскую. Была какая-то система ступеней. Что бы ни говорили про Академию наук СССР, — а у нас, гуманитариев, много там начальников проходило, которые становились затем академиками, но были же и серьезные люди, которые стали академиками, и они как раз и поддерживали этот статус. А сейчас эти планки размыли, и требования тоже оказались размытыми. Все можно получить за большие деньги.

Плюс к этому замечу, что в общественном мнении, как бы ни ругали академиков, академик, член-корреспондент очень ценились. С приходом демократии все стали академиками и членами. Наплодили кучу академий. Моральная сторона престижа ушла, а материальную низвели совсем на низ. Короче, возникли условия, крайне неблагоприятные для возрождения интеллектуального потенциала.

Итак, я согласен с тем, что нужно формировать общественное мнение, и нужно каким-то образом повысить материальные стимулы в науке — за счет сокращения бюджетных средств на огромный раздувшийся аппарат. Это будет первый шаг к тому, чтобы в науку пошла молодежь. Начать надо с этого, а энтузиасты у нас есть, по своему институту знаю.

В.М.Межуев

Честно говоря, мне не очень понятно, что здесь называется интеллектуальным потенциалом. Его свели к чисто научному или какому-то другому узкому смыслу. Я не вижу, как с такой точки зрения эту проблему можно обсуждать и решать. Например, философия не наука, а совершенно особая область деятельности. Входит она в потенциал или не входит? Это первое.

Во-вторых, чем измеряется этот потенциал? Если мы скажем, что интеллектуальный потенциал — это мозги нации, мозги общества, туда включаются только люди, занятые в науке, или туда входят люди не только культуры, но и люди политики, просто обычные, нормальные люди, ведь они тоже не без мозгов. Включается это в понятие интеллектуальный потенциал общества или не включается? Чем определяется этот потенциал? Количеством людей, занятых наукой, или количеством идей, которые в ней циркулируют?

Еще один вопрос. Слово «потенциал» в переводе на русский язык значит «возможность». Так как у нас с этой возможностью? Такое впечатление, что у нас завал этого интеллектуального потенциала, а вот со всем остальным — плохо. То есть имеется огромная голова, но тело хилое. А я не знаю, достаточно ли нам этого потенциала, чтобы это тело жило. Его больше, меньше, чем нужно, или он вообще отсутствует?

Далее, все-таки надо понимать: любой кризис есть прежде всего интеллектуальный кризис, это основа всех других кризисов — и экономического, и политического, и какого угодно. Известно, когда Бог хочет наказать, он прежде всего лишает разума и отдельного человека, и народ. Я считаю, что у нас страна с большим интеллектом. Если уподобить наш национальный или общественный интеллект мозгу и снять с него энцефалограмму, мы увидим, что какие-то участки этого мозга очень хорошо развиты, а какие-то залиты кровью, то есть там давно инсульт, и отсюда паралич тела.

Вот это и надо понять — что с нашим интеллектуальным потенциалом происходит. Говорили о прошлом. Да, у нас была высокоразвитая научно-техническая мысль, и понятно почему. Была высоко развита естественная наука в ее прикладном варианте, но мы сущие дети в общественных науках. Вот эта часть нашего полушария была совершенно ненормальна. Сейчас — мы это совершенно точно знаем — возникают новые области знания — политология, культурология, социология, но это все заемное, там же нет ни одной русской оригинальной идеи. У нас люди переписывают американские книжки, называют это наукой, не понимая, чему там это служит, и все это выдается за интеллектуальный потенциал нашего общества.

Главная беда, которая произошла за годы советской власти, — это качественные изменения в сфере знания и сознания. В дореволюционной России был уклон в сферу религиозно-эти-

чески-духовную, это явно преобладало, а точные науки, точное общественное знание было на втором месте. Господствовали философы, а не социологи, не экономисты. Мы здесь мало что сделали. У нас не было своих Адамов Смитов.

При большевиках произошло прямо противоположное. Начала бурно развиваться сфера научно-технической мысли и прикладного естествознания, а духовное, религиозное начало захирело. И сейчас это продолжается. Поэтому и востребованность такая. Мы никак не можем соединить сферу технологическую и сферу ценностную — они у нас разошлись намертво. Ценности определяют всякие шарлатаны, партии и проповедники, а технологическая сфера оказалась внешнеценностной. Так что главная беда нашего интеллекта — мы перестали производить идеи. Одну идею похоронили, а сейчас взяли напрокат какую-то наводку. Дело не в деньгах, хотя, конечно, они нужны. Но прежде чем говорить о востребованности, важно понять, какого качества идеи мы предлагаем. Может быть, оно таково, что и востребовать их не нужно?

И последнее, что хочу сказать. Здесь наши ведущие очень хорошо говорили о прогнозировании будущих картин. Все это верно. Но пока в мире все-таки решающую роль играют не ученые, а политики и финансисты. В нашей стране, все-таки, пока политики. И вот что я замечаю — вот где проблема: политический разум и научный у нас сходятся или все дальше расходятся?

Можно как угодно ругать советскую власть, но когда берешь первое поколение руководителей — Ленин, Троцкий, Бухарин, Преображенский и т.д., их можно назвать интеллектуалами. Возможно, были еще более крупные интеллектуалы, но это все-таки было интеллектуальное руководство. Дальше идет какая-то деградация. Чем больше мы входим в век технической науки, тем больше политик интеллектуально вырождается. Почему это происходит? Почему, хотя умные и служат экспертами у дураков, интеллектуальный потенциал в сфере политики и общественного управления все более скудеет?

Мне кажется, когда мы говорим не только о научном, но об интеллектуальном потенциале вообще, очень важно понимать, что происходит не только в рамках науки, но и в рамках общественного сознания в целом. Мы глупеем просто на глазах, и поглупели за последнее десятилетие. Я вижу это по студентам. Они более информированы, чем были мы, это несомненно. Они знают какие-то имена, которых мы не знали, но они менее рефлексивны, им лень думать. Понятно, в институты поступают

люди за деньги. Лишь бы платили. Тебя будут учить, хоть ты самый тупой. Я себе не представляю, какими они будут, необязательно учеными, но и экономистами, юристами. Это тоже потенциал. Мы делаем что-то страшное.

Высокий интеллектуальный потенциал у Швеции, но нет у нее ни космоса, ни атомной бомбы. Или у Голландии. Есть там нормальные люди, нормально размышляющие, рефлектирующие. Когда смотришь на нашу журналистику, на наших актеров, на наших режиссеров, это ведь тоже интеллектуальный потенциал, — это сушие дети, они даже не понимают, в какое время и в каком обществе они живут, несут какие-то банальности. Мы были умнее, а теперь глупеем. В чем тут проблема, я теряюсь в догадках.

И.А.Акчурин

Очень многое, о чем я хотел сказать, сказал Вадим. Оценить интеллектуальный потенциал достаточно просто. Наш учебник по математике до сих пор лучше американского. Но дело в том, что от нас ушла интеллектуальная наполненность. И она не вырастает, потому что очень сильна тяга к традиционному обществу, которое ушло и которое никакие силы не восстановят. И где-то это надо ясно сказать, объяснить, что наука преобразила мир, и вернуться к традиционному обществу уже невозможно. Но не надо думать, что могучая рука рынка выведет нас к светлому будущему. Ничего подобного не произойдет. И надо понять, что наука и любая форма мифологии, тем более идеология, несовместимы. А у нас до сих пор люди мечтают об идеологии, включая Зюганова, и вся эта публика, и даже в институте пытались построить новую идеологию. Единственная здесь надежда, обращаю на это внимание, последние работы Бодрияра, Фукуямы, того же Бжезинского.

Еще великий Менделеев предупреждал, что Россия геополитически неустойчива. Ну нельзя же заниматься геополитикой на уровне Зюганова и Жириновского. Это профанация науки. В этом смысле Вадим совершенно прав, я его поддерживаю, но, по-видимому, здесь есть какие-то вещи, которые все-таки обнадеживают. Даже при Сталине учителя и врачи были интеллектуальной основой общества. Даже в самой отсталой деревне слово учителя и слово врача что-то значило, а сейчас это слово какого-то жулика. От имени государства говорят жулики. Это самое страшное, что может произойти.

Я не согласен с Царевым, что мозги разжижаются. Ничего подобного. Великий математик, он и на Западе имеет великолепную школу и сто миллионов долларов на поддержание молодых ученых. Половина того же Хьюстонского института высших исследований – русские люди, и никто не ставит под сомнение их научное реноме. Так что это очень сложный процесс, но факт, что мы где-то не проанализировали все тонкости перехода традиционного общества к современному, и потому имеем такой плачевный результат.

О.М.Здравомыслова

Я от лица науки, которая, как здесь было сказано, не имеет отечественных корней, – социологии. Поэтому буду говорить исключительно примитивные вещи. Мне хотелось бы задать вопрос докладчику – Сергею Викторовичу Егереву. Когда вы говорили о мотивах переезда ученых за рубеж, вы назвали в конце концов только один мотив: что они поссорились с директором и «страна их предала». Этим исчерпываются все мотивы их отъезда за рубеж?

С.В.Егерев

Это как они сами себе представляют.

О.М.Здравомыслова

А разве они вам не называли фактор зарплаты?

С.В.Егерев

Есть социологические исследования, где строго анализируются мотивы отъезда. Конечно, зарплата там присутствует.

О.М.Здравомыслова

Я хочу сказать, что по всем исследованиям, которые мы проводили, этот фактор идет с огромным отрывом. То есть тут никакие «страна не оценила», «с директором поссорился» ни в

какое сравнение не идут. Это просто факт зарплаты: я хочу жить. И человек, с которым я недавно разговаривала в Париже, говорил мне: я бы с удовольствием работал в Москве, но я не могу вести недостойный образ жизни. Это называется там недостойным образом жизни. Так что все очень просто. В это все упирается. Однако наука в современном обществе — это крупный социальный институт, который не может на этом стоять. С 1988 года мы проводили исследование среди молодежи, причем молодежи не где-то там в далеких городах, а в Москве, в крупных центрах. Мы задавали вопросы: спланируйте свою жизнь через пять лет, как вы себе ее представляете. Они написали, что они хотят иметь. Работать по полученной специальности, зарабатывать 200–300 рублей в месяц, к 25 годам иметь семью, одного-двоих детей, и при этом родители будут помогать. Это был 1988 год, всего десять лет назад. В конце прошлого года я проводила такое исследование среди московских студентов и могу зачитать их ответы на тот же самый вопрос — что такое жизнь? Это пишут совсем не глупые люди, вполне нормальные молодые люди, знающие языки и вполне способные работать в любой области. Они хотят иметь квартиру общей площадью не менее 500 квадратных метров плюс еще пару маленьких уютных квартир, небольшую дачу с сауной, бассейном, бильярдной и доход примерно 15 тысяч долларов в месяц.

Кстати, пишут хорошим стилем, лучше, чем писали в 1988 году. Когда они отвечают вполне серьезно, то примерно 60 процентов студентов хотят иметь собственное дело, хотят быть предпринимателями. Когда мы смотрели, что это за студенты, оказалось, что они из благополучных семей, как правило, с лучшей успеваемостью, а те 15 процентов, которые сказали, что они хотели бы работать в государственном секторе, в том числе в научно-исследовательских учреждениях, как оказалось, с очень низкой ценностью социального успеха. То есть они уже видят себя неудачниками. Я хочу сказать, что общество изменилось в том смысле, что когда на него была спущена ценность коммерческого успеха, оно стало разлагаться, как какая-то ткань разрываться под руками.

Вы говорите, что следующие, кто придут в науку, сейчас учатся в третьем-четвертом классе. Если это поколение выпадет, и в науку пойдут только какие-то безумные энтузиасты, которые всегда имеются, и вот эти потенциальные неудачники, то, я думаю, следующее поколение тоже не сможет за ними устремиться, потому что это живая связь. Я, между прочим, не

согласна с Вадимом Михайловичем, когда он говорит, что нынешние студенты информированы, но мало рефлектируют, они реально откликаются на любую живую мысль, но, извините, им наши коллеги часто представляют халтуру, причем не только в каких-то провинциальных вузах, но в том числе и в московских университетах. В момент, когда наука находится в сложном положении, объективная ситуация, вероятно, востребует личность, которая создает вокруг себя поле притяжения.

В.М.Межуев

Так халтура — это тоже социальный факт. Надо объяснять, почему халтурят?

О.М.Здравомыслова

Халтура — это социальное явление. Но тем не менее само научное сообщество тоже опечалено тем, что разлагается под напором ценностей коммерческого успеха. И оно не поддерживает эту ткань. А престиж, естественно, падает.

Г.Д.Гачев

Почему-то во всем разговоре мы забываем такую вещь, как любознательность, любовь к познанию, что не за деньги, а просто сам процесс мышления, знания, учения — это наслаждение и всегда это была награда сама себе, всем творцам. Это момент качества жизни. Человек, который живет в этом любознательности, наслаждением процессом — таких было полно в России. Этим и держалось высокое творчество, первичное творчество. А сейчас мы путаем мышление и творчество с информированностью. Так что это такое — информация и успех как критерии качества? Да качество — доволен ли ты, взыскательный художник? Это, конечно, состояние более патриархальных обществ, которые были в России — «чайники», Кулибин, Циолковский и так далее. Да и мы на советчине, да и я тоже такой «чайник», всю жизнь себе писал и наслаждался. И я думаю, те, кого называют неудачниками, которые готовы на неуспех, но заниматься в науке, вот это опять же из той же породы людей, которые качество жизни видят не в заработке, а в самой работе, в самом процессе.

Товарищи дорогие, у меня есть небольшое подозрение, что наша дискуссия ведется в старом советском ключе: сколько речей говорилось, сколько программ принималось относительно всякого рода модернизации. К сожалению великому, все эти программы и сформулированы были и не осуществлены были потому, что они имели в виду одно важное положение: как бы это все изменить, но так, чтобы ничего не менять. Я имею в виду следующее. Уважаемый член-корреспондент, который открывал наше заседание, готов ли он к тому, что в результате внедрения серьезной инновационной программы его институт окажется не у дел? Это если говорить всерьез, по большому счету?

Поэтому два смешных предложения. Первое предложение чисто юмористическое. Для разработки инновационных программ должны собираться люди со статусом не больше кандидата. Академик может прийти, открыть торжественное заседание и уйти, поскольку ему есть что терять в результате реализации этой программы. Это предложение смешное, но второе, может быть, более серьезное, имеющее некоторые шансы на действительную реализацию. Все люди со статусом, которым есть что терять, начиная от академических и кончая министерскими портфелями, должны меньше рисковать, и нужны некоторые социальные механизмы и гарантии всем людям, которые что-то потеряют от внедрения этих программ. У нас таких механизмов нет, к великому сожалению. Поэтому все, кто принимает решения, сидят, вцепившись в свои стулья, и разговаривают о том, как бы это все изменить, но чтобы мы остались вот здесь.

Другое соображение, как бы сюда не относящееся, но, может быть, и относящееся. Я вчера был на другой конференции, где рассуждали о гражданском обществе, и был поставлен диагноз: такового у нас нет. На мой взгляд, объяснение этому простое. Гражданин произошло от слова горожанин, выросло это гражданское общество в Европе вместе с ростом городов и их роли в жизни общества. У нас история немножко другая. Ваш покорный слуга имел опыт работы промышленным социологом, я ездил по цементным предприятиям, они все, как правило, поскольку сильно пылят, расположены в так называемых поселках городского типа. Европе такое образование не известно, это наша специфика – при заводской поселок. Дело в том, что население ПГТ – это не деревенские люди, это скорее либо

бывшие селяне, либо их дети, но они и не городские. Они в культурном отношении просто никакие. Они выпали из всех культур. Это полная маргинальность. На этой почве там всякая дичь происходит. Возьмем обычный демографический график и посмотрим, что происходило в России с начала века и до сегодняшнего дня. В 1917 году городского населения 13 процентов. На сегодняшний день деревенского населения 27 процентов, весь XX век население перетекает из деревни в город. Если очень условно назвать Азию мировой деревней, а Европу – мировым городом, то весь век Россия была занята тем, что перетекала из Азии в Европу. Это ответ на вопрос, «куда эта тройка мчится».

Но дело в том, что есть разные способы перетекания, и если, скажем, философам и социологам прошлого, рубежа веков, была прекрасно известна разница между городом и деревней, то большинство из них практически не подозревали, что между городом и деревней пролегает просто пропасть. И люди, отправившиеся из пункта *А* в пункт *В*, в этот пункт *В* не попали, они провалились в абсолютно маргинальное межкультурное пространство. Так вот эта самая пропасть межкультурья, в которую провалилось большинство населения нашей страны, означает примерно следующее. Только в культурах – будь то традиционно деревенской или гражданской, городской – есть общие критерии и ценности, а в межкультурном состоянии их нет: ни добра, ни красоты, ни истины, просто ничего. К великому сожалению, если так называемый научный потенциал больше всего черпался из городской среды, хоть ее и изничтожали, управленческий персонал черпался именно из этой среды. Кроме отсутствия всяких критериев и полной всеядности, эти люди обладают колоссальной энергией, именно они в основном и населяют управленческие этажи. Стоит ли удивляться тому, что более умные не востребованы?

В.С.Степин

Очень понравилось мне последнее рассуждение насчет межкультурья. Но ведь эта полушуточная мысль в общем-то и реализовалась в нашей жизни. Пришли к власти люди, которые в науке несильно отличились, пришли из той же Академии наук и поэкспериментировали над великими программами, и мы имеем то, что имеем. Есть такая идея, что надо собрать маргиналов, которые ни с чем не связаны, и они нас выведут к светлому

будущему, — это, я думаю, одна из самых больших шуточных идей, которые вырисовываются в России все время. По вашей же логике. Так что первая часть и вторая часть вашего выступления как бы противоречат друг другу.

И.А.Раскин

Я понял, вы уже испугались.

В.С.Степин

Нет, я не испугался. Прежде чем я стал академиком, я прошел разные пути жизни и даже диссидентство. Всякое было. Так что я ничего не боюсь.

А.А.Крушанов

Нужен ли интеллектуальный потенциал России? Безусловно! Собственно, я думаю, для данной аудитории высказанный тезис просто вполне очевиден. Между тем реальный вопрос ныне видится в том, как распоряжаются имеющимся в нашей стране потенциалом и что он из себя представляет в условиях современной России. Вот об этом и хотелось бы сказать несколько слов. Причем я буду говорить лишь о положении в науке, т.к., с одной стороны, данная сфера интенсивной интеллектуальной жизни мне весьма неплохо знакома «изнутри», а с другой стороны, потому, что социальное функционирование именно науки в последние годы вызывает все более глубокую и масштабную озабоченность.

На мой взгляд, в стране ныне фактически имеется, увы, лишь как бы «потенциал потенциала». Ведь что необходимо для полноценной познавательной деятельности? Прежде всего, видимо, весьма желательно наличие квалифицированных и талантливых исследователей, способных двигать науку вперед. Далее, требуется нацеленность на изучение значимых задач и вообще серьезная научная работа. Наконец, наука нуждается в соответствующей поддержке со стороны правительства и общества. К сожалению, счастливое сочетание всех этих условий сегодня отсутствует. С отношением общества к науке тоже в целом понятно, и об этом уже говорилось. Отношение, к сожалению, не радует.

Отрадно, что пока нет особых проблем с квалификацией исследователей. К счастью, в науке еще сохранились талантливые, подготовленные и заинтересованные люди, потихоньку подтягивается очень обнадеживающая молодежь. Это факт позитивный. Но обольщаться им не следует.

Внутренняя жизнь науки свидетельствует, что в последнее время мы часто не занимаемся наукой, а как бы играем в нее. То есть фактически в функционировании современного научного познания выпадает одна очень важная собственная связка, из-за чего столь серьезное дело часто выступает фактической халтурой — внешне оживленной, но малоэффективной деятельностью. Соответственно вдруг становится очень объяснимой та робость, с которой функционеры науки напоминают обществу о существовании интеллектуального потенциала науки. Судьба-то изменчива, вдруг однажды родная власть пожелает опереться на имеющиеся достижения, — сможет ли тогда наука должным образом ответить на значимые вызовы времени?

Вспоминается такой случай. Как-то мне довелось попри-сутствовать на одном заседании, собранном для заслушивания некоторого научного доклада. Выступала дама, несколько устало демонстрирующая свою эрудицию. Потом последовали вопросы и замечания, типа того, что «Безумно интересно!» Для меня все это выглядело как-то странно, более того, наступило смятение. Хотя тематика была вполне родной, но осмыслить суть и значимость сказанного мне оказалось почему-то не под силу. Слышались знакомые имена, известные концепции, но ради чего все это произносилось — этого я так и не смог понять. Не помогла даже моя квалификация доктора наук. Неудобно стало как-то: может быть, занимаю не свое место?

После заседания подхожу к одному более опытному коллеге, объясняю ситуацию и прошу помочь. Он несколько смутился, потом признался, что вообще-то тоже ничего не понял. Тогда спрашиваю, а как данное выступление оказалось в повестке, кто предложил его заслушать? Мой коллега лукаво так улыбнулся и пояснил, что вообще-то был заслушан доклад эксперта одного уважаемого фонда.

Подобного рода случай, отнюдь, не единичен. Отсюда и получается, что мы сегодня зачастую просто играем в науку, но при этом очень хотим, чтобы нас всерьез уважали. Боюсь, что для этого совсем не всегда имеются достойные основания, и об этом нельзя не задуматься.

Как оказывается, российская наука не сильна и в другом — в представлении своих достижений. Это беда очень общего порядка. Можно еще понять, что науке трудно пробиться на телевидение, но ведь плохо используются даже доступные возможности. Например, не стоит забывать, что в нашем фактическом распоряжении находится вся система образования. Школьники, студенты и аспиранты — это по определению очень благодатная аудитория для разъяснения особенностей научной деятельности и творчества, для пропаганды научных достижений. Но как эта пропаганда выглядит на практике?

Приведу такой поясняющий пример. Я преподаю студентам-юристам курс «концепции современного естествознания». Должен сказать, что в своем большинстве они приходят на первое занятие со страхом и ужасом от того, что этот кошмарный сон не прошел вместе со школой. По счастью, мне вся эта тематика весьма близка профессионально и интересна, поэтому пытаюсь не просто излагать положенное содержание курса, но показывать при этом реальную жизнь науки и идей. В итоге нам удается находить общий язык, так что в конце семестра студенты даже интересуются, не будет ли еще какого-то спецкурса в продолжение.

Однако общение с коллегами показывает, что подобный настрой даже у преподавателей присутствует далеко не всегда. В основе этого — частая вынужденная профанация вполне здоровой исходной идеи. Проблема в том, что программа была введена без предварительной подготовки хороших пособий, учебников и преподавателей. А так как ее надо было отрабатывать в обязательном порядке, то стал реализовываться, прямо скажу, нежелательный сценарий, когда занятия стали поручаться зачастую весьма случайным людям. В качестве иллюстрации реалий с разъяснением и пропагандой естествознания в сфере высшего образования могу привести один недавний звонок по телефону.

Знакомый коллега жаловался, что его — философа, не имеющего отношения к естествознанию, — заставляют читать курс по «концепциям», причем ему уже даже пришлось пройти через это испытание. Теперь кафедра должна подготовить еще и учебник. От такой идеи коллеге совсем взгрустнулось, и тогда он надумал позвонить мне, мол, не хочу ли я под это дело издать свои разработки. Очевидно, что в подобной и совсем не единичной ситуации стоит посочувствовать всем: и преподавателям, и студентам, и собственно самой науке в целом.

Словом, дело популяризации и пропаганды научных достижений у нас находится в каком-то сиротском состоянии. А между тем, если посмотреть, скажем, на процветающую Америку, то там все обстоит с точностью до наоборот. С одной стороны, деятельность НАСА явно находится на виду, успехи вполне видны. С другой стороны, эта уважаемая организация занимается специальной и масштабной рекламной деятельностью, чтобы налогоплательщики хорошо представляли себе, на что идут их деньги. Тем же занимаются американские компьютерщики, генетики, другие исследователи. На мой взгляд, здесь есть чему поучиться.

Еще одна, связанная с выше сказанным особенность нашей научной жизни. Как представляется, в последние годы возоблудала стратегия движения, которую стоило бы специально выделить как стремление «пятиться в будущее». Что я имею в виду?

Загляните в книжные магазины. Масса новых, замечательных изданий. Удивительные, яркие и очень солидные обложки. Душа не может не радоваться (забудем на минуту о ценах). Но приглядитесь, ведь все это классические, уже известные работы. Здесь же работы новых неизвестных, но энергичных авторов, которым, судя по содержанию, видимо, не грозит стать классиками. Но что-то не видно новой, не узко специальной литературы по новейшей и злободневной научной проблематике. Где интересные и солидные размышления философов о будущем и путях разрешения актуальнейших проблем современности? Где обобщающие издания по биотехнологиям, космонавтике, бурно развивающимся новейшим компьютерным технологиям? Ничего этого нет, а если и бывает, то крайне эпизодически и в малом объеме. То есть на практике выходит, что опираться мы можем лишь на прошлые достижения, что в принципе неплохо, но по большому счету совершенно недостаточно и действует дезориентирующе. Общество стремительно меняется, жизнь современной и будущей цивилизации требует для своего осмысления развития совершенно новых подходов и концептуальных установок, а магазины продолжают предлагать главным образом прошлое. Ответственны за ситуацию в этом деле, конечно же, сами члены научного сообщества.

Таким образом, многое в удачном разрешении проблемы востребованности потенциала российской науки зависит от нас самих. Я согласен с Вячеславом Семеновичем, когда он говорит, что не стоит огульно воспринимать западный опыт. Поясню свое отношение реальным примером. Как-то разговариваю

с американским коллегой. Объясняю, что у нас принято после возвращения с конгресса суммировать все полученные материалы и впечатления и готовить общий отчет. В результате у каждого желающего появляется возможность составить себе общее представление о работе конгресса, о тенденциях в развитии философии. Мой коллега растерянно посмотрел на меня и вздохнул: в американской научной традиции этого не заложено — посидел на своей секции, сбегал на круглый стол, с кем-то пообщался — вот это и будет твоим научным багажом по итогам состоявшегося форума. Понятно, что российской науке едва ли стоит отказываться от своего положительного опыта.

Следующий наш плюс, который также хотелось бы подчеркнуть. В России в настоящее время много политиков, бизнесменов и финансистов, которые ушли в свои деловые сферы из академической или вузовской среды. Это означает, что таким образом в политико-деловой сфере существует весьма много успешных деятелей, по старой памяти в принципе вполне позитивно и с интересом относящихся к науке. Подобное отношение хорошо просматривается в личном общении, когда знакомые бизнесмены, например, вполне с пониманием и уважительно относятся к тому, что я продолжаю работать вроде бы в столь не престижной ныне сфере. Это видно и в том, что один мой знакомый, вполне преуспевший на финансовом рынке, вдруг приобрел телескоп и теперь вечерами вглядывается в звездное небо. То есть имеются реальные деловые люди, которые еще не растеряли своего интереса и некоторого ностальгического чувства по отношению к науке, что позволяет надеяться на их понимание и поддержку, которые сегодня так необходимы российским исследователям. Это также наш потенциальный плюс.

Наконец, хотел бы сказать еще об одном моменте, который недавно был характерным минусом, но сейчас становится хорошим плюсом российской науки. В этой связи я бы очень поддержал эмоциональное выступление Сергея Павловича. Наша жизнь и наука глобализируются. Появляется и обостряется новый проблемный пласт, для разработки которого ныне требуются специалисты очень масштабного уровня, естественно, опирающиеся на наработки двух культур — естественнонаучной и гуманитарной. Раньше, когда доминировала традиция диамата и истмата, это фактически параллельно означало и устойчивый интерес именно к масштабным размышлениям. Прикладными, более приземленными вещами заниматься было не очень при-

нято, да и, мягко говоря, не поощрялось. Глобализм нашего научного менталитета был не очень адекватен реальным запросам науки и практики, и это было нашим минусом. Но тем не менее даже в те времена работали многие серьезные и квалифицированные люди, так что было сделано много интересного и содержательного. Сейчас мировая наука выходит на то, что занятие масштабными проблемами должно стать вполне обыденным и актуальным делом. Но это означает, что наш менталитет теперь оказывается вполне созвучным вызовам времени. Надеюсь, что события последних лет не разрушили его настолько, чтобы мы не смогли эффективно воспользоваться этим временным преимуществом.

С.П.Курдюмов

Обсуждение вопроса о науке – это сложный вопрос. Моя наука, которой я занимаюсь в институте, – это гигантские установки, расчеты вместе с Боингом, которые мы сейчас ведем, инновационные программы, это лазерный синтез, это гигантские деньги на опытный термоядерный реактор, который строится, это миллиарды долларов. Поэтому такую науку просто так, без денег, не сделаешь. Это надо понимать. Никакой энтузиазм тут не поможет. А отставать в этих областях – это отставать в энергетике, отчасти в вооружении, то есть в независимости государства. И отчасти в совершенно новых проблемах, например, в области управления организмами, в биологии. Причем нужны гигантские машины.

Огромную роль в образовании будет играть моделирование на ЭВМ и виртуальный мир научных, обучающих знанию и культуре игр, творческих игр на компьютере. Причем эти центры обслуживают сейчас через сеть всю академию и даже все учреждения Сибири, Дальнего Востока. Это мозговые центры. Государство должно об этом беспокоиться, чтобы консолидация увеличилась. Наука изменилась, возникли параллельные вычисления, все старые представления о последовательных вычислениях рухнули, многое надо создавать заново. И эти быстрые изменения вселяют также надежду. Вот не пропустить бы это, не быть в хвосте, не повторять, а ухватить новое и этот весь новый задел, с продажей обучающих товаров. Так я представляю себе проблему развертывания интеллектуального потенциала России.

Я не согласен с Вячеславом Семеновичем в том, что нужно пробовать развивать весь фронт работ. Невозможно. Большинство стран мира не развивают весь фронт работ. Приходится на чем-то концентрироваться, охватывать определенные области, наиболее важные, где есть заделы, возможности и т.д. Я понимаю, что у вас взгляд был шире, но с этой конкретной проблемой...

В.С.Степин

Сергей Павлович, чтобы возникло понимание, идея состояла вот в чем. Куда развивать фронт работ, куда вкладывать деньги, экспертиза здесь не проводится. И часто возникают такие вещи: что-то считается неважным, а там могут возникать новые идеи. Всегда надо поддерживать маленькие школы, чтобы было некое разнообразие. А не просто давать деньги одному человеку.

С.П.Курдюмов

С этим я согласен. И насчет образования согласен. Я неточно высказался. А имел в виду то, что, если у вас не будет определенной научной планки, вы автоматически скатитесь на уровень слаборазвитой страны. А планку создает уровень конференций, связей и прежде всего работа на высоком уровне каких-то выделенных центров. Ничего не поделаешь: если нет такой работы, неоткуда брать планку. У нас сейчас планка опустилась, и это страшная опасность. Есть пример Бразилии, развивающейся страны. У меня сейчас несколько сотрудников подрабатывают, выезжают на несколько месяцев и тем не менее возвращаются. Уровень Бразилии таков, что они еще 10-15 лет будут достигать нашего среднего уровня, а не тот, который имеется у нас в развитых крупных центрах. Ни школ научных больших, ничего нет. Так же, как и в Германии. Вы, наверное, знаете, с каким трудом она восстанавливала научную школу и до сих пор не восстановила. Это дело длительное.

Отвечу на критические замечания по поводу директоров. Все правильно. Но есть разные директора. Не надо сопоставлять нас с директорами предприятий, которые разворачивают предприятия. В настоящей науке, в академических институтах большинство директоров – это руководители научных школ, у которых есть этические обязательства, совсем другие отношения с кол-

лективом, чем просто у чиновника или у директора завода. Это, кстати, интеллигентская сторона обсуждения, когда критике подвергают старые порядки. Это всегда полезно, но она настолько преувеличена, что дискредитировала нашу науку, что несправедливо. Ну, не может государство денег дать, так хотя бы выразите и организуйте иное отношение к ученым в стране — через ту же пропаганду, статьи, через публикации. Наши публицисты всласть произмывались над учеными. Ну, нельзя так. После этого нет никакого интереса, потому что всегда есть подвижники, которые хотят заниматься наукой, им сам процесс интересен, а вовсе не деньги и еще что-то. Хотя бы в этом отношении надо резко поменять политику, и это можно сделать быстрее, чем что-либо другое.

Я очень благодарен за обсуждение. Массу идей записал.

В.М.Межуев

Все-таки главный вопрос. Раньше наука была нужна государству. Сегодня государства как такового нет. Кому здесь нужна наука, кроме ученых? Кто в этом заинтересован? Вот об этом нужно подумать.

В.И.Толстых

Вопрос законный. Поэтому закончить наше заседание можно так — конец первой серии. Продолжение следует...

РОССИЯ И ВОСТОК

27 января 1999 года

В.И.Толстых

Для меня это очередное заседание Клуба не рядовое событие, поскольку я давно уже — приблизительно три года — мечтал о том, чтобы мы наконец-то поговорили о России в связи с Востоком. Так получалось, что мы все время, говоря о России, почему-то были замкнуты на Запад. Если почитать материалы нашего клуба — оба тома нашей «Интеллектуальной хроники», — то у постороннего человека может возникнуть впечатление, что тут собрались одни «западники». Речь о Востоке иногда заходила, возникала, но тем не менее Восток ни разу в течение десяти с лишним лет не стал предметом специального рассмотрения. И в этом смысле я считаю сегодняшнее заседание важным событием.

Второй момент. Конечно же, сама постановка такого вопроса, как Россия и Восток, вызывает массу вопросов. По сути, все, с кем я встречался в эти дни, сразу задавали вопрос: в каком смысле Восток? А что вы имеете в виду под Востоком? В ответ я мог полемически сказать: а что вы имеете в виду под Россией? Что вы считаете Россией? Вопрос, действительно, сложный, проблемный. Видимо, здесь возможны совершенно разные точки зрения, потому что появились и новый Восток, и новый Запад. Надо вспомнить, что совсем недавно еще и Германию считали Востоком, а не Западом. Времена меняются, и довольно бурно, в связи с глобальной перестройкой, которая происходит и будет, наверное, происходить, во всяком случае в первой четверти XXI века. Все на это указывает и показывает, и думаю, последующее словоупотребление типа «Восток» потребует еще каких-то коррекций.

Меня смущает одна вещь. Конечно же, Россия — часть Европы, Россия по культуре своей является, безусловно, европейской страной, и это никто, кажется, всерьез не ставит под сомнение. Но вряд ли можно забывать о том, что она еще и восточная страна, страна азиатская. Вот мне посчастливилось в апреле прошлого года побывать в Иордании, в Аммане, и там простые, нормальные, здравомыслящие иорданцы задавали вопрос: что вы все на Запад смотрите? Что вы все пытаетесь угнаться за Западом? Вы же восточная страна, идите к нам, давайте будем вместе, нас больше, и мы не такие бедные, как кому-то кажется. Напекают, что и хороших идей на Востоке больше, чем на Западе. Говорят: не преувеличивайте возможностей Запада. Это было сказано в приватном разговоре, это частное мнение, но нас воспринимают страной в одинаковой степени европейской и азиатской.

Смущает меня и то обстоятельство, что у нас Восток всегда присутствует с негативным оттенком. Восток предстает реакционным, отсталым, связан с неразвитостью. Когда речь идет об экономике, то, может быть, это так в каком-то смысле и есть. Но кто сказал, что экономический критерий определения развитости и неразвитости, передовой или отсталый является единственно правильным критерием? Так повелось, что принято подчеркивать инновационный, новаторский характер техногенной цивилизации, но почему не ценится или с вопросительным знаком оценивается роль традиций в становлении и развитии мировой цивилизации? А теперь, когда набирает обороты и силу тема глобализации и, кажется, многие начинают понимать, что без и вне диалога культур и цивилизаций здесь ничего нельзя понять и решить, можно спросить: а какая роль в этом диалоге отводится Востоку?

Возникает масса самых разных и сложных вопросов, на которые, видимо, нет простых ответов.

Для того, чтобы наш разговор был серьезным, содержательным, мы поступили на этот раз так же, как мы стараемся это делать каждый раз. Мы пригласили целую группу людей, которые серьезно занимаются Востоком, являются специалистами по Востоку. И я благодарен всем им за то, что они, получив наше приглашение, откликнулись на него, пришли сюда, и прежде всего нашим ведущим — Михаилу Леонтьевичу Титаренко и Борису Сергеевичу Ерасову.

Мне очень интересно принять участие в обсуждении этой темы и услышать различные мнения специалистов по Востоку и Западу о том, как Россия должна относиться к Востоку. И симпатичен подход нашего уважаемого председателя Валентина Ивановича — начать именно с определения понятий. Как говорил великий Конфуций: «Если имена не точны, то и дела не могут быть успешными». Мы говорим: «Давайте войдем в мировую цивилизацию», «Давайте примем общечеловеческие ценности», «Россия — западная или восточная страна?» или «Она западная страна на Востоке или восточная — на Западе?». Словом, целый ряд проблем самоидентификации нашей страны и ее цивилизации. Что такое прогресс, что такое регресс? Что такое левое, что такое правое? Понятий очень много, и все они сейчас перемешались и часто употребляются произвольно. В этой аудитории все, конечно, помнят известные слова Киплинга: «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и они никогда не сойдутся». Но часто цитируют только первую часть этого прекрасного стихотворения и забывают упомянуть о его второй части, где говорится о том, что все-таки Восток и Запад сойдутся, когда люди разных культур начнут понимать друг друга. Дело в том, что понятия Востока и Запада зависят от точек отсчета. Для нас Дальний Восток — это Дальний Восток, а для Америки это — Дальний Запад.

Так вот, мы должны осознать, что Восток является колыбелью того, что называется мировой цивилизацией. Восток является колыбелью всех великих религий, Восток имеет тот потенциал духовности, который еще будет востребован. Поэтому говорить об отсталости Востока нельзя. Индия, Китай — это страны бедные, но не отсталые. Индия — это страна, которая обладает огромными достижениями в области науки и техники, не украденными, не купленными, она имеет собственный огромный интеллектуальный потенциал, самые мощные компьютеры. Китай тоже является обладателем самых современных открытий во всех сферах, среди лауреатов Нобелевской премии есть целый ряд выдающихся китайских ученых.

Поэтому я хочу прежде всего оспорить распространенное мнение об «отсталости Востока».

Мы сейчас часто слышим высказывание о том, что мы должны понять и осознать свое собственное геополитическое и цивилизационное местоположение. Валентин Иванович заявил:

Россия — это страна европейской культуры. На мой взгляд, это так и не совсем так. Культура российская является сплавом не только европейской культуры, но она впитала в себя огромное количество элементов других культур, в том числе китайской, исламской, византийской, французской и т.д. У нас огромные компоненты угро-финской и тюркской культур, причем самого раннего периода. Мы должны, наконец, осознать, что Россия — евразийское государство не только в географическом и геополитическом смысле, но и с евразийским типом цивилизации, евразийским типом культуры. И это понятие мы должны рассматривать не как негатив или позитив, а просто как характеристику того, что есть.

И нам необходимо осознать, что события, произошедшие после распада Советского Союза, сделали Россию более восточным, более азиатским и северным государством, чем был Советский Союз. Россия отодвинута с запада на восток на 1200 километров и на 1500 километров отодвинута на север. Она потеряла большинство «окон» в Европу, за которые она столетиями проливала кровь. И для России, для ее существования в настоящее время решающее значение имеют прежде всего Дальневосточные морские порты, потому что все другие порты России на западе или на юге, будь то Балтийское или Черное море, или заблокированы, или обладают ограниченными возможностями. Единственными открытыми в Мировой океан являются Дальневосточные порты. И, кстати говоря, одной из причин, которая не всегда называется, но в этой аудитории ее можно назвать, одной из причин, почему наши государственники и прежде всего военные, обеспокоенные проблемой безопасности страны, выступают против передачи южной части Курил Японии. Потому что именно там, между этими островами находится единственный стратегически удобный и безопасный выход России в открытый океан.

На российское национальное самосознание, ее политику, ее самочувствие оказывает влияние и тот факт, что Россия расположена на стыке всех крупнейших цивилизаций и всех крупнейших мировых религий. Это славяно-русская, китайская, угро-финская, японо-корейская, американо-романская и т.д. И все они здесь, все граничат с очень сложными конфигурациями, накладываясь друг на друга, проникая друг в друга, влияя друг на друга, борясь друг с другом, соперничая друг с другом, дискутируя друг с другом. Вот такое сложное переплетение. Оно не

может не сказаться на нашем сознании, на нашем состоянии. И многие проблемы, которые у нас остро стоят, для других стран непонятны. И почему эти проблемы носят столь острый характер? А остры они потому, что в нашей культуре сосуществует очень много порой взаимоисключающих компонентов. В этом тайна так называемой русской души, что когда-то понял и полемически остро зафиксировал Тютчев — «умом Россию не понять». Имея в виду, что слишком много неизвестных действует в этой культуре. В нее можно только интуитивно верить.

Поэтому мне кажется, для России очень важно, осознав свое геополитическое положение, использовать позитивные факторы и попытаться нейтрализовать негативные факторы. Возьмем, например, фактор открытости нашей культуры. Российская культура — одна из самых открытых культур мира. В этом ее сила. Она легко воспринимает все лучшее и, к сожалению, не только лучшее. Она очень легко заражается всякими модными течениями и заимствует их. И в этом заключается фактор ее развития, но одновременно она все время на грани фола, на грани самоунижения и, если хотите, подрыва своей собственной идентичности.

Это очень опасная тенденция. Когда этнос осознает свою идентичность, фактор открытости культуры играет в культуре позитивную роль — и для самого этноса, и в глобальном плане. А если этнос оказывается в ситуации острого кризиса, когда его самоидентичность ослабляется, это качество начинает работать против него. Оно начинает работать как фактор разрушения и саморазрушения. И будущее этой цивилизации, будущее этого народа в очень большой степени зависит от чувства ответственности и чувства гражданственности интеллигенции, или интеллектуалов. Если идентичность ослабляется или даже утрачивается, а именно этот этап сейчас мы с вами переживаем, то этнос, нация, цивилизация оказывается в очень, очень опасной ситуации — в ситуации самоуничтожения, саморастворения в другой, более сильной, с ее точки зрения, или более привлекательной, более модной системе ценностей, культуры и каких-то приоритетов.

Если Россия не осознает своей позитивной роли, своей определенной самобытности и важности ее связи со своими корнями на западе и на востоке, на юге и на севере, она многое потеряет и проиграет. Только тогда, когда она осознает это, Россия сможет активно играть свою роль в мире. Мне кажется, что очень важно понять, что в этом нуждается не только сама Россия. В этом нуждается так называемая мировая культура,

особенно субкультуры средних и малых народов. Эти культуры, являющиеся маленькими инструментами в большом симфоническом оркестре мировой цивилизации, без которых звучание оркестра будет превращаться в унылый монотонный унисон. Все цивилизации очень нуждаются в активной роли русской цивилизации, российско-славянской цивилизации именно потому, что своей открытостью российская цивилизация как бы переносит вовне то, что сама позаимствовала лучшего у других цивилизаций. Она благодаря своей открытости переносит и бескорыстно отдает, но не навязывает себя другим культурам.

Это во многом объясняет, почему русская культура, литература пользуется до сих пор огромной симпатией. Например, Россия как страна по степени симпатии занимает среди населения Японии одно из последних мест, а русская культура, русское искусство, литература среди симпатий занимает там же одно из ведущих мест, если не первое место. И даже во времена японского милитаризма любовь и увлечение русской культурой было формой диссидентства — пусть диссидентства с кукишем в кармане, но формой проявления личной интеллектуальной свободы. Поэтому первое место в мире по количеству произведений, изданных на иностранных языках — Толстой, Достоевский, Горький, Маяковский, — занимает не Советский Союз, не Россия, а Япония. Причем такие издания произведений Толстого, о которых нам можно только мечтать и видеть у нас только в музее.

В том, что Китай в настоящее время смог объявить открытость как принцип своей политики — огромная заслуга русской культуры, огромная заслуга общения китайской интеллигенции с русской культурой. Это очень ярко выразил великий китайский писатель Лу Синь в 1932 году. Еще тогда Лу Синь, говоря о значении общения китайской и русской литературы, сказал, что русская литература для нас, азиатов и китайцев, — это учебник жизни, это педагог, это наставник для простого человека и для интеллектуала и аристократа. Она учит переносить страдания, учит бороться за жизнь и выживание, учит добру и совестливости, учит страдать, сохранять свое достоинство и честь, учит героически умирать, когда у человека не остается другого выбора. Не случайно также, что известный китайский русист и художник Гао Ман неоднократно заявлял: «Китайская культура нуждается в русской литературе». Китайская культура из интравертной стала экстравертной. Этот момент экстравертности был заложен общением между цивилизациями.

И еще один момент я хотел бы подчеркнуть. С моей точки зрения, у России нет альтернативы — Запад или Восток. У России только один выбор — синтез Запада и Востока. Этот вопрос можно также ставить и для Запада, и для Востока. Здесь вопрос угрозы или безопасности зависит от политики, поведения, если хотите, своего понимания отношений и с Востоком, и с Западом. Поэтому Восток может быть для России и угрозой, но может быть и гарантией безопасности. Разумеется, гарантом безопасности России может быть только она сама, налаживая добрые отношения сотрудничества и взаимодействия с другими странами. Сказать, что кто-то нам может гарантировать безопасность это нереально и для России, и для Китая.

Конфликтов в Евразии, как вы видите, сейчас не больше, чем в Европе, хотя Европу считали оплотом стабильности и т.д. Мне кажется, что многие азиатские культуры содержат в себе евразийский компонент — терпимость, отношения по горизонтали. Между тем многие западноевропейские культуры относятся (это наследие колониального прошлого) ко всем другим культурам, даже не бывшим колониям, сверху вниз, как к культурам низшего класса. Поэтому и отношения между западной культурой, я имею в виду европейско-американской культуру, и культурами Азии, Африки, Латинской Америки, России в том числе — это отношения сверху вниз. Азиатские культуры, как правило, относятся между собой так же, как и российская культура к другим культурам — по горизонтали. Они более веротерпимы и восприимчивы к другим ценностям.

Поэтому конфликты в Евразии — это результат вестернизации, империалистического, в научном смысле слова, понимания глобализации. Понятие глобализации можно толковать как распространение, расширение связей между всеми экономиками и культурами и выработка, нахождение общего баланса между ними, выработка какого-то центра, ядра будущей общечеловеческой цивилизации, мирового рынка.

А есть и другой подход, что общечеловеческое уже есть — это американско-европейская цивилизация. Вот надо все это насадить, а кто не слушается, в отношении того народа или страны надо с помощью НАТОвской и американской авиации осуществить «гуманитарную акцию», чтобы приучить их к послушанию и заставить идти в ногу с мировым прогрессом.

Посмотрим, как сейчас трактуют наши коллеги на Западе, я имею в виду политики, понятие прогресса. Если вы выступаете за интеграцию России в мировую цивилизацию и при этом го-

ворите о том, что было бы хорошо, если бы Россия распалась на 67 или 70 государств, в этом случае вам гарантирован титул «прогрессивного человека», «передового человека», «стоящего на уровне мировой культуры». Такой интеллектуал, по определению, не может быть назван консерватором, националистом, ретроградом. А если кто-то позволяет себе говорить о каком-то новом евразийстве, об уважении национальной самобытности русских и других народов, населяющих Россию, о симфонии культур, а именно это важнейший принцип нового евразийства, то этот человек, по определению, заслуживает только негативного отношения. Вот свежий пример. Вчера радио «Свобода» целый час посвятило тому, что шельмовало наших евразийцев как ретроградов. Этим господ беспокоит, видимо, то, что новое евразийство содержит в себе целый ряд компонентов, которые позволяют возродиться России как демократическому, процветающему государству, государству содружества наций, различных народов при ведущей роли русского народа, русской культуры как культуры общенационального, межэтнического значения.

И последнее, о чем я хотел бы сказать — о соратниках, соперниках и т.п. На мой взгляд, дело не в соратниках и не в том, является ли Восток соратником России или соперником Запада. Реальность такова, что страны Востока (Китай, Япония, Индия, обе Кореи, Вьетнам) могут быть нашими партнерами в строительстве многополярного, полицентричного мира, партнерами, если хотите, пересмотра в глобальном плане системы ценностей потребительского общества, которая толкает всю мировую культуру, все мировое человеческое сообщество к самоистреблению. Здесь Восток — наш партнер, наш сотоварищ.

Б.С.Ерасов

Я хочу свое выступление разделить на три условные части. Первая часть — это характер самих «круглых столов» или дискуссий, которые идут по этой теме. Я не в первой дискуссии такого рода участвую. И меня каждый раз поражает одно обстоятельство: насколько резко расходится аудитория. Недавно мы имели евразийскую аудиторию в Институте Дальнего Востока, которая активно поддерживает эти идеи. Но незадолго до этого была совсем другая аудитория, в которой обсуждалась тема «Россия и Азия. Россия и Восток. Россия и Евразия» в Фонде Горбачева. Там участвовали некоторые люди, примыкающие к евра-

зийству, в том числе ваш покорный слуга, а также Баграмов, редактор журнала «Евразия», и Панарин. Но мы были в меньшинстве. А вот другие центры научной мысли были представлены такими видными, известными деятелями, как Мирский, Арбатов Георгий Аркадьевич, Косолапов, Холодковский, Рогов, некоторые другие — менее известные. Так вот с их стороны шла зубодробительная критика евразийства и всего касающегося Азии. Предшествующая дискуссия подобного рода произошла на страницах журнала «Восток» с подачи присутствующего здесь Леонида Борисовича Алаева. Я поразился, с каким остервенением мои коллеги, не постесняюсь этого слова, из моего же научного центра — Института востоковедения — или из более прозападного центра — Института мировой экономики — крушили евразийство и все, что связано с проблематикой «Россия и Восток».

Я приведу некоторые выражения, которые высказываются. Соблазн евразийства — это самообман, апология азиатчины, фантазия и грезы и т.д. Реального смысла не имеет ваша Евразия — ни педагогического, ни политического. Мечта русских — поехать в Париж. Очень уважаемый специалист говорил: китайский напор и Восток вообще вызывает неприятие и страх. Лучше предпочесть Запад, идти на мыслимые и немыслимые уступки Западу ради обретения союзников и покровителей против желтой опасности, и т.д. В геополитическом смысле термин «Азия» представляет пустыню и не имеет содержания и понятия. Вот таков уровень дискурса и аргументации.

Наше обсуждение происходит в весьма знаменательный момент выяснения наших отношений с некоторыми очень важными западными центрами, в том числе с Америкой, представленной ее государственным секретарем. Я думаю, происходит формальное опускание занавеса и закрытие дверей. Происходит вытеснение России с Запада. Вот чего добилась западническая ориентация за последние десять лет. Так что волей-неволей нам приходится обратиться лицом к Азии и посмотреть: что же нам светит с того конца?

Мы уже много знаем относительно того, что происходит на Западе. А что происходит в Новосибирске? Я случайно узнаю, что там будет конференция «Россия и Восток», уже четвертая, и они намеренно отказались от приглашения грандов из западных фондов, надеются на свои собственные силы и проводят их самостоятельно. Обсуждается Восточная Сибирь, ее роль и ее место в мире в XXI веке. Вот на таком фоне проходит наше обсуждение в стенах Института философии.

Теперь вторая часть моего выступления. Первое – в историческом плане. Какой все-таки является страной Россия, к кому относится в историческом плане – к Западу или Востоку? Очевидно, верно Михаил Леонтьевич сказал, что и к Западу, и к Востоку. Но все-таки какой характер вносили эти отношения в нашу историю? Противники евразийства и люди, явно отмеченные печатью русофобии, вновь и вновь вспоминают период татаро-монгольского нашествия. Просто поразительно, насколько хорошо они изучили эти тексты летописи и как ярко они цитируют тот разгром, которому подверглась Россия в XIII веке, забывая тотально, что во все последующие века Россия была объектом вторжения с Запада и что, по версии весьма уважаемого евразийца Гумилева, именно поддержка монгольских отрядов спасла оставшуюся Россию от захвата со стороны Левонского ордена.

Из-за краткости времени я должен заострять свои тезисы с тем, чтобы спровоцировать дискуссию. Помощь приходила с Востока и в 1812 году, и в 1941 году. Были, конечно, войны с Турцией как союзницей Запада. Потерпели поражение от Японии, которая к этому времени прошла через модернизацию. Это по поводу истории.

Далее по поводу геополитики. Нам предлагают сменить генетический код, пространство, отказаться от собственной истории. Против этого приходится возражать и снова доказывать, что Россия – часть Востока, и никуда уйти она не может; она стержень, организующий огромное пространство северной части Евро-азиатского материка; она мост между Востоком и Западом во многих отношениях – в историческом, геополитическом и культурном.

Есть еще один аспект этих отношений – это собственно культурный и цивилизационный. Как же соотносить влияние и соотношение Запада и России? Когда оценивают эти вещи, прежде всего имеют в виду влияние высокой культуры. Безусловно, все мы воспитаны в той или иной степени в духе высокой западной культуры. Аристотель, Платон, Кант вновь и вновь приходят на ум. И меня снова и снова поражает, до какой степени забыты даже те элементы восточной философии, которые присутствовали десять лет назад. Никто не вспоминает про Аль-Фараби, китайских философов. Исчезли они из сознания интеллигенции. Сейчас издают, да, но ссылок на них нет. Они не

фигурируют, а фигурирует книга, изданная Институтом востоковедения, «Феномен восточного деспотизма» — восстановление стереотипа, опровергнутого двадцать или двадцать пять лет назад.

А что идет с Запада? Потребительская культура, культура, подрывающая нормативность классической цивилизации, российской или любой восточной. И против этого ушербного влияния Россия оказывается менее защищенной, чем все остальные цивилизации. Здесь Михаил Леонтьевич говорил относительно слабости срединного начала в России. Поэтому, когда разрушается высокая культура, России не на чем удержаться. Происходит разрушение смыслов, норм, ценностей, происходит деградация культуры под влиянием натиска западной массовой культуры. Вот что несет современное влияние Запада.

Образ Востока в русской культуре. Я думаю, что этот образ очень выгодно может контрастировать с образом Запада на фоне позднейших вливаний западной массовой культуры. Это высокая культура прежде всего, культура духовная, культура возвышенных духовных ценностей и символики. Это сквозит и у Пушкина, и у Лермонтова, вплоть до Толстого, который изучал арабский язык, принял буддизм. В конце XIX — начале XX века Россия сближалась с Востоком. Такова была тенденция развития русской культуры.

В советский период тоже происходило сближение и интенсивное ознакомление России с культурными цивилизациями Востока. И наследие этого периода (Михаил Леонтьевич говорил об этом) до сих пор очень сказывается в отношениях с нашими восточными коллегами.

Последняя часть моего выступления — все-таки каковы возможные позитивные тенденции. Опять же поддерживаю тезис Михаила Леонтьевича относительно того, что России суждено укреплять и развивать отношения с Востоком и в рамках евразийской общности любого рода, и в рамках отношений с другими цивилизациями. Я думаю, что здесь этот новый феномен, новое культурное поле будет носить характер отнюдь не симфонический. Симфония — это нечто очень возвышенное. В настоящее время более сильно развивается то, что называется «сеть отношений». Это сеть отношений между различными низовыми общественными организациями, сеть отношений помимо и в дополнение государства. Государство, конечно, должно решать геополитические проблемы, а культурно-цивилизационные проблемы заключаются в налаживании сети отношений между акаде-

миями наук, системами образования, интеллигенцией и населением. Такого рода парадигма цивилизации хорошо отработана на индийском и китайском материале. Она отрабатывается сейчас на материале азиатско-тихоокеанского региона (АТР). Есть интенсивные центры такого рода – это Гавайский университет и все остальные. И Россия должна входить в эту сеть отношений. Тут имеются и содержательные элементы, и культурная символика, и необходимо учитывать возможности новых технологий. Но необходимы и соответствующие институты, центры, которые не будут обращать внимания на возражения, контрдоводы и сопротивление западников и будут продвигать идею воссоздания связи России с Востоком.

А.В.Малашенко

Я постараюсь уложиться в наш график, поскольку, похоже, наш «круглый стол» проходит все-таки в фойе семинара. Во всяком случае, еще одного доклада я делать не буду, а просто выскажу какие-то заметки по выступлениям, которые не только замечания, но и вопросы.

Во-первых, я зацепился за высказывание Михаила Леонтьевича, за его цитирование Тютчева. Это очень сейчас принято, распространено: «Умом Россию не понять...». Но если исходить из этого, то нам, в общем-то, нечего здесь и пытаться понять умом. Такое ощущение, что минус нашей интеллигенции в том, что мы этого не хотим делать, или мы не умеем, или просто боимся. Думаю, скорее всего мы боимся. Почему? Говорят, Россия находится на стыке. Однако возникает вопрос: надо ли нам куда-то двигаться или мы уже уютно устроились вот на этом месте. Евразийство – одна из идеологий, которая оправдывает наше дважды маргинальное состояние. У меня такое ощущение, что Россия находится постоянно не на стыке, а в состоянии некоего пульсирующего транзита: то туда, то сюда. Но никак она туда, куда надо, пойти не может. Плохо это или хорошо, я тоже не знаю. Думаю, никто этого не знает. Но что само движение действует на Россию разрушающе, это однозначно. Во всяком случае на уровне экономики, на уровне политических успехов и на уровне нормальной человеческой жизни любое шарханье в конечном счете ни к чему хорошему, по-моему, не приводит, а приводит к тому, что мы чужие и там, и там. Мы все время доказываем, что мы заимствуем или нас заимствуют, а на самом-то деле мы чужие, и это надо признать.

Ведь то, что в Японии любят Маяковского или Достоевского — это еще не повод для того, чтобы мы объединялись духовно или как-то еще. Это просто элементарный интерес к чужой культуре. Кстати, парадокс заключается в том, что Достоевский сам чужой и для Запада, и для Востока, но почему-то по Достоевскому все пытаются изучать Россию.

Откровенно говоря, я не совсем понимаю, что значит двигаться к Востоку. У всякого движения должна быть конечная цель. Какая наша конечная цель? Переход в ислам? В буддизм? Или еще во что? Или это не движение, а попытка что-то заимствовать, переосмыслить. Но это тоже чужое. Кстати говоря, тут сам собой возник вопрос о том, что Россия должна осознать свою самобытность. Не получается. Убейте меня на месте, ни у кого не получается. Ни у тех, кто слева, ни тех, кто справа.

Теперь давайте спустимся с высоких вершин теоретической мысли на чисто практические поля. Россия должна экономически двигаться на Восток. Допустим. Я против этого не возражаю. Но у меня такое ощущение, что Восток-то экономически уже давно на Западе, а Запад — на Востоке. Они-то уже давным-давно между собой договорились — пусть с трениями, со скандалами, с колонизацией, с чем угодно, а мы как бы вытолкнуты оказались. Можно давать самые разные объяснения. Если мы придем на Восток экономически, то что мы там увидим? Мы там увидим богатый, сытый Восток с его восточной разновидностью потребительского общества или тягой к этому обществу, и я в этом, между прочим, ничего плохого не вижу, поскольку это наша русская тоска: если ты бедный, то это значит, что ты духовный, а если ты богатый, то упаси Бог. В этом тоже надо разобраться, и, кстати, связано это с русской идентичностью. Мы приходим на Восток, а там самый богатый Восток и самый богатый Запад.

И последнее, но отнюдь, к сожалению, не самое важное. Очень хорошо оговорился Борис Сергеевич, что Россия вытесняется с Запада и волей-неволей обращается на Восток. Подсознательно работает, как бы волей-неволей. Ну что я могу сказать?

Россия, действительно, должна прийти на Восток хотя бы в силу того, что на Западе ее в самом деле не особенно любят, она там не особенно нужна. Но для России, во всяком случае с точки зрения ее политики, на сегодняшний день ее хорошие отношения с Востоком — это карта для ее игры с Западом. Мне лично это не нравится, меня это тяготит, но это так. Все наши

отношения с Ираном — там не 4 миллиарда за атомную станцию в Фабушери, а в первую очередь возможность показать, что мы сами с усами. И уверяю вас, если американцы протянут руку Ирану, чего они по глупости не делают, то Иран от нас убежит. И никакие общекультурные ценности, никакие общие разговоры о евразийстве, тем более что они давно не ведутся, не спасут. Это чисто прагматическая вещь. Для России в настоящее время хорошие, прочные отношения с Востоком при полном наплевательстве США и Олбрайт — это единственный выход для начала восстановления своего международного авторитета, и никакие проблемы цивилизации и всего прочего здесь ни при чем.

Это должен быть очень холодный расчет, и американцы это за последние дни очень остро почувствовали. Вот если Россия уйдет с Востока, это будет для нее очень неприятно. Но возникает вопрос: а нужна ли Россия Востоку? Это тоже проблема. Это нам кажется, что нас там все ждут с раскрытыми объятиями. Прежде всего нас с раскрытыми объятиями ждут там, где или боятся американцев и европейцев, или хотят поторговаться с ними. Там, где отношения завязаны напрямую, там мы, к сожалению, не нужны. Это наша трагедия, трагедия того самого стыка. Мы изначально не определились — я не знаю, когда это было, — при татарах, Иване Грозном, при Петре I, но мы до сегодняшнего дня — ни московское государство, ни Российская империя, ни Советский Союз — так до конца и не определились. А определяться, видимо, надо. Или, действительно, как здесь говорили, нужно застолбить наше место на стыке, — пусть это будет евразийство, но пусть это даст нам реальные материальные блага, а не только какие-то философские рассуждения. Возможно ли это? Я бы хотел, чтобы это было возможно.

Если это не получится, то нам опять надо выбирать, потому что у печального места на стыке есть самый главный минус — это место разрыва. Недаром сейчас так много ведется разговоров, пока это на уровне спекуляции, к счастью, что Россия может быть уничтожена. И именно на этом самом разрыве, которым мы все так гордимся и который мы все так превозносим. Так что, с моей точки зрения, может быть, и рано делать какие-то выводы, но тем не менее именно сейчас, когда поставлено под угрозу существование России, надо каким-то образом определяться, и в том числе интеллигенции, которая так или иначе оказывает влияние и на истеблишмент, каким бы он ни был, и на общество.

В.И.Толстых

По поводу того, нужна ли Россия Востоку. Вот на той, упомянутой уже мною, встрече собралась буквально вся интеллектуальная элита страны. Они, обращаясь к присутствовавшему там Михаилу Сергеевичу Горбачеву, сказали, что мечтают о том, чтобы Россия вернулась на мировую арену в качестве партнера, на что Горбачев сказал: это понятно, ведь лучше иметь двух коров, чтобы сосать их, и иметь два зонта вместо одного. Но помимо геополитического и чисто прагматического интереса, который проявляют восточные страны, видимо, все-таки есть скрытая, может быть, духовная связь с Россией и потребность в России. Это еще может быть предметом обсуждения.

М.Л.Титаренко

Я хотел бы сказать по поводу выступления Малашенко. Во-первых, вы, уважаемый коллега, немного передернули и мое выступление, и выступление Ерасова в отношении тезиса, что Россия должна идти на Восток. Мы не призывали идти на Восток, и я не предлагал уйти с Запада или из Азии. Я не о том, что хорошо это или плохо, но нам идти некуда, и мы должны осознать наше евразийское геополитическое положение не только в географическом, но и цивилизационном плане. Я не говорил слова «самобытность», а говорил: осознать наше геополитическое положение. Но если хотите, чтобы я употребил это слово, я не буду против. Да, это место неудобное. Но вообще-то мест удобных немного на нашей планете. У нашего местопребывания есть свои плюсы и свои минусы. И, понимаете, ваше выступление отражает именно, как бы это сказать, разочарование в своем отечестве: не нравится она мне — эта страна. Вот там — где-то в другом месте, и теплее, и комфортнее, и до теплого моря можно за один-два часа доехать. Я не спорю, такое местоположение приятнее. Но вопрос ведь не в этом, вопрос в осознании своей принадлежности к России и ее культуре, и любви к этой культуре.

Вы думали, что меня поймали на логической ошибке, когда я приводил слова Тютчева. Я согласен с Тютчевым, с Толстым и со многими другими русскими писателями и мыслителями. Речь идет не о иррациональности русской культуры и поведения рус-

ских, а о неоднородности, крайней многомерности, стереоскопичности, полимерности России. Поэтому однолинейным умом понять вот эту сложность России трудно.

А.В.Малашенко

То есть вы считаете, что только русский может понять Россию?

М.Л.Титаренко

Нет, я так не считаю. Я хочу сказать, что если русский становится на позицию одномерности, не признает многомерности, многофакторности, стереоскопичности российской культуры, он не поймет Россию с помощью примитивных силлогизмов.

И еще одно замечание. Мне симпатичны ваши прагматические размышления в заключительной части вашей речи. Да, и этот компонент тоже должен действовать в российском политическом сознании. Да, мы должны прагматически играть на противоречиях и использовать их, потому что мы в слабой позиции. Россия имеет колоссальный опыт компенсировать свою экономическую слабость искусством дипломатии. Я не собираюсь спорить по поводу Ирана. Но ведь совершенно не случайно один из самых умных молодых политиков Японии, который задумался о будущей роли Японии в XXI веке, сформулировал эту концепцию — евразийской инициативы, обращенной к России и Китаю. Это была очень удачная формулировка Хасимото.

Я думаю, что вопрос не в том, что нигде мы не нужны. Это типичный американо-прагматический подход: нужны — не нужны. Мы нужны Европе, мы нужны Азии, да и Америка без серьезных конкурентов вырождается. Мы издали книжку статей нынешнего премьер-министра Малайзии Махадхира. Это, по сути дела, пропаганда евразийства. В этой книге содержится резкая критика потребительского общества, резкая критика слепой вестернизации, слепого насаждения западных ценностей и превращения политики глобализации в синоним сплошной вестернизации. Вы предлагаете то же самое. Я думаю, что это не обогатит нашу культуру.

Я разделяю ту часть вашего выступления, где говорится, что наша политика и наше положение требуют от нас многовекторной политики и быть большими прагматиками. В нашей поли-

тике слишком много фантазии, слишком много самых высоких проектов и очень мало прагматизма, связанного с нашими национальными интересами. Это нам поможет. Но Азия в нас нуждается. И предложение Хасимото об этом говорит, и политика Китая, Индии, Вьетнама говорят об этом.

В.Ю.Царев

Мне кажется, нет такой проблемы: Россия и Восток. Если и есть, то она обострена до предела именно тем, что это у нас вопрос не национальный. Почему нет вопроса? Я думаю, что на самом деле, если не делать хорошей мины при разнообразной игре, мы все прекрасно понимаем, что такое Восток и что такое мы. Еще в «Повести временных лет» пишет летописец: «На восточную сторону жребия симовы, сына Ноева. От него же родися хиновия поганые, татаровия басурманския...». Только-только была битва на реке Каяле, еще никто и не видел в глаза татар, а тем более китайцев. Наш великий писатель — писателям не дают спокойно спать в их могилах — Лев Николаевич Толстой пишет в своем дневнике: «Трудно любить инородцев, но нужно». Несмотря на то, что совершаем насилие над собой, надо любить этого инородца, своего рода непротивление злу. Итак, насилие возможно, но, естественно, если ты насильно кого-то любишь, то ты этого кого-то считаешь своим особенным должником: я тебя люблю, а ты от меня рожу свою косоглазую воротись. Что же это такое?

Ссылаться на то, что где-то кого-то читают, по-моему, не очень правильно. Читать-то они могут, но, мне кажется, уважение к культуре оказывают тогда, когда посылают своих детей учиться в страну-носителницу культуры. наших писателей читают, но что-то я не слышал, чтобы японцы приезжали массами учиться.

С места: Китайцы посылали.

В.Ю.Царев

Китайцев посылали вагонами. А вот одного-то прислали японцы, и результат этого опыта я считаю печальным, и называется этот результат Ирина Хакамада. Так что с этой точки зрения можно найти массу аргументов «за» и «против» большой

или, наоборот, небольшой любви Востока к России и России к Востоку. На самом деле, мне кажется, народы сближаются не на альтруистической, не на идеальной основе. Они сближаются из боязни и по необходимости. Бояться или нуждаться – вот дилемма, в пределах которой решается вопрос цивилизационной близости. Россию соседи не боятся. У многих восточных соседей есть сравнительно недавний опыт победных войн против России. С этой стороны Россия не представляется грозным супермогущим гигантом. Россию не боятся потому, что Россия не представляет какого-то отдельного мира, скажем, славянского мира. Какой между славянами мир? Это в Югославии мир, где славяне-мусульмане режут глотки славянам-христианам и наоборот при полном непротравлении сторон? Это, скажем, большая дружба с нашими украинскими братьями, которые при первой же возможности высокомерно учат русских русскому же языку? Конечно, понятное дело, люди, знающие язык по украинскому разговорнику, естественно, должны научить нас расставлять ударения или пользоваться предложениями. И здесь есть на самом деле какое-то неуважение даже в тех случаях, когда для такого неуважения, казалось бы, нет основы. Значит, нуждаться? Правильно. Пока те же самые украинцы будут разворовывать нашу нефть и не платить за газ, будут с нами косвенно дружить.

А что собственно Восток – Китай, Япония или Корея, Восток как древняя цивилизация, как самостоятельная культура? Я думаю, между нами стоит настолько непреодолимая стена, и всякий, кто имел дело на бытовом уровне с людьми Востока, знает, что существует твердое, устойчивое, высокомерное отношение к русским со стороны этих собственно восточных людей. Но и то сказать: боязни нет, но, может быть, есть какое-то уважение? Но уважения быть не может, потому что Россия выступает не представителем огромного славянского мира, она даже не выступает своим собственным представителем. Проблема, повторяю, в том, что вопрос Востока и Запада для России – это вопрос скорее государственный и вопрос отдельных институтов, которые разрешают этот вопрос, зарабатывая себе на горький кусок хлеба. Но этот вопрос на самом деле оказывается как бы совершенно безответным при ближайшем рассмотрении.

Как можно, допустим, бояться Россию и уважать Россию, если она сама себя не уважает? Это чеченцы будут уважать русских, которые бросают своих же убитых тысячами на съедение собакам или которые выдают свои военные планы, зная, к чему

это приведет? Или продают оружие своему противнику? Это они будут нас уважать? Дело в том, что мы-то не выступаем в отношениях с другими народами как единая нация. И здесь дело даже не в том, куда мы пойдём. Мы просто никуда не пойдём, толпой мы ходили только на погромы, да и то редко и не очень охотно. Если сейчас правительство ФРГ приносит извинения за злодеяния, которые не оно совершало, то мы до сих пор в ответе и за эти формы межнациональных отношений.

Мы живём в постоянной готовности к гражданской войне. Красные не оставляют за белыми права на существование. Здесь, казалось бы, у нас интеллигенция — консолидированная группа. Но вот один представитель говорит, что интеллигенция делится на интеллектуалов и на настоящих интеллигентов. Вот вам маленькая, тихонькая, спокойная домашняя гражданская война. Женщины любят пересказывать своим подружкам ссоры с соседкой. Свои реплики они воспроизводят нарочито елейными голосами, вкрадчивыми и спокойными, а за соседку говорят противными голосами.

Скажем, ведётся какая-то дискуссия, предположим по евразийству. Я говорю все очень взвешенно, спокойно, а вот мой противник с остервенением мне возражает, не как-нибудь, а вот с остервенением, сукин сын. Вот вам ещё одна маленькая домашняя гражданская война.

И вот ведя такие постоянные войны, а они совершаются и на бытовом уровне, у нас нет никакого общественного движения на самом деле. Демократы так называемые, как там ни каламбурь по их поводу, самое главное, что делают — это постоянно сварятся между собой. Шахтеры приезжают стучать «съёмными головами» о Горбатый мостик — так они всех предупреждают, что они за себя воюют, а не за других дармоедов, которые пусть сами постоят за себя. Или, скажем, когда наезжает на всю страну государство, оно ведь тоже ведёт гражданскую войну против своего населения. Против кого была открыта эта гигантская возня 17 августа прошлого года? Наказали весь народ, конспирируют против этого народа. Значит, нет и этого объединяющего начала на самом деле.

И при всем том, разумеется, какие-то допуски. Ведь в самом вопросе есть как бы предположение, что Россия займет какое-то особенное положение. Полицентристский мир. Но, конечно, Россия будет не последней в своем центре. В том же стихотворении, которое здесь упоминалось, речь идет об аршине общин, заметьте, не о футе, не о метре, а об аршине, ар-

шин — это русская мера длины. Значит, все вытягиваются в одном исподнем и с общего согласия, чтобы подравняться, дают себя измерить русской мерой длины.

Итак, получается, что на всех уровнях мы действуем раскордированно. Встречаются русские на пляже где-нибудь в Испании или в Греции, друг от друга физиономии воротят, не узнают друг друга, не хотят этого признать, выдают себя за кого угодно, за иностранца Ивана Петрова, вывески такие были. И при этом мы хотим, чтобы, не нуждаясь в нас и не боясь, нас уважали. Мы еще не прошли стадии объединения в народ по-настоящему. Русский народ — это пока, к сожалению, некая фикция, не понятная для многих других людей, которая, как ни странно, не имея ни отечественной технологии, ни бомб, ни всяких других дел, тем не менее состоялась как народная цельность, выступает консолидированно в противостоянии остальному миру. А у нас этой консолидации и вовсе как будто бы даже и нет. Еще недавно газеты вразумляли наши консульства, которые первым делом отпихивали своих соотечественников и работали на местную администрацию. Вот вам и здесь как бы проявление русской сплоченности и русского национального духа. В проекте Конституции была такая фраза: мы — народ. Так вот для меня вот такой самый главный вопрос — не вопрос о том, как мы породнимся с другими, а вопрос как бы двойной, как правильно говорить: мы — народ или все-таки: ну мы и народ!?

Л.С.Переломов

Я хочу остановиться на вопросе: Восток для России — диффузия энергии или источник массовых духовных обретений? Я очень кратко обрисую вам взаимоотношения России или российской культуры с одним человеком — с Конфуцием. Если мы с вами возьмем двухсотлетний период взаимопонимания российской культуры и Конфуция, и начнем с Пушкина, когда он работал над «Евгением Онегиным» и хотел расширить свои исторические знания, написал несколько стихотворений, связанных с Конфуцием. Потом он их зачеркнул, затем пытался поехать в Китай, — не получилось. Но дело не в этом. Короче говоря, если брать весь этот период, то я его делю на два этапа. Первый этап — это Пушкин, Толстой, Мень (Мень, кстати, был последним), еще Солженицын. Работали в общем-то интеллектуалы или интеллигенты, представители культуры, и их интересовала проблема нравственности, проблема воспитания человека и т.д.

Рубежом, когда обнаружили взаимоотношения России с Конфуцием – это гайдаровско-горбачевские реформы. Если до этого нашего среднего россиянина не интересовал Конфуций, то на втором этапе, который начался с этих реформ и длится до сегодняшнего дня и уйдет в XXI век, заинтересовался кто? Заинтересовалась наша элита и обычный средний человек.

Горбачев знал о Конфуции, и когда он там побывал, то вот что сказал президент Тайваня экс-президенту СССР по поводу того, как надо проводить реформы: «То, что мы называем политическими реформами или развитием, представляет собой грандиозный и сложный общественный процесс, в который не только вовлечены различные организации и силы данного общества, но который также теснейшим образом связан с культурным наследием данного общества. Связь между политическим развитием и культурой я выражу в виде алгебраического понятия – как функцию $f(x)$, где x означает культуру: культурные различия определяют и неодинаковую направленность, а также результаты политического развития».

Я вам назову только фамилии. Почему они потянулись? Вот Долголаптев – был у нас такой зампред Совета Федерации. Критикуя демвыборы Ельцина, он обратился к авторитету Конфуция, называет его одним из основоположников политической мудрости и т.д. А Лужков воспринимает конфуцианскую философию как оторванную от жизни. Критикуя плохую работу службы ремонта дорог и обман ею службы контроля правительства Москвы, он сказал: «Наши службы контроля дают цифры, что 60 процентов городских дорог и 70 процентов внутридворовых выполнены некачественно. Вот и считайте, во сколько раз хуже работают группы контроля административной инспекции и Доринвеста. Ваше дело – вот факт, вот мера, вот результат. А у вас черт знает что! Философские измышления и конфуцианский подход». (*Смех в зале*)

Тут товарищ сказал что, на учебу посылают на Запад. У нас посылали небольшую группу менеджеров в Японию для обучения. Знал ли Лужков, организуя поездку, что когда ребята приедут в Японию учиться менеджменту, их, конечно, поместят в самый лучший институт, созданный человеком, который фактически создал Японию, – Сибусава Эйдзи? Это теоретик и основоположник того самого «конфуцианского капитализма», которому уехавшие туда и будут обучаться.

Один из последних примеров. В недавнем интервью В.А.Рыжков, говоря о духовных ценностях, коих он придерживается в своей жизни, отметил: «Кроме того, любовь к восточной философии, к Конфуцию, Лао-Цзы. Их учения также дали богатую пищу для размышлений, для того, чтобы не шарахаться из стороны в сторону, а идти прямой дорогой». На вопрос: «Как вы просчитываете будущее?» — он отвечает: «У Конфуция есть одна замечательная вещь... Один из учеников спросил его: «Учитель, можешь ли ты сказать, что будет через сто поколений?», на что Конфуций ответил: «Вот древняя династия, которая соблюдала традиции и обычаи, чем и обеспечила свое будущее; следующая династия соблюдала традиции, и нынешняя династия тоже придерживается обычаев, поэтому я могу сказать, что будет через сто поколений».

Я хочу понять, что, если мы возьмем нашу политическую элиту, которая Конфуция неправильно цитирует, меня раздражает и даже зло берет? Низкий уровень тех, кто нами руководит, низкий уровень политической культуры. Как бы мы с вами ни относились к Андропову, но он, по словам его помощника, читал «Сунь Цзы» и «Книги правителя области Шан» в моем переводе. Что это такое? Это основы государственного строя, основы цивилизации. То есть для того, чтобы общаться с этим регионом, он хотел понять, на чем он стоит. А если мы с вами будем писать им, как мы занимаемся управлением, то вроде того, как Немцов сказал: ах да, я теперь все знаю про Китай. Ничего он не знает.

Или берем еженедельник «Аргументы и факты». Приветствуя успешное завершение операции на сердце Ельцина, газета поместила на первой странице под заголовком «Очередное пришествие» красочный коллаж на тему известной картины Иванова «Явление Христа народу». Где в образе Христа изображен кортеж президентских машин, выезжающих из ворот Кремлевской больницы. Коллаж сопровождается афоризмом: «Лучше зажечь маленькую свечу, чем проклинать темноту (Конфуций)». Хотя он к этому не имел никакого отношения. Ну зачем его тянут в политику?

В.И.Толстых

Вы так придираетесь к нашим деятелям по поводу Конфуция... Если бы только Конфуция они не знали.

Я говорю только одно. Идет вульгаризация, между тем как задача людей, которые занимаются конкретно традициями, — дать адекватное представление о тех канонах, которые составляют основу китайской цивилизации, где сейчас происходит переоценка, насыщение другим.

В.Л.Цымбурский

Честно говоря, когда Валентин Иванович пригласил меня выступить, я раздваивался между двумя возможными направлениями. С одной стороны, можно долго говорить о том, почему я не принимаю понятия «евразийство» и почему считаю идеологию евразийства попросту зловредной и разрушительной для России, особенно сейчас. Достаточно вспомнить, что мне пришлось присутствовать при том, как журналисты из «Независимой газеты» оправдывали маршала Шапошникова, сдавшего гигантское количество оружия Дудаеву, тем, что Шапошников следовал в данном случае практике евразийского братства. Вот так — евразийского братства. И все.

Но, отвлекаясь от этого аспекта, я все-таки выбрал другой путь. Я хочу прежде всего коснуться проблемы «Россия — Восток» в аспекте, который до сих пор не затрагивали, — в аспекте геоэкономическом. В настоящее время Россия представляет собой, совершенно очевидно, зону экономического колосса, находящуюся между двумя фокусами экономической мощи — между ЭЭС и АТР. И совершенно ясно, что вопрос ее выживания — это вопрос ее отношения к этим фокусам мощи. Применительно к Европе, очевидно одно: ориентация на Европу может помочь нам противостоять, скажем, Соединенным Штатам и деструктивному влиянию институтов, связанных с Америкой, вроде МВФ; может помочь нам немножко подлечить сельское хозяйство, улучшить нашу инфраструктуру, просто дать небольшую прибыль после этого безумного реформаторского десятилетия.

Но в любой обозримой перспективе ни о каком присоединении России к интегрированной экономической Европе говорить невозможно — раз. А во-вторых, Россия ничем не может быть по отношению к этой Европе, кроме как, действительно, сырьевого и энергетического довеска. Вот и все. Сырьевой и энергетический довесок и покупатель более или менее ценных товаров. Вот что такое Россия по отношению к объединенной Европе.

Спрашивается: что нас ждет с другой стороны? В отличие от объединенной Европы Россия стала членом ОПЕК с его гораздо более открытой структурой. И тут вопрос: а что мы тут делаем? Она выходит на Тихий океан со своими наименее развитыми районами, эти районы лежат к северу от основной зоны тихоокеанских экономик. Наиболее развитые регионы России сдвинуты далеко на запад от АТРовской зоны. Наше место на Тихом океане непонятно.

Я хочу сказать только одно, что именно вот эта маргинальность наша на Тихом океане, если она будет осознана, может стать, вообще говоря, основанием для обретения достаточно позитивного оригинального места в раскладе этого восточного центра экономической мощи.

Я хотел бы обратить внимание на то, что, рассматривая Россию как государство, экономически, геоэкономически и геополитически ориентированное на Европу, мы не сможем вообще разобраться с тремя крупнейшими проблемами, вставшими перед нами в последние годы. Это проблема китайского напора на нас, пока через Приморье, в дальнейшем, по-видимому, и через Казахстан. Это проблема новой Центральной Азии после победы талибов и уже намечающегося талибского броска к Каспию через газопроводы из Туркмении. Наконец, в-третьих, это проблема так называемого евразийского транспортного коридора, идея сплошной интеграции постсоветского пространства через Кавказ, с выходом Центральной Азии на Турцию или на Восточную Европу в обход России.

Я подчеркиваю, что если мы будем говорить о России как о государстве, ориентированном на Европу геоэкономически, ни к одному из этих трех вопросов мы даже и подступиться не сможем, мы не знаем, что с ними делать.

Подойдем с другой стороны. Многие люди уже писали о том, что справиться с китайской проблемой — это значит прежде всего войти в мир тихоокеанских экономик. Как это сделать? Нам предлагают создавать свободные экономические зоны, развивать наш Дальний Восток. Но если Дальний Восток будет развиваться отдельно от России, это прямой стимул к его облому и отходу от России.

Можно ли к проблеме отношения к России подойти по-другому? Можно. Сегодня АТР — это зона, скажем так, очень больших проблем. Потому что американский рынок, который питал это кольцо, сейчас питает недостаточно и неорганично.

Там большой спад. Что делать экономикам этого региона? Ряд американских экспертов предлагает развивать внутренние рынки. Но экономики, созданные на экспорт, не могут так переориентироваться на внутреннее потребление без серьезнейших социальных реформ, которые в условиях кризиса не произведешь. Естественный путь для этих экспортных экономик — искать новые рынки. И здесь Россия может сыграть ценнейшую и полезнейшую роль хотя бы потому, что она имеет прямой географический доступ к таким регионам Западной Евразии, к которым ни одна другая страна АТР прямого доступа не имеет. Я говорю о Северной Европе, я говорю о Восточной Европе, я говорю о том же Закавказье, я говорю даже в перспективе о Балканах. То есть я говорю в конечном счете о всем этом кольце территорий, на которые Европа выходит напрямую, а страны АТР — нет.

Умный человек Александр Иванович Неклесса высказал интересную идею российского транспортного коридора. Но что такое российский транспортный коридор? Это значит прежде всего Транссиб. Но, господа, мы же помним прекрасно, что в прошлом году как раз в момент, когда был произведен блестящий эксперимент с прокаткой этого эшелона от Находки до Бреста, который дал блестящие результаты, и когда готовился закон о снижении тарифов, именно в этот момент доблестные шахтеры торжественно провозгласили свою забастовку и тем самым перекрыли Транссиб наглухо. Сам по себе российский транспортный коридор, вот такой эксклюзивный путь, он не решает проблему. А что могло бы решить? Комбинация трех путей: Транссиб — раз, северный вариант шелкового пути через станцию Дружба, через казахские степи, далее через Приуралье — два. Он намного перспективнее, чем все варианты южного шелкового пути хотя бы потому, что на том южном шелковом пути трения ирано-афганские, трения ирано-турецкие, курдская проблема и т.д.

Итак, Транссиб, или российский транспортный коридор — это шелковый путь и это, наконец, уже давно намечаемый индоокеанский путь, который в значительной части создан, интеграция путей иранских и туркменских, и которому для реализации недостает лишь состыковки туркменской линии и казахской. Если бы нечто подобное было осуществлено, мы получили бы в конечном счете три линии товаропотоков, входящих в нашу Юго-Западную Сибирь и в наше Приуралье как некий тихоокеанский плацдарм с широким диверсифицированным доступом к самым разным регионам Западной Евразии, еще не охваченным границами ЕЭС. Это действительно перспективно.

Более того, если подойти к этому с этой точки зрения, то китайская проблема в общем-то обретает вполне понятный смысл для разрешения, а талибская проблема осмысливается как задача прикрытия индо-океанского пути. И тогда у России задача — соответствующее соглашение с Туркменистаном, Казахстаном, с узбеками. Тогда можно всерьез поставить вопрос, что наша тихоокеанская ориентация должна быть поддержана большой центрально-азиатской политикой по-настоящему.

И, наконец, с этой точки зрения понятно будет, почему мы жестко противостоям идеям евразийского транспортного коридора через Кавказ. Это «почему» будет выражаться простой формулой — мы предлагаем другой путь товаро- и ресурсопотоков: Урал — да, Кавказ — нет. Четкая и ясная позиция.

Есть еще и третий вариант — развитие так называемого внутреннего рынка, то есть просто создание российской автономной экономической зоны с прихватом близлежащих территорий. Я считаю, что на наше поколение эта задача вполне разрешима. Но такая замкнутая зона — это, простите меня, дать в руки России геоэкономический щит от внешнего мира, не давая ей делать экономического меча. Это значит обречь Россию, во-первых, российскую экономику, на стагнацию, а во-вторых, это означает, что наша экономика никак не будет способствовать утверждению российского влияния в мире. Между тем эта тихоокеанская ориентация — это ведь не просто транзит. Транзитное пространство пассивное, транзитное пространство обеспечивает просто связь между товаропроизводителем и рынком. Здесь речь идет о том, чтобы этот рынок создать, речь идет о том, чтобы сформировать его и достичь стратегического эффекта. Вот о чем здесь идет речь. А под это Россия могла бы во многом добиться и включения в международное разделение труда в пределах АТР по целому ряду позиций на самом деле.

Я подчеркиваю, что всерьез улучшить свой международный статус, обрести сколько-нибудь серьезную международную роль Россия сможет только в том случае, если она не ограничится ролью европейского «киндерланда», если она попытается, осознав себя как маргинальное государство Тихого океана, сыграть роль тихоокеанского плацдарма на евро-азиатском западе. Вот это действительно возможный и перспективный путь.

Мне исключительно интересна эта дискуссия, но мне кажется, что у нее есть недостаток, состоящий в том, что некий идеальный тип Востока и Запада мы принимаем за реальность. Поэтому я приветствую внесенное Михаилом Леонтьевичем предложение: следует учесть, с каких позиций мы судим о том, где мы находимся — на Востоке или на Западе. Так Россия из Парижа — безусловно Восток, а из Стамбула она уже Европа, почти такая же, какой себя считает сам Стамбул, а из Китая она, конечно, почти Запад. Поэтому, когда Михаил Леонтьевич приводит пример усвоения российской культуры китайскими интеллектуалами, я вижу в этом пример того, что для них освоить западный опыт легче, взяв его уже освоенным Россией. Несмотря на то, что и Пушкин, и Лермонтов, и Толстой, конечно, питали огромный интерес к Востоку, сами они явились, как показал Бердяев, духовным ответом на реформы Петра, совершали духовную революцию петровского порядка, при которой в национальные формы отливалось западное литературное содержание и формы чувствования.

К сожалению, я не могу согласиться с Валентином Ивановичем, что все нас ждут на Востоке. У меня другой опыт. Мне приходилось делать доклады о влиянии локальных трансформаций на глобальные в Париже, где меня просили характеризовать идентичность России. Я сказала, что в модернизационных теориях это — «вторая» Европа, отсталая Европа, а в цивилизационных — это «другая» Европа. Они вздохнули с облегчением: как хорошо, что вы не сказали, что Россия — это Запад. И сходную ситуацию я имела в Дели на азиатской конференции научных советов по социальным наукам, где собрались представители всех азиатских стран, и все это сообщество завершалось Россией. Я там была представителем России. И когда они меня спросили про российскую идентичность, я сказала то же, что и в Париже. И они все вздохнули с облегчением: как хорошо, что вы не сказали, что Россия — это Азия, что Россия — это Восток.

То есть я полагаю, нас ждут в качестве союзников, но нам стать Западом так же трудно, как стать Востоком. Мы обладаем какой-то спецификой, которая, действительно, может быть, и выглядит как бегание по мосту, как здесь г-н Малашенко сказал, но мне кажется, что мы однозначно определяли свое развитие, начиная с Петра I, как модернизационное развитие. Мы

пытались догнать Запад, мы шли по западной модели, а бегали мы оттого, что это движение — чрезвычайно сложный процесс. Подводя итоги реформам Петра, Сергей Соловьев, русский историк, сказал, что нравы народа указами не изменишь, что реформы не проросли всю толщу страны — и всякий раз они не прорастают всю толщу, оставляя за собой частично разрушенный, частично модернизированный и частично традиционный сектор.

Эта судьба характерна не только для России, но и для всех стран догоняющей модернизации — Турции, Мексики, всех, кто пытается идти по линии комбинации модернизации и вестернизации. Этой участи не избежали ни большевики — их модель тоже была догоняющей, ни наши сегодняшние реформаторы, которые провозгласили тоже догоняющую модель, хотя они, конечно, пошли странным образом, не определив, какую степень развития Запада они хотели бы догнать.

И мне кажется, что сегодняшний спор о выборе путей развития инициирован двумя обстоятельствами. Во-первых, нашими обидами и разочарованиями в Западе, которые на протяжении всех этих лет ощущались страной. Интуитивно мы ощущали, что предлагаемая модель развития России одномерна, что она — одна из возможных моделей. Возникла как бы реанимация старого спора славянофилов и западников, только в другом, теперь более современном виде.

Но есть и второе основание для этого спора. Мы не просто вдруг взяли и потянулись на Восток. А дело все в том, что наше предшествовавшее догоняющее Запад развитие — это, говоря словами Тойнби, ответ на вызов Запада. В течение пятисот лет Запад был бесспорным лидером развития, и поэтому мы шли за этим миром, как и остальной незападный мир. Только сейчас, пожалуй, можно встретиться с декларациями, что можно вообще не развиваться. Один студент из Габона на обсуждении темы «Развитие» все время улыбался, и когда я его спросила, почему он улыбается, он ответил мне: «Мы решили не развиваться».

Но вторая причина — более важная, мне кажется, почему мы обсуждаем проблему Востока, — потому что сегодня впервые за пятьсот лет имеется не только вызов Запада, но и вызов Азии, вызов Востока. По прогнозам Международного банка, даже не зависящим от сегодняшнего кризиса, в 2020 году в ряду развития стран на первое место вместо США выйдет Китай, на втором месте останутся США, на третьем — Япония, на четвертом — Индия.

Сместа: Не слишком ли оптимистический прогноз?

Может быть, это слишком оптимистический прогноз, может быть, возникнут какие-то тенденции, которые разрушат этот прогноз, но на протяжении своей жизни мы ощутили гигантский рост Азии. Кроме того, мы ощутили рост конкурентоспособности в этих странах, которые, казалось, вообще ни на что не могли претендовать. Ведь считалось, что Филиппины, которые развивались непосредственно под американским влиянием и контролем, будут центром азиатской модернизации. А оказалось — не Филиппины, а Япония и другие страны Юго-Восточной Азии. И Япония не в период оккупации, когда ей предлагалась либеральная модель, а на основе собственной модели японских социологов, на основе собственной идентичности.

Поэтому возникает резонный вопрос, в данном случае не имеющий ничего общего со славянофильством, а не перенять ли нам что-то у этого центра развития. Он ставит перед нами задачу выбора ориентации, которая стоит, между прочим, и перед США. В Калифорнии думают, куда им смотреть — на Тихоокеанский регион или на Запад.

И мне кажется, если мы посмотрим на Восток, мы увидим там два типа развития. Один тип — это догоняющая модернизация, которой следуют Индия и Китай, то есть тот тип, который мы проходили и который дает им определенный успех, и второй тип — это на основе собственной идентичности, когда используются традиционные ценности для того, чтобы сделать рывок. Правда, среди японских ученых идет дискуссия, а не следует ли после этого идти по пути модернизации и вестернизации, потому что они все-таки сохраняют статус локальной цивилизации, а не мирового центра развития. Вот мы и оказались между Сциллой и Харибдой: что — нам продолжать догонять или найти какие-то собственные основания? Когда мы догоняли, мы не знали, что мы догоняем. Были люди, которые говорили: смотрите, мы живем прямо по Броделю. Первоначальное капиталистическое накопление, все замечательно. Вот уже бандиты стреляют. А когда мы говорим о Японии и Юго-Восточной Азии, то мы не знаем, а какова наша собственная основа, на какой основе мы настаиваем? Славянофильские основания не действуют, и все те возвраты к святой Руси и прочее, не работают по той причине, что святой Руси нет с 1905 года, когда народ сжег помещичьи усадьбы. Поэтому у нас как бы нет оснований.

Мне кажется, что ошибка сегодняшней дискуссии состоит в том, что мы все время обсуждаем ориентацию на Восток или на Запад как пути развития, обсуждаем их так, будто куда захотим, туда и пойдем; вот мы вышли в сад и решили, пойдем направо или налево. Мало того, что нас не очень хотят видеть азиатами или членами Запада, но еще дело и в том, что у нас нет такой свободы, у нас нет такой возможности. Мы не знаем, что мы догоняем, и мы не знаем, какие у нас собственные основания для развития.

В.И.Толстых

Проблема выбора – это объективная штука.

В.Г.Федотова

Да, выбор – это объективная штука.

Так вот, я берусь утверждать, что какой бы моделью нас ни соблазнили – догоняющей ли модернизацией, или развитием на собственной идентичности по примеру новых индустриальных стран, – мы все время упираемся в то, что старый тип нашего развития исчерпан. Старый тип развития был мобилизационный, он осуществлялся за счет крестьян и за счет помощи Запада. Например, когда министр финансов Вышеградский, а за ним Ковцев отправляли так называемый «голодный хлеб» (хлеб голодающих крестьян) за рубеж для того, чтобы осуществить индустрию, они осуществляли концентрацию и мобилизацию ресурсов. Кроме того, они пригласили французов, которые сделали громадные инвестиции. Население привыкло жертвовать, мобилизационная модель – это развитие за счет населения, но сегодня уже нечем жертвовать, все пожертвовали, построили индустрию ценой колоссальных усилий. Говорят – восстановить отечественную промышленность, а спрашивается: что восстановить? Все советские заводы, фабрики, вот эту дымную индустрию, которая сегодня является признаком отсталости? Что мы хотим восстановить? Горбачев мечтал почему-то о машиностроении в то время, когда в мире все говорят о других источниках нового, не мобилизационного, а инновационного типа развития, который в Юго-Восточной Азии совмещен с инновационно-мобилизационным. Таких источника два. Это – не ученый, который вырыл землянку в лесу и консервирует грибы, на что нас толкнули. Один источник – рынок, но нормальный рынок, не криминальный рынок,

который мог быть построен только под контролем государства, и второй источник — инновация и наука. Мы убили курицу, несущую золотые яйца. 100 тысяч российских ученых производят инновации для Запада, потому что они работают там, потому что в России ученый ничего не значит, ничего не получает.

Нам рекламируют по TV инновации? Да, банкира, который после кризиса сушит сухари с прибылью для себя и с пользой для других. Замечательный умелец, инновация. Но не институт инновации. Есть всего два института инновации — рынок и наука. Вот эти институты инновации должны развиваться. Мы могли бы с нашим научным потенциалом иметь «Селикон Велле», а не инженеров, которые ушли в фермеры.

Если сейчас говорить о мобилизационном развитии, мобилизация в масштабе общества — это лагерь. Мобилизация политическая — это однопартийность. Мобилизация идеологическая — это диктат. Но мобилизация науки, бывших советских ученых, которые готовы были выйти из социального заказа только на войну или только на идеологию, ради этого делали перестройку, есть то единственное, что нас может спасти, куда бы мы ни смотрели — на Восток или на Запад. Там и там осуществляется именно это.

Я исключительно благодарна Андрею Ваганову, который выпустил последний номер приложения к «Независимой газете» «НГ-наука» и опубликовал статью Франка Пресса, руководителя американской науки, известного ученого. Он пишет: «Самые дешевые вложения в науку, самые большие эффекты от науки». Все, что мы имеем сегодня в Америке, произвела наука. Да, внедрение стоит в 50 раз дороже, чем научное исследование. Но это другой вопрос. Ф.Пресс пишет: «Ни одна нефтяная компания не может произвести того, что может произвести наука. Ни одна индустрия развлечений не может произвести того, что может произвести наука».

В.И.Толстых

Даже Газпром?

В.Г.Федотова

Да, даже Газпром. Но он говорит про Америку. Ведь «Селикон Велле» построить дешевле, чем тракторный завод. Потому, что это — мысль ученого, воплощенная в компьютеры, которые делаются в маленьких-маленьких таких домиках, совершенно не похожих на завод.

Цымбургский сегодня дал великолепный пример того, что научные идеи ничего не стоят. Бедный, нищий Цымбургский, как мне говорили, живущий за городом и не получающий ни копейки, сегодня предложил проект, который я не хочу сказать, хорош он или плох, я не специалист, но который выглядит как научный продукт, который может изменить нашу ситуацию. Разве это не так?

И поэтому я слышать не могу о Сивковых, которых нам рекомендовали. Кстати, эксперимент с Сивковым закончился. Он умер, дети бросили ферму. Я спорила со Стреляным, и на «Свободе» спорила. Пусть, конечно, сивковы будут: но не сивковы сделали индустрию Запада, не сивковы сделали японский прорыв, а сделали именно научно-технологические, рыночные, инновационные институты. И поэтому мне спор между сторонниками разных ориентаций кажется сходящимся где-то на проблеме развития, выступающим как спор о ракурсах интерпретации. Например, если мы говорим о геополитике, Запад удовлетворен статус-кво. Он хотел бы, чтобы все жили, как живут. Это называется глобализацией сегодня. Как есть, так пусть и будет. Мы согласны. Но мы хотим, чтобы нам за это заплатили. Нам не платят за это. И тогда мы, которым очень плохо живется, выбираем другое геополитическое направление. Мы имеем право, это не шантаж, нас скорее шантажируют. Но когда встает вопрос о развитии, это — не два пути, пути совпадают в любом раскладе, связанном с переходом от мобилизационного к инновационному развитию.

А.Е.Лукьянов

На одной из международных конференций, посвященной отношениям Китая и Россия, после бурных дебатов, которые длились примерно два часа, один китаец встал и сказал: «Уважаемые господа, вот сейчас говорили о Китае. В чем выражался этот Китай? В тоннах, километрах, долларах и так далее. Не забывайте о том, что у нас была 5-тысячелетняя культура. И в центре этой культуры стоял человек, человек и его духовная жизнь прежде всего». Мы сейчас говорим о путях развития России, куда идти, на Запад или на Восток. Так вот, этот китаец еще раз подтвердил слова японского специалиста, он сказал: мы достигаем данного прогресса (как и японцы) не за счет развития чисто экономической области или чисто интеллектуальной,

а через духовную жизнь, через духовную сферу, которая гармонизирует и наши потенции умственные, и наши физические, экономические, технические и так далее.

Когда мы говорим собственно о Востоке, у нас как-то исчезает этот человек, его духовная жизнь, и то же самое о России. И получается, что мы только к чисто экономическим факторам апеллируем и упускаем этого человека. Мы тоже говорим о модернизации. И первейший ставится вопрос о построении духовной цивилизации, без которой никакого материального богатства не будет. Вот духовная сущность, к которой, может быть, и нам стоит апеллировать и найти наши контакты с восточным миром. Мы говорим, нужны мы Востоку или нет. И наше сближение либо на основе боязни, либо в полезности, как нам входить в отношения с Востоком и так далее. А для чего вообще мы Востоку и Восток нам нужен.

Я хотел бы коротко обратиться как раз к области культуры и тоже начать с высказывания, что «в Россию можно только верить». Вот где Восток прозвучал именно в этой фразе — не понять и можно только верить. Это классическая конфуцианская формула. Но она из нашего понимания уплывает и превращается в метафору.

Не знаю, Михаил Леонтьевич, почему вы такую интерпретацию привели. Где бы в Китае мы ни касались веры, везде это доверие, вера фигурируют. Первейший контакт — вера, доверие. Не случайно, как только в Китай едут, почему-то приходят в Институт Дальнего Востока: расскажите, пожалуйста, как контактировать? Вот у нас там проводится конференция, встреча в области экономики и прочее. Как с ними говорить? Получается, что контакта нет. И чем бы вы ни оперировали — экономическими факторами и т.д., оказывается, нужно знать духовную жизнь китайца, чтобы он тебя понимал, и говорить с ним на определенном языке. Это не значит, что под него надо подстраиваться. Это значит входить в ту симфонию, о которой здесь говорилось, в симфонию культуры.

Так что доверие — это не просто туманное понятие или религиозная вера; доверие имеет и гносеологическую, и онтологическую, и чисто духовную характеристику. Вот в этой духовности и соединяются и интеллектуальные потенции, и физические. Вот почему Конфуций неустанно говорит о доверии. Можно устранить все, что угодно, материальное можно убрать, а доверие — никогда. Без этого перестанет существовать страна.

Так что когда мы подходим к Востоку, не нужно забывать эти духовные ценности, через которые здесь осуществляется контакт. Мы еще не знаем и не умеем оперировать символами, через которые можно строить каналы контактов и понимания. Все помнят времена, когда мы говорили: русский и китаец — братья навек. Помните? Мы — старший брат, китайцы — младший брат. И как в одну секунду переменилась ориентация всего Китая, когда они ввели мифологему, стратагему: да появится младший брат, и старший брат погибнет. В этот момент нам объявили войну. Вот и все. В один день. То есть китайцев не нужно было идеологически переориентировать, так как духовные символы на Востоке играют первейшую роль.

Вот сегодня Малашенко Алексей Всеволодович сказал: пульсирующий транзит. Вообще очень четкое понятие — пульсирующий транзит. Получается, действительно, так, только в другом смысле: каждая культура пульсирует в определенном ритме, в настрое с другими культурами. Если эту гармонию, симфонию нарушить, тогда получается конфликт — и на этническом уровне, и на уровне цивилизационном. Так что здесь можно предложить единый критерий, по которому определяются культуры и как они разворачиваются в цивилизации. Здесь есть очень хорошие примеры. Они уже расписаны, как накладывается, например, один архетип естества и на него накладывается архетип цивилизационный, и как он раскручивает этот архетип естества, почему и получается история какой-либо страны как естественная история и история искусственная, цивилизационная. Так что этот критерий может помочь определить эти культуры.

Второе. Мало определить и настроить симфоническое звучание культур, надо еще найти это единство через разность, через различия. Ни одна культура не будет поглощаться другой. И тогда они находят взаимопонимание. Михаил Леонтьевич, вы сказали: русская культура приоткрыла китайскую культуру. Между тем китайская культура, например, сама в себе не открывается, ей нужно зеркало. И когда у нее есть культурное зеркало, она понимает и себя, и другую культуру и выходит с ней на контакт. Так что этот критерий помогает нам во многом разобраться. Так можно снять угрозу конфликта — именно через культуру и настрой, через культурное взаимоотношение этносов и цивилизаций.

Необходимо не противостояние культур, а развертывание данной культуры в симфонии. Разговор с Востоком должен строиться так, чтобы наша идея проходила у них с расшифровкой по их коду, а их идея — в нашей культуре, в наших кодах. Так разговаривали друг с другом древние культуры.

Восток и Запад, как мне кажется, впервые в концептуальном плане эти понятия развел Шопенгауэр. Он вкладывал в понятие Востока духовность, в понятие Запада — отчуждение от духовности, деградацию, разложение духовности. Алексей Степанович Хомяков вкладывает в них более корректное понимание: Россия не регион, а духовный процесс жизни, сам по себе взятый и логически не обескровленный. А под понятием Запада он понимает именно обескровленное понимание духовности, залогизированное, заформализованное. На Востоке, как я понимаю, доминирует концепция построения общества малого процветания, малого благоденствия, где фигурируют долг, польза, а не выгода, ритуалы. На Западе, напротив, доминирует наука, техника, экономика, сфера потребления, и вряд ли прогрессирует и социальная сфера, то есть взаимоотношения между людьми.

Что же касается духовности, так она сложилась много тысяч лет до новой эры, и нисколько с тех пор не прогрессирует. Она достигла высшего своего совершенства давным-давно, еще в древнейшие времена. Но не прогрессирует. Эволюционируют ее формы. И в этой эволюции духовность или воспроизводится, или переживает глубокий кризис. Так вот, если согласиться с Шопенгауэром, Ницше, Киркегором, Хомяковым, Герценом, западная цивилизация давно переживает глубокий кризис духовности. Допустим, Соединенным Штатам Америки сегодня удастся подчинить весь мир своему экономическому влиянию. И что получится? Возникнет компьютерная, роботонизированная цивилизация, а человек как духовное существо и явление исчезнет.

Отметим как безусловную заслугу Запада то, что человек в своем универсальном понимании и на рациональном уровне достиг высшего совершенства уже в древнейшие времена. Как и потребность человека осознавать и понимать свою духовность. Но при этом надо видеть, что с одной стороны, наращивается рефлексия, понимание происходящих процессов в духовной эволюции человека, а с другой стороны, это понимание реализуется и предстает в отчужденных формах. Уже во времена древних греков происходит своего рода инстинктивное насилие над духовностью и возникает либерально-юридический стиль мышления, который сегодня господствует на Западе, а тогда была его репетиция.

Первоначальное христианство — это протест против подавления рациональностью, интеллектом внутренней, ничем не контролируемой, по Тютчеву, непонятной духовности. Позднее появляется католицизм, формарационалистического давления, потом перемежаются кризисы и моменты возрождения духовности. Гегель в определенном смысле был прав, заявляя, что после него никакая философия невозможна, — ибо он довел радикализм до высшего уровня. Дай Бог всему человечеству, сколько оно будет жить, приблизиться к тому уровню рационалистического понимания. Но оно, увы, отчуждено духовно. Из всех рационалистов единственно Иммануил Кант пытался учение о трансцендентном соотносить с понятием, познать духовное. Почему и в данном случае Россию умом не понять?

Так исторически сложилось, что Россия интегрировала общечеловеческие духовные ценности, которые вырабатывались веками, но ни одну ценность, ни одну тенденцию в этом ценностном, духовном мире не довела до четкого логического выражения. Беда наша в том, что у нас нет срединного начала, у нас только высшие ценности витают. А как только их срубят, мы разваливаемся. И получается, и это тоже в стиле философской традиции, что есть понятие «российско-сибирской цивилизации». Это самая молодая и перспективная цивилизация, которая или состоится, или, если Россия погибает, тогда спасение духовности возьмет на себя исламский мир без России.

Здесь говорили о Конфуции. Но наибольшая внутренняя духовность присуща все-таки индо-буддийской цивилизации, с агрессивным оттенком — исламскому миру и российской цивилизации. Конфуцианство больше социальными вопросами занимается, социальной организацией, и духовные начала здесь тоже не до конца выражены.

В.И.Толстых

Спасибо. Но вот что замечу по ходу дискуссии. Пока вы говорили об античности, о Гегеле, о Шопенгауэре, вы находили слова для определения того, что они сказали или что хотели сказать. Как только мы начинаем говорить о духовности, со ссылкой на некую особую духовность России, с чем, кстати, как с тезисом, я абсолютно согласен, наша речь становится невнятной. Мы эту духовность не можем как-то определить и структурировать, внятно ее представить и объяснить. О какой духовности идет речь?

В.И.Холодный

Я уже как-то на Клубе говорил: понятие соборности я понимаю более универсально, чем обычно, — в том плане, что это исходный иррациональный принцип понимания. А теперь попытаюсь дать определение соборности, которое наиболее интегрировано именно в русской ментальности и в российском образе жизни.

Соборность — это иррациональное, то есть не осознанное, духовно целостное видение мира, интегрирующее в себе архетипические ценности человеческого существования, ориентированные на общечеловеческое духовное единение.

Л.Б.Алаев

Когда мы ставим этот вопрос — Россия и Запад, Россия и Восток, то хочется видеть за словами некий смысл, почему этот вопрос возник, с какой целью ставится, какой смысл в него вкладывают люди. Вкладываются обычно два основных смысла. Первый смысл — антизападничество. Россия и Восток потому, что Россия — не Запад, потому что она должна повернуться на Восток, пойти на Восток, как бы за столбить, что она не западная и что Запад нам вреден. А вообще-то это напоминает плевание в колодезь, из которого ты уже напился и из которого ты еще долго будешь пить.

Что касается глобального кризиса духовности на Западе, то мы, русские, слышим эти слова уже около трехсот лет, причем слышим эти голоса именно с Запада. Вы сейчас правильно сказали: ни в одной цивилизации нет такой самокритики, как в западной цивилизации.

В.И.Толстых

Они на этом держатся.

В.И.Холодный

Более самокритичных, чем мы, не бывает.

Л.Б.Алаев

Нет, уж извините, тут я не соглашусь.

В.И.Толстых

Самокритика и самобичевание, самораздевание – это разные вещи.

Л.Б.Алаев

Говорят, если мы возьмем восточные ценности – будет подъем, а если западные, то будет деградация. Дело-то, однако, вот в чем. Тут хорошо говорилось о том, какие они прекрасные, восточные ценности. Но понимаете, они же не усваиваются здесь, у нас, ну не понимаем мы Конфуция, и не поймем мы Конфуция.

В.И.Толстых

А почему?

Л.Б.Алаев

Да потому что это абсолютно чуждая нам культура. В принципе, конечно, надо стремиться понять чужую культуру, и мы, востоковеды, этим занимаемся. Но успехи в пропаганде восточной культуры у нас незначительны. Есть такая вещь, как мода, есть распространение так называемых восточных культур, есть кришнаиты и прочие всякие вещи, есть и западные секты. Но есть и восточные, такие же зловердные секты. С Запада мы действительно перенимаем не только лучшее. Запад прежде всего – это не поп-культура, не потребительство, это прежде всего свобода, права человека, демократия. Но там есть и свои эксперименты, и мы потребляем и то, и другое.

А что к нам идет с Востока? Что мы действительно с Востока получаем? Наркотики. Наркоманию, может быть, мы получили из Запада, я не знаю точно. Но подпитывалась эта наркомания в России наркотиками, которые идут с Востока.

Нельзя говорить, что мы переняли западноевропейскую модель с Петра Первого или когда-то позже, или вот сейчас. Модель европейского развития мы перенять просто не можем, потому что у нас эти реформы идут сверху, а у них этот процесс шел снизу. Поэтому здесь абсолютно не может быть единой модели. Мы можем кое-что перенимать, что хотим или что само собой перенимается.

Мне очень понравилась мысль Михаила Леонтьевича, что ценности Востока еще будут востребованы, настоящие ценности. Это, наверное, правильно. Мы, может быть, вслед за Западом, не знаю как там получится, действительно начинаем воспринимать настоящие ценности Востока, и они более решительно конвертируются на мировом уровне. Да, действительно, будущее, наверное, за этим. Но это будущее. А сейчас иная ситуация.

Второй смысл, который фактически заключен в вопросе — Россия и Восток, — это геополитический смысл. Мы действительно можем попасть в зависимость от Запада. Как нам тут быть, как может Восток в этом помочь? Нужно установить хорошие отношения, в том числе экономические, и строить как-то свою стратегию отношений и с Западом, и с Востоком. Все это бесспорно. Но если в геополитической составляющей появляется такая мысль, что давайте отвернемся от Запада, когда он нам предлагает доллары, — это опасно, да и просто непрактично, вредно.

И наконец, третье — это евразийская проблема. В чем содержание этой идеи? Что она значит на самом деле? Старые евразийцы — это были имперски мыслящие люди, которые из-за того, что советское правительство сумело восстановить империю почти в тех же границах, в каких она была раньше, и почти столь же унитарную, простили большевикам все — и преследования православия, хотя они сами были православными, и все остальные жертвы. Неоевразийцы, конечно, выражаются не так четко, не так ясно. Но, все-таки, когда говорят, что давайте развивать наши российские традиции, давайте базировать наше развитие на наших традициях, а не на западных и не на восточных, я хочу, чтобы мне расшифровали, а что такое русские традиции? Государство, крепкое государство, строго говоря, самодержавие, да еще соборность, которая базируется, естественно, на общинности...

В.И.Холодный

Наоборот, общинность базируется на соборности. Соборность — это внутреннее состояние души человека.

Л.Б.Алаев

Я не знаю, что такое внутреннее состояние души человека, я не понимаю этих слов.

Что касается общины русской, то я этим специально профессионально занимался. И давайте кончим об этом. Община русская, та, о которой идет речь, которая была против частной собственности, — это порождение крепостного права, она возникает в середине XVII века, сначала на помещичьих землях, а потом уже распространяется, отчасти в XIX в., на черные земли. И потом она сохраняется, поскольку самодержавие, освободив крестьян в 1861 году, не решилось дать крестьянам волю настоящую, не решилось дать им паспорта, возможность покидать деревню, потому что боялось все это делать. И потом, когда это крестьянство в течение двух с половиной столетий находится вот в таком состоянии, то после этого, конечно, оно уже и забыло, что такое частная собственность, и действительно не хочет частной собственности. А потом еще коллективизация.

Ну и, наконец, православие. Я ничего не имею против религии вообще, но среди всех других религий какое преимущество у православия, объясните, пожалуйста, мне. Чем оно лучше, чем другие религии, те же другие христианские религии?

В.И.Холодный

Оно соответствует ментальности народа.

Л.Б.Алаев

Это вы так думаете.

В.И.Толстых

Вопрос так не стоит — лучше или хуже. Русский человек воспитан в Православии.

В.И.Холодный

Правильная ментальность или неправильная, но такая уж она у русского народа.

Л.Б.Аласв

Я не вижу никакого особенного отличия Православия от всех остальных религий, а что касается Православия как церкви, то довольно мало было более противных вещей, чем наша Православная Русская церковь.

Хочу закончить вот чем. Поскольку мы говорили о Тютчеве, то я хочу продолжить его стихотворение: «В Россию надо просто верить». Надо верить в Россию. Кто не верит, тот кричит, что все пропало, что надо что-то выдумывать, строить. Русский народ все это дело переварит, будьте спокойны.

В.И.Холодный

Может быть, переварит, а может быть, и нет.

В.И.Толстых

Если послушать со стороны, то никакого спора у Вас нет. Спор слов и эмоций.

А.Е.Городецкий

Достоинство нашей дискуссии в том, что усилиями уважаемых востоковедов она вышла за рамки обычного запальчивого спора-сшибки между западничеством и почвенничеством, либерализмом и традиционализмом, порой переходящего в вульгарный стеб. Я считаю очень интересным видение Востока не просто как географической части света и не только как геополитической диспозиции в различных стратегических раскладах. Восток – дело, конечно, тонкое и емкое. Но это по большому счету духовно-смысловой, ценностный символ. Восток предстает не как противоположность рационализму и прогрессу, но как позитивные альтернативы с точки зрения смысла жизни, систем ценностей, типов развития; как другое видение мира, как духовный, смысловой и ценностный символ антропоцентричных культур. В этом смысле совершенно прав Цымбурский: есть задачи посложнее, нежели догонять Запад. России еще многое предстоит, чтобы реализоваться как Восток.

Меня поразила формулировка Федотовой о развитии на основе собственной идентичности как самостоятельном и исторически продуктивном типе развития. Это значит, что самоидентификация как духовный и культурный процесс узнавания нашей самой себя может явиться основой и стимулом развития.

Российский Восток-Запад как бы сошлись в одну точку, чтобы, разбежавшись, породить Русский Универсум.

Америка сохранила свою Старосветскую чистоту (идентичность), уничтожив автохтонные культуры. То же, хотя и в меньшей степени — Испания. Россия преподала урок великого синтеза, диалога, со-жития, со-бытия культур, цивилизаций, народов. Россия всегда бросала вызов западному пониманию прогресса, цивилизованности, культурности, благосостояния, по большому счету — смысла жизни. Русская версия культурно-цивилизационного синтеза заключается не в смешении культур, доходящего подчас до помешательства культур, но в симфонии культур. Русская культура выступает как результат симфонии культур, населяющих Россию народов. Эти культуры — как зеркала друг для друга, в которых они узнают и себя, и друг друга. Именно поэтому в системе геокультурных координат есть место Русскому Востоку.

Опять-таки права Валентина Гавриловна. Вызовы шли не только с Запада. В драматической истории России вызовы Востока шли как исторические шоки, которые не давали стране почивать на лаврах, препятствовали самоуспокоению, не давали заспать. Азиатские шоки играли роль бича Божия за исторические грехи братоубийства, государственного нестроения, общественного разброда. Но! Столкновения с Востоком всегда несли в себе положительный урок и полезный исторический результат. Даже если шоки были сопряжены с национальными катастрофами. В геополитическом противостоянии с Великой степью консолидировалась Киевско-русская держава. Из столкновения с монголами родилась Московско-русская протоимперская государственность. В соперничестве с турецкой империей, тюркской цивилизацией крепла и расширялась Петербургско-русская империя. Атеистический коммунизм, нанеся сокрушительный удар по основам русской духовности и Церкви, парадоксальным образом способствовал возрождению патриаршества и отгосударствлению русской православной Церкви. Столкновение с Востоком всегда в итоге — историческое самоопределение, отрезвление, пробуждение. Восток в судьбе России — это приглашение к самодостаточности и самостоятельности в сози-

дании собственной истории, жизни, осуществлении фундаментальных перемен. Это напоминание и призыв к самоуважению и само достоинству. Восток в идее шире парности Европа-Азия, он не равнозначен евразийству. Но и Россия для Востока — это (в данности и в задании) символ и образ вызова и лидерства альтернативной Западу цивилизации.

Если мы рассмотрим истоки, корни, генетику русскости и россияинства, то здесь Восточный элемент символично присутствует повсеместно и везде. Россия — это наследие и преемство Восточной римской империи, ее *духовно-культурного и цивилизационного* наследства. *Русская духовность, русское православное христианство* — ветвь Восточного христианства, сохраняющие традиции, ценности и обряды единой вселенской апостольской христианской церкви. *Геополитически и культурно* Россия как часть Европы есть прежде всего Восточная Европа. *По крови и расе* русские — органическая и доминирующая часть Восточного славянства. *Этнически* Великороссия как государствообразующее ядро Российской государственности — Восток исторической Киевской Руси, часть общерусского этноса с сильными добавками тюркского и угро-финского элемента. Таким образом, Восток — это существеннейшая часть русской идентичности (самоопределения), русской идеи. Россия — и Восток тоже. Но старый сакраментальнейший вопрос стоит по-прежнему, и по-прежнему остро: «...Каким ты хочешь быть Востоком — Востоком Ксеркса или Христа?».

В.Н.Максимов

Первое. Мне представляется, что говорить о Востоке как о некоей плоскости достаточно бессмысленно, потому что это не стол, а по крайней мере лестница, и очень важно знать ее ступеньки, они все очень разные. Восток и внутри себя содержит очень много противонаправленных сил. И если мы этими силами не владеем, не знаем историю этих сил и их взаимоотношения, то мы ничего не знаем о Востоке. Это первое. И сейчас это знание становится для нас просто существенным.

Второе. Мне хотелось бы сказать, что, собственно, для нас Восток гораздо ближе, чем Запад, потому что у нас есть не только такой дальний Восток, как Корея, Китай и Индия, не такой дальний Восток, как ближний Восток, а у нас есть свой собственный Восток, который был в пределах Российской империи

и Советского Союза – это Закавказье, это Средняя Азия, Казахстан. И все равно у нас есть тот Восток, который в России существует и, слава Богу, никуда уходить не хочет.

Прошу прощения, много лет назад я говорил, что хорошо бы нам обсудить спокойно самодержавие как некую систему, которой некуда деваться, тысячу лет она создавалась, вызревала, существовала. Но если мы философы, то, может быть, мы в этой структуре увидим отражение как раз Востока, посмотрев не с точки зрения партийной истории, когда самодержавие мы «проехали». Нам же жить дальше, кто за нас будет думать?

В.И.Толстых

Вот станет президентом Михалков и будет о самодержавии думать.

В.Н.Максимов

Я не хотел бы переходить на личности. Это не политическая дискуссия, это дискуссия по существу дела: на чем мы стоим – на голове, на ногах, и каким образом мы вообще можем стоять.

Мне представляется, Владимир Цымбурский очень важные вещи сказал, но мы в перерыве с ним говорили, и он согласился со мною. Есть некий план, который, мне представляется, противоречит всей истории тысячелетнего развития России, направленного в сторону Тихого океана, в любом случае продольного, вдоль меридиана. Этот план, за которым стоят очень большие силы, и не только один красноярский губернатор, который за его осуществление берется; там Канада, которая вслед за Америкой собрала к себе людей из многих регионов и стран, в том числе из Юго-Восточной Азии. И вот эта идея, которая время от времени на телеэкране появляется, – перелета, транзита через Сибирь, и переброски всех энергоресурсов через Северный полюс, она чревата – первое: она идет поперек исторической традиции развития России. Это первое, чтостораживает, я не буду развивать эту мысль – поперек всегда есть поперек.

Дальше. Северный полюс – это хрустальный дворец, который нельзя трогать. Если начнутся эти полеты, то они будут точно так же, как на Южном полюсе возникла ситуация экологического баланса, так и здесь она встанет, только тот полюс от нас далек, а этот полюс – часть нашего дома. И эти вещи надо в самом начале продумать, потом будет поздно.

И, наконец, самое главное. Тот Восток, который внутри нашей страны, — этот Восток чрезвычайно активен и гораздо более активен, чем другая часть населения. Поэтому мы должны как бы уравниваться в правах, это все же одна страна. Это первое, из чего мы должны исходить. И в любом случае мы должны исходить из того, что в интересах всех остаться одной страной, это выгодно всем. А дальше мы должны думать о том, какие приоритеты должны быть сохранены, потому что миграция в стране всегда представляла опасность. Скажем, Александр III был очень дальновидный государь, он построил огромное количество железных дорог, и тут же издал постановление о регулирующей миграции, потому что он понимал, что это движение может разнести всю страну. Мы сейчас тоже поняли, правда, другим образом. Цены такие, что Санкт-Петербург теперь как далекие острова, я несколько лет туда не могу при потребности попасть.

Заканчиваю ответом на вопрос — чем мы можем быть интересны Востоку? По большому счету ничем. Им не нужно идти ни на Запад, ни в Россию за тем, чтобы как-то менять свои ценности. Но их интересует Россия как сырьевая база, как место торговли и, увы, сбыта наркотиков. Если Восток увидит, что мы находимся с ним по одну сторону в своем движении в будущее, он может отказаться от противостояния нам. Если речь пойдет о ценностях традиционной культуры, которая имеет не музейную значимость, с которой связана перспектива выживания планеты, то возможен серьезный диалог.

М.Л.Титаренко

Извините за откровенность, у меня двойственное впечатление от нашего сегодняшнего обсуждения. Было много интересных, конструктивных идей. В частности, последнее выступление мне очень понравилось. Было много интересных идей у Федотовой Валентины Гавриловны, коллеги Городецкого и в ряде других выступлений.

Но кое-что меня, честно говоря, поразило, хотя такова, видимо, специфика вашего круглого стола... Здесь один выступающий обвинил меня в том, что я разжигаю гражданскую войну, поскольку я разделяю интеллигенцию и интеллектуалов. Но деление не значит разжигание розни. Это есть констатация разницы между той или иной социальной группой и т.д. Интеллиген-

ция — это одно, интеллектуалы — это другое. И деление это связано с тем, что интеллигенция в русском понимании слова — это люди, которые рассматривают свою миссию как служение своему отечеству, своему народу, и они готовы нести все, готовы терпеть все, но они несут свет знаний.

Вторая позиция, которая здесь тоже была представлена по своему достаточно ярким выступлением — это позиция, в которой человек, индивид рассматривает самого себя как самодостаточную единицу, которой совершенно наплевать на это отечество и на эту страну, и там, где для этого индивида в данный момент комфортнее, там его отечество, там его страна, и вся система ценностей связана только с этим. Когда здесь кто-то сказал, что г-н Гайдар имел свое представление о России, простите меня, но у него никакого представления нет о России.

В.И.Толстых

Оно ему просто не нужно, «без надобности».

М.Л.Титаренко

Да, оно ему не нужно, для него Россия — это «эта страна». Для него то, что он делал, будучи во главе правительства, было лишь опытом самовыражения, он хотел поэкспериментировать, чтобы увидеть, что будет с этим народом, который он рассматривал, видимо, как подопытного кролика или лягушку. Ибо по сути плевать ему на этот народ.

В.И.Холодный

Он так не говорит.

М.Л.Титаренко

Он так не говорит, но он так действует. Я могу спорить с г-ном Городецким, могу спорить с профессором Федотовой, но с г-ном Царевым я спорить не буду. Наши сознания существуют в разных плоскостях: он видит так, а я иначе. Наши сознания

нигде не встречаются. Мы сталкиваемся, но не встречаемся. Я понимаю его логику и понимаю, почему он так думает, но он мою логику не может и не хочет понять, потому что он считает, что только его суждения — истина.

Я не хочу ни в чем никого упрекать. Я хочу сказать, поскольку это не только у него прозвучало, и было сказано с массой ядовитых пассажей, которые, полагают, выведут меня из себя. Я к этому привык, и не к таким ситуациям и не с такими ораторами. Меня не выведешь. Это определенный тип мышления — я на вас смотрю сверху вниз. Я же рассуждал, рассматривая каждого из присутствующих равноправными, достойными уважения, самоценными фигурами. Различие мнений — основа поиска истины. Но здесь в одном из выступлений был продемонстрирован совершенно другой подход. Это уже подход г-на Бжезинского или г-на Киссинджера, которые дуэтом твердят: «Россия умерла». На одной из конференций в Пекине, где я присутствовал, выступал г-н Киссинджер. Он там публично объявил Россию трупом. И кто выступил с опровержением? Я не говорю про наших, российских коллег. Первым попросил слово г-н Гельмут Шмидт, бывший канцлер Германии, и напомнил фразу его соотечественника Бисмарка, который говорил, что с Россией нельзя обращаться легкомысленно. Самая большая ошибка, которую может допустить политик в отношении России — недооценивать возможностей России. Потом выступили китайский, индийский представители. В очень элегантной форме, очень тонко они тоже опровергли тезис о гибели России.

Словом, это вопрос не логики, а позиции. Спорить здесь не о чем. Нас рассудит жизнь, история. Друг друга мы убедить не сможем.

Мне очень понравилась мысль последнего оратора насчет того, чем мы можем быть полезны, интересны Азии. Я хочу сказать, что к нам там очень странное, противоречивое отношение. Такова наша планида: одни нас люто ненавидят, другие не хотят нас замечать и вместе с тем нас тайно любят. И даже через ненависть и презрение, которые нам демонстрируют господа, считающие себя вершиной цивилизации, они понимают нашу способность им противостоять и их неспособность нас переубедить и уничтожить. Они с удовольствием это сделали бы. Но мы должны поступать так, как советовал Толстой: инородцев трудно любить, но нужно. Это очень верно схвачено.

Мы самоценны, и самоценна наша культура. Поэтому ерничанье по поводу «нет русской нации, нет России» – это вопль слабости и ненависти.

Для вашего размышления, уважаемые коллеги, хочу привести один пример на открытость, на значение горизонтального отношения российской культуры к другим народам. Наш институт провел такое исследование. Мы взяли и переписали все народности, этносы, которые существовали во времена образования единого российского государства, во времена Ивана Грозного. И то же самое сделали по отношению к Китаю эпохи династии Мин и становления Цинской династии. Каков результат? Ни одна самая малая народность или племя, которые существовали в России в XVI веке, не исчезли. Они развились в нации и подняли свою культуру от первобытной и дикой до уровня мировой культуры через знакомство и освоение русской культуры и сохранили свою самобытность в целом. Это тип взаимодействия открытой культуры с другими цивилизациями. Другой тип – закрытой культуры – Китай. За 300 лет было ассимилировано более 30 крупных этносов. Это не осуждение, это констатация типа отношений. Такие же примеры в большом количестве можно встретить в Европе, Америке, Африке, Латинской Америке, Австралии. Посмотрите, какие племена и народы существовали на территории Германии и что от них осталось? Я не собираюсь приукрашать царизм, но хочу сказать, что если бы Эстония, Латвия, Курляндия в свое время не присоединились к России, то от них осталось бы только историческое упоминание в летописях и топонимы. Вот что должны знать господа из Эстонии и Латвии. Они исчезли бы так же, как пруссы.

Поэтому наша идея, которую мы предлагаем миру, и чем мы ценны для наших партнеров, это тем, что такая мощная культура выступает за равноправие больших и малых культур, за многообразие в единстве, за многополярный мир, и не только потому, что мы хотим играть.

Я уже упоминал книгу премьер-министра Малайзии господина Махатхира «От имени моего народа», где он говорит, что глобализация не должна свестись к уничтожению малых культур и малых народов. Это прекрасная книга.

Я хочу сказать, что мы нужны Азии и миру. Приведу в качестве примера дискуссию в одном из университетов Сеула. Выступавшие преподаватели и студенты очень сильно критиковали Советский Союз (это было в 1991 г.), критиковали наше руко-

водство за верноподданничество и, как они говорили, «пресмыкательство перед Америкой», причем так открыто и очень резко, я даже не ожидал, честно говоря, такого. Но они сказали: как же так, ведь в Америке нет культуры, американцы — это «дикий народ», народ, который довел до совершенства лишь одну маленькую ветвь культуры — менеджмент, сведя все вот к этому и потребительству. Другой культуры у них нет. Вы знаете, говорили они, только после установления отношений между Россией и республикой Корея мы поняли, что такое настоящая культура, когда мы увидели Вахтанговский театр, когда мы услышали и увидели артистов Большого театра, когда мы услышали ваши симфонические оркестры, хотя к нам ранее приезжали американские и другие оркестры, не худшие по своему качеству, но мы увидели именно это качество духовности, а не только техницизма, не только удовлетворение какого-то чувства, но мы увидели то, что возвышает человека, что может сделать человек, что может сделать духовность. Знаете, мы, говорили они, почувствовали вот эту великую, возвышающую человека, силу русской культуры. А тут один господин говорит, что нет никакой русской культуры, нет и России как государства. Это странно.

Здесь кое-кто критиковал евразийство. Во-первых, не надо передергивать, господа. В концепциях евразийцев 20-30-х годов было очень много полезного, очень ценного, я бы сказал, трагического. И это, на мой взгляд, мы пока еще не оценили, кое-кто не хочет этого понять. Я более чем удивлен, что такую позицию занимает мой коллега востоковед, старый приятель, господин Алаев. С чисто западных позиций он рассматривает Восток. Это очень странно, как будто вы были колонизатором, уважаемый коллега. Понимаете, евразийство, освобожденное от конъюнктурных антизападных и даже элементов русского национализма, звучит очень современно. Евразийство дает альтернативу и дает новую перспективу в междивизиональных отношениях. Вы правы, Валентин Иванович, что сейчас о симфонии культур говорить рано, хотя частично она существует и сейчас, но в будущем развитии, сближении цивилизаций оно неизбежно будет строиться на основе принципа симфонизма. Ну, как вы знаете, симфонические оркестры есть разного уровня, симфония может превращаться и в какофонию. В этом смысле Россия может сказать нечто важное всему миру, и это поддержат малые народы.

Я не согласен с заявлением о том, что Примаков опрометчиво заявил о необходимости укрепления сотрудничества России с Китаем и Индией. Это не опрометчивое заявление. Во-первых, Примаков не говорил ни о каком треугольнике или союзе. Конечно, можно перечень трех стран назвать треугольником. Примаков же говорил о том, что действительно эти три страны — это знакомые цивилизации, крупнейшие цивилизации вот этого евразийского материка. Они дают новую модель межцивилизационных отношений, и на этой базе будут оказывать влияние на международные отношения. Я должен привлечь ваше внимание, уважаемые коллеги, к тому, что наша печать не опубликовала этот документ. 16 минут была встреча Цзян Цзэминя с Ельциным в больнице, но документ, конечно, готовился не лично Борисом Николаевичем, и не лично Цзян Цзэмином, а готовился очень долго и готовился людьми высшей квалификации. Так я хочу вас привлечь к последнему совместному российско-китайскому документу. Впервые в дипломатическую практику и в теорию международных отношений вводится цивилизационный принцип, и нормальные отношения между цивилизациями рассматриваются как условие сохранения и выживания человечества и сохранения человеческой цивилизации как феномена и культуры. В этом коммюнике впервые записан такой принцип: будущее мира — это не европейско-американский мир, это не азиатско-тихоокеанский мир, это не исламский мир, а это единство многообразия, это сосуществование культур, цивилизаций и соразвитие народов. Евразийство и есть теория соразвития цивилизаций.

И еще один момент. Здесь было выступление коллеги по поводу трансконтинентального евро-азиатского моста. Я хочу сказать, что наш институт еще в 92-ом году разработал и представил правительству, тогда господину Гайдару, наши предложения о развитии сотрудничества РФ со странами СВА в соразвитии российского Дальнего Востока и его инфраструктуры. Этот пространственный доклад был опубликован и представлен правительству, представлен администрации президента и направлен руководителям администраций всех сибирских и дальневосточных регионов. Мост, о котором говорил здесь В.Л.Цымбурский, это идея, которая сейчас существует под эгидой ООН, проект этот поддерживается. Состоялось уже, по-моему, около 7 конферен-

ций, я в ноябре участвовал в такой конференции в Пекине, Ляньюньгане и Цинхуандао. Вот как раз Ляньюньган – это порт севернее Шанхая, откуда начинается, собственно, этот новый шелковый путь. Северная ветвь шелкового пути открывает перспективы интеграции России с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Он позволит направить поток грузов из объединенной Европы через Россию, через Украину. Там три канала, они рассматриваются как взаимодополняющие, а не взаимоисключающие. И опять же наши американские «друзья», не жалея даже денег, заставляют Грузию, буквально выламывают руки среднеазиатским странам, чтобы проложить этот путь, минуя Россию. Хотя этот путь крайне рискован, хотя путь этот значительно длиннее, хотя путь этот пролегает по чрезвычайно неблагоприятным в природном отношении пустыням – безводным, и в политическом плане совершенно нестабильным: это Афганистан, это Курдистан, это Турция, это масса всяких «бы», только бы не пустить через Россию. Такова линия «на сотрудничество» наших американских партнеров.

Осуждали Индию, осуждают Китай, что они создают свое лобби. Почему же не осуждаем Америку, которая давно создала свое лобби, выламывает руки правительству и кому угодно. И это считается нормальным. Но такова практика, к сожалению, сегодняшней международной жизни. Только Россия своих лобби не создает ни в Америке, ни на Западе, ни в Китае. А надо бы.

70 процентов всей вьетнамской элиты воспитано в Советском Союзе. Вьетнамские друзья говорят нам: давайте договоримся, как Вьетнам может погасить свои долги. Сходную позицию занимает Индия, Египет. Однако никакого ответа по существу с российской стороны. В том, что происходит, в значительной мере есть и наша вина, наша ответственность. В этом виновато наше равнодушие к своей стране.

Это трагедия России. Руками бывшей российской интеллигенции губится Россия, разрушается ее идентичность, разрушается ее культура, оплевывается ее история. И чего мы тогда хотим? Мы говорим: ну какой же у нас народ! Вот такой у нас народ. На кого и кому нам жаловаться?

А.В.Малашенко

Где вы были, когда мы угробили 220 миллиардов долларов?

Спросите у всеведущих советников Брежнева, поносивших Китай и певших гимны США. Нужно также признать, что конфронтация с Китаем, а затем объединение Китая с США в единый фронт против «советского социал-империализма» надорвали силы Советского Союза. Это, конечно, важный внешний фактор. Но главными были внутренние факторы.

Б.С.Ерасов

Я очень коротко присоединюсь к замечаниям Михаила Леонтьевича. У меня сходное с ним впечатление. Я еще раз убеждаюсь в правоте афоризма Ленина: для того, чтобы объединиться, надо прежде размежеваться. Не получается продвинутости в диалоге в таких жестких аудиториях. Русская культура всегда сохраняет свой инвариант: две культуры в культуре одной нации. Такова историческая правда. Но достаточно содержательного понимания я не наблюдаю.

Еще раз сошлюсь на то, что мы издали три тома «Евразийского альманаха», и, на мой взгляд, заметно продвижение по сравнению с первым томом. Сейчас мы подготавливаем четвертый. Эти вещи широко обсуждаются и в другой литературе. А многие спрашивают: объясните мне, что такое неоевразийство? Вот этого я не понимаю. Это говорит главный редактор журнала «Восток». Старое евразийство — это апология самодержавия. А что такое новое евразийство? Так вот есть новое евразийство, о котором речь шла сегодня только косвенно. Есть продвижение в понимании этих вещей, но, к сожалению, в разного рода дискуссиях вновь и вновь сталкиваются разные точки зрения и нет стремления понять, что же это за явление, и какова проблематика России на Востоке. В общем и целом происходит постоянное дезавуирование Востока или какое-то смутное и поверхностное понимание на уровне интуиции.

Должен сказать, что когда проблематика «Россия и Восток» заменяется проблематикой модернизации и развития, то это тоже не совсем верно. Никто не отвергает эту проблему как таковую, но ведь речь идет о взаимоотношениях культур, о месте России в устройении этой части евразийского материка в историческом плане, в современности и в сегодняшнем мире. И очень часто здесь возникает вопрос относительно возможности «понимания»

России, который в какой-то степени Михаил Леонтьевич спровоцировал. Но поэтическая метафора уводит нас в сферу внутреннего постижения России и Востока. И здесь было подхвачено: ах, нельзя понять, что же такое Россия? Это что-то принципиально недоступное уму? Тогда вообще стоит ли с этим считаться? Тютчев – это середина прошлого века, и после этого была блестящая плеяда русских мыслителей. Вот хотя бы Бердяев, Флоренский и все остальные, которые понимали Россию. Почему же это понимание не срабатывает в философской аудитории?

Л.Б.Алаев

Потому что оно устарело.

Б.С.Ерасов

Почему тогда Тютчев не устарел? Почему эта формула, которая была произнесена полтора века назад, не устарела, а другая вдруг устарела?

Л.Б.Алаев

Но это же стихи.

Б.С.Ерасов

А читаете ли вы своих собственных сотрудников, которые разрабатывают тематику о русской философии? Блестящие работы изданы и по проблеме самобытности, вы их читайте хотя бы. О каком рациональном непонимании России может идти речь в рамках этого института? Мне это совершенно невдомек. Тут присутствуют востоковеды, они внесли свой вклад в растолковывание того, что такое Восток. Но очень часто западномыслящие философы, я подчеркиваю это, весьма схематично представляют возможности понимания Востока.

И еще одно небольшое обстоятельство. Конечно, мы все входим в рыночную экономику и стараемся рассуждать прагматически, с тем чтобы от наших знаний была какая-то польза, иначе нас прижмут к стене. Вот Михаил Леонтьевич говорил о

том, что мы на 1200 километров отступили с запада и на 1500 — с юга. Вот журнал Леонида Борисовича уже выпирают из Института Африки, а Институт философии — из его стен. Остается последний плацдарм, какая-то Малая земля. И до сих пор продолжают те же самые споры, без всякого продвижения. Как тут быть? Как исправить ситуацию?

Проблематика евразийства воспринимается, к сожалению, без всякого продвижения. Ну посмотрите, если вам тошно читать эти тома, возьмите другие публикации, там же большое продвижение в понимании этих вещей.

Еще о прагматике. Да, великолепная идея строить транспортные магистрали и т.д. в плане экономической интеграции. Это модель, которую весьма плодотворно развивает Борис Абрамович Березовский. Но пока что ничего с этим не получается ни у Березовского, ни у всех остальных. Есть другие пласты евразийской интеграции или общения, взаимодействия. Михаил Леонтьевич очень правильно сказал: новая модель межцивилизационных отношений и новая модель цивилизационного устройства. Здесь приводились аргументы, каким образом Россия на протяжении веков, несмотря на свою самодержавность и имперность, осуществляла эту модель. И мне лично, как и ему, только, наверное, в меньших масштабах, пришлось сталкиваться с выражением восхищения перед достижениями Советского Союза — реализация социальной справедливости, реализация прав трудящихся, постоянные цены, низкая плата за квартиру, всеобщее образование и т.д. и т.п. И недоумение по поводу того развала, который устроили здесь так называемые реформаторы.

Я хочу закончить тем, что евразийская тематика и тематика Россия и Восток имеют не только экономическую составляющую, которой очень многие занимаются, даже противники этого дела, и пускай занимаются. Есть еще и символическая составляющая, идеологическая проблема установления духовных отношений по линии общественных организаций, культурных организаций, институтов. Неизвестно, будет ли построена магистраль, и окажет она пользу или вред, но реализация духовных связей между российской и восточной интеллигенцией или обществами — это ведь то, что нам вполне под силу.

**1985–1999 гг.: ПУТИ–ПЕРЕПУТЬЯ
РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
К 90-летию со дня выхода сборника «Вехи»**

24 марта 1999 года

В.И.Толстых

Мы уже не раз обсуждали тему интеллигенции, и во времена перестройки, и после нее, и как отдельную проблему – «интеллигенция и народ», «интеллигенция и власть», и в связи с другими вопросами. Но, вспомнив, что подходит круглая дата – 90-летие со дня выхода сборника «Вехи», я подумал, что стоит вернуться к этой изрядно поднадоевшей теме еще раз, уже в контексте истории и судьбы самого феномена русской интеллигенции. По-моему, это интересно, вспомнив когда-то нашумевший сборник статей, оглянуться и посмотреть, а насколько точными были диагноз и прогноз, сделанные его авторами почти век назад.

Вопросов сразу возникает много, и они очень разные. Сейчас модно интеллигенцию хоронить, в целом ряде публикаций по ней даже отслужили панихиду. Одни при этом радуются, настаивая на неизбежности замены интеллигентов на интеллектуалов (как когда-то предрек Георгий Федотов). Другие недоумевают и сожалеют, что процесс этот зашел так далеко и принял столь разрушительный характер, что заставил, например, Сергея Аверинцева, в одном лице и интеллектуала, и интеллигента, закончить одну из своих статей последних лет словами «счет пошел на единицы», имея в виду именно интеллигентов. Но при всем несходстве настроений и позиций, кажется, все сходится в том, что ситуация складывается драматическая, если не трагическая: еще не перевелись на свете интеллигенты, но куда-то испарилась интеллигентность в самом широком смысле этого слова; без интеллигенции как бы не обойтись, но лучше бы она «не высывалась», поскольку несет с собой смуту, раздраз и беспорядок в обществе; интеллигентов уже не бранят (сейчас бранят «демократов» и «патриотов»), но и не жалуют, усматри-

вая в них пособников власти, призывающих «голосовать сердцем», когда нужен именно разум, и т.д. Короче, много неприятных вещей и явлений сегодня связывают люди с поведением интеллигенции.

Как и прежде, с этим понятием ассоциируют прямо противоположные человеческие качества и свойства. С одной стороны — светлый ум, образованность, совестливость и порядочность, с другой — бесхарактерность, отступничество и даже предательство интересов народа, страны. Для одних истинный интеллигент, «рыцарь без страха и упрека» — это Анпилов, журналист, владеющий иностранными языками, а для других — Новодворская, дама не только начитанная и образованная, но и решительная, бескомпромиссная (как тот же Анпилов). Это, конечно, крайности, полярные фигуры, но есть свои «анпиловы» и «новодворские» и среди учителей, которые учат наших детей и внуков, и врачей, которые нас лечат, и библиотекарей, получающих, как все настоящие интеллигенты, мизерную зарплату. Все смешалось, перепуталось сейчас в интеллигентском доме.

Если же попытаться определить корневое свойство и причину, по которой интеллигенцию не жалуют, опасаются и ругают, то это за то, что она является зачинщицей, инспиратором многих изменений и перемен, которые оборачиваются бедой для большинства людей. И еще за то, что когда надо за эти беды — перемены отвечать, она уходит в кусты и не берет на себя ответственности за то, что произошло и происходит. У интеллигентов всегда виноват кто-то другой — плохая власть или плохой народ, либералы или коммунисты, но только не они, не интеллигенты. Правда, сами они часто оказываются первыми жертвами этих перемен и трансформаций, но мало кто из них, вовремя и без самоохранительных оговорок, это признает и осознает. Видимо, так уж устроено интеллигентское сознание, что, замечая малейшие отклонения и нюансы в психологии и поведении других, она в упор не видит собственных недостатков и изъянов. Ей очень свойственна болезнь своего рода «избирательной слепоты». Но я невольно сбиваюсь на обличительный тон и несколько уклонился от того аспекта критики интеллигенции, который избрали авторы «Вех».

А их беспокоила и раздражала в русской интеллигенции излюбленная привычка, как сказали бы сейчас, «раскачивать лодку» государственности и поза вечных оппозиционеров власти, поистине творческая страсть к ломанию и разрушению всего,

что, на их взгляд, стояло на пути «прогресса». Веховцы были не первыми, кто заметил эту особенность русской интеллигенции. Задолго до них об этом думал и писал переживший глубокую духовную драму Александр Иванович Герцен: «Медленность, **сбивчивость** исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это, или нет? В этом весь вопрос». Ссылаясь на Петра I и французский Конвент, он, еще недавно звавший Русь «к топору», предостерегает от искусов «беса разрушения» и пророчески предвидит возможные (потом подтвердившиеся) последствия. «... Насильем можно разрушать и расчищать место — не больше. Петроградизмом социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдет. Новые формы должны все обнять и вместить в себе все элементы современной деятельности и всех человеческих стремлений... Не душить одни стихии в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать к общему благу...».

Заслуга веховцев в том, что они в переломный момент истории России — после одной революции и накануне другой — предупредили интеллигенцию насчет возможных последствий их разрушительного воздействия на ход событий, которое может привести к самым непредвиденным результатам. Тут они, надо признать, как в воду глядели. И не только по отношению к будущей революции 1917 года, но и к нынешней контрреволюции 1992 года, именуемой почему-то «реформой». С авторами «Вех» можно спорить, например, о разнице между оппозицией к власти и оппонированием ей, в чем, безусловно, власть (любая!) всегда нуждается. Наша интеллигенция эту грань никак не может найти и соблюсти, бросаясь из одной крайности в другую, что она с очевидностью продемонстрировала в последние годы. Получается, что можно понять и авторов знаменитого сборника статей, и тех, кто когда-то обрушился на них с критикой. Но это не так. На мой взгляд, проблема тут более «хитрая», и ответ надо искать в природе самой русской интеллигенции, не столь простой и однозначной, как ее обычно представляют и толкуют. Ради этого мы здесь сегодня и затеяли наш разговор.

У нас очень мощные ведущие: профессора Валентина Гавриловна Федотова и Михаил Александрович Маслин, в философском мире хорошо известные, с помощью которых мы и попробуем разобраться в этой непростой проблеме.

Я хотел бы вернуться ровно на 90 лет назад, поскольку не просто в 1909 году, а в марте 1909 года, то есть ровно 90 лет назад, вышла из печати книга «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции». Сборник вышел благодаря инициативе главным образом Михаила Осиповича Гершензона, который взял на себя функцию организатора, как сказали бы мы сейчас, председателя редакционной коллегии, хотя никакой редакционной коллегии не было. Список авторов обсуждался. Кое-кому, например, Николаю Онуфриевичу Лосскому, предлагали войти в число авторов, но он отказался в силу занятости научной работой. Были отклонены кандидатуры Айхенвальда, Иванова-Разумника, Мережковского.

Интересны промежуточные названия, первоначальные названия сборника: «На гору» — предлагал Струве, «К русскому обществу» — Булгаков, «На перепутье» — название Франка, «К русской молодежи» — Изгоева, «Московские думы» — название гершензоновское, «Межи и вехи» — тоже гершензоновское. Межи отсеки, остались одни вехи. Семерка известная, открывается сборник статьей Николая Александровича Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда». Бердяев, Булгаков, Франк, Струве — это костяк сборника, поскольку эта четверка включала участников всех трех коллективных манифестов русских философов религиозного направления начала XX века. Я имею в виду то, что они принимали участие в сборнике «Проблемы идеализма». Он — пробный шаг (1902 год), «Вехи» и «Из глубины» — эта четверка участвовала во всех трех сборниках. Их можно считать костяком сборника.

Коммерческий успех был необычайным. Это, видимо, самая успешная в коммерческом отношении русская философская книга. Меньше чем за год пять изданий. В четвертом издании библиография, там значится 219 откликов. Это означает, что практически все русские газеты и печатные издания так или иначе откликнулись на «Вехи». Философская проблематика мало кого интересовала. Этим, видимо, и объясняется тот шквал отрицательных откликов, который буквально обрушился со страниц русской печати на авторов сборника. В чем их только ни упрекали. Одни упрекали их в черносотенстве, другие — в национальном отщепенстве. «Вехи» были поняты политически, и это тот редкий случай, когда крайности сошлись: например, оценки

Ленина и Милюкова буквально совпадали. В этом смысле, я думаю, «Вехи» достигли своей цели — они раздражили улей русской интеллигенции, и по сути дела философскую программу «Вех» мало кто оценил и мало кто воспринял.

Веховцы сменили исконные ориентиры русской интеллигенции, которые заключались в подчеркивании важности социально значимых ценностей. Об этом говорили еще авторы сборника «Проблемы идеализма» (1902 г.) с акцентом на духовно-религиозные ценности. Веховцы социально значимые ценности и «борьбу за реформы» отсекали — бесполезно этим заниматься в условиях реакции. Нужно сохранить культуру, поскольку события революции показали, что в условиях России — это не какая-то романтическая вещь, где «торжествуют идеалы», а такая вещь, где царствует охлократия. «Вехи» в этом смысле были указанием на то, каким образом в конкретных условиях России может протекать революция. Они увидели угрозу культуре, увидели угрозу духовным ценностям, и весь философский пафос веховцев был направлен на переориентацию сознания интеллигенции — на то, чтобы заняться сохранением культуры. «Вехи», безусловно, представляли собой философскую публицистику, а не систематический трактат. Программа была намечена контурно, но все-таки она была. Так вот эта философская программа никак не была понята и никем в должной степени не была оценена. Отсюда отрицательные оценки, которые высказали все видные деятели России: язвительное замечание со стороны Льва Николаевича Толстого, что веховцы не ответили на коренной вопрос русской интеллигенции: а что делать?; отсюда «Семь смиренных» — оценка Мережковского, критика Боборыкина и многих других.

Я не буду углубляться в политическую конкретику тех споров, которые были в 1909 году и после, скажу только, что линия на подчеркивание примата теоретического над практическим — «первенства духовной жизни над внешними формами общежития» — этот главный веховский тезис — был выдвинут в предисловии Гершензоном, и в той или иной форме разделялся всеми авторами сборника. Вот этот главный тезис не был понят интеллигенцией.

В сборнике присутствовало традиционное для русской философии разделение культуры и цивилизации, поскольку культура понималась как совокупность высших духовных ценностей (идушее еще от Чаадаева разделение), а под цивилизацией по-

нимались комфорт, железные дороги, канализация, мостовые или в лучшем случае развитие народного образования и совершенствование политического механизма. Весь пафос веховцев был сосредоточен на отстаивании духовных ценностей. С этих же позиций отвергался и революционаризм, нигилизм, пустившие глубокие корни в России, за присущие им жажду преобразований и глубокое пренебрежение к национальной духовной культуре. Конечно, веховцы ориентировались прежде всего на православие, однако они не были ортодоксальными истолкователями православия, и в сущности их понимание христианства было мирским, оно распространялось на философию, искусство, мораль, право и т.д. И одна из заслуг веховцев заключалась в том, что они формировали новый взгляд на историю русской философии. Бердяев на исходе жизни заявлял в «Русской идее» (1946 г.), что XIX век в философии был веком Чернышевского, в то время как XX веку суждено стать веком Владимира Соловьева. Веховцы были в числе первых, кто стал разделять «ориентацию на Соловьева», Чаадаева, Тютчева, Достоевского, Толстого, Константина Леонтьева.

Тема национального, национальной духовной культуры, на мой взгляд, наиболее ярко высвечена Булгаковым Сергеем Николаевичем в его статье «Героизм и подвижничество». Он обратил внимание на то, что русская интеллигенция вообще прошла мимо глубоких проникновений русской культуры в тему русской истории. Он называл Лермонтова, Пушкина, Достоевского и Толстого. У всех этих четырех гениев было глубокое проникновение, а вот у русской интеллигенции этого нет. И вообще, как писал Булгаков, в интеллигентской палитре осталось две краски — черная для прошлого и розовая для будущего. Думаю, и по сей день это наблюдение действует.

Чем авторы сборника «Вехи» досадили русской интеллигенции? Я думаю, в том числе и тем, что очень глубоко проникли в сознание и психологию среднего интеллигента. С одной стороны, интеллигент — очень полезный человек, этот тип породил массу культурных деятелей для России — земцев, просветителей и т.п., а с другой стороны, этот тип породил людей хвастливых, амбициозных, с корпоративным сознанием — то, что впоследствии Федотов назвал «орденом русской интеллигенции». Кстати, Федотов — один из самых плодотворных продолжателей философских идей сборника. Гершензон цитирует письмо Чехова: «Я не верю в нашу интеллигенцию — лицемерную, фаль-

шивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр». Имеется в виду всемогущая русская бюрократия. Тонкое, можно сказать, блестящее проникновение в сознание русского интеллигента, в психологию «среднего русского интеллигента» и было источником всяческих инвектив в адрес веховцев. Эти неприятные оттенки интеллигентского образа мышления, с его любовью к крайностям, нетерпимостью, пристрастием к уравнилельности, к жажде целостного тоталитарного мировоззрения и т.п., всячески осуждались авторами сборника, хотя и по-разному.

Были и недоработки в веховской программе в области философии. С одной стороны, они упрекали исконные ориентиры русской интеллигенции на просвещенство, на старую традицию просветительского типа, восходящую к XVIII веку, и говорили, что необходимо разделять некие современные ценности, присущие XX веку. Однако негативное в программе «Вех» преобладало над позитивным. В чем должны состоять «современные ценности», «Вехи» вряд ли убедительно показали. В то же время объективно часть веховцев оказалась сторонниками концепции «русской исключительности», поскольку они никак не рассматривают русскую мысль в общеевропейском контексте. Они, правда, подчеркивали иногда это сходство, но в негативном плане — для того, чтобы показать различия исторических путей России и Запада.

Великая заслуга веховцев состоит в том, что они предвидели, на мой взгляд, разрушительные последствия той тотальной партийно-политической борьбы, которая разгоралась с большой силой в начале XX века и которая привела к тому, что сам этот орден русской интеллигенции в значительной степени оказался в ГУЛАГе, и в этом смысле показательна судьба авторов сборника «Вехи». В России остался только один Михаил Осипович Гершензон, остальные оказались в зарубежье, судьба их там складывалась по-разному. И я думаю, что эта трудная историческая судьба «Вех» во многом подтвердила реальность их предостережений и во многом вписывается в тот контекст, который мы сейчас переживаем.

В.Г.Федотова

Перед началом заседания меня спросили, люблю ли я «Вехи»? Я ответила, что люблю, но позже призадумалась и, видимо, потому, что реакция на эту мою любовь была высказана сугубо

негативная. О чем же я призадумалась? Если бы наши надежды 1985 или 1991-98 годов оправдались, вряд ли бы мы сегодня говорили о «Вехах». Но эти надежды не оправдались, более того — завершился определенный этап, когда мы можем прямо сказать, что реформ либо не было, либо они были использованы в корыстных интересах, либо просто не получились. Можно дать разные оценки.

Точку отсчета большинство связывает с августом 1998 года, но для меня как человека, работающего в идейной сфере, она связана скорее с теми заявлениями, которые делали политики, претендовавшие на способность осуществить реформы. Очень долго в избирательных целях ситуация в России представлялась в черно-белой картине: реформаторы — антиреформаторы, и все причины неудач объяснялись только сопротивлением антиреформаторов. Западу внушали, что реформы можно провести институциональным путем, совершенно легко, как только эти препятствия будут сняты. И вдруг Гайдар говорит, что это вороватый капитализм, и вдруг Немцов говорит, что это бандитский капитализм, и вдруг Кох публикует статью в «Коммерсанте» относительно своей книги о распродаже советской империи, опубликованной на Западе, в которой он утверждает, что эта нация не способна к реформам и что эти реформы произвести нельзя.

Возникает вопрос: пришли ли они с подобными взглядами во власть? Если это так, то они, действительно, пришли, чтобы реализовать заголовок книги Коха — «Распродажа советской империи». Или они вышли из власти с этими настроениями, и тогда для меня это означает то, что они плохие реформаторы. Потому что тот, кто затевает реформы, должен досконально знать особенности своего народа и предвидеть его поведение в реформе. Например, Ататюрк, лавируя между мусульманским населением и западными ценностями, которые он считал цивилизационными, сумел провести корабль через эти рифы, не вызвать отчуждения и ожесточения массы, и был назван журналом «Тайм» в прошлом году человеком века.

Вчера в «Независимой газете» была опубликована замечательная статья Дм. Глинского и П. Реддавея — американца, который был поклонником Ельцина. И знаете, что он пишет теперь? Что в России — рыночный большевизм. Эти авторы не говорят ни одного хорошего слова о том, что было сделано за эти годы, и приходят к выводу «Вех»: была не учтена русская культура. Вместо искусственного противоречия «демократы-реформаторы»

— «коммунисты-антиреформаторы» авторы указывают на подлинное препятствие реформам: «демократы-рыночники». Известная теоретическая возможность для неолибералов — быть недемократами, противостоять демократическому движению масс, получила в России законченное выражение.

Если бы наши реформаторы читали книжки, они бы, наверное, знали, что существуют две модели модернизации. Одна — институциональная, где говорят: перенесите институты и вы получите то, что вы хотите получить. И вторая — культурцентристская, которая говорит, что вы можете переносить институты, но если они не соответствуют культуре определенного народа, то мы и не сможем этим воспользоваться. Скажем, почему Тайвань так успешно модернизировался? Потому что там переняли западные институты или потому что там живут китайцы? Первая модель очень соблазнительная, потому что тогда мы тоже можем перенять и тоже стать такими, а если потому, что там живут китайцы, то, увы, китайцев у нас нет, не получится. По крайней мере произошел крах институциональной или общесовиетской модели, когда мы считали, что нам легко перейти в состояние западного сообщества. И вот, читая «Вехи» сейчас, я чувствую, что институциональная объяснительная модель содержит ту долю вины, которую сыграла в неуспехе реформ русская интеллигенция.

Социальная база наших реформ менялась. Вначале, казалось, это был весь народ, который просто хотел хорошо жить. Хотя он не вдавался в детали демократических принципов и посулов, он поддержал будущую власть и способствовал ее становлению. Потом по мере того, как народ отчуждался, интеллигенция продолжала стоять за эти реформы, она продолжала быть сознательным носителем демократических идей, как бы ее ни унижали совершенно антиинтеллигентными процессами, происходящими как в массах, так и на уровне вновь поднимающейся буржуазии. Интеллигенция столкнулась не только с грубой, вульгарной властью, но и с отвратительной новой буржуазией, совершенно вульгарной, этими новыми русскими, разложением масс, люмпенизацией. Она действительно оказалась в трагическом положении.

Мне приходилось писать о социальной базе Ельцина в 1996 году. С моей точки зрения, он был выбран не теми, кто предпочел свободу, как говорили либералы, и не теми, кого обманули, как говорили коммунисты, а теми, кто не стал голосо-

вать за коммунистов, потому что не хотел больше идти на завод, на ферму, на фабрику. У нас родился 40-миллионный слой людей, предпочитающих волю всякому социальному состоянию. Я сама была поражена, когда мне социологи дали эти цифры — людей, которые, выпав из жизни, оказавшись без работы, внезапно обрели определенный пафос этой вольной жизни, нашли способ выживания и даже обогащения и оказались этой жизнью исключительно довольны. И до августа 1998 они были опорой режима и говорили, что будут сражаться со всеми, кто попытается их поставить под государственное ярмо. Теперь и их нет. Социальная база режима рухнула.

И что же интеллигенция? Вот я открываю Бердяева, первую статью «Философская истина и интеллигентская правда». О чем он говорит? Он упрекает интеллигенцию в том, что у нее не было глубоких философских идей, что она предпочитала те идеи, которые можно утилитаристски применять. Я спрашиваю себя: правда ли это? И мне кажется: да. Посмотрите: был период, когда публицистика вообще отрицала всякие философские и научные суждения в начале перестройки, и казалось, что все общие идеи — это носители чего-то тоталитарного, враждебного, что каждый должен высказаться персонально, конкретно, более того, до сегодняшнего дня число книг, в которых дается глубокое объяснение происшедшего и тем более объяснение философско-концептуальное, практически отсутствует. А ведь Кант, говоря словами Маркса, был немецким вариантом французской революции, а Конт создавал социологию для того, чтобы никогда не допустить французской революции снова и заниматься, как бы мы сказали теперь, менеджментом социальных трансформаций вместо революционных потрясений.

Поэтому мне кажется, этот упрек вполне справедлив, но у него есть еще одна сторона, которая является потрясением моей жизни и, думаю, потрясением жизни многих. Когда парторг врет на трибуне партийный билет и становится демократом через пять минут, можем ли мы ожидать, что завтра он не окажется столь же ярым националистом, а послезавтра еще кем-то? Та легкость, с которой наша интеллигенция выкинула одно и начала другое, а теперь готова перейти к третьему, и то, что нам совершенно не надо искать, кто националист, кто фашист, кто коммунист, кто демократ, кто либерал, ибо каждый может стать кем угодно, удивляет мир. Каждый может быть всем кем угодно.

«Вехи» упрекают интеллигенцию в подчинении общественной некой стадности. Я думаю, это справедливый упрек. С. Булгаков в «Героизме и подвижничестве» пишет, что «существует непригодность для выработки устойчивой, дисциплинированной, работоспособной личности, держашейся на своих ногах, а не на волне общественной истерики, которая затем сменяется упадком. Весь тип интеллигенции определяется сочетанием минимализма и максимализма, при котором максимальные притязания могут выставляться при минимальной подготовке личности как в области науки, так и в жизненном опыте и самодисциплины...». Дело не в молодежи, а в низкой рациональности, склонности к страсти, в стремлении найти в общественной жизни максимальное удовлетворение своим эмоциям, максимальное проявление своих эмоций. Очень слабая рациональная компонента. Если взять Макса Вебера, то он говорил, что политику должна быть присуща страсть, ответственность и глазомер, независимо от того, какого типа он лидер. Страсть — это его способность быть связанным с другими, ответственность — это фундаментальное свойство политика, а глазомер — это та рациональность, которая ему позволяет найти нужный проход к цели. И он описывает личность, которая поставила все на страсть, которая меряет успех своего дела не тем, что она реально сделала, а тем, что ей удалось реализовать свою волю, что ей удалось проявить себя, чем она удовлетворилась. Я читаю: «Внезапная внутренняя катастрофа типичных носителей подобного убеждения показала нам, какая внутренняя слабость и бессилие скрываются за столь хвастливым, но совершенно пустым жестом. Это продукт в высшей степени жалкого и поверхностного чванства в отношении смысла человеческой деятельности, которое полностью чужеродно знанию о трагизме, с которым в действительности сплетены все деяния, в особенности деяния политические». И Вебер заключает: «Нация простит ущемление ее интересов, но не оскорбление ее чести».

Я могу привести и другие цитаты. Вот Булгаков пишет: «Оборотной стороной интеллигентского максимализма является историческая нетерпимость, недостаток исторической трезвости, стремление вызвать социальное чудо, практическое отрицание теоретически исповедуемого эволюционизма». Возьмите Гершензона — о творчестве самосознания. Здесь на многих страницах описывается господство общественности не только в том смысле, что искали идеальный социальный строй, но и в смысле

невозможности жить без общественного давления. Он пишет, что это общественное давление поменяло людей, о чем я привела уже пример: вчерашнего радикала не узнать. Перед модернистской поэзией широко открыли дверь. Проповедям христианства внимают не только терпимо, но и с явным сочувствием. Наконец, Изгоев, который пишет о молодежи, приводит письмо студента, совершенно потрясающее высказывание. Студент пишет, что живущая в сознании студенчества односторонняя свобода горше всякого рабства. Жалуется студент Вадим Левченко, горячая, искренняя статья которого о молодежи была опубликована в «Русской мысли» и была отмечена всей печатью. Весь строй студенческой жизни проникнут отрицанием внутренней свободы, ужасно не думать так, как думает студенческая толпа, вас сделают изгнанником, обвинят в измене, будут считать врагом. Разве мы не пережили этого, особенно в эти горячие годы, когда всякая критика могла быть истолкована как сотрудничество с антиреформаторами и т.д.?

Наконец, Кистяковский показывает полное неуважение к праву в интеллигентной среде. По его мнению, в России никто не исполняет законы. Но центральной статьёй для меня является статья Струве, который касается не только поведения интеллигенции, но и вызванного ее позицией поведения масс. Это вера без религиозности, которая вела к отщепенству и которая создавала на другом полюсе такое состояние масс, как их поход за волей. «Вехи» настаивают на том, что народ хотел во всей революции только воли, что итогом была анархия, страшное хаотическое движение масс, в результате чего произошло еще более сильное закрепощение верхов, показавшее, что интеллигентский максимализм не нашел реализации ни в плане собственного развития, ни в плане развития народа.

Это мне близко вот почему. Закончился период, и, допустим, мы вернулись к тому, что все восстановили — промышленность, Маслюков постарался, Примаков помог, все как было в СССР. Можно ли так оставить? Можно ли так жить? Я думаю, что вопрос о реформе не отпал, она будет востребована снова, потому что достижения индустриальной эпохи сегодня рассматриваются как недостатки. Дымящие трубы заводов вместо высокотехнологичных инновационных процессов обрекают нас на отсталость, и какая-то реформа должна происходить. Неужели она пойдет вот так — с такой же интеллигенцией, с такими же реформаторами, с такой же настойчивостью, с главной целью —

страстью, а не анализом, не поиском общего интереса? И в этом смысле, мне кажется, «Вехи» — это для нас сейчас и наше собственное покаяние.

Ю.М.Бородай

Что вы имеете в виду под реформами? Продолжение приватизации? Ограбление не знаю чего? Или что-то иное?

В.Г.Федотова

Я писала об этом, поэтому и не остановилась на этом вопросе. Если глянуть с сегодняшней точки зрения, то это, конечно, может быть, тот ответ, который требует еще расшифровки. Но как я для себя отвечаю? С сегодняшней точки зрения, дай Бог, восстановить все утраченное. Очень многие люди говорят: мы верим в прошлое, что Россия побывала не в таких переделках и восстанавливалась, и культура нам поможет, и культур-центристская модель нас спасет и т.д. Но мне кажется, что все предшествующие модели развития были мобилизационными. И они все были построены на чрезвычайной мобилизации масс и прежде всего крестьянства. Когда Витте или его предшественники довольно успешно проводили реформы в России, направленные на индустриализацию, они делали ее на «голодном хлебе». Крестьяне голодали, а они продавали хлеб за границу. Мне кажется, что мобилизационный ресурс исчерпан. Эти «рыночные большевики» тоже использовали мобилизацию, но только какую? Негативную мобилизацию. Они кинули в воду и сказали: делайте что хотите. И вот 40 миллионов человек были довольны до краха реформ. Мне кажется, что мы должны перейти к каким-то инновационным технологиям, к роли науки, отказаться от мобилизационной модели, от мобилизации. Задушив науку, мы задушили курицу, несущую золотые яйца. Мы могли продавать нашу научную продукцию. То есть реформы, с моей точки зрения, — это нахождение нашего места в мире, при котором мы могли бы быть конкурентоспособными. Ни о какой там приватизации, ни о чем таком я совершенно не думаю, я не знаю, как она будет осуществлена. Я хотела бы, чтобы мы стали ядром инновационных процессов. У нас для этого есть все, и прежде всего люди, образованные, способные выполнить социальные функции, а не просто профессиональные роли.

В.Г.Сироткин

Я два вопроса хотел бы затронуть. Первый – контекст появления «Вех», почему именно 1909-й, а не 1905-й или 1913-й. Скажем, в 1912-м, 1913-м были свои вехи – Отечественная война 1812 года и 300 лет дому Романовых – это тоже юбилеи. Почему в 1909-м? И второе – это продолжение линии «Вех» в современности. Кратко очень. Я принес две книжки, вы их знаете – «Россия в обвале» Солженицына – это продолжение линии «Вех» и, главное, эту мало кто знает, – «Московский процесс Буковского», выступавшего у нас на Клубе.

Итак, первый вопрос – почему в 1909 году. Конечно, это результат революции 1905-1907 годов. И главное здесь – это впервые проявившийся открыто разлом культуры и цивилизации. Крестьянство жило по своей культуре, то есть лучина, в лучшем случае с керосиновой лампой, а верхи городские, особенно интеллигенция, жили цивилизационно рядом, то есть с будущей лампочкой Ильича, электрической. Но интеллигенция боролась за народ. Народ всегда прав, и Платон Каратаев толстовский, и Герасим из «Му-му», и мужик Достоевского. Но оказалось, что народ-то совсем не богоносец. Он в свое время напугал еще Пушкина, который отказался писать историю пугачевского бунта, и, как вы знаете, одна из причин – когда он узнал, что делал народ с помещиками и их детьми...

Ю.М.Бородай

То же самое, что и в жакерии.

В.Г.Сироткин

Ну, примерно. Дело в том, что во Франции никогда не было такого поклонения народу, как у нас. У нас перед мужиком стояли на коленях. Это во-первых. Да, второе, что поразило Пушкина, – это когда он стал читать бумаги Пугачева уже как литератор, и уловил разницу между свободой и волей. Знаете, какие были основные призывы Пугачева? Я пришел освободить вас не от помещичьего гнета, не от царского, а от гнета, ига работы. Ра-бо-ты. В какой жакерии вы это видели? Никогда. Почему? Потому что очень тяжелая работа. У Некрасова: мы до смерти

работаем, до полусмерти пьем. Тяжелые климатические условия, короткий период сева и прочее. Не до жиру, быть бы живу. Вот что было главное. У нас же Иванушка-дурачок, молочные реки, кисельные берега, трудом праведным не наживешь палат каменных, не обманешь — не продашь. Вся мудрость в этом. Почему, отчего — большой вопрос. Но это основное.

И этот бунт русский, «бессмысленный и беспощадный», проявился в совершенно гигантских погромах. Обычно их относят к числу еврейских. Но вот вышла книга Степанова «Черная сотня в России», 1992 год. Да, действительно, 70 процентов погибших — евреи, но 30 процентов — русские, интеллигенты, в пенсне и шляпе, семинаристы. Потому что это было возмущение против образованных. Милюкова избили (разбили пенсне и прочее) за то, что он не встал на колени перед крестным ходом с портретом царя и иконой. Вот что потрясло Гершензона и всех остальных авторов «Вех». Что этот народ смачно плюнул им в физиономию, и сказал: «Пшли вон, господа». И на этом потом большевики сыграли: грабь награбленное — и все остальное. Вот это основное. Это, конечно, кризис. Гершензон пишет, что мы должны эту власть благословлять, которая охраняет нас еще пока штыками от погромов. Причем погромы учиняли по глупости властей. Николай поступил точно так же, как и Ельцин 2 января 1992 года. Он издал манифест 17 октября, никого не подготовив к нему. Раньше законы запрещали — собираться больше трех, полиция разгоняла, а тут свобода, демонстрации и все такое. Все губернаторы прислали телеграммы: подложный манифест, революционеры сделали, подтвердите. И полиция стояла в стороне. Тут же стали собираться у городских дум гимназисты, студенты, с красными знаменами, марсельеза... И православные, истинно русские, то есть по-нынешнему РНЕ или красно-коричневые — параллельные демонстрации. Понятно, Россия...

Ю.М.Бородай

Это не православные.

В.Г.Сироткин

Ну как не православные? Что, «Охотный ряд» — не православные?

Ю.М.Бородай

Конечно, нет. Это язычники. Ну вы хоть говорите со знанием дела. Это очень существенно. Эти православные — РНЕ...

В.Г.Сироткин

А кто же они?

Ю.М.Бородай

Они антиправославные. Они считают православных поджигателями. Это надо знать.

В.Г.Сироткин

Я высказываю свою точку зрения. Рыночные большевики в облики Чубайса — вот что было. Начались столкновения. Стали создавать отряды самообороны. Октябрь, ноябрь, декабрь — начались столкновения, вооруженные, баррикады. Иными словами, вот что эта стихия проявила. И интеллигенция веховская оказалась меж двух огней. Она в сущности не знала, что делать. Вот причина появления «Вех». Это одно. Второе. Это часть, касающаяся книг Солженицына и Буковского. Последняя очень любопытна. Что такое «Московский процесс»? Вышла в Париже, на русском языке. Здесь о ней ни слова. Почему? Очень все понятно. Уж его-то никто не упрекнет в том, что он язычник, коммунист, красно-коричневый и прочее. Он ярый антикоммунист, борец, высланный — обменяли хулигана на Луиса Корвалана, как вы знаете. И что он пишет? «Но, пожалуй, меня больше всего поразило полное невежество, их чудовишный провинциализм. Эти люди, представляющие новую политическую элиту, мозг ельцинской команды, его ближайшее, самое доверенное окружение, просто ничего не знали о внешнем мире, то есть абсолютно серые». И дальше он пишет: «А что, собственно, двигало этими демократами, рыночными большевиками? Они раскололись по трещине, которая была, что коммунисты оказались или умной сволочью, или дебильными ортодоксами. Вот по этой трещине они и раскололись при наступлении кризиса режима.

В то время, как меньшинство клинических идиотов продолжало маршировать под красными флагами, циничное большинство быстренько обратилось в реформаторов, демократов, националистов, рыночников. Для них события, произошедшие в России, означали не революцию, не освобождение от тоталитарного гнета и уж тем более не крушение, а всего лишь возможность стремительно ускорить свои карьеры, перепрыгнуть сразу через несколько ступеней старой иерархической лестницы». Вот оценка, которую дает Буковский.

То же самое, хотя, может быть, не так резко, пишет и Солженицын в «России в обвале»: «Нынешняя власть упоена своей собственной обогатительной жизнью, интересы народа для нее в полном пренебрежении. Она их не чувствует, и мало надежды, что почувствует в будущем. Олигархия — сплоченная хунта, захватившая и деньги, все национальное богатство, теперь уже и власть, и добровольно не допустит никакой смены. Без колебаний применит для этого выращиваемые, укрепляемые многочисленные внутренние войска». Это как бы линия «Вех» в плане перемен, то есть вопрос «Кто виноват?», и абсолютно — и у Буковского, и у Солженицына — совершенно нет ответа на вопрос «Что делать?». Как начали век, так и закончили его тем же самым.

То, что предлагает Александр Исаевич, — земства, объединение славянских государств — может быть, интересно, но весьма спорно. Не решается этот основной вопрос. Хотите рынка? Но тогда оцените богатства страны. А у нас — «широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек». А почему? Цены-то на все устанавливаются с потолка. Распорядился Лужков, и будьте любезны. Хотя еще Николай I создал Мингосимущество. Оценили 5 процентов всего имущества. На Западе оценен каждый кустик. За квартиру ты платишь — какой воздух, нет ли каких аэродромов, далеко ли дорога и т.д. Есть понятие качества жизни, а у нас не до жиру, быть бы живу. Мы говорим об Интернете, а у нас 5 процентов телефонизации сельской местности. О чем разговор? Это просто смешно.

Теперь по вопросу «что делать?». Скажем, если не рыночные отношения, а, скажем, усиление роли государства, по Ключевскому: государство пухло, а народ хирел, — тогда развивайте авторитарную систему — Пиночет, Южная Корея, тот же Тайвань. Вы знаете, что на Тайване было то, чего хотят наши власть предержащие: они отменили выборы, 50 лет никого не избира-

ли. Избрали парламент, и пока не помер последний спикер — китайский Селезнев, парламент существовал. Прогресс же. То есть тогда давайте делать авторитарную модель, развивать инфраструктуру. Дорог как не было, так и нет, а дураки остались.

В.Г.Федотова

Очень краткая реплика. Юрий Николаевич Давыдов опубликовал из архива Вебера переписку с Булгаковым, одним из авторов «Вех». Оказывается, он задавал вопрос о трудовых мотивациях, связанных с буржуазной революцией: какие в России трудовые мотивации? И Булгаков ему отвечал, что у нас аскеза мирская, а не трудовая. И Вебер нас проклинал, забыл и вообще на Восток глаз больше не бросал. Меня потрясло, какие у Пугачева были лозунги. Это меня занимает, потому что причина провала реформ — это люмпенизация масс, которая проведена властями для получения социальной базы, когда все нормальные формы социальной базы от них отвалили. Значит, «Вехи» указывают на эту люмпенизацию, этот ужас, который возникает перед сорвавшимся с цепи народом, лишенным святынь, что Аскольдов потом в статье «Из глубины» показывает. Я вам прочту кусочек из Питирима Сорокина, революционера, потом знаменитого американского социолога. В первый день революции 1917 года он пишет: «Однако пытаюсь убедить себя, что все действительно прекрасно, я не мог закрыть глаза на определенные реальности. Рабочие несли такие лозунги, как «К станкам и прессам!», а сами бросили работу и проводили почти все время на политических митингах. Они начали требовать 8-часовой и даже 6-часовой рабочий день. Солдаты точно так же готовы сражаться, но вчера, когда один из полков должен был отправиться на фронт, люди отказались, мотивируя тем, что они необходимы в Петербурге для защиты революции. В эти дни мы также получили информации, что крестьяне захватывали частные поместья, грабя и сжигая их, на улице я видел много пьяных, матерившихся и кричавших: «Да здравствует свобода! Нынче все позволено». Проходя мимо здания недалеко от бестужевских курсов, я видел толпу хохочущую и непристойно жестикулирующую, в подворотне на глазах у зевак совокуплялись мужчина и женщина. «Ха-ха!» — смеялись в толпе, поскольку свобода, все позволено».

В. Б. Иорданский

В Париже в центре города насильовали женщину на глазах у полицейского. Ну и что вы хотите этим доказать?

Ю. М. Бородай

Как будто можно что-нибудь доказать примерами даже из Питирима Сорокина. Вот вам глобальный небольшой исторический пример. Простите, в Европе, в нашей любимой Европе, была Реформация, которая унесла более двух третей населения без современных средств массового уничтожения. Кстати, подлинно религиозных людей, которые бы воевали во имя веры против гугенотов, протестантов, было не так уж много. Было сорвавшееся с цепи быдло. По результатам, по кровавым оргиям — это было. Вообще-то это гораздо более серьезно и страшнее, чем даже русская гражданская война. Ну что можно доказать этими примерами? Что русский народ особенный? Что он изначально работать не хочет?

В. Г. Федотова

Вы сразу говорите со мной как с классовым врагом. Вы упомянули мою любимую Европу, высказали многое против меня и против других тоже. Это не метод разговора. Это черта любого революционаризма, любого. Мы говорим о России, мы говорим о «Вехах». Мы говорим о том, что отметили «Вехи» тогда, а потом отметили в сборнике «Из глубины», что отметили потом в 1917 году русские философы. Я очень согласна с тем, что это может быть не национальной, а стадильной чертой, чертой определенного этапа развития. Но вопрос о трудовой мотивации все равно встает.

Ю. М. Бородай

Вы, наверное, ошиблись — хотели сказать о религиозной мотивации?

В.Г.Федотова

Конечно, Вебер искал религиозную мотивацию типа протестантской этики. Он искал такую мотивацию в православии. И Булгаков ему ответил, что нет такой. У нас мирская аскеза.

В.И.Толстых

Это точка зрения Булгакова. Ты не согласен с Булгаковым? Можешь выразить свое несогласие. Мы все время сбиваемся. У нас тема — «Интеллигенция», с которой связано столько проблем и тем. И каждый раз мы начинаем выщипывать и абсолютизировать то одно, то другое. Вот и сейчас проглянула, вышла на первый план любимая песня русских интеллигентов: народ не тот. Не такой народ, вот если б другой народ... Можно представить себе, что бы могли сделать эти интеллигенты, дай им только волю, не замечая того, что они вполне достойны своего народа, и вышли, кстати, из народа. Я, например, никогда не забываю, что мой отец — плотник, мама — бывшая крестьянка, а меня называют интеллигентом, и я сам себя в каком-то смысле до недавнего времени считал интеллигентом. Сейчас начинаю задумываться над этим. Такие уж у нас интеллигенты — у них народ все время плохой. Меня это бесит. В том смысле, в каком говорят: русский народ плохой, — я вообще не видел ни одного хорошего народа.

В.Г.Федотова

Я как раз сказала, что Кох не имел права, начиная реформу, сказать: народ плохой. Народ такой, какой он есть. Это цель реформаторов — учесть особенности народа.

В.И.Толстых

И Сталин это понимал. И поэтому добился больших успехов, применяя соответствующие средства. Вождь народов на народ не сетовал, он к нему — на отрицательный манер — применился. А эти, нынешние, просто бросили его на произвол судьбы, назвав это «свободой».

М.А.Маслин

Несколько слов по поводу веховского отношения к культурным, национальным и духовным ценностям. Они подчеркивали эти приоритеты, которые им казались главными в той ситуации XX века, в которой они оказались. Россия уже прошла через новое религиозное сознание и всякие вещи, которые называются духовным возрождением и т.д. Веховцы ссылались на Тютчева, на Достоевского, на Толстого, но они не относились с ненавистью к Чернышевскому. Бердяев что заметил? «Во всяком случае Юркевич был настоящим философом по сравнению с Чернышевским». И все. Чернышевского он никак не обливал грязью, просто фиксировал. Я на что хотел обратить ваше внимание? Пушкинский год. Коммерческие ларьки — обратите внимание — всякий себя уважающий коммерсант на видном месте в ларьке повесил постер с пушкинской символикой. А кто вспомнил, что этот год — не только год Пушкина, но и Радищева? 250 лет со дня рождения Радищева — это более круглая дата, чем 200 лет Пушкину.

В.И.Толстых

На это указаний не было.

М.А.Маслин

Это то самое интеллигентское, против чего и выступили «Вехи». Ведь Пушкин специально вытаскивал Радищева из небытия, хотя и писал в обратном порядке и в другом направлении: путешествие не из Петербурга, а из Москвы в Петербург. Вот ведь какая заковыка.

О.В.Гаман

Валентин Иванович, приглашая сегодня на это заседание, просил меня обратиться к такому аспекту: интеллигенция и элита.

В.И.Толстых

Это в связи с тем, что я на днях прочитал книгу Оксаны Гаман «Политическая элита». Кстати, советую всем эту книгу почитать — очень интересно.

Мне кажется, что ситуация заключается в следующем. В России функции элиты на значительном протяжении ее истории выполняла административно-политическая бюрократия, а интеллигенция выполняла функцию контрэлиты. Это существенным образом отличает нашу модель политического развития от той, что сложилась на Западе, ибо в условиях западной политической системы элита формируется в кругу бизнеса (я очень упрощаю), а в качестве контрэлиты выступает экономическая корпорация, условно говоря, конкурирующая с той, что стоит у власти.

У нас совсем все иначе. У нас функции власти выполняет административно-политическая бюрократия, а функции контрэлиты — интеллигенция, которая по существу есть социальное образование, не преследующее собственных корпоративных экономических интересов. По определению интеллигенция не есть экономический субъект, и это очень важно. Причины, как мне представляется, обусловлены доминированием политических факторов развития в той модели развития, которая сложилась у нас. В условиях этой модели приоритет остается за политической элитой, которая не только подчиняет экономическую элиту, но и нередко выступает субъектом формирования экономической элиты, как, кстати, это было при Петре I и потом в начале 1990-х годов. Это обусловлено тем, что российская буржуазия сформировалась сравнительно поздно, она изначально была слабым конкурентом европейской буржуазии. Кроме того, ее политическую слабость обуславливал перманентный дефицит денег в государственной казне. Отсюда и зависимое положение элиты экономической по сравнению с политической элитой в России.

Тезис второй. Если непосредственной целью контрэлиты в условиях западной политической модели является завоевание власти (что, в общем-то, естественно, потому что контрэлита для того и существует, чтобы потеснить власть преобладающих), то в условиях российской политической системы интеллигенция маргинализованная проявляет то, что Виктор Розов назвал неприличным словом «холуяж», причем холуяж без границ. Интеллигенция хотя и выполняет функцию контрэлиты, но борется за идеи социального переустройства и отстаивает не собственные корпоративные интересы, а выступает под знаменем социального переустройства, что, кстати говоря, дало основание Бердяеву написать: «Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой».

Третий момент. С самого рождения российская интеллигенция выступала не как соперник, не как конкурент власти, а как ее смертный враг. Понятно, что политическая оппозиция в лице контрэлиты существует в любом государстве, в любой политической системе. Однако если в условиях западного политического развития оппозиция ведет диалог с властью, борясь с ней, то у нас складывалась парадоксальная ситуация: целью интеллигенции в качестве контрэлиты выступает идея захвата власти, чтобы ее задуть, но, с другой стороны, власть захватить она боится, и в этом заключается исторический парадокс.

Еще один момент. Если основную массу революционного движения в России составляла разночинная интеллигенция, то идеологами этого движения сплошь выступали выходцы из привилегированных, элитарных слоев. Возьмите первых диссидентов. Князь Курбский, князь Хворостинин, Григорий Котошихин – можно продолжить этот ряд. И в позднейшее время – на протяжении практически всей истории российского революционного движения – идеологами его являлись «кающиеся дворяне», выходцы из привилегированных слоев. Что, кстати говоря, дало основание Струве в «Вехах» написать: «После пугачевщины все политические движения были движениями образованной и привилегированной части России». Как известно, для российской политической власти была всегда характерна чрезвычайно высокая степень внутренней конфронтации. И вот еще один исторический парадокс: для ее смертельного врага – российской радикально-революционной интеллигенции – характерна та же внутренняя деконсолидация. Как правило, это движение представляло собой сообщество различных течений и групп, между которыми пролегалась рознь не меньше той, что разделяла власть и оппозицию в целом. При этом доминирующей позицией в контрэлитном движении занимала его крайне радикальная ветвь, которая, как правило, подминала под себя всех умеренных. Общим знаменателем и власти, и оппозиции становилась устойчивая неприязнь к сторонникам умеренно-центристской линии.

Наконец, возникает вопрос о том, что же было знаменем революционного движения российской интеллигенции, которая, по существу, выполняла функцию контрэлиты. Это – стремление ускорить созревание общества, ускорить политические процессы, как правило, под лозунгом осуществления реформ по модели европейской политической системы. Что приводило к

совершенно противоположному результату, что и дало основание Изгоеву в тех же «Вехах» констатировать: «Нельзя не отдать себе отчета в том, какой вред приносит России исторически сложившийся характер ее интеллигенции», имея в виду то, что Семен Франк в тех же «Вехах» определил как нигилистический морализм — любовь к дальним, во имя которых в жертву приносятся интересы ближних.

М.А.Маслин

Это у него от Ницше.

О.В.Гаман

И основанием для этого было осознание того факта, что обратной стороной левой экстремистской революционной интеллигенции становился жесткий правый консерватизм. Блестящий материал для таких выводов дает анализ влияния российского революционного (интеллигентского по существу) движения на процесс инициирования и осуществления Великих реформ 60-70-х годов прошлого века. Смысл этого воздействия был в том, чтобы заставить власть идти по дороге преобразований, поскольку она постоянно проявляла на этом пути колебания.

Однако получилось так, что сворачивание реформ было осуществлено отнюдь не под влиянием идей и действий право-консервативной позиции, а как раз вследствие воздействия левозэкстремистской ветви интеллигентского движения. В конце концов эти реформы закончились пятью виселицами, которые ознаменовали восшествие на престол Александра III — точно так же, как аналогичная попытка ускорить созревание общества и «поддернуть колоски за верхушки» в 1825 году завершило царствование царя Александра I пятью виселицами декабристов. Анализ исторического материала дает блестящее тому подтверждение, особенно это очевидно на примере осуществления судебной реформы. Сейчас нет возможности на этом поподробнее остановиться, но в той книжке, которую Валентин Иванович любезно сегодня представил, я анализирую подробно эти все процессы. Если коротко, то начавшийся с ликвидации принципа несменяемости судей после выстрела Д.Каракозова в 1866 г., этот процесс к концу XIX века закончился тем, что политичес-

кие преступления были окончательно исключены из компетенции обычного гражданского суда и вплоть до революции 1905 года рассматривались только в административном порядке. Даже убежденный либерал Пайпс в этой связи пишет, что именно на «прогрессивном» революционном движении лежит ответственность за срыв первой в истории России попытки государства тягаться на равных со своими подданными. И дальше еще более красноречивый вывод: даже находясь на жаловании у полиции, революционная интеллигенция не смогла бы больше преуспеть в предотвращении политических и экономических реформ. Очень симптоматичный вывод.

Таким образом, объективным результатом радикализма контрэлиты в лице революционной интеллигенции выступала не дальнейшая модернизация политической и экономической системы, а ревизия осуществленных по инициативе власти и бюрократии модернизационных преобразований. Это дает основания для вывода, что российская интеллигенция в качестве контрэлиты крайне не эффективна. Тогда возникает вопрос — может быть, она была бы более эффективной в качестве элиты? На сей счет также можно прийти к определенным выводам. Исторический опыт для анализа имеется, хотя опыт уже и пост-веховский, что, кстати, задним числом подтверждает правоту авторов «Вех». Ибо Временное правительство образца 1917 года — это власть либеральной интеллигенции. Что же являла собой эта власть? Даже Морис Палеолог вынужден был констатировать, что российские либералы слишком умозрительны, слишком книжны, чтобы быть людьми действия. Пресса называла либералов тоже красноречиво: инвалиды революции. Симптоматично, что сами русские интеллигенты, претендовавшие на власть, признавали собственную неэффективность в этом качестве. Скажем, Шульгин писал: «Мы способны были в крайнем случае безболезненно пересестись с депутатских кресел в министерские, но только под условием, чтобы императорский караул охранял нас». Гучков, надеясь на возможную ротацию правительства, считал, что его деятельность будет значительно более эффективной, если в состав этого правительства войдут не либералы типа Милюкова, а либеральные демократы типа Сазонова и Кривошеева. Он не находил в либеральных политиках необходимого гражданского мужества и твердости, которые должны быть проявлены властью в ответственный момент. И вот что интересно: скорее всего, по его мнению, эти качества можно было встретить у представителей бюрократии.

Все это закончилось известным результатом, который объективные наблюдатели характеризовали в разных выражениях, но смысл которого очень хорошо передает фраза известного российского дипломата Савинского, который писал: «Получив в свои руки работающую на полном ходу машину государства, российские либералы преуспели в крушении этого государства на протяжении всего лишь нескольких недель». И что интересно, это убеждение разделяют и сами либералы. Прошу прощения, но еще одна цитата Пайпса, на этот раз из работы «Русская революция»: «Интеллигенция считала само собой разумеющимся, что русская бюрократия есть стадо тщеславных и алчных людей. Однако последующие после февраля 1917 года события продемонстрировали ошибочность интеллигентских представлений. Придя к власти в феврале 1917 года, они за каких-нибудь два-четыре месяца дали распасться обществу и государству — тем же самым обществу и государству, которые российские бюрократы все же худо-бедно сохраняли на протяжении веков. Ясно, что русская бюрократия умела нечто такое, чего интеллигенция не умела».

В заключение нельзя не обратиться к годам 90-м нынешнего века, ибо массовое демократическое движение конца 80-х — начала 90-х годов было движением интеллигенции. Сегодня символом интеллигенции у власти стали Собчак и Станкевич. Интеллигенция в процессе реформ распалась. Очень немногочисленные ее представители вошли во власть, значительная часть маргинализировалась. Но итогом массового вхождения интеллигенции во власть в начале 90-х стала та модель демократии, которая, к сожалению, не соответствует даже известному анекдоту, согласно которому демократия есть власть демократов, а не власть народа. В итоге у власти оказалась плутократия. Можно сделать печальный вывод, что и в качестве элиты, и в качестве контрэлиты российская интеллигенция неэффективна. Так, может быть, российская бюрократия сможет ей помочь? Сегодня много говорят о возможной смене элит в связи с приходом старых новых бюрократов во власть. Может быть, это поможет?

Ю.М.Бородай

Как в вашу схему элиты—контрэлиты укладывается такой феномен, как советская, прокоммунистическая интеллигенция, которая была абсолютно без всяких контр, из которой вышел

другой феномен – сегодняшняя интеллигенция 80-90-х годов? Но советская интеллигенция все-таки была. Слово «интеллигент» никогда так часто и так доктринально не звучало, как в советский период.

О.В.Гаман

Мне кажется, ситуация заключается в следующем. Интеллигенция в истории советской политической и социальной системы была аналогом среднего класса. Она существенным образом отличалась от той интеллигенции, которая существовала до 1917 года и которая существует сегодня.

Ю.М.Бородай

Значит, в эту схему она уже не укладывается?

О.В.Гаман

Почему? Она укладывается, но просто аналог не тот. Интеллигенция российская, дореволюционная не есть аналог советской интеллигенции. Там совсем по-другому. В одном предложении трудно ответить. Единственное, что я хотела бы в качестве ремарки констатировать поразительный факт: интеллигенция советская, как мы понимаем, имела большую роскошь заниматься наукой. Говорят, занятие наукой – это большая роскошь, что это есть удовлетворение своего любопытства за государственный счет с весьма неплохим содержанием. Но при этом интеллигенция, во всяком случае ее московская часть, всегда была откровенно фрондирующей по отношению к власти. А вот сегодня интеллигенция маргинализованная проявляет то, что Виктор Розов назвал неприличным словом холуяж, причем холуяж без границ.

Л.П.Буева

Я специально не готовилась и буду говорить по ходу высказанных идей. Хочу остановиться на том, какую планку в понимании интеллигенции задала нам наша отечественная российская классическая культура и, в частности, «Вехи». Серебряный

век, философы начала века — это был очень симпатичный образ интеллигента. Интеллигенты были в ряду таких идеальных моделей, о которых классики философской антропологии говорили, что без них никакое общество невозможно. В каждом обществе должны быть святые, праведники, пророки, учителя, вожди, лидеры и т.д., а в России это была еще и высокая ценность слога, книжной и словесной культуры. За интеллигенцией тогда записывалось много того, что реально далеко не всегда осуществлялось. Это были и творцы ценностей, это была совесть общества, радетели за благо народа, подвижники и борцы, в том числе и революционеры. За интеллигенцией записывалась куча положительных качеств, которые не упали, не ушли несмотря на то, что в самой реальной интеллигенции много старых листьев опало, то есть разные функции и качества на разных этапах тоже были разными.

Что же мы имеем в конце и в итоге XX века? Я не отношусь негативно к советской интеллигенции, считаю, что она имеет свои заслуги, мы обязаны ей многими духовными ценностями, и мы все эти десять лет, пока идет полный раздрай в стране, на них держимся. Новых духовных ценностей я пока еще не заметила, по крайней мере в реальном воплощении.

К концу XX века этот образ не то чтобы побледнел, потускнел, но он изменился, особенно в той части, которую мы именуем творческой, элитной интеллигенцией. Вот они-то гораздо больше размотали, чем оставили у себя средние слои интеллигенции — учителя, библиотекари, музыкальные работники, культурные работники, врачи и т.д. Даже в человеческом обыденном общении больше интеллигентности, чем в общении, которое задается нам со сцены, средствами массовой информации и т.д.

Но мне бы хотелось остановиться на том, что собой представляет интеллигент как реформатор, и почему не удалось у нас так красиво начинавшиеся реформационные процессы? Сейчас можно спросить: а был ли мальчик? Может быть, мальчика-то не было? Может быть, реформаторов на деле и не было? Что собой представляла идеальная модель, с которой выходили на реформы? Реформы назрели. И была возможность отличиться тем, кто оказался во главе реформационного процесса, кто принадлежал к традиционно интеллигентным слоям. Был великолепный шанс у интеллигенции выступить во главе реформ, каково она еще не имела.

И что же получилось? Как ни странно, оказалось, что интеллигенция – наиболее интеллектуальный, творческий слой, вдруг отказалась от функции целеполагания, проектирования реформ, от разработки теоретических схем, моделей, систем и т.д., поддержала лозунг «живое творчество масс», положила на стихийный иррациональный процесс: смять все, разрушить. Ставка на разрушение, на иррационализм, на отказ от высокой интеллектуальной аксиологической модели обоснования реформ подвела сильно. Строго говоря, реформы не имели системного качества. Это первое. Во-вторых, на место духовных ценностей была выдвинута модель рынка, который не может быть духовным основанием для новой ценностной модели. И мы получили то, что получили. Предательство, продажность стали свойствами, которыми только и может похвалиться современная элита, не скажу, что интеллигенция.

Интеллигенция выдвинула следующий тезис устами Гайдара, Льва Тимофеева и наших СМИ: экономика вне морали. Я понимаю, что не мораль определяет экономический процесс, тут свои законы и т.д. Политика вне морали – это сказал Лев Тимофеев. СМИ вдруг на дыбы встали против любой попытки посмотреть с нравственных позиций на свою продукцию: не надо внешнего совета, не надо цензуры. Это отказ от оценки происходящего с точки зрения духовных ценностей – того самого панморализма, о котором писал Зеньковский, и что является характерной чертой российской духовности. Ничего этого нет, это утрачено. Из духовного пространства общества стал уходить научный рационализм, критическое мышление, за что мы, философы, всегда стояли. Как ни странно, по одному из последних исследований по трем областям, среди магов, волхвов, кудесников 70 процентов – интеллектуалы, интеллигенты, имеющие высшее образование – медицинское, философское, психологическое. Иррационализм сменяет рациональную составляющую нашей духовности. Происходит вымывание морали, вымывание нравственных принципов: все свободно, все релятивно, все плюралистично. Отсутствие противовеса такому пониманию свободы вылилось в беспредел, утрату той культурной меры, которую обычно задавала интеллигенция. И получилось, что сверху насадили собственника, который так и не стал субъектом хозяйственной деятельности, потому что собственность была приобретена полуворовским путем. Так же сверху насадили свободу, у которой нет внутренней меры. Интеллигенция не защищает наше духовное простран-

ство — не защищает слово, нравственность и т.д. И появились игрок и авантюрист — новая модель личности, с чисто игровым отношением к жизни. Мы рассеяли себя в пыль, многие высокие ценности просто вывели за пределы духовного пространства. Это что — трагизм раскола или еще один итог, над которым стоит подумать?

В.М.Межуев

Мне очень понравилось выступление Михаила Александровича, который академично ввел нас в суть дела. И вопрос, который меня волнует в связи с обсуждением «Вех», я бы так сформулировал: почему при всем благородстве, возвышенности, обаянии той идеологии и позиции, которая была заявлена «Вехами», в конечном счете какой-то глубинной практики веховского сознания, именно «Вехи» были обречены на поражение? Причем поражение было неизбежным. А выиграли как раз их оппоненты. Вот здесь я хочу с вами пополемизировать. «Вехи» — это критика интеллигентского сознания, а не его апология, победили-то интеллигенты, а не «Вехи». И побеждают до сих пор. Почему веховская ставка на культуру в конечном счете до сегодняшнего дня кажется очень шаткой, и в мире торжествует не правда культуры. Мы знаем, что сегодня происходит в мире, кто задает тон, кто занимает командные высоты в этом мире, и дело культуры кажется совершенно проигранным. Эта проблема меня действительно очень волнует, потому что, на мой взгляд, в нашей истории победили интеллигенты. Кстати, авторы «Вех» это и фиксируют. Но только это такая странная победа, которая всегда почему-то оборачивается поражением и трагедией самой интеллигенции. Победа почему-то всегда выходила ей боком.

Прежде всего я хотел бы развеять одно часто встречающееся предубеждение, в которое я сам когда-то очень сильно верил, — о том, что интеллигенция — это исключительно русское явление. Это глубоко ошибочное мнение, и здесь я согласен с Эрном, который говорит, что русские обогатили мировую цивилизацию не явлением интеллигенции, а понятием интеллигенции. Они авторы понятия, а явление было до нас. Это западное явление, только на Западе оно называлось иначе. Там людей, которые у нас считались интеллигентами, называли иначе — гуманистами, просветителями, пока Наполеон не придумал термин «идеолог». Поэтому «Вехи» — это первый, может быть, са-

мый развернутый русский ответ на программу Просвещения, на просветительскую программу. Это явление можно ввести в контекст революции — это наш исторический контекст. Но сама эта проблема существовала и в мировом контексте, потому что с этого момента, с конца прошлого века начинается тотальная критика просветительского проекта. Это был русский вариант критики Просвещения.

Были и другие варианты — начиная с Ницше, с философии жизни и прочее. Но критика интеллигенции — это критика просветительской идеологии, как она была представлена в России. Русский интеллигент — это русский западник (я иначе не могу это определить), это русский европеец, человек как бы одних корней — этнических, религиозных, языковых — с народом, а по своему сознанию — западник. И в этом смысле русская интеллигенция — я бы не стал расширять это понятие и охватывать им всех людей, которые занимались наукой, искусством и прочее, — это носители в России того проекта Модерна, как его сейчас называют, который так или иначе должен был быть каким-то образом реализован и здесь. Другое дело, что потом внутри интеллигенции возник раскол, который и на Западе был, — между либералами и социалистами. У нас победил не либеральный, а социалистический вариант этого западничества. Победили-то интеллигенты, которые поддержали большевизм. Бердяев честно писал, что русская революция — это результат существования спора внутри интеллигенции. Интеллигенты — творцы русской революции, никакой не народ. Точно так же и антибольшевизм, антикоммунизм, антисоциализм — это тоже результат победы другого крыла русской интеллигенции, тоже западнически ориентированной. В этом смысле мы наблюдаем торжество дела интеллигенции в России, которое, однако, оборачивается и поражением ее самой, и какой-то трагедией.

В чем тут дело? В чем была уродливость просветительской программы, как она реализовывалась в России? Ведь из Просвещения вышли и либерализм, и социализм. Социалисты и либералы — одного корня. Кстати, Ленин был последним просветителем, и недаром он так любил Просвещение. Большевики не социализм строили, они тоже реализовывали по-своему просветительский проект. Но интеллигенция здесь не могла выполнить одну очень важную задачу, которую она выполнила реально в европейской истории. Интеллигенция есть носитель не вообще культуры, а особого типа культуры — культуры, которая

существует в письменной традиции, в отличие от культуры, которая существует в устной традиции, в этническом плане. Как только происходит разрыв между грамотным и неграмотным, в аграрном обществе возникает зародыш того, что станет интеллигенцией на Западе. Интеллигенция на Западе хотела сделать письменную традицию традицией всего общества и стала носителем письменной культуры. Главный продукт интеллигенции на Западе — они превратили народ в нацию — гражданскую, политическую, они сумели превратить народ в некоторое культурное и политическое единство, сумели соединить задачу культурного объединения людей с созданием потом национального государства. Вот что должна была делать интеллигенция. Когда она совмещает в себе эти две функции, она становится носителем единства культурного и политического, и тем самым выполняет свою историческую роль.

У нас же получилось иное. Мы до сих пор еще не поняли, что такое Просвещение, что общего между Просвещением и Реформацией. Даже сам просветительский проект у нас превратился в нечто прямо противоположное. Реформация, как известно, превратила любого мирянина в священника, она сделала отношение к Богу личным, сказала: между тобой и Богом нет посредника. Так Просвещение превратило каждого человека в политика. Оно сказало: государство — это твое дело, твое личное дело, это не дело каких-то правителей. И ты за него в ответе — вместе со всеми, конечно. Но приходит наш интеллигент и говорит: быть гражданином — это значит плевать на государство. Быть гражданином — это не взять на себя за него ответственность, а сказать: а пошло оно, куда подальше, это государство, это не мое дело. Это было первое извращение. Против этого, собственно, в какой-то степени эти люди тоже выступали. Простой пример. Большой наш патриот Никита Михалков выступает по телевидению и говорит в конце XX века: вообще-то власть от Бога. Но если власть от Бога, то чего мы стараемся?

Трагедия русской интеллигенции заключалась в том, на мой взгляд, что она поставила политику выше культуры, она как бы обозначила приоритет. В конечном счете у интеллигенции было две задачи: культурная задача была нормальная — просвещать, а политическая — освободить. И эти две задачи сначала как-то совмещались — идея просвещения и идея освобождения сливались. А потом идея освобождения победила идею просвещения. Вот это и зафиксировали, на мой взгляд, «Вехи». И получилось

так, что политические цели оказались важнее культурных. Кстати, партийное искусство — это же не Ленин придумал. Это придумала русская интеллигенция. О партиях в культуре заговорили задолго до этого. Это не Маркс придумал. Это придумала русская интеллигенция, которая впервые сказала, что вся культура должна быть подчинена целям и интересам политики. Это и было ее первое поражение. Политика в конечном счете обернулась антигосударственностью. И второе, когда она не поняла, что ее задача — не освободить народ, а превратить народ в нацию, то есть не в этническую общность, а культурно-политическую.

Когда мы говорим «многонациональное государство», мы говорим нечто несусветное, несуразное. Многонациональное государство существовать не может, у государства не может быть много национальностей. Многонациональным может быть состав населения, а государство должно быть мононациональным. Поэтому правильно «Вехи» обвинили в антигосударственности и в антинационализме. Почему либерализм проигрывал на русской почве? Он сразу становился антигосударственным и антинациональным. И ничего с этим сделать нельзя. Трагедия нашей истории заключается в том, что русская интеллигенция, будучи явлением заимствованным, не выполнила ту историческую функцию, которую выполнила интеллигенция в истории европейских стран. И пока мы не изживем эту беду в нашем представлении об интеллигенции, ничего хорошего ждать не приходится. Я совсем не призываю к тому, что надо противопоставить интеллигентскому сознанию возврат к каким-то традициям или исконным основам. Я хочу сказать, что интеллигенция никогда не решит здесь эту проблему, пока она не совместится с просветительским проектом, и просвещение не станет реальностью для большинства. Вот в чем трагедия интеллигенции. Пока мы не поймем, что это за проект в действительности. И в этом смысле я боюсь — у меня вывод пессимистический, — я боюсь, что мы обречены на то, что для нас «Вехи» будут очень важным культурным символом долгое время, но ни в коем случае не руководством к действию. Примирить идеологию «Вех» с тем, что сегодня происходит, я, признаюсь, не знаю как. В этом смысле «Вехи» обречены на поражение. Обречены. И в этом трагедия, и в этом какая-то неизбежность.

У меня будет что-то вроде серии намеков, которые, может быть, окажутся полезными для того, чтобы понять суть этой проблемы, и эти самые намеки, во-первых, будут не очень систематизированы, а во-вторых, они относятся скорее к области метафизики.

Совсем недавно в одном из своих выступлений Парамонов по «Свободе» сказал, что настоящее место для постмодерна — это теперешняя Россия. Вот это шизофреническое, расколотое сознание и таким же точно образом организованная реальность. Я думаю, здесь два момента истинные. Первое. Постмодерн, наверное, все-таки возник не в России, а может быть, и в России, если попытаться в этом разобраться. А другое: вот такие мы — русские, в смысле некой национальной традиции и т.д. Или во всей мировой культуре сейчас происходит нечто похожее, но в разных ее регионах это выглядит по-разному, и мы оказались в таком участке современной мировой цивилизации, где эти процессы стали проходить более интенсивно, и в культуре сейчас происходит нечто похожее, но в разных ее регионах это выглядит по-разному, и мы оказались в таком участке современного спада сознания, его деструкции: исчезает авторство, исчезает автор, исчезает текст, появляется сеть. Хороший ее образ — Интернет. Рационализм стал жертвой процесса технической цивилизации, так как прогресс в области науки и техники одновременно был процессом увеличения свободного времени, процессом увеличения зоны свободы. Человек, вооруженный средствами современной техники, может почти все что угодно. Причем коль скоро образуется нечто вроде сети, то не человечество может все что угодно, а отдельный человек, поскольку он каким-то образом причастен к этому целому. Вначале, создавая то, что называется искусственной реальностью, человек воздвигал нечто вроде крепости внутри хаотической природы. Вот крепкие стены, что там, за этими стенами, происходит, мы от этого более или менее отгорожены. У нас всегда температура достаточно комфортабельная и т.д. Но по мере того, как увеличивались технические возможности человечества, мы не только природу приводили в состояние неустойчивости, но и свою собственную искусственную систему тоже приводили в состояние неустойчивости. То есть мы все меньше и меньше выходили из-под власти того, что можно, наверное, обозначить как объек-

тивную реальность, диктующую границы допустимого. Стало почти все возможно. Сначала в какой-то отдельной области, а потом и за пределами этой отдельной области.

Раньше рационализм, который каким-то образом обеспечивал существование человеку как виду и отдельным человеческим популяциям, все-таки задавался некоторыми внешними условиями, то есть устройством самой природы, тем, что человек был в состоянии этой природе противопоставить. Скажем, понятно, что из камня или прочного дерева можно сделать более прочный дом, чем лубяную избушку, согласно известной сказочке и т.д. Но потом оказалось, что фактически человек живет целиком в искусственном мире, и место природной реальности заняла реальность квазиприродная. Наверное, достаточно хорошо понятно, что одной из самых противоестественных, одной из самых искусственных вещей в современном мире является заповедник. Для того, чтобы он существовал в теперешних условиях, нужны специальные научно-технические средства, чтобы поддерживать его в этом состоянии. Исчезла граница между искусственным и естественным. Причем — в пользу искусственного! То же самое, по-моему, происходило и в области общества, и на место этого стандартного рационализма — структурной организации, которая в конечном счете как-то задавалась граничными условиями внешнего бытия, появилась куча разных рационализмов, — я не буду здесь всю линейку своих рассуждений выстраивать — появились различные формы организации человеческого бытия, которые вовсе не были отражением этой природной организации. То есть, повторяю, рационализм, который задается какими-то природными условиями, в которых человек, если он хочет выжить, может существовать, если он каким-то образом адаптируется к этим условиям. Такую структуру может задавать традиция или какая-то административная организация, или правовая система, наконец, может задавать цель, которую ставит перед собой общество, идеология — религиозная, философская и прочая. И такую структуру может задавать наука, которая начинает выполнять роль идеологии, мировоззрения и т.д. И появляются две рациональности: одна — это самоподдерживающаяся социальная человеческая система, рациональность культуры, и другая рациональность, от которой мало-помалу уходит эта человеческая рациональность, — это изначальная рациональность природы, так называемые объективные законы, как бы они ни описывались и т.д.

Природа свободы состояла в освобождении от этой самой природной необходимости, от всяких внешних или овнешненных необходимостей. Если говорить о том, что происходит сейчас, я бы задал — для себя во всяком случае — такой вопрос: пока организм живой — какой угодно: социальный и прочее — там есть какие-то пределы, за которыми начинается разрушение. Когда же организации уже нет и мы имеем дело с чем-то, что распадается, хотя и остаются какие-то остатки прежней организации, но прогрессирует этот самый процесс распада. Так вот, не привело ли техническое развитие всей мировой цивилизации к такому уровню существования того, что называется человеческой культурой, что она стала настолько неустойчивой, что чуть ли не везде существует угроза конца, то есть перехода от организации к распаду. И тогда, оказывается, нужно применять какие-то страшно жесткие меры для того, чтобы эта организация сохранилась. Нужно поддерживать тонус рациональности, нужно поддерживать науку, которая продуцирует технологии, которые спасают нас от разрушительного действия того, что мы сами же произвели, и т.д. Но, с другой стороны, в повседневной своей жизни мы стали куда более свободными. Поэтому ощущение необходимости в такого рода постоянном поддержании тонуса рациональности не существует. И там, где его не существует, там незаметно границу переходят, и начинается распад.

Короче, с моей точки зрения, это предраспадное состояние — характеристика состояния всей земной культуры. Когда-то мне казалось чисто теоретической задачей обсуждение вопроса, почему мы никак не найдем во Вселенной, несмотря на все наши технические поиски, каких-то других цивилизаций, хотя мы были уверены, что существует множество населенных миров. Тогда я столкнулся с работами, в которых даны (правда, мне казалось, что они высосаны из пальца) некие рассуждения относительно того, отчего гибнут цивилизации. Атомная война — гибель цивилизации, вот не успели развиться до такой степени, что дождалось — Солнце погасло или вспыхнуло сверхновое, и тоже цивилизация гибнет. Там, среди прочего, есть усталость от существования. Тоже причина гибели цивилизации. Сейчас, мне кажется, мы приходим к тому, что как-то более ощутимо понимаем суть этой проблемы. Цивилизация может погибнуть от своих собственных продуктов без всякой ядерной войны и т.д.

В.И.Толстых

А причем тут интеллигенция?

А.Ф.Зотов

При том, при том. Но еще один метафизический вопрос. Могут существовать разные формы рациональной организации живого организма. Например, может быть некая рациональная организация у паразита, у паразитического червя. Может быть некая другая рациональная организация у гриба, который живет на гнили, и т.д. Какая-то третья форма организации существует у хищника и т.д. Существует множество разных форм организации. Если говорить об интеллигенции, то вот эта самая интеллигенция в условиях развития человеческой культуры может играть двоякую роль. Одна роль – провоцирование мутаций, когда изменяются некие внешние условия существования, и интеллигенция разрушает сложившуюся структуру, сложившуюся рациональность, потому что эта рациональность может быть уже неадекватной новым, изменившимся условиям. Так осуществляется то, что называется социальным прогрессом.

В.И.Толстых

С этим русская интеллигенция, по-моему, справляется прекрасно.

А.Ф.Зотов

Но есть и вторая компонента – то, что можно называть поисковым или прикладным рационализмом интеллигентского поиска, так сказать, искать или создавать какие-то проекты выхода за пределы уже исчерпавшей себя культуры в какую-то другую форму культуры. Такого рода выход, мне кажется, возможен только тогда, когда интеллигенция перестает быть фактором расшатывающим, она становится фактором конструирования. Мне кажется, что до сих пор дело происходило так, что наша интеллигенция почти никогда не становилась фактором конструирования. Возникает вопрос: а почему? А может быть, потому, что мы никогда или почти никогда в России, несмотря на все попытки

самостоятельного существования, не существовали как нечто самостоятельное. У нас был какой-то противник, и тогда соответственно создавалась некая система, которая могла этому противнику противостоять.

Было бы интересно посмотреть, а что бы было в России, если бы у нее не было никаких противников. Тогда бы она создавала, придумывала себе противников – внешних, внутренних, какую-то внешнюю цель и т.д., и сама могла становиться военной организацией, политической организацией, идеологической организацией. Но мне кажется, это, может быть, и годилось для такого периода развития культуры, когда еще не было целостной культуры и можно было существовать в оппозиции чему-то другому. Мне кажется, что этому сейчас приходит конец.

В самом деле, если сейчас, не дай Бог, разразится что-то вроде начала третьей мировой, может быть, это окажется некоторым средством сплочения нашей страны, нашего народа и т.д. У нас появится враг. Но мне бы очень этого не хотелось. Выход я вижу в осознании того, что мы живем в эпоху, когда национальные формы организации и какие-то очень обширные формы организации культуры вообще должны уйти в прошлое. Может быть, должны сохраниться университеты, связи между ними, может быть, должны возникать и организовываться связи экономические, производственные, экологические и т.д. Зародышей возрождения цивилизации, пожалуй, не меньше, чем зародышей ее разрушения, но сможем ли мы этим воспользоваться, я не знаю.

В. Н. Шевченко

Валентин Иванович призвал выступающих не уходить от темы нашего заседания: от интеллигенции, от обсуждения той роли, которую она сыграла в жизни российского общества в прошлом и которую она играет сегодня. Уместно вспомнить, как однажды здесь на заседании клуба много лет назад, когда мы обсуждали проблемы интеллигенции, Юрий Мефодьевич Бородай встал и заявил: ухожу, ибо все, что я хотел сказать про интеллигенцию как публичную совесть, выступавшие до меня уже сказали. На сегодняшнем заседании клуба все складывается совсем по-другому. Про эту публичную совесть вспоминали мало и, позволю заметить, не очень охотно.

Что случилось? Почему так резко изменилось отношение к интеллигенции в последние несколько лет, особенно среди тех, кто причисляет себя к ней самой? Ситуация сложилась просто парадоксальная. Оказывается, интеллигенция умирает, если уже не умерла, страна должна проститься со своей интеллигенцией, отдает ей последние почести, вроде сегодняшних, прозвучавших во многих выступлениях. Практически в каждой печатной статье, исключения единичны, доказывается скорое и неизбежное наступление такого летального исхода. Доводы звучат вроде убедительные. Страна в такой тяжелейшей ситуации. А интеллигенции нечего сказать. Ее ругают все кому не лень. А некоторые именитые мужи отрешиваются от слова интеллигент, как черт от ладана.

Особенно любят предаваться упоительному уничтожению авторы, не чуждые, как мне кажется, некоторых интеллигентских настроений. Наиболее ярко выразил это состояние Н.Покровский в статье «Прощай интеллигенция» («Независимая газета». 10 апреля 1997), который дал описание русской дореволюционной интеллигенции в предельно мрачных красках — чрезвычайное гипертрофирование духовно-нравственного аспекта в сравнении с материальным началом жизни, полная духовная несдержанность в смысле бескорыстного служения абстрактной идее, жизнь в ожидании радикальных перемен, обоснование необходимости их наступления любой ценой. Покровский считает, что именно интеллигенция привела бюрократически-тоталитарный режим к власти в Советской России, который, едва укрепившись, превратил интеллигенцию в своего первейшего социального противника. И если советский режим сохранил социальные условия существования интеллигенции на совершенно иных основаниях (как средство тотальной трансформации сознания человека), то в новой исторической ситуации для интеллигенции и ее идеалов просто нет места. «Экономический человек», доросший до тотально-хамского состояния, просто «употребил» интеллигенцию, и все тут. Интеллигенция уходит. Это печально и трагично, заключает Н.Покровский.

Другой автор, В.Кувалдин соглашается с Н.Покровским в том, что сегодня в России интеллигенция агонизирует. Она утратила статус, материальный достаток, привычный образ жизни, сознание своей значимости. Одним словом, реликт ушедшей эпохи, живой труп («Независимая газета». 14 июня 1997). На вопрос о том, жива ли русская интеллигенция, не дал ответа

даже учредительный съезд интеллигенции РФ, состоявшийся в декабре 1997 г. Прошло полтора года, и конгресс, который постановил считать некоторую часть интеллигенции еще живой, сам отправился в историческое небытие.

Странно как-то получается. В сегодняшнем предмете нашего обсуждения — сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи» — постоянно говорится о великой растерянности и кризисе интеллигенции после поражения революции 1905 г., об идейном крахе леворадикальной интеллигенции, о нравственном переломе в душе интеллигента в связи с тем, что тирания политики кончилась и т.д. После революции 1917 г. интеллигенции опять не повезло. Большевики действительно разговаривали с ней с позиций силы. И поделом ей, ибо она, по словам В.Керженцева, партийного деятеля той эпохи, «всегда страдала позорным разгильдяйством, жалкой бесхарактерностью, элементарным неумением работать. И притом она всегда отличалась чрезмерным самолюбием, самовлюбленностью». Конечно, суть дела была здесь не в отрицательных якобы характеристиках интеллигенции, а в другом — в фактической отмене или запрете института публичной совести новой властью. Но не об этом сейчас речь.

Теперь интеллигенция вновь агонизирует. Странная история болезни, длящаяся целый век, когда больной все это время пребывает на грани жизни и смерти. Так вот, к сведению большой и представительной комиссии по похоронам интеллигенции: на грани жизни и смерти весь XX век балансирует Российская империя — Советский Союз — а ныне его осколок — Российская Федерация. Было бы нелепо предполагать, что в стране, пережившей две национальные катастрофы за одно столетие, с интеллигенцией будет все в порядке. Да, во всех бедах и потрясениях, постигших Россию в XX веке, виновата и интеллигенция — в какой-то мере и в каком-то определенном смысле. Но понять эту меру и этот смысл можно только после обнаружения главного виновника этих бед и потрясений. Конечно, просто и удобно считать виновником интеллигенцию. Но не она здесь главный виновник. Решающее воздействие на ход исторического процесса оказывает вовсе не интеллигенция. Хотя она и участвует в этом процессе. Напротив, общественная роль интеллигенции до сих пор всегда была в общем предуготована ей историей, и сегодня, впрочем, тоже. И это суждение весьма трудно опровергнуть. Она могла сыграть свою роль лучше или хуже, но она играла ту роль, которая была ей предписана.

Только не будем забывать, о чем на Клубе уже много раз говорилось, что интеллигенция – это не профессия, что преподавателя вуза, ученого-астрофизика, филолога-латиниста и даже писателя нельзя автоматически включать в состав интеллигенции. Интеллигент – это любой человек, но обычно из образованных кругов, который дает публичную оценку происходящим в стране событиям. Девиз интеллигента: не могу молчать. Поэтому образованного человека, ушедшего во власть, нельзя причислять к лику интеллигентов, он начинает действовать там по другим законам, поскольку должен проводить в жизнь определенную политику. Так что всякие сетования по поводу успехов или неудач сегодняшних так называемых интеллигентов-реформаторов мне кажутся совершенно неуместными.

Теперь давайте поместим веховские оценки интеллигенции в исторический контекст. И тогда нужно говорить о том, какой была Россия накануне XX века по сравнению с Европой. А была она безнадежно отставшей от Европы. Главный тормоз всех перемен – государство. Сколько бы ни обвиняли левую интеллигенцию в антигосударственной направленности ее мыслей, но свой главный удар она направляла против российской бюрократии и самодержавной власти, защищавших до самого конца интересы помещиков и дворян и препятствовавших скольконибудь серьезным переменам в государственном строе, в политической системе общества. Или это не так?

В.И.Толстых

А в дальнейшем кто был тормозом перемен – политбюро, администрация президента...

В.Н.Шевченко

Да, примерно так, но не подводите меня под статью. И процессы, которые шли в России в начале XX века, с поразительной точностью воспроизводятся в стране сегодня, если иметь в виду, конечно, нынешнюю, еще одну попытку превращения России в капиталистическое общество. Один к одному. Стало быть и судьба интеллигенции оказалась весьма схожей в 80-е – начале 90-х гг.: сначала леворадикальная и праворадикальная критика советского режима, затем состояние эйфории победы у

радикальных демократов и осознание поражения теми, кто сохранил верность идеалам социализма, и, наконец, в конце 90-х гг. можно с уверенностью говорить о поражении всей интеллигенции — и левой, и правой — после многих лет надежд и ожиданий. Можно ли выскочить из этого заколдованного круга, и если можно, то каким образом и какой ценой?

Валентина Гавриловна Федотова в своем выступлении лишь упомянула о люмпенизации населения по мере углубления капиталистических реформ в стране и тогда, и сейчас. Можно продолжить эту мысль и сказать о появлении в начале XX века босячества как массового явления в стране. Сколько было босяков, другими словами, люмпенов в России? Миллионы людей, прежде всего из крестьянства, оказались выбитыми из нормальной жизни. Им нет места ни в городе, ни в деревне. В обществе растет социальная напряженность в огромных масштабах. Вот если бы у государства была тогда умная голова, то оно, конечно, не допустило бы, чтобы проводимые реформы вызывали такое массовое обнищание народа, как это было в России в первые десятилетия XX века и как это имеет место сейчас.

Что же прикажете делать интеллигенции, т.е. публичной совести общества, в такой ситуации? Будет ли ее долгом резкая и беспощадная критика государства, или она должна будет вести себя предельно смирно и смертельно бояться социального взрыва. Вот в чем вопрос, говоря словами шекспировского героя. Ответ на вопрос был бы предельно ясен, если бы не одно обстоятельство. Государство на Западе действительно было и есть надстройка над экономическим базисом, оно не всемогуще, и противовесом ему выступает гражданское общество. В России все по-другому. Государство выступает в виде единственной силы, организующей всю общественную жизнь. Здесь уже вспоминали американского советолога Р.Пайпса, который, на мой взгляд, правильно пишет о России начала XX века как о стране, двигавшейся скорее по пути превращения ее в полицейское государство, чем в демократическое. Принципы тоталитарной системы, о которой говорят, что ее создали большевики, на самом деле, пишет Р.Пайпс в книге «Россия при старом режиме», закладывалась уже в период ускоренного, форсированного развития России по капиталистическому пути.

Можно ли было тогда найти не очень болезненный выход из сложившейся ситуации? В Европе можно было, если очень бы захотели левые, сломать тогда буржуазное государство. Од-

нако такие действия не в состоянии были разрушить все общественные структуры. А в России? Чего только не сказано про русскую революцию 1917 г., бессмысленную и беспощадную, приведшую к полному распаду государственного и общественного строя в стране. Но она явилась в конечном счете следствием бездарной политики, которая проводилась самодержавной, абсолютной властью, всем правящим дворянско-помещичьим классом. Умные реформаторы как-то неожиданно отстранялись от власти. Может быть, это была мудрость или заговор, но так оно было. Вспомним, как П. Струве говорил о роковой внутренней связи между пороками русской общественности и пороками русской государственности. Всякая критика, по его мнению, обращенная в одну сторону, неизбежно оказывается недостаточной и односторонней. Главным виновником создания этих пороков и круговой поруки между ними явилось государство. Прежде всего имперская государственная власть оказалась порочной, поскольку оказалась не способной вывести страну из нищеты и отсталости.

Историческое возмездие рано или поздно наказывает тех, кто не может правильно ответить на вызов истории. Историческое возмездие в виде революции обычно принимает разные формы, более гуманные или менее гуманные, на что в значительной мере может повлиять интеллигенция. Но уж если правящая власть довела страну до революции, то у революции есть свои законы, своя логика. Это нужно понимать, когда кто-то пытается оценивать действия и конкретные поступки народа, совершающего ее, в том числе и трогательную для всех нас ситуацию, когда человек с ружьем приходит к интеллигенту и говорит ему: ты с кем?

Вот чего больше всего боятся люди гуманитарных профессий, значительная часть деятелей культуры и искусства, которым очень нравится развлекать «новых русских» за хорошие деньги и трактовать свободу как вседозволенность. Другая часть гуманитариев — победнее — устроилась на две-три-четыре работы, кричит от непривычки, но в целом довольна, живет не хуже, а порою лучше, чем при советской власти. И тех, и вторых особенно не волнует сегодняшняя фантастическая и беспросветная бедность и нищета основной массы простого трудового народа России. Мне кажется, мы очень плохо представляем себе, как сегодня считают копейки в обычных рабочих семьях. Нигде в сколько-нибудь развитых странах мира нет такого разрыва между богатыми и бедными, как в современной России. Так давайте

мы хоть поставим и обсудим как следует проблему, как она уже слышится в веховских текстах. Что лучше: или пусть будет бездарная власть, которая не в состоянии вывести страну из глубокого кризиса, но интеллигенция не будет слишком давить на нее, а тем более выступать против, потому что вдруг все потихоньку образуется. Надо же понимать, что в противном случае наверняка рухнет властная постройка, пусть и совсем неработающая, и не поздоровится гуманитариям, жившим безбедно и занимавшимся оправданием, прямым или косвенным, всего происходившего со страной в 90-е годы. Или все-таки постоянно ставить вопрос о необходимости смены власти и прихода к ней новых политических сил, которые имели бы программу вывода страны из кризиса и обладали мощной политической волей для этого. В общем, нехорош и тот путь, и этот, одним словом, антиномия. Но выбирать приходится. Веховцы сделали тогда, в начале века, определенный выбор, и я не могу сказать, что они сделали правильный выбор.

А что сегодня? Когда говорят со слезой о прощании с интеллигенцией, то имеют в виду прежде всего прощание с левой, а тем более с леворадикальной интеллигенцией. Хватит, мол, критиковать власть за ошибки, не было бы этих ошибок, были бы другие. Надо каждому из нас научиться жить самостоятельно. Надеяться на самого себя и давать также жить другим. Каждый отвечает за себя, а публичная совесть перестает обладать доказательной силой. Это все в прошлом. В рационально организованном обществе, к которому все мы должны стремиться, теряют смысл всякие обращения к абстрактным идеалам добра и справедливости. Трудно возразить на эти отвлеченные рассуждения интеллигента западных ориентаций, они правильны сами по себе, но они, на мой взгляд, не для сегодняшнего российского общества, которое раздирается острейшими противоречиями.

Никто не знает, что будет со страной через день, месяц, а тем более через год. Возможно, народ страны в обозримом будущем не выберется из нищеты и бесправия и будет тихо вымирать. А может быть, в один прекрасный момент придет к нам, гуманитариям-интеллигентам, человек с ружьем и скажет: вот вы тут все эти годы вели ученые разговоры, некоторые из вас народ жалели, а другие только и делали, что бранили его. Теперь вы вновь должны сделать выбор: вы с нами или против нас?

Он без ружья придет. Ружья-то все здесь.

В.Н.Шевченко

Самая большая угроза национальной безопасности России заключается сегодня в массовой люмпенизации населения страны, в том числе и определенной части лиц гуманитарных профессий. Власть фактически отвернулась от своего народа, основной массы простого, трудового народа — выживайте как хотите. Но тогда не надо негодовать по поводу того, что, мол, опять левая интеллигенция настроена против власти. Как и многие из вас, я тоже веду занятия со студентами в вузах и могу сказать, что значительная часть студентов разделяет, увы!, идеи и лозунги не либерализма или социализма, т.е. левых или правых, а идеи и лозунги русского национализма. Что привлекает их — это призывы к созданию сильной государственной власти, которая могла бы дать им бесплатное высшее образование, приличную стипендию, могла бы защитить интересы простого человека труда, отстоять национальные интересы России и не дать ей превратиться в колонию Запада. Не мифические права человека их интересуют в первую очередь, а удовлетворение витальных, жизненно важных потребностей, без чего всякие высокопарные рассуждения о правах человека превращаются в пустой разговор. Я говорю о тех настроениях, которые широко распространены среди основной массы студентов, а не о студентах из дорогих коммерческих вузов.

Мне кажется, что значительная часть сегодняшних гуманитариев-интеллигентов полна иллюзий относительно ближайших перспектив развития России. Ей кажется, что скоро все так или иначе образуется, страна выберется из той бездны, на дне которой она находится. Поэтому давайте будем сегодня смиренными, давайте перестанем во всем винить внешние силы, возложим на себя ответственность, давайте скажем, что мы сможем освободиться от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, давайте, одним словом, заниматься нравственным совершенствованием, а не устройством государственной власти, к чему и призывали «Вежи» 90 лет назад.

Я не хотел бы, чтобы меня неправильно поняли. Я вовсе не сторонник бунтарских взглядов. Но есть простая истина, о которой мы здесь часто забываем. Нельзя определить вину интеллигенции за кризис в стране, за революцию, если мы отказываемся рассматривать, кто и как создает кризисную, а тем более революционную ситуацию. Смешно утверждать, что ее создает интеллигенция. На исторической арене сражаются мощные политические партии и движения, которые имеют поддержку со стороны тех или иных социальных сил. Поэтому интеллигенция никогда не бывает единой, ее представители располагаются по обе стороны баррикад, и они всегда играли и продолжают играть второстепенные роли в тех пьесах, которые пишет им российская история. Одним словом, левым и правым интеллигентам нечего делить между собой. Они должны не бояться и свободно выражать свое мнение. Публичная совесть не может состоять только из левых оценок или правых. Общество опасно больно, если из общественного мнения изгоняются различные точки зрения, кроме официально признанных, или когда все, что отклоняется от официальной линии, подвергается публичному и целенаправленному осмеянию. Поэтому в слезном спектакле о прощании с интеллигенцией я вижу вполне определенный идейный смысл, а именно попытку объявить всякие левые поползновения интеллигенции устаревшими, вышедшими из моды, ностальгическими, а потому и не заслуживающими внимания. И все же интеллигенция не умерла и не собирается, кажется, умирать, по крайней мере до тех пор, пока российское общество не сможет разрешить тем или иным образом тот глубочайший кризис, в котором находится страна и который угрожает ей полным распадом и уходом в историческое небытие.

Удивительно другое. Сегодня и левые, и правые интеллигенты бьют тревогу — одни по поводу чудовишной социальной несправедливости, царящей в обществе, другие — в связи с утратой демократической перспективы. Однако нынешняя власть довольно благосклонно относится к критике справа и особенно не любит публичную критику с левых позиций. А когда эту критику не слушают и не слышат, когда ее замалчивают и вытесняют из средств массовой информации, тогда и создается впечатление, что интеллигенция находится при смерти. Впрочем, я не хочу сказать этим, что если кто-то считает себя публичной совестью, то он во всем прав. Но это уже тема отдельного разговора.

В заключение хочу сказать, что я внимательно прослушал всех выступавших и насчитал семь «смиранных» авторов. Если бы у меня был какой-нибудь меценат, я бы сказал так: глубоко-уважаемая семерка, тут нашлись деньги. Давайте напишите новые «Вехи», вы идеально подходите на роль коллективного автора таких «Вех».

О.М.Здравомыслова

Предыдущий оратор, Владимир Николаевич Шевченко, упомянул молодых людей «как проблему» — и я хотела бы говорить именно об этой проблеме в связи с интеллигенцией.

Но вначале я вернусь к одному тезису, который кажется мне не совсем ясным. В.Н.Шевченко сказал, что у интеллигенции была судьба, и что роль ее была predetermined — та роль, которую она и сыграла в конце концов в российской истории. Тогда не совсем понятно, откуда появилась тема вины интеллигенции, которой пронизана вся книга «Вехи»? Ведь следование судьбе, року снимает чувство личной ответственности, поскольку все predetermined. Но хорошо известно, что чувство вины (перед историей, народом, властью, самим собой за сделанное и не сделанное) — лейтмотив истории интеллигенции, без этого чувства она не мыслит и не существует. И это говорит о том, что в действительности не было фатальной predeterminedности, что у интеллигенции всегда был выбор, она делала его сознательно и потом за него расплачивалась. Более того, чувство вины — единственное, что связывает дореволюционную интеллигенцию с последующей, советской, интеллигенцией. Потому что все остальное — все те связи, которые мы пытались установить на протяжении всех последних лет — это миф, а та интеллигенция, которая описана в «Вехах», и те авторы, которые писали «Вехи», — это все «унесенные ветром». Возможно, то немногое, что было унаследовано — стремление постоянно анализировать себя, постоянно каяться. Под знаком покаяния прошел тот короткий период в истории интеллигенции, который называют Перестройкой. Но в 90-е годы — в новых поколениях интеллигенции — оно, кажется, тоже уходит. Во всяком случае, поколение 90-х, с представителями которого я и мои коллеги-социологи провели множество интервью, формирует другие ценностные приоритеты.

Хорошо это или плохо — но в этом смысле мы столкнулись с ситуацией, которой, кажется, нет аналога в истории российской интеллигенции. То новое, что появилось сейчас — это новое отношение российской интеллигенции к Западу. Оно формируется прежде всего в среде молодых людей (20-30 летних), которые по своему социальному положению принадлежат к интеллигенции, то есть получают высшее образование в престижных университетах и активно осваивают современные профессии. Раньше Запад был для них мифом, теперь он стал реальностью. Более того, он стал той реальностью, в которую можно «переместиться» — и это совершенно новая ситуация. Вся российская интеллигенция, и прежде всего советская, воспитана на мифе о Западе — новые русские интеллигенты начинают осваивать реальную жизнь западного общества. Но нельзя забывать, что по своему происхождению эти молодые люди — уже не столько продолжатели традиций классической российской интеллигенции, сколько «дети» брежневского времени. И провозглашаемые индивидуалистические ценности причудливо сплетаются в их сознании с «неотрадиционными» ценностями эпохи застоя.

В начале 90-х годов, проводя социологический опрос в Московском университете и еще нескольких московских вузах, мы обнаружили, что в отличие от интеллигентов старших поколений молодые люди оказались исключительными «реалистами». Их главной проблемой было: как совместить собственную стратегию достижения успеха с аморализмом социальных ожиданий, которые они уже восприняли. В анкете мы предложили респондентам два набора ценностей, которые сопутствуют успеху в нынешнем обществе. Один «работа-деньги-успех-власть» — вариант грабительского капитализма. Второй «работа-совесть-деньги-признание» — веберовский «протестантский» вариант капитализма, фундаментом которого являются профессионализм и честность. Оказалось, что честность в наборе «ценностей успеха» занимает одно из последних мест. Но не потому, что сами молодые люди готовы каждый момент бессовестно лгать, а потому, что они были уверены, что для того, чтобы добиться успеха в обществе, быть честным совсем необязательно, а часто просто нежелательно.

В результате обнаружили три наиболее распространенных способа рационализации своего поведения в обществе, доступные современным молодым интеллигентам. Первый — «лучше

думать об обществе», оставаясь идеалистом и на многое закрывая глаза. Второй — «хуже думать о самом себе» — то есть постоянно идти на моральные компромиссы и действовать достаточно цинично. Третий вариант — уехать в «нормальный капитализм», то есть эмигрировать.

Тогда, в начале 90-х годов, примерно 35 процентов студентов полагали, что они смогут реализовать себя в России. Именно они относились к группе, которая считала, что надо «лучше думать об обществе». Отвечая на вопрос, какие чувства они испытывают, думая о России, эти молодые люди называли чувства гордости и радости. В то же время примерно треть опрошенных студентов при упоминании слова «Россия» испытывали чувство глубокой печали. Любопытно, что именно «оптимисты» оказались поклонниками либеральных ценностей и атеистами. «Пессимисты», напротив, были верующими и считали, что религия — это то, что может цементировать российское общество и стать своеобразной «заменой» идеологии.

Тот же опрос мы в общих чертах повторили в прошлом году среди студентов двух московских вузов. Оказалось, что число «пессимистов» несколько увеличилось, а большинство «оптимистов» предполагают, что будут тем не менее вынуждены уехать, по меньшей мере, учиться на Запад, а скорее всего будут искать там работу, чтобы остаться надолго или навсегда. Можно предположить, что те, кто думают о России «с печалью», составляют большинство среди молодых интеллигентов. Большинство их тем не менее предполагают жить и работать на родине, но сомневаются в своих возможностях достичь социального успеха как на Западе, где «все чужое» и «их не примут», так и в России, где успешный человек, по их мнению, должен постоянно нарушать нормы нравственности.

Но есть еще одна тенденция, на которую я хотела бы обратить внимание в заключение: из тех, кто передвигается в, как они говорят, «нормальный капитализм», все больше тех, кто по разным причинам не может закрепиться на Западе и возвращается в Россию. Их уже довольно много среди образованной молодежи. Возникают очевидные вопросы: как эти молодые интеллигентные люди будут адаптироваться в России, как они будут взаимодействовать с другими группами молодежи. Я думаю, что здесь кроются проблемы, которые будут актуальны для нашего общества в самые ближайшие годы.

Хочу сказать, что не произнесено слово, которое бы подняло все наши последние дискуссии на высокий теоретический уровень. Это слово «традиционное общество». Я целиком согласен со всем, что говорил Вадим Межуев, но, к сожалению, это Британскую империю можно было построить на идее национализма, наполеоновскую империю, даже империи всяких Вильгельмов, но ко времени выхода «Вех» традиционное общество распалось. И в этом интеллигенция не виновата. Это исторический процесс. И по поводу любви интеллигенции к самокритике: не вся интеллигенция делала танки. Куда у нас делись все богатства? Посмотрите на русскую деревню, как она живет? Это тоже реальный процесс. В «Вехах» это вовремя было зафиксировано. Вспомним Горького, который написал «Челкаша»: увлечение нищезанятием — это тяжелейшие симптомы распада традиционного общества. И никуда от этого уйти нельзя. И весь большевизм — это какое-то очень утонченное нищезанятие. Это не просто несчастное сознание и не только отношение раба и господина, которое Гегель в начале прошлого века вывел. Это сейчас исследовано достаточно подробно.

Что можно посоветовать в этой ситуации? Я знаю ребят, которые в институте Келдыша работали программистами, они зарабатывают деньги в Англии, а возвращаются все-таки сюда. На этих людей надежда.

Я против ностальгии. Все-таки танки не надо сейчас делать. Глупости мы начали делать еще в брежневскую эпоху. И дурь надо называть дурью — эти 40 тысяч танков, что сейчас находятся за Уралом. Современный танк рассчитывал институт Келдыша, его из золота сделать — он дешевле стоит будет. А ведь это никому не нужная техника. И в этом интеллигенция в значительной степени виновата. В том, что настоящего осмысления того, что происходило и происходит, не было на самом деле. Исторические процессы в этом смысле совершенно безжалостны.

В.Ж.Келле

Я не думал выступать, но некоторые ораторы меня спровоцировали. Может быть, я неправильно понял Вадима Межуева, но мне кажется, рассматривать наше современное состояние России как победу интеллигенции было бы неправильно.

В.И.Толстых

Победа, которая является поражением.

В.Ж.Келле

Даже в этом случае. О какой интеллигенции вообще может идти речь? Кто у нас сейчас наверху? Разве можно их считать интеллигенцией?

В.И.Толстых

Тусовочная интеллигенция.

В.Ж.Келле

Не знаю. Нувориши всякие. Я думаю, что правящая наша элита — это предел невежества вообще, а не люди культуры. Если интеллигенция — это носитель культуры, то о какой победе интеллигенции можно говорить в наше время? Как раз интеллигенция потерпела колоссальное поражение. И она сама виновата в том, что потерпела это поражение. И своим холуйством, и тем, что она оказалась совершенно неорганизованной. Не прав Сироткин, который изобразил весь русский народ в виде черносоптенцев. Это совсем не так. Критика веховцами революционаристской ориентации российской интеллигенции была вызвана определенными обстоятельствами, в ней есть кое-что справедливое, а что-то несправедливое, но они, безусловно, были ориентированы на культуру, на защиту ценностей, идеалов, что составляет ее положительную сторону. Мы упустили важную мысль в «Вехах», она у Бердяева, в его статье о том, что если выдавливать из себя раба, то это значит брать на себя ответственность. Две вещи он связал: выдавливать из себя раба и брать на себя ответственность. Я думаю, эта мысль ключевая. Ориентация интеллигенции на защиту духовных ценностей — это не уход от непосредственно практических вещей, отказ от них, это прежде всего — брать на себя ответственность, то есть быть человеком социальным. Ответственность перед кем-то — перед Богом, перед собой, перед обществом. Вот эта идея ответственности, соединенной с выдавливанием из себя раба, мне представляется очень важной.

Мне кажется, что культурная функция интеллигенции тесно связана с ее социальной позицией, и поэтому нельзя просто согласиться с идеей «Вех» о том, что социальные ориентации интеллигенции как бы чужды ей и принесли ей всяческие поражения в революции.

Для меня это главный вопрос — какую позицию сейчас должна занять интеллигенция? Сегодня. Что значит «должна» и что значит «позиция»? Люди занимают разные позиции. Значит, какая-то позиция является более перспективной, какая-то позиция имеет преимущества и какая-то позиция более желательна. Но что это значит? Где тот критерий, какую позицию можно занять? Я думаю, что этот вопрос является главным, и на него ответа пока нет.

И здесь я хочу присоединиться к тому, что говорили Валентина Гавриловна Федотова и Анатолий Федорович Зотов, — это идея о том, что все-таки единственным выходом для России выбраться из той ямы, в которой мы оказались, является ориентация на новые технологии, на инновации, и нам надо создавать инновационное общество. Это единственный рычаг для того, чтобы нам решить наши проблемы и каким-то образом подняться на должную высоту.

М.А.Маслин

В метафизическом смысле я со всеми соглашаюсь именно потому, что все выступления были в пространстве веховских мыслей. Наша дискуссия доказывает то, что на территории России победила русская философия, а марксизм оказался посрамленным, — именно потому, что «Вехи» читают, а Ленина не читают.

Соглашаясь с Вадимом Межуевым, скажу, что интеллигенция действительно победила. Маркс, если пользоваться веховской терминологией — это «классическое выражение интеллигентского умонастроения»; тезис Маркса, что философы лишь различным образом объясняют мир, в то время как задача состоит в том, чтобы его изменить — это был «классический интеллигентский тезис». В этом смысле я соглашаюсь с Вадимом Межуевым. Именно в веховском смысле интеллигенция победила. И то обстоятельство, что мы сейчас обсуждаем темы и тезисы в пространстве веховской мысли, — это тоже подтверждает, хотя несколько от противного.

Интеллигенция и Запад, интеллигенция и народ – это все веховские мысли. Что стоило бы заметить? Возвращение русской философии произошло, причем происходило весьма своеобразно. Сначала Запад крайне приветствовал возвращение русской философии, всячески поощрял даже. Помню, на факультет к нам приезжал редактор известного журнала «*Studies in Soviet Thought*», беседовал с нами о том, что сейчас журнал переключается с марксизма, который далеко не так актуален как раньше, на русскую философию. Запад всячески приветствовал, пропагандировал, например, Ильина, других настроенных антикоммунистически явно русских мыслителей. Некоторые из внимательных западных наблюдателей – в числе их Эверт ван дер Зеведе (Голландия), он здесь был, в Институте философии, и на философском факультете МГУ, отмечают, что Запад действительно очень приветствовал русскую философию как противоядие против коммунизма и марксизма. Но при внимательном рассмотрении оказалось, что русская философия еще более антизападно настроенная, чем марксизм, и поэтому Запад теперь уже в этом смысле не поощряет русскую философию. Это совершенно точно, что и в гносеологическом, и в онтологическом, и в философско-историческом смысле русская философия отличается от западной философии. Хотя она происходит от Запада, как русская интеллигенция, но в то же время, как и интеллигенция, является русским явлением.

В.И.Толстых

Она не западная, но и не антизападная.

М.А.Маслин

Да. Но потом это все трансформировалось, все переходило в свою противоположность. Вот как найти ту грань в оценке того, что есть в интеллигенции хорошего и плохого, как найти ту же меру в оценке русской философии, я думаю, наша дискуссия в чем-то продвигает эту проблему.

В.Г.Федотова

Мне кажется, что это была животворная дискуссия, которая всех коснулась. Я хотела бы на некоторых моментах остановиться и кратко высказать свою точку зрения.

Относительно того, что на Западе интеллигенция была и именовалась гуманистами — я с этим абсолютно согласна. Согласна, что интеллигенция — не только русское изобретение. Например, в турецком словаре есть слово «интеллигенция». И означает то же, что и у нас: люди образованные, или люди чужой культуры в своей стране. Это люди умственного труда и духовной деятельности, которые выполняют какие-то социальные функции, а не просто профессиональные роли.

М.А. Маслин

В оксфордском словаре на вопрос «что такое интеллигент» дается такой ответ — член русской революционной партии, исповедующий крайне антисоциальные взгляды.

В.Г. Федотова

Я не хотела бы согласиться вот с чем. Мне кажется, русская интеллигенция выполняла ту же функцию, что и на Западе. Бердяев, например, говорит, что вся знаменитая плеяда русских классических писателей — это духовный ответ на реформы Петра, продолжение дела Петра в духовной сфере. Наша-то проблема состоит в том, что это — люди чужой культуры, что они не растут вместе со своим народом, а как бы возвышаются над ним и не прорастают всю почву.

Историк Сергей Соловьев говорил: нравы указами не изменишь. Поэтому осталось противоречие — между интеллигенцией и властью, а также противоречие между интеллигенцией и народом. Я еще раз позволю себе коснуться той мысли Гершензона, о которой упоминал Михаил Александрович. Мы не знаем нашего народа, говорит Гершензон, который враждебен непонятной ему интеллигенции. Ведь когда это говорится, это вовсе не значит, что народ плохой. Речь идет лишь о социально-исторической, как говорит Владимир Николаевич, ситуации, при которой интеллигенция оторвана от народа.

Меня волнует также вопрос, который задала Людмила Пантелеевна Буева. Почему наша духовная жизнь сейчас развивается при полной элиминации, вычеркивании интеллигенции и насаждении каких-то суррогатов, которые народу совершенно неприемлемы? Мне кажется, что народ с облегчением вздохнул

не только от того, что можно не идти на работу, но еще и от того, что можно быть не задавленным какой-то там культурой, от того, что развязали его инстинкты.

Мы со студентами хотели подать в суд на радиостанцию «Европа +», программу «Русские гвозди», где есть такой Фоменко, которого в Америке давно бы посадили, которому можно было бы инкриминировать «публичное сексуальное приставание». Стоит поймать машину или маршрутку, из приемника несется нечто ужасное — настоящее словесное побуждение к грязному сексу сейчас и здесь. Но я знаю, что если мы со студентами подадим в суд, нам скажут: вы, профессор Федотова и студенты такие-то недовольны, а сто процентов шоферов России очень довольны этой передачей. Вот что сделали с нашей культурой. Народ можно было поднимать, сохранять, а его соблазнили жизнью на основе инстинктов, потому что такая была власть, она завоевывала свою социальную базу. Началась негативная мобилизация и людям сказали: «делайте что хотите, но голосуйте «за». Один был рад продавать капусту, другой — морить тараканов, а третий сказал: мне этого мало, я грабить буду. Вместо общества и социально-организованной свободы возникли абсолютно отпущенные, так сказать, стихийные силы. И мы по «Вехам» знаем, что если интеллигенцией владеет желание страсти и эмоций, то народом оно владеет в еще большей степени. И отпустили страсти, инстинкты, эмоции. Разве у нас есть интересы?

Л.П.Буева

Отпустили интеллигенты.

В.Г.Федотова

Отпустила власть. В политических целях. Она создавала свою социальную базу, которая сейчас уходит. А что она сделала с социальной структурой? Возьмите любую социологическую концепцию, Парсонса, например. В его теории существует четыре уровня социальной жизни: адаптация (экономический уровень), уровень постановки целей, интеграция и накопление культурного образца. Какой уровень мы видим? Только адаптацию. Только выживание. На всех уровнях. Все показано как чисто количественное и биологическое, как временное и потребительское. А социальная структура имеет просто анархическую природу.

Я имела опыт общения с людьми не нашего круга. Я просто восхищена: такого нельзя придумать даже в страшном сне. Могли ли вы представить себе диалог торговли с рынка, которая нелегально, незаконно, без прописки, без регистрации что-то продает, и банкирши, которые обсуждают, что у одной не хватило «крыши», чтобы не отобрали товар, а у другой «не сделали мужу дырку в голове». Это же полное разложение, постсоциальное состояние, в котором мы просто не можем найти себе место по совершенно понятным причинам. Но что мы можем, живя все-таки в своей социальной среде. Я настаиваю, что все это сделано властью. Я поражаюсь уму власти, как она сформировала себе такую базу, потрафляя инстинкту власти. Интересы абсолютно не артикулированы, работают только страсти, только то, о чем нас «Вехи» предупреждали. Поэтому мы находимся в чрезвычайно тяжелой ситуации. Она тяжела еще и тем, что наше образование скопировало западные программы, кроме одной полезной функции образования на Западе — как средства производства среднего класса. Студенты спрашивают: зачем мы учимся? И они работают где-то с этими новыми русскими. И это все вопросы власти. И интеллигенция, конечно, проявила преступную наивность, когда она бегала, в том числе и по нашему институту, собирала подписи за Ельцина и кричала, что раньше все было ужасно. Настоящая истерия. «Вех» она тогда не читала.

Л.П.Буева

И никто не покался.

В.Г.Федотова

Да, никто не покался. И я думаю, что сегодня на этом семинаре мы выдвинули задачу национального покаяния за несерьезность и страстность, которые в нас не должны быть, потому что мы ученые, мы должны были анализировать и показывать, что это ценностный провал, аномалия. Что ныне признают самые радикальные демократы. Например, Р.Дарендорф в «Письме к польскому другу» пишет: у вас сейчас аномия большая, ценностный развал. В советской системе была гиперномия. И гиперномия лучше.

Я думаю, мы не будем отчаиваться, а будем исправлять свой собственный характер для того, чтобы на следующем витке мы не могли обманывать никого и чтобы нас никто больше так не обманул.

В.М.Межуев

Все-таки, ответьте на вопрос: «Вехи» — это критика или апология?

В.Г.Федотова

Я считаю «Вехи» критикой интеллигентского нетерпения и революционизма, противоречащих серьезной работе. Особенно в статье Струве, где он говорит: там, где вместо реформ начинается революция, туда идут с нетерпением, с абсолютным нежеланием серьезно и продуктивно работать, со страстью все разрушить.

М.А.Маслин

Почему еще Белинского считали воплощением интеллигентского умонастроения? Потому что Белинский говорил: мы еще вопрос о Боге не решили, а вы уже обедать зовете. Значит, есть конечные ответы на такие вопросы, и эти конечные ответы нужно принять всем, всей этой группе. А кто не принимает, тот...

В.М.Межуев

Иного не дано.

А.А.Гусейнов

Вопрос в другом. Сами авторы «Вех» — тот же Струве, Бердяев — считали себя интеллигентами.

М.А.Маслин

Они говорили, что есть интеллигенты и интеллигенты...

В.Г.Федотова

Интеллигентщина и интеллигенция — это они различали.

А.А.Гусейнов

Почему для них Пушкин — не интеллигент, а Белинский — интеллигент? Они говорили: первый интеллигент — Петр Первый. Их идентификация состояла в том, что они отделяли, они критиковали интеллигенцию, считая ее бедой России, что интеллигенция принесла беду России. У них подзаголовок какой?

М.А.Маслин

Но они рассказали об интеллигенции не в социологическом плане. Они имели в виду метафизический смысл понятия и явления.

А.А.Гусейнов

Они различали, кто интеллигент, а кто не интеллигент, и называли даже признаки, что интеллигенты — это социалисты...

В.М.Межуев

У Достоевского «Из дневников»: русские интеллигентные люди никогда не хотели того, чего хочет этот народ. У Достоевского прямое осуждение интеллигенции.

В.И.Толстых

После заключительных слов ведущих дискуссию полагается закрывать, а она у нас вот-вот снова разгорится. Когда кто-то из членов Клуба спросил меня, к чему снова возвращаться к уже всем надоевшей теме, я шутливо ответил — «чтобы ее закрыть». Он сказал мне, что это вряд ли удастся сделать, так как интеллигенция очень любит поговорить о себе — что она такое и какая она хорошая. Но сколько бы она ни говорила на эту тему,

чего-то важного и существенного она, все-таки, не договаривает. Кажется, мой со-клубник оказался прав. Мы уходим опять с вопросами, а не с ответами. Видимо, такая уж это нескончаемая тема.

Впрочем, лично мне разговор понравился, показался очень интересным, и я благодарю всех, кто в нем участвовал.

ИМПЕРАТИВЫ И ИСКУСЫ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

28 сентября 1999 года

В.И.Толстых

Тему заседания подсказал Андрей Евгеньевич Городецкий, которому я за это благодарен. Она интересна и сама по себе, но еще больше в свете сложившейся сейчас в России ситуации. Огрубляя для ясности, я понимаю ее так: за последние годы удалось очень много наломать и сломать, и мало чего путного создать или воссоздать. Тут невольно, хочешь – не хочешь, станешь консерватором, что мы сейчас и наблюдаем как массовое явление. Нечто подобное произошло с понятиями «патриот» и «государственник» – из ругательных они становятся знаковым приобщением к прогрессивно мыслящей части общества. По очень простой причине. Ныне мало кто сомневается в том, что вакханалия всеобщего разрушительства завершилась печальным результатом – созданием «на обломках тоталитаризма» так называемого «бандитского капитализма» и «криминального государства», чем, естественно, никто из здравомыслящих людей похвастаться и гордиться не может.

Мне эта тема близка. Три года назад в журнале «Новая Россия» я опубликовал свой монолог «О пользе консерватизма», где настаивал на том, что идет, ширится накат «консервативной волны» и в сознании, и в общественной практике. Причем консерватизм дает о себе знать и сверху, и снизу. Наверху продолжают заверять в неизменности курса и политики реформ, витийствовать о демократии, свободе и правах человека, но почти всем уже ясно, что этот курс и политику рано или поздно придется менять. Все громче, отчетливее звучат авторитарные нотки и голоса, тревога по поводу возможного введения чрезвычайного положения. А снизу вот-вот закричат во весь голос, обращаясь к «правым», коими у нас называют либералов: «Это ваше дело правое, а наше дело – левое!». И как грибы после

хорошего дождя растут, множатся блоки и коалиции лево- и правополитических сил, т.е. более консервативных по умонастроению и поведению. Надо бы выяснить, что сие означает и к чему может привести?

В свое время меня изрядно удивило высказывание Николая Бердяева о том, что Россия фатально (он так и выразился) не хватает чувства здорового консерватизма, от чего и проистекают многие ее беды и несчастья. Как же так, подумал я, Россию непрестанно упрекают в отставании и отсталости, в недостатке внимания к новым идеям и передовому опыту того же Запада, т.е. в склонности к консерватизму и традиционализму (что, разумеется, не одно и то же), и нб тебе — «фатальная особенность»! Но поскольку Россию еще чаще и еще больше упрекают в тяге к радикализму, и эта склонность является другой ее «фатальной особенностью», мысль Бердяева становится понятной. Радикализм и консерватизм есть вещи несовместимые (то, что именуют «консервативной революцией» — явление особого порядка), и, как правило, в России разрушительное начало берет верх над началом охранительным.

Безусловно, консерватизм как определенное умонастроение и идейное течение в России был достаточно развит и имел своих выдающихся (и очень разных!) представителей в интеллектуальной среде — К.Победоносцева, М.Каткова, Л.Тихомирова, И.Ильина, того же Н.Бердяева. Но общему строю российского национального сознания консерватизм действительно не очень свойствен. Как метко заметил Лев Платонович Карсавин, «русский строитель не умеет приспособлять старое здание к условиям новой жизни. Он обязательно до основания его разрушит, взорвет динамитом, чтобы построить грандиознейшее и совершеннейшее новое. К сожалению, только в новой постройке дальше фундамента, и даже не фундамента, а расчистки почвы, дело не пойдет. Почему? — Потому что замысел грандиозен до неосуществимости».

Наблюдение русского философа точно фиксирует особенность нашего менталитета, где отсталость — налицо («мы дико и неопратно живем», по словам Карсавина), но это менее всего связано с консерватизмом, которого как раз и не хватает. Наступает момент, когда после похмелья разрушительства консервативным настроением, пусть лишь на время, заражаются, проникаются целые слои населения, разочарованные и уставшие от очередного радикального приступа. Это момент отрезвления и

прозрения, спасительный для страны и нации, вдруг почувствовавших реальную угрозу своему существованию. Консерватизм «умный», «истинный», «творческий» (Н.Бердяев) спасителен тем, что охлаждает страсти противоборства, возводит плотину перед хаосом разрушительства, обращая страну, общество к традициям, принципам и ценностям, которые были незаслуженно забыты или отвергнуты.

Вот почему самое время сегодня разобраться, что такое консерватизм и кого можно назвать консерватором.

Предоставляю слово нашим ведущим – Андрею Евгеньевичу Городецкому и Алексею Алексеевичу Кара-Мурзе.

А.Е.Городецкий

Есть философы профессиональные, а есть люди философствующие от случая к случаю. Я больше принадлежу к последним, поэтому я бы предпочел, чтобы начал все-таки Алексей Алексеевич Кара-Мурза.

А.А.Кара-Мурза

У меня тоже есть искушения. Как у человека, сейчас плотнее соприкасающегося с политикой, есть желание врубиться сразу в российскую политику. Но я постараюсь начать разговор более фундаментально и задать достаточно высокие критерии. Хотя в результате мы можем получить примерно то же самое, что у нас получилось, когда мы обсуждали, например, проблемы либерализма и социализма, так как по высоким меркам в России нет ни либерализма, ни социализма. И я предчувствую, что и подлинного российского консерватизма тоже нет, тем более, что к такому выводу приходили до нас целые поколения историков российской мысли, политических философов и т.д.

Второе предварительное замечание. Я хотел бы сослаться на последнюю свою книгу «Как возможна Россия», которая вышла в серии «Библиотека либерального консерватизма». При этом я исхожу из того, что никакого иного либерализма, кроме либерального консерватизма как цивилизованного явления, в России и не существует.

Кроме того, пользуясь случаем, что у нас сегодня заканчивается очень важный двухнедельный проект «Окно в Европу» (сейчас там за нас Татьяна Александровна Алексеева отдувается), в рамках которого появилась книга Алексея Михайловича Руткевича «Что такое консерватизм» из той же самой серии.

Начну с определения, которое мне кажется наиболее адекватным, которое сразу размежевывает понятие консерватизма с понятием реакции и консерватора отчленяет от реакционера. Это определение Федора Августовича Степуна, которого я считаю как раз образцом либерального консерватора. «Консерватор, — пишет Степун, — это защитник вечной правды прошлого. Реакционер — защитник прошлого как такового, вне всякого отношения к вечности и правде». Это размежевание между консерватизмом и реакцией, мне кажется, чрезвычайно важно, и тем самым мы отчленим очень многие вещи, которые к консерватизму не имеют никакого отношения. Так же, как у нас за либерала иногда сходит человек «без царя в голове», сумасброд, так же не надо путать консерватора с реакционером. То, что у нас много развелось реакционеров «без царя в голове», тоже доказывать не надо. Так что сегодня мы ведем речь все-таки о цивилизованном консерватизме.

Второе методологическое замечание связано с моей интерпретацией консерватизма. Я считаю, что в определении консерватизма существует две крайности, от которых, впрочем, я предпочел бы уйти в нашем сегодняшнем разговоре.

Первая крайность заключается в том, что консерватизм является чисто реактивным мировоззрением. Он не самодостаточен, он всегда реагирует на другое. Классикой здесь может явиться то направление в анализе консерватизма, когда можно и Мангейма вспомнить, — о том, что консерватизм является романтической реакцией на теоретический и политический рационализм Просвещения. И здесь он как бы реагирует на нечто другое, и в этом смысле он не самодостаточен, всегда вторичен, что, впрочем, не лишает его содержательности.

Вторая крайность заключается в том, что консерватизм — это абсолютно самостоятельный тип мировоззрения, и существует, так сказать, *main stream* консерватизма, когда все равно, что там справа и слева говорят его оппоненты. Консерватизм — это мощный ствол общественной мысли, который самодостаточен. Это некоторая оппозиция первой концепции о чистой реактивности консерватизма. Это мнение как раз и защищает Алек-

сей Михайлович Руткевич в своей книжке достаточно убедительно. Тем не менее для сегодняшнего моего выступления я предпочитаю уйти и от этой крайности тоже.

Таким образом, я являю собой сторонника третьего подхода. Идея моя следующая. Консерватизм не равноположен другим направлениям общественно-политической мысли, в том числе и современным направлениям общественно-политической мысли и рефлектирующей политической мысли. Он не равноположен в этом смысле ни либерализму, ни социализму, различным религиозным, например, теологическим направлениям. Не равноположен по двум причинам. Во-первых, на мой взгляд, консерватизм — это генетически первый тип мировоззрения. Это тип мировоззрения, который предшествовал всем остальным, конечно, в своем протоконсервативном виде, потому что ничего кроме него и не было. Это некоторое направление мысли, которое является апологией стабильности в защите данного социального и человеческого порядка. Я думаю, в консерватизме можно вычленить в этой связи некоторый цивилизационный архетип вообще мышления о социальности как таковой. Я думаю, что это рассуждение на тему трех метаценностей, которые я бы обозначил в самом общем виде как *труд, дом и порядок*. Труд как некая продуктивность, а не просто чисто механическое делание, так сказать, человеческая креативность. Вот интерпретация этих трех вещей и защита их как некоторых архетипов вообще человеческого существования или цивилизации — в противоположность социально-политическому варварству, интерпретация этой триады и задает существование консерватизма как определенного направления в истории еще тогда, когда всего остального вообще не было.

И тогда понятно, от чего оборонялась эта протоконсервативная мысль. Глупо типологизировать в ряду других понятие «консерватизм» тогда, когда кроме него ничего не было, а когда появляется что-то иное, то это я называю современными формами консерватизма, которые появились в районе XVI—XVII веков, не раньше.

В этом протоконсервативном контексте, собственно говоря, консервативная мысль являлась главной, доминирующей и воевала в основном с маргинальными идеями, которые так или иначе пытались с позиции варварства проникнуть в цивилизацию, но чаще всего, если эта консервативная мысль была развитой, отвергались. Я имею в виду две крайности — это революционаристская социализация всего, то есть обобществление, или

нарушение некоторой иерархии бытия, попытка смикшировать все, то есть как бы обобществить, усреднить, снивелировать. Это с одной стороны, а с другой стороны, это тенденция к анархическому распаду, где, наоборот, не социализация является доминирующей, а некоторый анархизм индивидуального самочиния. В ситуации, когда консерватизм не мог удачно противостоять этим двум поползновениям на цивилизацию, мы этих социумов и не наблюдаем дальше в истории. Такое сплошь и рядом случалось, но история общественной мысли показывает, что это мощное консервативное движение и мировоззрение достаточно успешно в большинстве случаев оборонялись, поскольку они стояли на главном, магистральном направлении защиты цивилизации как таковой.

Таким образом, вокруг метаценностей — креативность, дом и порядок — существовал целый комплекс различных культурных обоснований некоторых ценностей как бы меньшего порядка, которые в консервативной мысли до сих пор так или иначе интерпретируются. Это понятие традиции, это понятие изначально данной, то есть относящейся к вечности, собственности, это иерархия бытия, в том числе социально-политическая иерархия между индивидами как некоторая незыблемая вещь, связанная с пониманием консерваторами такого понятия, как меритократия, например, как власть достойных.

Но в какой-то период консерватизм перестает быть одиноким, и в социальность входят еще две исключительно важные вещи, которые сейчас и создали некоторый треугольник, о котором мы и говорим. Я имею в виду, что к консерватизму добавились два очень важных направления социально-политической мысли — это либерализм, где понятие индивидуальной свободы становится доминирующим, и социализм как стремление смикшировать иерархичность общественно-социального бытия. Но отличие этих двух разветвленных концепций от того, что было в прошлом, заключается в том, что и социализм, и тем более либерализм являются теперь не просто покушением на цивилизацию, а во многом могут в определенной социальной ситуации удерживать эту цивилизацию. То есть либерализм в какой-то момент стал лучше, чем традиционное общество, отвечать на эти главные метаценности цивилизации как таковой. Он обеспечивает понятие труда и креативности лучше, чем традиционное общество, обеспечивает понятие дома лучше, и обеспечивает понятие порядка через демократический механизм

лучше, и в этом смысле либерализм с полным основанием вошел в цивилизацию. Если раньше он был невозможен, то сейчас в некоторых случаях он просто стал императивом.

Точно так же и с социализмом, хотя здесь и сложнее ситуация, я не хочу относить социализм исключительно к варварским проявлениям стороны человеческого бытия и как бы реакцией на социальный распад в качестве примитивной формы сборки. Здесь есть очень крупный комплекс проблем, но сегодня не о нем речь. В некоторых случаях социализм в том понимании, о котором я говорил, действительно лучше отвечает на проблему порядка, дома и труда, чем его конкурент. В этом случае он тоже становится не просто возможным, а императивным. Хотя, повторяю, сборка иногда бывает примитивной, но только за счет нее удается удерживать социальность.

Таким образом, создается искомый треугольник современного противостояния нового консерватизма, социализма и либерализма. И в этом смысле я хотел бы перейти к следующему тезису, для меня исключительно важному. Какую же роль играет в ситуации, когда либерализм становится не просто возможной, а императивной силой, и когда социализм в некоторых случаях является императивным, какую же новую роль выполняет здесь консерватизм?

На мой взгляд, в современных условиях консерватизм становится способом укоренения новых общественно-политических идей и институтов, следующих за ними, в современной цивилизации. То есть соответствие консерватизма этим вечным постулатам задает своеобразный тест на выживаемость сейчас и либерализма, и социализма. Причем я совершенно убежден в этом и никогда, кстати, этого не скрывал. В моей книге статьи, начиная с 1989 года, и я был совершенно уверен в том, что, только будучи протестированным консервативной мыслью, либерализм утверждается в качестве возможности существования социального, а не только в качестве некоторого типа мышления.

Либерализм становится цивилизационно оправданным, лишь становясь либеральным консерватизмом. Все перипетии взаимодействия между ними, кстати, очень хорошо изложены в книге Руткевича, но, на мой взгляд, совершенно очевидно, что первооснова современного либерализма заложена Джоном Локком и отцами-основателями американских Соединенных Штатов. На мой взгляд, этот либерализм действительно стал цивилизационным только через легитимацию своего существования — и в каче-

стве мысли, и в качестве социального порядка — через отнесение к божественной свободе индивида в первом случае, и в изначальном, как бы естественном, даровании естественных прав личности, на основании американской конституции. То есть, будучи отнесенными к вечности, укорененными, протестированными консерватизмом, эти вещи стали социально возможными и социально-политически успешными.

Теперь следующий достаточно важный тезис. Траектория попадания в эту современную цивилизацию и современный как бы пул цивилизованных успешных конкурентных общественно-политических идей, движений с последующими за ними институтами — такая траектория бывает крайне разной, очень различной. На мой взгляд, цивилизованный либерал, если таковым он себя считает и его таким признают, и цивилизованный консерватор гораздо ближе друг к другу, чем нецивилизованные представители того, другого и третьего. Это тоже является достаточно тривиальным ходом: умные люди, укорененные в цивилизации, гораздо ближе, чем дураки, хотя и самоназвание бывает достаточно похоже. А потому такие синтезы, а либеральный консерватизм или протестированный через современный консерватизм, например христианский консерватизм или христианский социализм — эти вещи чрезвычайно конкретны, и никакого тотального усреднения здесь просто быть не может.

Я дал себе труд выписать наиболее успешные, на мой взгляд, идейные синтезы в XX веке у людей, которые, как лично я считаю, могут быть отнесены к этим синтезаторам. Когда они начинают перечислять, на чем основаны их современные синтезы, я привожу пример того же самого Степуна или Георгия Федотова, Владимира Вейде и т.д. Все эти синтезы крайне многогранны. Они показывают, через сколько искушений и тестов они прошли, чтобы удержать нечто интересное о России в XX веке. Через эти же тесты, на мой взгляд, прошли лучшие умы, начиная, наверное, с екатерининского времени. Только там, наконец, протолиберальная мысль — через Дашкову, например, — только пройдя через консерватизм, сумела удержаться. Те же самые идеи, связанные с российским европеизмом, либеральные по основаниям, — у Фонвизина, Карамзина, — только пройдя через еще одно отрицание консерватизма, закрепились в русской мысли как истинно либеральные, как истинно цивилизационные. Я думаю, и современный либерализм возможен только таким способом. Поэтому и «Библиотека» наша называется «либерального консерватизма», ибо либерал возможен только как подлинный консерватор.

Окончание таких вступлений обычно заключается в тезисах, что Россия — это особо проблемная страна и общество, особо проблемная цивилизация. Дело в том, и об этом многократно писали русские философы, историки, что непонятно, а что же такое вечное, и что такое инвариант России, что есть почва, включая знаменитое выражение, что беспочвенность и есть почва. Что такое инвариант России, где в ней вечное? Какой есть золотой век России, к которому можно апеллировать как к некоторому социальному образцу, и он все дальше и дальше уходит в прошлое, и, как говорится в вульгарной публицистике, непонятно, за какой год будем консервировать.

Вспоминается сразу миф о некоторой благодистой дореволюционной империи России. Пройдя через все ужасы тоталитаризма и т.д., вдруг возникла идея, что здесь была замечательная империя. Эту апологию российской империи найдем, например, у консерватора Ивана Солоневича, но на этот тезис есть не менее мощный контртезис о тюрьме народов. И, естественно, когда идет экзистенциальный спор, одни это считают величайшим благом, другие считают, что это тьма. Я об этом писал и говорил даже в этой аудитории — что знаковые, ключевые фигуры в российской истории — это Петр Великий, или Ленин, который то ли родил страну, то ли убил ее, или Ельцин — то ли родил новую страну, то ли убил, и т.д. Мы спорили с американцами, по-моему, в этом же зале, когда они говорили, что у них есть для консервативной мысли, скажем, республиканцев, одни герои в американской истории, а для демократической интерпретации есть другие герои. На что я им ответил, что у нас еще хуже, потому что герои для одних являются для других антигероями: Христос — Антихрист, Демиург — убийца, что связано с Петром. То же самое повторяется на всех идентификационных пиках, где половина страны считает, что у нас была прекрасная эпоха, а другие говорят, что это был сущий ад. Или другой, уже демократический, миф о февральской 1917 года свободе. На что, естественно, есть масса контраргументов, контрмифов о том, что это и был конец России. Например, та же самая солженицынская теория: тогда-то надорвалось российское государство. Или миф о звездном часе России через все испытания, жертвы и т.д. — все-таки о Советском Союзе как одной из двух сверхдержав существует параллельный тезис — империя зла. Или 1990-91, 1993 годы — о победе демократии, поступательное движение от тоталитаризма к демократии, на что сейчас, естественно, воз-

ника идея развала, распродажи, прихода к власти временного оккупационного правительства и т.д. Это не просто конкурирующие мифы, они взаимовытесняющие, и тогда непонятно, что есть Россия. Получается, что есть две России. И непонятно, что к чему относить. Это две культуры, две страны.

Вот, что позволяет себе делать консерватизм со всеми этими мыслителями и подобными политическими процедурами, как он выглядит в идеале. Консерватизм боится общество и боится культуру от игры на понижение культуры. Вот это, на мой взгляд, его главная тестирующая функция. Условно говоря, отнесение к вечному всегда проверяет ту или иную утопию на ее укорененность. К сожалению, утопии оказываются наиболее реализуемыми проектами в этой стране, тем не менее здоровый консерватизм должен, видимо, выполнять эту функцию.

И последнее, на что нельзя не обратить внимания, это на критерии, по которым люди апеллируют к вечности. Их всегда было мало в любой культуре, но они тем не менее были. Я здесь не хотел бы разводить, как мы вчера на презентации еще одной очень хорошей книги разводили, власть и интеллигенцию. Мне кажется, что это крайность, что мозги не должны идти во власть. На мой взгляд, главная проблема России такая, что мозги — в одну сторону, а власть совершенно в другом месте находится. Расхождение интеллигента и начальника — это не меньшая проблема для России. Так вот консерватор у власти — это соединение мозгов с начальственным статусом, и этим он интересен. И даже либерал, прежде чем будет называться цивилизованным либералом, должен пройти этот консервативный тест на укорененность в этой культуре. На мой взгляд, люди, которые формально сейчас говорят некоторые важные консервативные вещи, при достаточно беглой демистификации и отшелушивании самых очевидных, не выдерживают этот тест. Да, есть интересные вещи у молодого Рыжкова в его текстах, но куда он попал, в какую компанию? И вы видите, что бы он ни придумал, это просто не реализуется в НДРовском контексте. По большому счету это люди, которые просто играют в традиционную в России забаву, — кто виноват и в переворачивании статусов. И в этом смысле они не просто неконсервативны, они антиконсервативны.

И есть некоторые всплески некоторых культурно-политических ходов, когда кажется, что вот он появился, наконец, какой-то консерватор. В частности, на предпоследнем съезде НДР поздоровался с НДРовцами Никита Михалков: «Здравствуйте,

просвещенные консерваторы, Христос воскрес!» На что, конечно, вся эта публика не могла не отреагировать. Это бравоирование консерватизмом, на мой взгляд. Как только Никита уходит в политику, он играет на понижение своей собственной культуры, которую он создает. Мне кажется, это очень проблемно. Я бы не хотел занижать эту планку, потому что это и был мой тезис — попытка удержаться на достаточно высокой ноте в разговоре о чрезвычайно важном цивилизационном явлении, может быть, для современной России исключительно важным. Это ни в коей мере не ругательный тезис — «консерватизм», более того, на мой взгляд, это ключевой тестирующий цивилизационный тезис. Другой вопрос о том, насколько соответствует конкретная политика этому высокому предназначению.

А.Е.Городецкий

Консервативная идея и консерватизм никогда не обделялась вниманием исследователей. Но к настоящему моменту интерес к ним заметно возрос. На встречах курсах движутся научный интерес, идеологический запрос и политический заказ. Но главное заключается в том, что и со стороны общества, уставшего от всяческих прогрессизмов, радикализмов и прочих высоких «измов», порожденных ими хаоса и смуты, вызревает социальная потребность в тех ценностях, которые несет в себе консерватизм. Именно в этом контексте возможно говорить об *императивах консервативной идеи и консерватизма*.

Начать надо с исторических парадоксов консервативной идеи и ее политико-исторического бытия. Обыденное восприятие консерватизма — это неподвижность, отсутствие исторической динамики, сопротивление новому, застой. Всегда есть искушение отождествить консерватизм с архаикой. Список стереотипов можно продолжить. Консерватор в лексике многих интеллектуалов и не-интеллектуалов — это человек прошлого и, уж конечно, без будущего. Но есть и другое видение этого феномена. Консерватизм с его почитанием традиций и традиционных ценностей; признанием абсолютной ценности религиозного устоя и личной религиозности (в православной традиции — воцерковленности); семьи и семейной морали; государственничества и великодержавия в их канонических формах — в истории неоднократно выступал инициатором и проводником крупнейших исторических трансформаций. Антипод всяких и всяческих

радикализмов, экзальтадос (=максимализмов=экстремизмов), в терминологии А.И.Герцена, консерватизм несомненно обладал и обладает особой исторической чуткостью к противоречиям и антагонизмам исторического времени, назревающим переменам. Но что еще более важно, он неоднократно демонстрировал способность к выдвиганию новых идей, проявлению политической воли и политической организации для их практического воплощения. Консерватизм нигде и никогда не грешил административным бессилием, беспомощностью, непрофессионализмом. Несколько наиболее характерных примеров: Великие реформы в России; «Новый курс» Рузвельта, реализованный республиканцами; великие неоконсервативные революции 70-80-х годов, феномены рейганомики, тэтчеризма.

В истории России конкретные деятели реформ — совершенно определенно более консерваторы, нежели либералы поневоле и из чувства долга, как их часто представляют. Теоретический и отчасти политический либерализм в России конца XIX — начала XX века, с его совершенно оригинальным отношением к проблемам соотношения политических и гражданских реформ; личных свобод; собственности; государства — это скорее восприятие (в том числе критическое) западных либеральных ценностей с консервативных позиций. Не случайно один из наиболее известных философов и экономистов до- и послереволюционной поры П.Б.Струве называл себя либерал-консерватором.

Даже советский период российской истории — это весьма парадоксальная и поучительная сшибка радикалов-интернационалистов, моджахедов мировой революции, — и строителей сталинской красной империи, взявших на себя миссию модернизации по социалистически и воссоздания имперской государственности, геополитически присутствующей на всех континентах. Сама фигура И.Сталина (отвлекаясь от оценок как в ту, так и в противоположную сторону) являла собой пример консервативного реванша, веками которого были государственничество, русский патриотизм, примирение с церковью и восстановление патриаршества.

Г.Зюганов любит шеголять фразой, что Россия — «левая страна». Я бы рискнул предположить, что в этой части света пребывает весьма своеобразный русский консерватизм, который периодически, на весьма непродолжительное время сменяется различными стихийными и теоретическими радикалистами. Эти радикализмы, как правило, тесно переплетены и перемешаны с тем, что Ю.М.Бородай любит называть чужебесием. Но столь

же неотвратимо в нашей истории следует *консервативный реванш*, расставляющий все на свои места. Зоологическая реакция на этот исторический факт — объявление России нереформируемой страной, зоной квазимодернизации; Азиопой; страной дураков; страной, которой нет места в современном цивилизованном мире (З.Бжезинский). Список можно продолжить. И, хотя России от этого и горячо и холодно, и результаты миссионерства и цивилизаторства, революционерства и реформаторства, — пепелища и жертвы в невиданных масштабах, — консервативный реванш это всегда точка отсчета для возрождения великого народа, великой культуры, великой государственности. Россия не левая страна; она страна консервативная. Здесь веет дух консервативной идеи и у этой идеи есть национальность.

Искуссы консерватизма. Обращение к консервативной идее, интерес к консерватизму понятен. Сегодня они идут не столько от понимания и приятия истинных, аутентичных консервативных ценностей, сколько от полного запустения идейно-ценностного поля. Много говорится об отсутствии ясных целей и стратегий реформирования, определенности в области национальных интересов и т.д. Но это закономерно и объяснимо, коль скоро в области идей и ценностей у нас полный *лондонский туман и амстердамский бардак*.

Коммунистическая идея, весь набор социалистических и левых идей сегодня локализованы в достаточно узком сегменте российской политической жизни без каких-либо перспектив левого ренессанса. И это притом, что левый вызов на излете века все-таки имел место на Западе, в Восточной Европе. Причины этого понятны. Здесь и действительная историческая память о недавнем социалистическом прошлом, и новая мифология о «великом и ужасном красно-коричневом тоталитаризме». На левом фланге отсутствуют по-настоящему крупные харизматические фигуры и лидеры. Способность к коалиционному творчеству и блокостроительству вполне соизмерима с аналогичными достоинствами т.н. демократов. Левые регулярно терпят поражения при пресловутых судьбоносных столкновениях с Властью. Свидетельство тому — референдум апреля 1993 г., стрельба и кровь ноября 1993 г., президентские выборы 1996 г., импичмент 1999 г., назначения и сдачи премьеров, принятие «антинародных» бюджетов. Список открыт...

О либеральной идее и новорусском либерализме, западничестве и говорить нечего. Сейчас их не пинает только ленивый. Экономическое бессилие, административный непрофессионализм, политическая продажность, социальная агрессивность, отсутствие надежной социальной базы, скомпрометированность длинной чередой коррупционных скандалов – вот визитная карточка либерал-реформаторства. Но дело не только в падении образа внутри страны. Запад тоже слает своих верных выучеников и вчерашних любимцев. Среди интеллектуалов сегодня модно отрешиваться от младореформаторов.

В политическую экзотику вылились попытки сформировать комплекс центристских идей и центристских партий и движений. Сегодня поезд уже ушел, идея состарилась, не реализовавшись. Теоретически можно, конечно, спорить о том, «что было бы, если...». Но для меня важнее всех теоретических «рго» прозвучало историческое «contra», предъявившее свои свидетельства в пользу неиссякаемого потенциала конфронтации и конфликтности в российском обществе. Тогда, в 1993 году, по заказу партии Рущкого-Липицкого (НПСР) наша группа под руководством В.И.Толстых разработала один из первых Проектов по развитию российского центризма. Обстановка, в которой завершалась работа над проектом, была такова, что определить ее можно было лишь жаргонным словечком «сюр». Когда я солнечным октябрьским днем уже было отошедшего бабьего лета 1993 года по бульварам малого московского кольца нес окончательный вариант нашего доклада в ИФ РАН, по Белому Дому били танковые орудия, а на площади перед Моссоветом забаррикадированные демократы орали «ура» вслед каждому орудию залпу.

Особый разговор – различные версии национальной идеи, полемика о русской идее, патриотических движениях. Эта тема слишком серьезна, чтобы ее задевать мимоходом. Но о консолидации этого сегмента ценностного и мировоззренческого поля, о влиятельности этих идей я бы пока говорить поостерегся.

Нельзя сказать, чтобы консервативная идея вовсе не присутствовала бы на российском политическом горизонте. Известен манифест С.Шахрая-В.Никонова; концепция революционного консерватизма А.Дугина; идеи неотрадиционализма С.Кургиняна. Есть, в конце концов, запрос на консервативные ценности и у политиков, и у избирателей. Но есть ли реальные консервативные платформы, партии и движения, лидеры? Здесь поставим жирный знак вопроса.

Но что неоспоримо, так это то, что есть реальный искус еще раз перетащить на российскую почву западный консерватизм. Очередной раз грубо употребить великую идею на нужды политических игр, партстроительства, избирательных баталлий.

Надо сказать, что даже в среде наших радикальных либералов наблюдается известное консервативное шевеление. Это проявляется в стремлении соединить либеральные принципы и сильное государство, которое способно провалить реформы в их шоковом исполнении. И у Авена, и у Федорова, и у Ясина налицо проповедь «либерал-консерватизма закрученных гаек».

Я не верю, что состоится просвещенный консерватизм в исполнении черномырдинско-рыжковского движения на базе НДР. Дозированная критика режима никак не тянет на действительные позитивные политические и социально-экономические альтернативы развития. С другой стороны, налицо явная передозировка благонадежности, политического благочестия и благоразумия, которые лукаво выдаются за политические ответственность и дальновидность.

Об опасностях казенного или бюрократического консерватизма. Здесь есть интереснейшие параллели с началом века. Все тот же кн. Б.Васильчиков писал, что Столыпин подвергался ожесточенным нападкам справа со стороны Государственного Совета. «...Я всегда считал себя консерватором и никогда не мог ассимилироваться с группой правых в Государственном Совете в их понимании консерватизма. Эта группа состояла преимущественно из государственных сановников. Это был специфический казенный консерватизм, который был порожден тем государственным укладом, который традиционно назывался самодержавием, но который за период царствования Николая II утерял истинный характер того режима, наименование которого он носил. Непосредственное влияние воли Государя, Его Инициатива — утратились в государственной жизни и сменились автоматическим функционированием государственного аппарата, но настолько совершенно, что в столкновении с ним Государь бывал бессилён. ... Фактически самодержавие было упразднено задолго до 17 октября, и при существовавшем режиме ограничительные функции осуществлялись той средой высшей бюрократии, из которой черпались министры и пополнялся состав Государственного Совета. ... Это была среда, обособленная от общественных кругов, воспитанная и жившая в своем соку, сильная своими профессиональными знаниями и опытом и считав-

шая себя оплотом строя, с которым она была так долго органически связана. 17 октября поколебало ее положение и высшее петербургское чиновничество затаило в себе предубеждение к «новшествам» и к связанным с ними идеям и людям. В этом выражалось то, что я назвал «казенным консерватизмом», в котором нельзя было разглядеть какой-либо конструктивной программы. ... С этой средой и с этими настроениями у П.А.Столыпина не было ничего общего. И по своей натуре и по своим убеждениям его ничего не связывало с *бюрократическим консерватизмом*. Мне кажется, что эти размышления настолько актуальны с точки зрения сегодняшнего дня, что здесь даже комментарий не требуется.

Вопрос о консерватизме слева. Консерватизм есть антипод буржуазности по генетике. Россия в принципе традиционно небуржуазная страна и в ней это качество консерватизма проявляется с удвоенной силой. И эта антибуржуазность исторически, по большей мере, левого свойства. Я полагаю, что невозможно закрыть российский XX век как век господства левых идей и исторического социализма. Отсюда проистекает особая российская разновидность консерватизма слева. В России и невозможное возможно... Но! Здесь надо быть предельно осторожным, ибо вместо эволюции к левоориентированному консерватизму — мы можем оказаться вплотную перед угрозой закамouflированного старокommунистического реванша.

Следует оговориться, что понятие левоориентированного консерватизма в известной степени условно. Левосоциалистический ген здесь, безусловно, имеется. Но очевидно и другое. Некоторые традиционные ценности русской жизни, проистекающие из православия, соборности, специфических исторических типов русской общины и общинности, отношения к государству и т.д. — воспринимаются как левые, социалистические и т.д. Да вспомним, наконец, Салтыкова-Щедрина с его известным наездом на пресловутых русских исконных «коммунистов узды и нагайки» еще тех незапамятных времен, когда о коммунизме на Руси и слыхом не слыхивали.

Нельзя не упомянуть о попытке консолидации российского консерватизма в итоге примирения «красных» и «белых» на базе признания ключевых ценностей российской истории — традиционализма, соборности, духовности и воцерковленности, сакрального отношения к высокой культуре (высокой — в противоположность масскультуре наших дней), великодержавия, симфо-

нии властей, и др. При этом наблюдается попытка уйти от противопоставления внутренней и внешней свободы, признать их неразрывность. Кстати, характерная деталь: в одном из последних материалов Совета по вопросам обороны и внешней политике (СВОП) появилось довольно знаменательное политическое новшество — парность «патриотические правые — ответственные левые». Не есть ли это также поиск некоей концептуальной конструкции, политологически освящающей этот своеобразный консолидированный консерватизм.

Мне представляется, что *мы все же вступаем в полосу консервативного развития*, и этому очень много свидетельств. Вероятность консервативного поворота наиболее отчетливо прослеживается по российским экономическим реформам. За эти годы реформ и их позитивной критики накоплен солидный теоретический потенциал экономического консерватизма, и именно это сделало возможным феномен Примакова. Именно с ним связана попытка консервативного поворота, которая, кажется, не прервалась при С.Степашине, и продолжилась при В.Путине. Тут уместно внести ясность в некоторые распространяемые ныне мифы о монетаризме Примакова, сходстве его программы с политикой Чубайса и т.д. Я думаю, что порядочность и ответственность политика, четкое следование взятым ранее обязательствам при максимальном учете национальных интересов, стремлении сохранить хрупкий социальный мир и атмосферу доверия — совершенно необоснованно и лукаво выдавались и выдаются за безальтернативность монетаристских схем и смену политическим лидером, каким является Е.М.Примаков, своих экономических и политических убеждений.

Конечно, многое в понимании настоящего и будущего консерватизма зависит от ответа на поставленные сегодня вопросы. К сожалению, та развертка, которую мы подготовили, в принципе не могла войти в перечень вопросов, которые вы получили, но я думаю, в наших выступлениях эти вопросы были обозначены достаточно рельефно.

В.Г.Федотова

Однажды я была в музее французского Сопrotивления в Гренобле. Там были выставлены газеты Сопrotивления «Сражающаяся Франция» и газеты фашистские. Девизом первых газет было «Свобода, равенство и братство», а девизом вторых —

«Порядок, семья, работа». У меня возникает вопрос. Если это центральный тезис консерватизма, почему он стал девизом фашистских газет? Можно ли считать фашизм радикальным консерватизмом? Но тогда к вам вопрос, ведь консерватизм несовместим с радикализмом. Я хотела бы услышать комментарий по этому поводу. Мне кажется, может быть, мы не вправе считать, что консерватизм, либерализм — это какие-то такие линии, которые четко можно выделить без исторического контекста или без историко-философского контекста, что они всегда разные, часто меняются местами из-за решения определенных задач. В одном отношении мы можем видеть, что это либерал, а в другом — консерватор. Я хотела бы услышать комментарий.

А.А.Кара-Мурза

Действительно, все настолько переплетено, что очень глупо сепарировать. Так же, как я достаточно давно пришел к пониманию, что, например, дурацкое деление на западников и славянофилов только затуманивает, потому что наиболее интересные фигуры, получается, перебегают из лагеря в лагерь. Так и здесь.

Теперь что касается фашизма, это отдельная проблема. Я сейчас собираюсь большую вещь написать. Как говорил здесь Андрей Евгеньевич насчет искушений консерватизма, люди, которые чуть-чуть зашкалили в апологии консерватизма, практически пропустили приход фашизма. Причем люди, которые, казалось бы, теоретически были гарантированы от такого обмана зрения. В частности, тот же Степун, Иван Солоневич. Люди, которые пострадали от тоталитаризма в одной форме, пропустили эту вещь. Это некоторая консервативная болезнь так же, как и социализм, во многом паразитирует на неразвитом либерализме или выступает там компенсаторной функцией. Фашизм, паразитируя на этих ценностях, там работал в более примитивном плане: фашизм — это борьба с безработицей, а не креативность в опоре на собственность, как в нормальном либеральном консерватизме. И тем не менее паразитирование на этих идеологемах и ценностях — это действительно реальная проблема, и крайне важно увидеть момент этой мутации, потому что люди, которые смотрели в одну сторону, защищаясь от социализма в нормальном смысле, вдруг с упованием на такое интуитивное почвенничество проморгали сначала Муссолини, потом Гитлера, не сразу разобрались в этом. Это очень конкретный анализ, и мы тоже не гарантированы сейчас от каких-то рецидивов некоторой путаницы.

А.Е.Городецкий

Мне кажется, здесь есть одна вещь, которая как бы отделяет – по крайней мере в первом приближении – консерватизм от его крайних воплощений в виде фашизма. Ни в каком консерватизме не было таких расовых крайностей, как в фашистских доктринах. Но по этому признаку можно провести градацию. Человеконенавистнические идеи, которые подрывают сами устои нормального общества. Где консерватизм, а где такие идейные течения и политические воплощения?

И второе. Есть, действительно, идеи, комплекс великих идей, которые мы определяем как либеральные, консервативно-социалистические, а есть проблемы их теоретического употребления и опущения, и тем более их политического употребления и опущения. Мне понятно, когда, скажем, одиозное движение в политических целях спекулирует такими понятиями, как дом, семья, труд и т.д. Великими принципами спекулировать легко, но это вовсе не означает, что это роднит и те, и другие идеи, и те, и другие движения. Вот так бы я ответил на этот вопрос.

В.М.Межуев

Мне все-таки непонятно, как вы оцениваете консерватизм – это тип идеологии или тип политического поведения? Одно дело консерватизм – связка либерализма с социализмом, что я не очень понимаю, а другое – консерватизм – связка реформатора и революционера, как обычно это употребляется. Консерваторы могут быть социалистами, либералами. В свою очередь, либералы могут быть революционерами, радикалами и консерваторами. Я не очень понял, вы эту связку учитываете: консервативный тип поведения и идеологическую направленность?

Э.Ю.Соловьев

Мне нравится попытка нового определения консерватизма, предложенная А.А.Кара-Мурзой. Ценность консерватизма осознается лишь в опыте смут, разрух и гражданских войн. Консерватизм – не просто антитеза обновленчества и модернизаций (он может быть с ним согласован). Консерватизм – противник модернизаций, осуществляемых ценой культурно-цивилизаци-

онных регрессий, или, как прекрасно выразился докладчик, «с риском на понижение». Традиционные общества (например, древнекитайское, античное или средневековое) просто не знали масштабной практики подобного рода. Поэтому, возможно, понятие консерватизма в *строгом смысле слова* к ним просто неприменимо. Оно — великое и навечно приобретенное Нового времени.

Меня, далее, очень заинтересовала попытка замкнуть понятие консерватизма на понятия *дома, труда и порядка* (знаменательно, что это одновременно и либеральные ценности). А.А.Кара-Мурза склонен трактовать их как блага, значение которых понятно для любых обществ и культур. Я был бы рад, если бы ему удалось дать убедительное доказательство такой трактовки. Но пока что идея надвременности «дома, труда и порядка» выглядит спорной. Мне кажется, что в разных обществах, в разных культурах сами эти понятия осознавались по-разному и уж совсем не обязательно предполагали либеральные коннотации (дом не всегда мыслился как крепость приватной жизни, труд — как эффективная и рентабельная работа, а порядок как правопорядок).

Вместе с тем я охотно признаю, что в сложных обществах, уже имеющих горький опыт модернизации, либеральная компонента консерватизма может осознаваться в значении надвременной и самоочевидной.

А.А.Кара-Мурза

Абсолютно правильно замечено насчет некоторой как бы начальной предзаданности либеральной этиологии, которая потом раскрутится в либерализм. На мой взгляд, так оно и есть на самом деле. Господство консервативной идеологии, ее интерпретация трех метаценностей с самого начала подразумевает мобилизационный, достаточно архаичный методологизированный тип развития. Как только общество усложняется, оно либо выживает через либерализацию, либо несоответствие архаического консерватизма, интерпретация этих ценностей вылезает наружу, и общество разваливается. Поэтому для меня либерализм — это как раз возможность содержательно проинтерпретировать эти ценности в развитом обществе. Либерализм и развитие скорее всего, а консерватизм лишь некоторое время удерживает, сопротивляется и т.д. Но если он не начнет играть по современным правилам, а ему предлагается очень важная роль — тестирование либерализма, если он не играет, а превращается просто в реакционность, то он неизбежно проигрывает.

Теперь то, что связано с возможностью реставрации. Здесь, уже отвечая на вопрос Вали Федотовой, я бы сказал, что под видом консервативной реставрации очень часто происходит фашизация, мутация этих вещей, и тогда это не попадает под идею консерватизма, хотя у нас фашисты традиционно называются ультраправыми. То есть это болезнь правого сознания, но как мутация это уже не норма консерватизма, и я бы не хотел эти вещи смешивать.

Теперь Вадиму Михайловичу насчет разведения типа сознания и как бы позитивной практики. А почему, собственно, мы должны их так далеко между собой разводить? Люди, которые этими вещами занимались, если посмотреть на историю политической мысли, — это одни и те же люди. Это одновременно и политические актеры, советники правителей начиная с древности и средневековья, это люди, которые очень точно участвуют, начиная с того же самого Локка, Гоббса, которые просто активные политические деятели, Спиноза и т.д. Это норма. Почему надо так далеко разводить теорию политического консерватизма и практику? Наоборот, только в содержательном единстве этих двух вещей реализуется то, о чем я говорил. Я сознательно эти вещи сближаю и в этом смысле соответствую реальному историческому контексту. Так же и сейчас. Когда я говорил о необходимости сближения умного человека и властвующего человека, я как раз говорил о том, что надо еще более сблизить эти два понятия, иначе они не играют поодиночке, и будет серьезная политическая дисфункция. Поэтому я как раз не вижу в этом своего недостатка, хотя, возможно, при дальнейших дискуссиях можно будет понять, в чем же здесь, собственно, неудобство. Я согласен над этим еще подумать, но пока у меня такая точка зрения.

В.И.Толстых

Я хочу попросить выступить Алексея Михайловича Руткевича, автора книги «Консерватизм». Мне удалось ее прочитать. Нахожусь под свежим впечатлением, мне она понравилась. Здесь очень четко определены рамки и задачи исследования, цели и адрес книги, которая в рамках заданной программы хорошо выполнена.

Начну я не с расхождений с Алексеем Алексеевичем Кара-Мурзой, а с конкретных вопросов, которые были заданы. Действительно, если брать вишистский режим во Франции, то всем известно, что Петэн, вообще-то говоря, был французским консерватором и поклонником Шарля Морраса с его монархизмом, консерватизмом. Ведь лозунг «Свобода, равенство, братство» провозглашали в разное время разные люди. Между прочим, эти слова произносили и большевики. Во времена Сопrotивления свободу, братство и равенство провозглашали и люди де Голля, а де Голля можно считать одним из великих консервативных французских политиков. Он, кстати говоря, в молодости тоже увлекался идеями Шарля Морраса. Лозунги зависят от конкретной ситуации. Сегодня уже речь шла о том, что у нас есть некий левый консерватизм. Действительно, куда отнести Бабурина? Чем это не консерватор? Любимый автор Зюганова — это Иван Ильин. Приведу одну фразу Зюганова: «Партия наша левая, а дело наше правое». С учетом ее двусмысленности, это великолепная фраза; когда он пишет про «мировое закулисье», то, вообще-то говоря, повторяет сказанное в 40-е годы Иваном Ильиным.

О «консервативной революции». Мне понятно, когда о ней говорит г-н Дугин, он ссылается на Артура Меллера ван дер Брука с его книгой 1923 года «Третий Рейх», на Эрнста Никиша и других деятелей консервативной революции, хотя сам термин пришел из России. Впервые он был употреблен в Германии Томасом Манном в рецензии на сборник произведений русских писателей (Достоевского, Лескова). Но у нас о «консервативной революции» вдруг заговорил молодой Рыжков, а вслед за ним еще и Черномырдин, хотя с трудом представляю себе с томиком Шпенглера или ван дер Брука нашего Демосфена от «Нашего дома России». У нас очень своеобразный мир, где путаются все идеи, и, конечно, когда сегодня говорится о консерватизме НДР или «мужиков» из «Единства».

У нас ситуация, действительно, такова, что очень сложно соотнести реальную политическую практику и какую бы то ни было идеологию, потому что у нас хоть те, кто говорит о социализме, хоть те, кто говорит о центризме, хоть о либерализме, выбирают из западного опыта, пожалуй, самое карикатурное и самые нелепые варианты того, что только может быть. У нас есть консервативная партия Льва Убожко, ее сторонники оде-

ваются в форму юнкеров, несут какой-то вздор относительно Врангеля, Деникина и т.д. Мы живем, повторяю, в перевернутом мире, и здесь оценки, соотношение идеологий каких-то партий и реальной политической практики оказываются самыми фантастическими.

Если вернуться к докладу А.Кара-Мурзы, то я согласен с тем, что любая субстанциализация явлений политических, особенно истории мысли, всегда является весьма условной. Консерватизм обладает социальной функцией. Но то же самое можно сказать о социализме и либерализме.

Разногласия с докладчиком касаются истории: у консерватизма давние, очень давние истоки, это традиции политической мысли, идущая от Аристотеля, Цицерона — это наиболее цитируемые авторы консерваторов. Речь может идти не о политике, а об этике — консерваторы чаще являются аристократами. Не случайно Гелен, крупнейший немецкий философ-консерватор самым резким образом пишет о стоической этике, которая у него прямо соотносится с социализмом. Не случайно целый ряд авторов и эпохи Просвещения, и XIX века, которых можно отнести к консерватизму (хотя куда отнести Токвиля — к консерватизму или либерализму — немалый вопрос), являются продолжателями аристократии, выступавшей против абсолютизма, против абсолютной монархической власти. Идет ли речь о «Фронде» или ее предшественниках XV-XVI веков во Франции, уже хорошо видны некоторые тезисы будущего консерватизма.

Речь идет не просто о защите привилегий аристократии, но о правах и свободах провинций, парламентов, городов, которые нарушались абсолютной властью. Аристократическое свободолюбие и свободомыслие в России обнаруживается и у некоторых декабристов, и у Пушкина. Можно начать историю отечественного консерватизма с Курбского и князя Щербатова — с «Истории повреждения нравов». Эта тенденция присутствовала и у тех, кого мы в строгом смысле можем назвать консерваторами в XIX веке, поскольку понятия консерватизм, социализм и либерализм возникают в 20-30-е годы прошлого века (эти три идеологии формируются практически одновременно).

Всю эту историю не могу здесь сколько-нибудь подробно разбирать, замечу только, что помимо Аристотеля и Цицерона, Гоббс или Гегель также относятся к консервативному пантеону, подобно тому, как Локк относится к либеральному. У консерваторов имеется своя интеллектуальная традиция, и совершенно неоправданы те оценки левых, которые сводят консерватизм к

реакции. Берк не противник революции вообще. Он хвалит Славную революцию в Англии. Он — друг Адама Смита. Что он, противник рынка? Берк при этом был сторонником предоставления независимости Соединенным Штатам да еще, между прочим, критиковал английское правительство за захват земель у индейцев. Действительно, в консервативном движении были и Бональд, и де Местр, и наш Победоносцев. Но исходный консерватизм с реакцией далеко не всегда совпадает и чаще всего не совпадает. Берк опирался на Гоббса и в особенности на Юма. Если мы возьмем политические произведения Юма, то обнаружим, что Берк просто повторяет Юма в оценке революции (Юм писал об истории революции в Англии). Берк был вигом, но унаследовал оценку революции у шотландских тори. Это самостоятельная позиция, которая исходно отличается от либеральной в критике революции как метода решения политических вопросов. И Берк, и Юм ранее подчеркивали, что именно эволюция, просвещение, реформы внутри страны совершенно необходимы, должны проводиться, но без разрыва с традицией. Гоббс в «Бегемоте» пишет о джентльменах-парламентариях, начитавшихся античных речей о свободах; джентльмены дали возможность захватить власть самым истовым сектантам из пуритан. У нас это делали господа с февраля по октябрь 1917 г. Консерватизм был реакцией на французскую революцию. И разделение на либералов и консерваторов происходит именно тогда. Но консерватизм ничуть не менее либерализма представляет собой наследие и Века Разума, и Ренессанса, и Реформы, и эпохи Просвещения. Монтескье и Юм принадлежат к числу просветителей — это те авторы, которые оказали максимальное влияние на консервативную мысль.

Поэтому, на мой взгляд, консерватизм как определенная позиция именно в рамках политической философии не сводится ни к либерализму, ни к реакции, к чистому монархизму. Если это так, то речь должна идти не только о специфической «функции» сохранения. Есть консерваторы-почвенники, есть консерваторы-националисты, государственники, но такой же спектр мы обнаружим у представителей социалистического «проекта» — от анархистов, коммунистов до самых правых социал-демократов.

В.М.Межуев

Но это не идеология, а тип политического мышления.

А.М.Руткевич

Это тип политического мышления, определенный вид политической философии; это позиция, за которой стоит, конечно, определенный тип мышления.

В.М.Межуев

То есть другое основание деления: консерваторы и неконсерваторы, а не либерализм, социализм и прочее.

А.М.Руткевич

Нет, эти типы зафиксированы правильно, потому что консерватизм, либерализм и социализм предстают и как типы мысли, и как определенные идеологии, и как стоящие за ними политические партии и группы — все это относится не просто к типам мысли. Первая консервативная партия — это те, кто ранее назывался тори, они стали называться с 1832 года консерваторами. Кстати говоря, провели при этом первые билли, которые расширили (чего виги не делали вовсе и чему они всячески сопротивлялись) число лиц, имеющих право голоса на выборах. Дизраели писал в 40-е годы о консервативной демократии, когда слова «демократия» избегали все виги.

О.В.Гаман

Безусловно, никто не станет спорить с тем, что консерватизм реактивен. Но проблема в том, что он не всегда реактивен и этим не исчерпывается ни содержательно, ни функционально. В России он по большей части действительно реактивен. А вот почему? Мне кажется, это обусловлено спецификой ее развития. На Западе консерватизм по большей части самодостаточен, а у нас он реактивен, потому что революционная модель развития как бы в большей степени органична консерватизму как мировоззрению и как модели поведения.

Катастрофичность русской истории рождает иную парадигму и мысли, и действия, поэтому консерватизм как раз и реактивен в России. Специфика процесса социокультурной транс-

ляции в России такова, что для нее характерны прерывистость, дискретность и константа. И в этом парадокс. В России, как правило, неоправданны влиятельные европейские заимствования. В этом проблема. И парадоксальным образом получается, что российский консерватизм представляет собой реакцию на неадекватность аутентичной версии европейского либерализма. Нормальная европейская традиция диалога либерализма и консерватизма у нас приобретает форму диалога смыслов заимствованных концепций, то есть и либерализм, и консерватизм — они взяты как концепции, и поэтому их диалог получается похожим на диалог слепого с глухим. И поэтому у нас либерализм по большей части авторитарен и нигилистичен, а консерватизм реакционен — не в смысле ответа, а как реакция на неадекватность, на нигилизм либерализма.

Российский консерватизм, будучи действительно здоровой изначально реакцией на либерализм, не может в принципе остановиться на каком-то оптимальном пункте и обязательно повернет в какую-то другую сторону. В этом смысле весьма показательна и мировоззренческая эволюция наиболее известных политиков-консерваторов второй половины прошлого века, скажем, того же Победоносцева. Смысл-то в том, что они не были ни необразованными ортодоксами, ни держимордами, это были блестяще образованные люди своего времени. Чтобы понять, насколько был прав или не прав Победоносцев, нужно соотнести сегодняшние проблемы конкретного исторического развития с проблемами, над которыми бились и либералы, и консерваторы прошлого века. А проблема все та же: стратегия социально-экономической и политической модернизации. И если либерализм ужаснул, явив свое лицо бесами русской революции, то вот эта реакция тоже не смогла остановиться. Чтобы понять атмосферу, совсем маленький пример-картинка. Когда был убит бомбой Каляева великий князь Сергей Александрович (известно, что бомба разорвала его тело так, что некоторые его части, включая голову, не смогли найти), какова была реакция либеральных московских салонов? Один из московских профессоров на это ответил так: ну, наконец, однажды пришлось и князю великому пораскинуть мозгами. И что интересно, этот эпизод приводит Гессен в «Архиве русской революции», и приводит сочувственно. Таково искаженное, превращенное лицо российской реакции, не похожей на европейскую реакцию самодостаточного консерватизма.

Сегодня та же проблема: приобщение широких масс населения к политическому участию. Сегодня, спустя век, который был насыщен катастрофическими катаклизмами и соответственно дал потрясающий опыт осмысления политической реальности, это колоссальная проблема, которая показывает, что одни формальные институциональные и процессуальные институты демократии не могут здесь ничего решить. Век назад это понял Победоносцев, который в духе Мангейма понял, что демократизация подобна всем другим открытиям науки: она может привести как к позитивным результатам, так и к катастрофическим. Поэтому я рада приветствовать первую серьезную попытку сегодняшними глазами увидеть феномен российского консерватизма.

Приведу один небольшой пример, который подвиг меня к такой оценке. Не так давно вышла коллективная монография ряда известных историков с биографиями российских консерваторов. Там представлены портреты того же великого князя Сергея Александровича, Каткова, Бенкендорфа, Аракчеева, очень разных людей. Между тем там отсутствует портрет Победоносцева. И ответственный редактор сборника пишет: не нашлось автора среди современных историков, который бы смог адекватно представить портрет, — настолько сложна фигура.

И еще одна маленькая картинка. Не так давно в одном из журналов вышел цикл статей относительно судеб русской бюрократии. Так вот, вводную статью, которая была посвящена как раз людям, представившим консервативный поворот в российской политике конца прошлого века — те же Победоносцев, Катков, журнал отказался публиковать по идеологическим мотивам. Было сказано, что уровень текста более чем устраивает. Остальные статьи вышли, а вот эта статья по идеологическим соображениям не может быть помещена, ибо сегодня, как мне было сказано, особенно после фильма «Сибирский цирюльник», фигуры Александра III, Николая II, а также Победоносцева являются новыми авторитетами, посягать на которые уже нельзя. Уважаемый журнал, между прочим.

И совсем последнее — относительно того, как эти сложные идеологические конструкторы трансформируются в массовом сознании. Не так давно мои коллеги, которые занимаются изучением российских региональных процессов, провели исследование о том, каким видится новый президент России. Ответы были примерно такие: хочется увидеть кого-то нового, молодого, про-

сто свежих лиц хочется. А на вопрос-просьбу конкретизировать персонально, кто это может быть, был получен следующий ответ: наверное, Примаков или Лужков.

М.В.Масарский

Я хочу напомнить вам тот перечень метаценностей цивилизации, который прозвучал в докладе Кара-Мурзы — дом, труд и порядок. Можно найти это и у Аристотеля с его реакцией на кризис родового государства. Но что заставляло уже античных мыслителей артикулировать эти ценности? Скажем, подчеркивать, что таксис выше космоса, а экономика содержательнее и цивилизационнее торгового обмена, который преследует выгоду. И только то, что не преследует выгоду, что остается в рамках этого обмена, самой древней экономики, и достойно внимания. Куда заводила эта реакция? Да, я согласен, консерватизм реактивен. Реакция на что-то: на демократию, на судовые экипажи, которые противопоставлялись роду и семье, на кризис архи, а архи сменяло кратос, то есть власть, на городскую цивилизацию, которая вытесняла архаическую, и заводила Платона, например, в апологетику тоталитарной Спарты. Что хорошего находил в афинском государстве консерватор Аристотель, ведь это была полития войн. Как видим, консерватизм трансформировался в архаику, в реакцию.

Теперь, какие приключения испытали эти ценности, метаценности цивилизации в Новое время? Вот Юм перечисляет их три. Это устойчивость отношений собственности, передача этой собственности по взаимному согласию и исполнение обещаний. Видимо, это было подвергнуто сомнению, и, опять-таки, артикулируется только реактивным образом. Или, например, Монтескье. Он «Дух законов» написал вовсе не в целях либерализма, — так он реагировал на абсолютизм. Он защищал феодалов, аристократию от чрезмерных притязаний королевской власти. А включения этих идей в наше время таковы, что пользуются этими тезисами кто угодно — и консерваторы, и либералы, и коммунисты говорят о презумпции невиновности, о разделении властей. Казалось бы, менее всего им с их советизацией жизни и тезисом о всевластных Советах говорить о разделении властей.

Я приветствую пафос докладов — и того, и другого. Согласен, Эрик Юрьевич, и с вами, что нельзя говорить о консервативных терминах философской рефлексии. Но, все-таки, некое

объективное общественное сознание присутствует. Возникает вопрос: почему, скажем, пишет Василий Осипович Ключевский, что первый консервативный документ в истории России датирован 5 февраля 1610 года? Что это за документ? Это договор боярско-дворянской части русских тушенцев с Сигизмундом, королем польским. Они стремились обезопасить права условия и политические права отдельной особи. Они говорили: бессудных расправ не должно быть, конфискации имущества родственников опальных не производить, судить по законам, а не по понятиям, по разумению государеву. То есть это была реакция на что? На демократические ужасы опричнины. И мы видим, что большими демократами в истории России были государи. Более демократом, чем Курбский, был Иван Грозный, большим демократом был Петр I, чем, скажем, Щербатов. Но беда России в том, что Россия не прошла школу феодализма. Феодализм создал систему личных связей, адресованных к прошлому, и заменил ими политические институты власти. Система вассалитета требовала арбитража, требовала присяги плюс договор. Вассалы и синьоры, кстати, — это ведь не поданные государя, они договариваются, есть арбитраж. Мы видим, что архаические учреждения, такие, как парламент, стали инструментами либерализма. Идет вообще превращение традиционных форм в самые необычные. Поэтому фашисты и нацисты пользовались лексикой и понятиями традиционными, говорили о почве и крови, в терминах родового государства, выступали против территориального государства. Я бы ответил в заключение на вопрос, сформулированный в повестке дня, «где располагаются консерваторы в пространстве политической России». Политическое пространство России только-только выходит из смуты, а смута — это такое системное состояние государства, когда все перемешано, но все-таки есть некие алгоритмы этой смуты. Например, когда раскалывается истеблишмент, когда низы пытаются сокрушить само понятие государственности, когда государство не выполняет свои охранительные функции, традиция консерватизма в нашей литературе, искусстве очень слабо представлены. Мы легче воспримем «пусть сильнее грянет буря», чем, скажем, то, что демонстрировал писатель Гончаров, когда путешествовал на фрегате «Паллада» и порекомендовал капитану корабля полюбоваться зрелищем разбушевавшихся волн. Тот вышел, посмотрел и сказал: безобразия, беспорядок.

И когда мы говорим и проклинаяем Победоносцева за то, что он такой сякой консерватор, а восхищаемся любым колебателем общественных основ, то эта эсхатизация колебаний общественных основ заложена у нас в крови, эсхатизация бунта.

И в заключение я хотел бы все-таки сказать, что у нас при отсутствии аристократии и школы феодализма все-таки существуют аристократизирующиеся элиты, которые хотят сохранить то, что имеют. В свое время, когда КПСС была всевластна, многие советологи на Западе предсказывали, они не называли слова «перестройка» и говорили, что произойдет смягчение режима, потому что верхи не захотят вздрагивать при стуке в дверь, они захотят жить в своей семье, пользоваться имуществом, частной собственностью. И я думаю, охранительная функция консерватизма проявилась, например, в американском обществе, через нее консерватизм экономический, в английском — через тэтчеризм. Я думаю, она проявится и у нас, правда, не в исполнении «дирижизма» Госплана. Не случайна эволюция этого дирижизма — он сначала был консервативным, охранительным, стал в сущности революционным сейчас. В сущности, речь идет о реванше коммунистическом. Вот это удалось завести, чрезмерную реакцию, гиперреакцию. В каком случае возникает гиперреакция? При аллергии. Это чисто аллергическая реакция общества, чрезмерная реакция при ослаблении иммунной системы.

Г.И.Мусихин

С самого начала, откликаясь на первые два доклада, которые задали тематику сегодняшней дискуссии, я бы хотел, все-таки солидаризируясь с Алексеем Алексеевичем, сказать, что сводить либерализм и консерватизм в некое беспроблемное единство мне кажется необоснованным. И вводить в либерализм парадигматику консерватизма, на мой взгляд, не совсем справедливо. Дело в том, что либерализм действительно стал публичной политической философией современного мира. То есть входить в политику, не будучи либералом в какой-то степени, считается нецивилизованным. В этом отношении существуют либеральный социализм, либеральный консерватизм, либеральный национализм как цивилизованные формы политической идеологии современности. Это, кстати, сыграло злую шутку с собственно либерализмом как конкретным политическим течением. Мы все знаем, он терпит очень серьезное поражение как

политическая партия, потому что его ценности стали общеупотребительными, и непонятно, что же защищает политическая партия, которая провозглашает себя либеральной. То есть либерализм, растворившись во всей сфере политической жизни, утратил силу как конкретное политическое течение. Но, на мой взгляд, между либерализмом и новым консерватизмом существует очень существенное отличие. На мой взгляд, даже для нового консерватизма первичен пафос порядка. Не правопорядка, а порядка как определенной совокупности норм и инструментов, защищающих статус-кво — тот, который сложился на данный момент. При этом идея свободы идет как бы фоном, первичен пафос порядка. Для либерализма все-таки первичен пафос свободы. Для либерализма свобода — это ценность, свободный рынок для либерализма — это ценность прежде всего. Для нового консерватизма свобода, да, безусловно, присутствует, но как инструмент, как средство достижения определенных целей. То есть надо убрать государство благоденствия, надо вернуть свободный рынок, но не как самоценность, а как инструмент, который позволит в данной ситуации стабилизировать положение. Свобода для консерватизма, на мой взгляд, ценностью никогда не будет. А если это будет так, то он перестанет быть консерватизмом. И не случайно Маргарет Тэтчер не проиграла ни одни выборы, она утратила контроль за консервативной партией, потому что излишний пафос свободы, которую она стала, в конце концов, провозглашать, встретил резкое неприятие со стороны многих ее соратников по партии. Это прикрывалось другими конкретными политическими моментами, но во многом это была традиционалистская реакция консервативной партии на Маргарет Тэтчер, которая стала размывать собственно консервативную идеологию.

Теперь по поводу императивов консерватизма. На мой взгляд, к которому я пришел в ходе достаточно длительного исследования: консервативное мировоззрение представляет собой комбинацию двух императивов — это императив традиции и императив авторитета. Это постоянно комбинирующиеся, взаимопроницающие императивы и понятия, но не идентичные друг другу. Потому что для консерватизма традиция обладает определенной, конкретной силой принуждения, она просто так не существует. Традиция должна уметь защищаться. И для этого существует авторитет, который защищает данную традицию. Это в идеале. На самом деле взаимодействие авторитета и традиции в

консервативном мировоззрении далеко небеспроблемно, особенно в российском консерватизме. Дело в том, что авторитет более функционален по сравнению с традицией. Авторитет очень часто используется властью предрешающими для защиты статус-кво своего реального положения. При этом методы этой защиты далеко не всегда консервативны. Власть для защиты авторитета может пойти и на какие-то неконсервативные методы — либеральные, с элементами социальной справедливости и т.д. И тем самым императив авторитета внутри консервативного мировоззрения сталкивается с императивом традиции. И мы в российском консерватизме постоянно это наблюдаем. Взять того же Карамзина. Скажем, Щербатов — первый российский традиционалист, потому что он еще как бы недостаточно отрефлексировал консервативную идею, но Карамзина уже можно считать действительно российским консервативом, его размышления о старой и новой России — это фактически первый публичный манифест российского консерватизма. Это не в стол было написано, это было подано Александру I. И там мы видим, как императив традиции вступает в конфронтацию с императивом авторитета. Власть действует, исходя из авторитета, но это вступает в противоречие с исторически сложившейся традицией. Это нужно ликвидировать, это нужно ввести в гармоничное сочетание. Однако, на мой взгляд, российский консерватизм так и не смог урегулировать взаимоотношения авторитета и традиции. Эта расколотость так и осталась. В конечном счете либо наблюдалась конфронтация с властью, как, например, в лице славянофилов, которые остались верны традиции, но в результате практически полностью были отвергнуты авторитетом и сами отвергли этот авторитет, либо традиция подчинялась авторитетам. Скажем, традиция объявляла авторитет главной традицией консерватизма, как авторитет самодержавной власти, которая претендовала не только на политическое руководство, но и на духовное руководство.

Таким образом, российский консерватизм так и не смог преодолеть эту двойственность, борьбу авторитета с традицией и во многом бесследно исчез в силу исторических катаклизмов с исторической арены, потому что не сохранил и не смог создать своего внутреннего стержня. И сейчас, когда в новых условиях пытаются возродить российский консерватизм именно как следование какой-то традиции, это иллюзия, потому что собственно консерватизм российских традиций был настолько дискре-

дитирован историей, что теперь возрождать их в новых условиях, на мой взгляд, это зря тратить время. Вот почему комично выглядела фраза Михалкова «Здравствуйте, просвещенные консерваторы, Христос воскрес!» Сразу вспоминается, чем была Православная церковь для российского консерватизма эпохи самодержавия. Это был прежде всего инструмент манипулирования в руках царской власти. Вот и сейчас кто-то называет храм не иначе, как Лужка-Спасителя, и вместо фразы «Какой храм построили» часто говорят «Какой храм отмыли». Так что возрождать традиции российского консерватизма, на мой взгляд, бессмысленно, потому что они себя дискредитировали, не найдя баланса именно среди авторитетов. На мой взгляд, если и возможен российский консерватизм, а я далеко в этом не уверен, то именно как возрождение идеи авторитета, а не традиции. То есть консерватизм как авторитет и прежде всего как авторитет власти, которая осознает свое положение и действует соответственно: положение обязывает. Только эта идея, на мой взгляд, может создать новый российский консерватизм, потому что других идей, которые реально бы работали на формирование российского консерватизма, я не вижу. Это очень узкая основа, я с этим согласен, но я не считаю, что возрождение российского консерватизма — это беспроблемное явление.

Он может, действительно, и не возникнуть именно в силу того, что его исторически сложившиеся традиции дискредитированы. И кроме идеи авторитета он практически ничего на данный момент предъявить политике, обществу не в состоянии.

А.М.Руткевич

Очень короткий вопрос: социализм или либерализм — социализм со всем тем прошлым, которое было, в лучшем случае это член Политбюро, который выдал в свое время из себя раба, оттого такая вонь вокруг, — я не беру Сталина, Хрущева, вот наш социализм. Тогда какая у нас вообще политическая идея? Анархизм разве что, потому что был Махно?

Э.Ю.Соловьев

Это запредельный вопрос.

Г.И.Мусихин

Социализм все-таки создал за время своего существования какие-то положительные ценности в мировоззрении широких слоев населения. Может быть, это миф, и это, естественно, миф, но российский консерватизм не создал даже такого.

А.М.Руткевич

Но тогда он создал Россию.

Г.И.Мусихин

Которой нет.

А.М.Руткевич

В таком случае – которой нет, но как она возможна?

Г.И.Мусихин

Та Россия исчезла. Она исчезла не только как реальность, она исчезла даже как миф. Был ли этот миф жизнеспособным?

Э.Ю.Соловьев

Если я правильно вас понял, вы рассматриваете авторитет как добавление к традиции, причем такое, которое в самой традиции полностью обусловлено быть не может. То есть для авторитета недостаточно, чтобы определенный человек явно опирался на традицию, выступал от ее лица, гляделся в ее лице. Ведь нужно еще что-то другое. Вы так хотите сказать? То есть это дополнительная и какая-то независимая величина, которая из самой традиции рождается и должна в современной политической практике, в современном консенсусе как-то о себе заявить. Я вас понял правильно?

Г.И.Мусихин

Да.

Б.С.Ерасов

Я очень рад продолжению наших дискуссий, несмотря на то, что вновь и вновь убеждаюсь в неизбежности тотального расхождения и невозможности прийти к какому-либо согласию по обсуждаемым нами серьезным вопросам и, прежде всего, в силу тотального расхождения занимаемых позиций.

В.И.Толстых

Это плохо или хорошо?

Б.С.Ерасов

Здесь неуместны будут оценки. Это диагноз: просто среди профессионально мыслящих людей в нашем небольшом российском кругу невозможно договориться ни по одной из столь значимых проблем, которые мы обсуждаем. Ни по отношениям разных религий или их смыслу для общества, ни по сущности и судьбам России, ни о роли евразийства, ни о соотношении либерализма и консерватизма.

Тем не менее каждый раз это очень поучительные собеседования, потому что они способствуют уточнению характеристик умственной ситуации, того способа рассуждений, в которых они ведутся.

Хочу напомнить, что за рамками нашего дискуссионного клуба находится «остальное» общество, улица, которая вовсе не является «безъязыкой», как полагал В.Маяковский, а очень даже языкастой, и которая вырабатывает свой тип словесного общения, еще более непримиримый и действенный.

Нужно еще оговориться, что все наши идеи и обсуждения, вопреки стремлениям некоторых участников, не имеют сколько-нибудь реального отношения к реальной политике, потому что политика — это власть, и к настоящему времени каждому должно быть понятно, что ни идеи, ни программы — хорошие или плохие — не затрагивают ума действующих российских поли-

тиков. В этой политике главное — воля и инстинкт удержания власти, а все остальное будет им обеспечено «независимыми экспертами», профессионалами своего дела, которые знают как создать «образ» вождя и как его продать.

Высказанная здесь идея соединения мозгов и власти — обычная утопия русской интеллигенции. «Там» дураков нет, но есть особый тип мышления, четко функциональный и, подчеркну еще раз, обслуживаемый лучшими специалистами, которых можно купить за деньги. И в той сфере, как выяснилось, вращается один миллиард долларов, и он по своему объему и действительности превосходит все легальные рынки России, может быть, уступая «теневым» и криминальным.

В нашей сегодняшней дискуссии, как и в предшествующих, весьма показательным будет анализ не идейного содержания, а прежде всего семантики. В предложенной теме звучит прежде всего именно семантика, а не смысловая нагрузка. Рассуждения идут не по поводу принципов регуляции российского общества в прошлом или в наше время, а в рамках идеологических конструкций, в которых особую нагрузку несут сами термины — денотаты самого себя, сопутствующих участников или противостоящих начал. Такого рода размышления в России продолжают уже три века, и три века волны истории вновь и вновь смыывают эти письмена на песке, которые никак не могут заметить скрижали и священный текст.

Именно в этой дискурсивной семантике существуют наши сегодняшние термины «либерализм» и «консерватизм», перенесенные из других языков и других культур и не имеющие подлинного соответствия с российской реальностью.

Еще и еще раз приходится возвращаться к формуле полуторавековой давности «умом Россию не понять», то есть западным умом и в терминах некоторых западных языков.

Аналогичная семантика вновь и вновь звучит в хорошо знакомой нам паре терминов — «цивилизация — варварство». То есть Цивилизация в единственном числе, представленная Западом, и Варварство — как все остальное. Уже сошли со сцены видные политики, по своему уму употребившие термин Цивилизация — М.С.Горбачев, госсекретарь Г.Бурбулис, министр иностранных дел А.Козырев и некоторые другие. И хотя их подвела не семантика, это отчетливый признак скорого схождения со сцены. Единственный человек, который подчеркнул наличие многих и разных цивилизаций — был Примаков, который может быть и вернется во власть. Он предложил геополитический и цивилизационный союз России, Индии и Китая.

В.И.Толстых

Многие употребляют термин «цивилизация» во множественном числе.

Б.С.Ерасов

Примаков, по-моему, единственный из крупных, знающий, о чем идет речь. М.С.Горбачев вел свою политику по общему принципу: «Россия должна войти в мировую цивилизацию».

В.И.Толстых

Понятие мировой цивилизации тоже существует.

Б.С.Ерасов

Существует в очень условном и ограниченном смысле, для обозначения некоторых процессов, происходящих в мире. Эти процессы, как мы недавно выясняли на дискуссии об этосе глобального мира, имеют крайне противоречивый характер. Одно из последствий этой глобализации — подрыв и разрушение региональных цивилизаций и выдвижение Гегемона, то есть США. Другой вариант — глобальная криминализация. Какому из этих вариантов оказывается в России предпочтение? По-видимому, сразу обоим.

Вернемся к развернувшейся здесь дискуссии. Вновь и вновь приходится слышать о длительной традиции употребления и разработки термина «либерализм» — от Аристотеля до наших дней. Почти целиком в тех же смыслах, в которых употребляется этот термин в западной и западной общественной мысли. И вновь и вновь выясняется, что эти смыслы и эта эрудиция не имеют отношения к российской действительности. Это зачастую лишь манера рассуждения.

Из истории России можно было бы привести множество примеров явного несоответствия идеи либерализма общественному устройству. И либерализму приходилось приспосабливаться, что вызывало издевательство известных сатириков. Либо же он вырождался в чистую фразу.

Тем не менее в выступлении А. Кара-Мурзы меня порадовала некоторая эволюция нашего новейшего либерализма хотя бы в рамках дискурсивного поля. Теперь речь идет о «консервативном либерализме». Это означает, что либерализм нутром ощущает свое семантическое банкротство и пытается риторически привязаться к каким-то более устойчивым ценностям, которые он полагает возможным найти у консерватизма. Это хорошо известные смыслообразы: труд, дом, порядок. Как значимые ценности эти принципы присущи всякой устойчивой культуре и поэтому они попросту позаимствованы из словарного набора и имеют лишь косвенное отношение к либерализму, утверждающему себя в нашей стране как разрушение труда, дома и порядка — во имя Прогресса.

Теперь, когда основное, по мнению либерализма, сделано, когда для остальной части общества эти принципы подорваны или разрушены, когда близится окончательная победа Криминала, некоторые слои, добившиеся в этом процессе существенного успеха, хотят закрепить этот успех и оградить себя от контрпретензий обездоленных слоев и попыток более справедливого распределения результатов труда.

Поэтому слои, добившиеся для себя успеха, разрушившие прежний порядок, начинают взывать к порядку, а разрушившие трудовые ориентации вспоминают о труде. И конечно, дом — прежде всего дом, представленный дворцами где-то в Швейцарии или Австрии и других благополучных местах. Впрочем, у многих из них есть хорошие дома под Москвой или Петербургом, построенные за счет разрушающихся или взрывающихся домов по всей остальной России.

Но даже предпринятые либерализмом усилия свидетельствуют о крайней бедности его «консервативного» содержания. Вечные ценности — вечные для данного общества — кроются в культурном наследии каждой цивилизации. Они имеют и свое терминологическое оформление, и свою символику, и связь с другими компонентами культурной системы, о чем не имеют, очевидно, представления доморожденные либералы. И в сегодняшнем обсуждении они так и не прозвучали.

Полагаю, что уже на этом этапе нашей общественной мысли песенка либерализма спета, и он неминуемо должен сойти со сцены. Единственное, что этому мешает — пассивность населения, отсутствие политической воли и умения владеть современными технологиями управления у оппозиционных течений. Од-

нако это глубокий недостаток всей социальной конструкции. Поэтому откатная волна, инверсионный поворот, или тотальное крушение общества, будут иметь более широкомасштабный разрушительный характер.

Мы можем спорить до «покраснения» относительно соотношения предложенных терминов или выдвигать более самобытные ценности и принципы, но это в складывающейся ситуации ни к чему не приведет. Вот если придут полковники или лейтенанты и скажут: «прекратить и освободить это помещение», а какой-нибудь новый Бонапарт заявит: «а ну, вышвырните-ка их отсюда вон!», да так, чтобы «ни одна собака не залаяла». Вот так в постреволюционной Франции воцарились консерватизм, монархизм, либерализм, а затем и — социализм.

Еще раз подчеркиваю, у нас нет общего дискурса, потому что нет даже общих терминов, а есть слова, в которые вставляется разный смысл или которые вообще не несут смысловой нагрузки на российской почве. Да и произносятся или пишутся они в основном в пределах московской кольцевой и на некоторых дачах за ней. Или на некоторых грантовых конференциях при активном участии западных фондов.

Если же говорить не о семантике, а о более серьезной общей теории, ценностно-нейтральной и адекватной изучаемому предмету — т.е. российскому обществу, то приходится вновь и вновь удивляться тому, в какой степени даже та макротеория, в разработке которой столь много уже сделано в российских социальных науках — политологии, социологии, культурологии, не присутствует в просвещенном дискурсе многих мыслителей. По-прежнему идет «идейная борьба», презентация и апробация новых «русских идей».

Следует согласиться с высказанным здесь мнением о том, что утверждение консерватизма должно опираться на какой-то авторитет и общественный институт, что и обеспечивает поддержание и влияние культурных ценностей. Очевидно, что в России либерализм сам по себе не имеет ни того, ни другого. Но результатом воинствующего либерализма в России за последние годы подорваны и разрушены авторитетные институты, включая государство, и сами авторитеты, если не иметь в виду криминальных авторитетов.

Поиском общественных авторитетов у нас занимаются профессиональные имиджмейкеры, и консерватизм входит в число обязательных качеств рекомендуемых лидеров. Максус Веберу

пришлось бы внести серьезные поправки в свою теорию харизмы: хотя бы написать главу «как продать харизму». Впрочем, это уже не имело бы прямого отношения к науке.

Конечно, либерализму в этом плане ничего не светит. Но и в принципе принятие какого-либо авторитета на российской почве в наше время в высшей степени сомнительно. Длинная вереница персонажей в рейтинговом перечне меняют места как актеры в постоянном шоу, не задерживаясь надолго ни на своем месте, ни в памяти общества.

По сколько-нибудь значимому счету российские проблемы все дальше отодвигаются от своего разрешения.

Э.Ю.Соловьев

Борис, насколько я понял, ты считаешь невозможным для мира общеценностный дискурс, но считаешь все-таки возможным выдвигание ценностно-нейтральной макротеории.

Б.С.Ерасов

Да, конечно. Серьезная наука на Западе и на Востоке в значительной степени устраняет из своей методологии ценностные предпосылки. Конечно, это избавление всегда остается неполным и неокончательным, но весьма значимым, создающим общую теоретическую почву.

Э.Ю.Соловьев

А ты не считаешь, что это тоже соблазн западничества — ценностно-нейтральная теория?

Б.С.Ерасов

Соблазн, несомненно, возникает для тех, кто ревностно хотел бы перейти в другую веру. И таких примеров немало как в России, так и на Востоке. Тем не менее существуют отлаженные методологические процедуры, как в рамках компаративистики, так и в рамках общей политологии или культурологии, позволяющие снять крайности, ограничить проникновение ценностных установок и выявить общее поле анализа и диагноза общественного состояния.

Если хотите значимый пример, то, по-моему, весьма убедительным будет судьба термина «традиция», который неизменно противопоставлял «отсталый» Восток и «передовой» Запад. В результате яростных опровержений этот термин, по существу, изъят из международного дискурса. Вместо него введен термин «идентичность», аналогом которого в русском языке является «самобытность». К сожалению, ни тот, ни другой термины не в ходу у западных и либеральных мыслителей.

В.Г.Сироткин

В части, касающейся консерватизма, это, конечно, своевременная постановка вопроса. У нас, как вы знаете, консерватизм часто ассоциировался с монархизмом, с охранной идеологией, многие годы в советское время не изучался, сейчас крен в другую сторону, сейчас есть монархисты, самый яркий из них Никита Сергеевич, только не Хрушев, а Михалков («Сибирский цирюльник» и т.д.). Но все это несерьезный анализ ситуации, это попытка восполнить идеологический вакуум и призывы создать национальную идею. Не знаю, среди нас кто-нибудь присутствует, кто участвовал в сотворении этих идей? Наверное, нет. Наверное, я один.

Графа Уварова, самодержавия и монархии у нас не получилось, но в общем это тоже шло в русле консервативных изысков, попыток что-то такое слепить из того, что было. Здесь кто-то сказал, что два раза войти в одну и ту же реку нельзя, в том смысле, что консервативная Россия Победоносцева, она ушла, и восстановить ее невозможно, потому что семьдесят лет прошло. Хорошо, что сейчас и Победоносцева издали — «Великая лож нашего времени», и Тихомирова переиздают. Это, конечно, целое явление. Но я не столько философией консерватизма, сколько практикой занимался.

Вот посмотрите, у нас главный момент — это отношение к государству: что собой являет государство, кто в этом государстве определяет — общественность или власть? И вся история XIX века — как качели: то к западничеству, скажем, у Александра I, то в славянофильство — Николай I, потом снова западничество — Александр II, потом снова славянофильство — Александр III. И наконец, Николай II — не поймешь чего: ни туда, ни сюда. Что он сделал? Он попытался изолировать Россию идеологически и технологически от Европы. Кто расширил колею железных дорог?

Николай. И с тех пор мы перегружаемся в тележки. И сделано это не по экономическим или каким-то другим соображениям, а скорее военным. Кто знает историю Европы, то же самое сделали испанцы, но они сузили колею, проложили узкоколейную в то же самое время. Но потом они как бы вошли, а мы так и остались.

Зачем строили Храм Христа Спасителя? Это был символ военного Православия. Николай I в завоевании выхода к теплым морям достиг гораздо большего, чем Петр или даже Екатерина: окончательно закрепил выход к Черному морю. Скажем, черноморское побережье от Анапы или Батума и даже дальше — это все была русская территория. Он понимал, что Европа ему этого не простит, и произошла Крымская война. Он сделал из Отечественной войны 1812 года то, что потом называлось «ленинским планом фундаментальной пропаганды». Все основные памятники были поставлены при Николае. Пожалуйста, Триумфальная арка, которая сейчас стоит на Кутузовском проспекте, которая была у Белорусского вокзала, — 1832 год, Александровская Колонна в Петербурге — 1832 год, Храм Христа Спасителя и т.д. Была определенная идеология, он считал, что обустроить Россию должна власть, а не общественность. И для острастки общественности он повесил пятерых декабристов, чтобы неповадно было вмешиваться не в свои дела.

Александр III — явление идеологическое. Он этот храм превратил в центр паломничества к святым землям. При храме было создано императорское православное Палестинское общество (не путать с палестинцами-террористами), и они отправляли ежегодно по 25-30 тысяч крестьян туда — за три рубля вся поездка, «соцстраховские путевки». Для сравнения: 1909 год, графиня Бобринская создает земское — учителей, врачей, фельдшеров и прочее — туристическое агентство для поездок со скидкой — за пять лет уехало всего 8-9 тысяч человек. А тут с 1882 года по 1914 год по 25 тысяч в год. Кто организовал хождение в народ? Победоносцев. Огромные массы учителей, врачей, священников пошли открывать школы. Кто, наконец, снова открыл четырехклассные училища в деревне? Победоносцев. Это он все сделал. И к началу XX века два с половиной миллиона сельских ребятишек в школах стали учить грамоте. Петр же закрыл церковно-приходские школы, Петр запретил давать милостыню на паперти в церкви, а церковь играла роль всероссийского собеса, перераспределяла, кормила и т.д. Все это вернулось. Это консерватизм. У нас это эпоха реакции, Победоносцев простер со-

лидные крыла, за что и получил свое: добродушный народ сжег его имение в Шахматове, а личный рояль выбросил с мезонина. Между прочим, сожгли и Михайловское, и Тригорское потомки Арины Родионовны. Это к вопросу, как понимаем мы народ.

К чему я это говорю? Боролись две тенденции — названий много, они уже набили оскомину — западничество и славянофилы, но суть не в этом. Какой государственный строй, какой, как мы сейчас говорим, режим должен быть? Просвещенно-абсолютистский: мы ваши отцы, вы наши дети, освященный авторитетом православной церкви, или, скажем, консервативно-либеральный, центристский — сейчас это модно, думская монархия, конституционная монархия английского образца. И была, конечно, третья тенденция, совершенно четко, — леворадикальная, которую мы обычно называем большевистской: до основания все разрушить и создать все свое. И самое главное ведь состоит не в идеологии, не в консерватизме и либерализме, а кто это все осуществил. Вот эта элита. С моей точки зрения, российская элита любого оттенка, любого окраса — консервативного, либерального и даже ультралиберального — оказалась несостоятельной, сбился исторический прогноз Бакунина. Он ведь в своей «Государство и анархия» в 1875 году что писал? «Особенно страшен деспотизм интеллигенции и потому привилегированного меньшинства, будто бы лучше понимающего настроение народа, чем сам народ. Во-первых, представители этого меньшинства попытаются во что бы то ни стало уложить в прокрустово ложе своих идеалов жизнь будущих поколений». Не так ли? Мировая революция большевиков, Рахметов, Чернышевский и т.д. И самое главное — «во-вторых, эти двадцать или тридцать ученых интеллигентов перегрызутся между собой и ничего не сотворят». Вся история политической элиты — то же самое. Посмотрите. Власть и общественность, если брать конец XIX — начало XX века, — перегрызлись, в результате либералы свалили консерваторов, монархисты пришли к власти, через семь-восемь месяцев все развалилось. У большевиков в 20-е годы все эти троцкисты, правые, левые — это то же самое. И сегодня мы присутствуем при том же самом. Включаешь одну программу — полив, другую — в обратную сторону полив. И свои цепные псы типа Леонтьева, Доренко, Черкизова на «Эхо Москвы», Киселева. То есть тенденция осталась, к сожалению, прежней. Почему? То, что всегда Марк Вениаминович говорил как экономист и предприниматель: власть и собственность в России не разде-

лены. Четыреста лет — с Петра I. А раз они не разделены, модель западноевропейского устройства у нас невозможна. В этом вся причина.

В.М.Межуев

Уже многое сказали. Я задал вопрос, но не получил ответа. Для меня консерватизм — либерализм — это проблема того, как соотносятся идеология с политикой. Важно не то, что говорят партии и движения, когда они сочиняют идеологию. Сейчас все сочиняют свою идеологию — и «Отечество», и правое крыло, и другие. Меня интересует другой вопрос: а что они будут делать, когда к власти придут? Как их действия будут соответствовать тому, что они написали. Вот по этому принципу: что я буду делать, находясь у власти? — я бы и определял кто консерватор или не консерватор.

Что касается либерализма. Я понимаю, что внутри него тоже существует консерватизм — например, Черчилль. В России это невозможно по простой причине. В России нет либералов, вообще никаких — ни консервативных, ни неконсервативных. «Правое дело» у нас считается либеральной партией, но там нет ни одного либерала. Я считаю, что нормальный, справедливый либерализм — необходимая вещь, но это должен быть именно либерализм. А что такое у нас консервативный либерализм? Маркс говорил, что теизм конституирует формы атеизма. Так вот у нас консерватизм конституирует формы либерализма: поскольку сейчас либеральные лозунги как бы скомпрометированы, давайте прикроем это фиговым листком консерватизма.

У нас либерализм связали с двумя идиотскими идеями: с идеей свободного рынка и с тем, что либерализм — это антигосударственническая идеология. Был у нас либеральный консерватор Петр Струве, который считал, что либерализм в таком случае проигрывает, потому что сразу приобретает антигосударственный и антинациональный характер. Это не потому, что либерализм такой, либерализм — это государственническая идеология. Я этого не могу понять: давайте загоним людей в частную сферу, и будет либерализм. Либерализм есть не что иное, как попытка превратить публичную сферу в дело людей, не отдавая ее в монополию одной власти — царской, абсолютистской и т.д. То есть либерализм в какой-то степени решал задачу Ре-

формации: как Реформация пыталась превратить каждого мярянина в священника, так либерализм пытается превратить каждого человека в политика.

Это и было Просвещение: осознать свои гражданские права, осознать свое право на участие во власти, то есть превратить публичную сферу в свое собственное дело. Это и есть либерализм. Он породил идею правового государства, и поэтому не надо его называть консервативным. И дальше. Либерализм никогда не выступал как антинациональная идея. Идея нации как политического согражданства была порождена именно либерализмом. А у нас по какой-то причине либерализм превращается в апологию человека, который частным извозом занимается. Но извините, тогда это духовный либерализм, а не гражданское общество. Либерализм — это государственная, национальная идеология. Поэтому я не понимаю, зачем нужно добавление «консервативный». Будьте либералами, и вам после этого только хвала будет. А рядом должны быть консерваторы, потому что никакой современный политический спектр не может обойтись одними либералами, или одними консерваторами, или одними социалистами. Каждый должен выполнять свою функцию в этом раскладе.

Иначе начинается смешение терминов, и перестаешь вообще что-либо понимать. Никто не хочет играть в свою игру. Не надо превращаться в социалистических либералов, в либеральных социалистов или в консервативных социалистов, в либеральных социалистов. Каждый должен играть в свою игру. Более того, каждая игра нужна. Единственное, что мы не умеем делать, — это выдерживать все эти играющие партии вместе. Мы обязательно должны эти идеи столкнуть и потом политически смешать. И обязательно одну какую-то из этих идей надо похоронить, а другую возродить. Нормальное состояние — это порядок и стабильность, которые предполагают разнообразие, а не единомыслие. Это первое, что я хотел сказать.

Второе, что я хочу сказать, одно дело — кем ты себя заявляешь в идеологии, а другое дело — то, что ты делаешь (абстрактно, конечно), когда ты приходишь к власти. Почему-то в России люди, заявляющие о себе как о либералах, приходя к власти, ведут себя совершенно авторитарным способом, осуществляют революцию и становятся революционерами. А возьмите Восточную Европу, там социал-демократы пришли к власти, и все они — реформисты, и даже в чем-то консерваторы. Меня не интересует, кем заявит себя человек до того, как он взял власть, он может заявить о

себе как угодно. И пусть теоретики спорят, чем мировоззрение либерала отличается от мировоззрения консерватора, я в этом не очень большой специалист. Но я точно знаю, что когда у нас в России приходят люди к власти, они все, как правило, становятся революционерами. Не консерваторами, не реформаторами. Они все претендуют на революцию. Вот тут для меня начинается деление: кто консерватор, кто революционер, а кто реформатор. Я бы не хотел быть ни консервативным, ни революционным, и как убежденный реформатор считаю, что общество должно меняться не поперек горла, не путем разрушений. Для меня тогда лучше застой, чем разруха. Тоже нашли способ выйти из застоя — с помощью разрухи. И поэтому вопрос этот по-иному понимаю: спрашиваю, вы кто — либеральный консерватор по убеждению или по способу осуществления власти? Как вы будете вести себя, если получите всю власть через выборы? Вы что, будете насаждать свое вопреки всему, или все-таки реформировать, считаясь с возможностями страны? Возможно, социалисты и либералы, придя к власти, будут делать одно и то же дело. Видимо, никто не собирается восстанавливать Сталина или ГУЛАГ. Будут дальше реформировать общество. Важно выяснить: какими способами? За счет того, что 70 процентов населения в экономическое гетто загонят, или же за счет того, что люди могли постепенно к этому приноровиться? Вот где для меня проходит водораздел между реформатором, консерватором и реформистом. Очень важно определить тип политического поведения. По идеологии — мы можем много чего наговорить. Мы не умеем вести себя реформаторски, консервативно, либерально — как угодно. Мы обязательно начинаем действовать методом насилия, произвола. Здесь я бы и стал искать критерий различения консерваторов и либералов и социалистов. Консерватор — не либерал и не социалист по мировоззренческому мышлению, он противостоит тем, кто действует методами насилия и террора, просто измывается над обществом. Поэтому умеренный, нормальный консерватизм может сочетаться с любой программой — и либеральной, и нелиберальной.

Э.Ю.Соловьев

Мне хотелось бы еще раз вернуться к началу нашего разговора — к оригинальному исходному тезису, заявленному А.А.Кара-Мурзой.

Обычное политологическое словоупотребление сближает понятия консерватизма и традиционалистской романтики; оно задает нам образ поклонника старины, противника обновлений – носителя «реактивной идеологии», как выразилась Оксана Гаман.

А.А.Кара-Мурза отстаивает принципиально иной и, мне кажется, глубоко правильный взгляд на вещи. Консерватизм – это антитеза не обновления, а гражданских потрясений, смуты, энтропии и приспособительной регрессии к варварству. Таково самое существенное измерение *цивилизованного консерватизма*, действующего на политической арене Нового времени. Начиная с XVIII столетия о непримиримой оппозиции консерватизма и реформаторства, консерватизма и либеральных преобразований говорить не приходится. Эталонное новоевропейское либерализма Джон Локк был и эталонным представителем нетрадиционалистского консерватизма.

Различение консерватизма и традиционализма – одна из важнейших задач современной политической теории. На мой взгляд, оно может быть обрисовано с помощью следующих понятий. Традиционализм – это ориентация на привычки и обычаи (стереотипы) известной локальной культуры. Консерватизм – ориентация на простейшие, а потому универсальные архетипы, цементирующие любое и всякое человеческое сообщество, но осознаваемые, увы, лишь в эпохи глубоких социокультурных потрясений и катастроф.

«Привычка – вторая натура», гласит ученая поговорка.

«Привычка – вторая натура, которая скрывает от нас первую», – уточняет М.К.Мамардашвили. Цивилизованный консерватизм – это попытка пробиться к «первой природе» и отстоять ее минимальные элементарные требования в противовес многоцветью самобытных привычек, вянущих под суховеями прогресса. Одним из символов таких элементарных требований является и консервативный девиз, акцентированный Алексеем Кара-Мурзой: «Дом, труд, порядок».

Привычки (стереотипы) могут быть очень давними. И все-таки это не архетипы: они всегда представляют собой «вторую природу», – новообразования, об исторической обусловленности которых позабыли. Более того, эволюция привычек такова, что в актуальном сознании сравнительно поздние («вчерашние») привычки заслоняют более давние («позавчерашние»), подспудно подчиняя себе всю нашу ретроспекцию. Здесь причина того, что в модернизирующихся «сложных обществах» (каковым яв-

ляется и современная Россия) консерватизм как традиционалистская «реактивная идеология» оказывается крайне коварным духовным образованием.

Я не сумею сейчас сколько-нибудь обстоятельно обосновать этот тезис, но поверьте, что он испытан во многих дискуссиях.

В современной России нет никакой живой старины, никакой «девственной традиции», которая на деле определяла бы повседневное поведение и мышление людей и к истокам которой народ мог бы вернуться одним «реактивным усилием». Последняя живая старина, которую мы еще могли видеть воочию, — это, возможно, жизнь российской глубинки, с отчаянной грустью отпоятая «деревенской прозой» 60-70-х годов.

Актуальное сознание современного россиянина либо просто нетрадиционно, либо «позднетрадиционно»: на доске этого сознания «позавчерашние» понятия либо стерты, либо переименованы во «вчерашние», — принадлежащие эпохе партократии и советского образа жизни. Мы ищем общину, а находим колхоз; ищем соборность, а натываемся на хоровое партийное единомыслие, построенное по принципу демократического централизма; ищем монархизм, а застаем культ личности генеральных секретарей. Мы вязнем в *псевдоморфозах* народности, православия и самодержавия и не можем выпутаться из них, не переступив через аксиоматику самобытности и не задавшись элементарным универсалистским вопросом: да, это наше, и все-таки — хорошо это или плохо?

Б.С.Ерасов

На этот вопрос нет ответа!

Э.Ю.Соловьев

На мой взгляд, есть, и мы без труда находим его, когда не морочим себе голову историософскими спекуляциями.

Коррупция (особенно в варианте взяточничества) — это стародавняя привычка российской власти. Это *наше*, это *самобытное наследие*. Означает ли это, что русские люди по самому устройству своего ума не могут осуждать коррупцию и признавать достоинство политического опыта других стран (скажем, Дании или Японии), которые не подвержены бедствию коррупции?

Знаменитое карамзинское «воруют!» — это ведь не просто ценностно-нейтральная констатация, не просто историческое индикативное высказывание. Это горькое осуждение, и точно такой же смысл имеют десятки русских пословиц, которым мы ошибочно приписываем ценностно-нейтральный смысл. Скажем, «не пойман — не вор», или «пока гром не грянет, наш мужик не перекрестится», или «где суд, там и неправда», или «закон что дышло...». В них во всех присутствует момент горькой (иногда слезной, иногда иронической) оценки и христианского растожествления с обсуждаемой родной традицией. В них пафос, который с нравственно-философской силой выразит В.С.Соловьев: пора понять, что многие наши традиции — это самые коренные, самые застоявшиеся грехи наши.

Монархия — традиционное для России властно-политическое устройство. Но только традиционалистски-консервативное упрямство позволяет не видеть, что а) веками существовала Русь домонархическая; и б) к началу XX столетия монархия сносила, обессилела, потеряла доверие значительной части нации и, наконец, дошла до позорного состояния. Сегодняшний защитник и реставратор монархии не может быть достойным консерваторм: он вынужден рассуждать то как ностальгический мечтатель и сноб, то как сумасбродный модернизатор.

Подарком для дискуссии, которая разворачивается на сегодняшнем заседании, можно считать выступление Никиты Михалкова, прозвучавшее в недавних «Итогах». Для многих российских интеллигентов Н.Михалков — это эталонный консерватор. Почему? Да потому что он консервативен *вплоть до монархизма*. Но посмотрим, что сегодня, в сентябре 1999 г., Н.Михалков понимает под восстановлением монархии.

В прежних публицистических выступлениях он, мне помнится, намекал на возрождение династии, на учреждение в России ритуальной и декоративной монархии, подобной английской. Сегодня салонный аристократизм отброшен; Н.Михалков утверждает, что суть монархии — это просто *преемственное* (в идеале *потомственное*) *действенное единоначалие*. Но что может означать подобная формула для нашего теперешнего социально-политического контекста? Если все договаривать до конца, то речь должна идти о коронации авторитарного правителя, который когда-то лишь на известный срок был избран главой государства. Отечественной истории («русской старине») подобные политические акции неизвестны. Это западные выдумки, и при-

том сомнительные. Это Наполеон I, который в 1804 году сделался «императором по воле «Республики» и (весьма знаменательно!) «в интересах стабильности и во избежание антиреспубликанских заговоров». Требовать потомственного действенного единоначалия для сегодняшней России значит впасть в «чужебесие» бонапартизма.

Я жалею, что Е.Киселев не раскрутил Никиту Сергеевича по поводу его понимания единоначалия, — не спросил, не о русском ли Наполеоне тот грезит и кого из нынешних политических деятелей хотел бы видеть в роли Наполеона? Может быть, надо срочно короновать слабеющего законного президента? Или подысканного им властного преемника?

Реплика: Михалков хочет сам стать царем!

Э.Ю.Соловьев

Не могу об этом судить. Могу лишь констатировать, что наиболее отважный из рыцарей нашего традиционалистского консерватизма сегодня вообще уже не может считаться русским консерватором.

А.Е.Городецкий

На мой взгляд, разговор состоялся, и полемика получилась интересная и плодотворная. Многие вещи мне лично стали гораздо яснее и понятнее, и я еще раз убедился в том, что у консервативной идеи в нынешней России есть благоприятные перспективы.

Я с интересом и благодарностью выслушал противоположные точки зрения, во многом принимаю теоретическую критику высказанных мною суждений.

Кое в чем хотел бы прояснить свою позицию. Есть вещи, с которыми я не могу согласиться, но и спорить не считаю возможным. Это парадигмальные различия во взглядах. Я никогда не соглашусь с высокомерным и нигилистическим отношением к русской истории. Я не думаю, что в России нет никакой старины, позитивной традиции, своеобразного уклада жизни, взгляда на мир. Но спорить на эту тему с либералами западниками бессмысленно. В либеральной парадигме изначально заложено нигилистическое отношение к религиозно-конфессиональным, ци-

визационно-культурным, национальным детерминантам идей и ценностей, культ универсализма западной цивилизации, отрицание каких-либо незападных альтернатив развития. Это вопрос не теоретический, а мировоззренческий, и здесь нет почвы для научного спора. Можно уважать точку зрения оппонента, но соглашаться с ней не обязательно.

Принципиален вопрос о так называемой реактивности консервативной идеологии. Это все из той же серии претензий либерализма и либеральной цивилизации на абсолютный универсализм и своеобразную прогрессистскую эсхатологию. Не думаю, что идея, идеология, политическая практика и тип политического поведения, имеющие такие богатейшие исторические традиции, смысловые и ценностные отличия, — нуждаются в каких-то особых аргументах в защиту своей самобытности. Но есть одна особенность, которая делает это утверждение небеспочвенным. В России реактивны не идеи и идеологии; реактивны люди — зыбкость, неустойчивость, неопределенность ценностного устоя, умонастроений, политических убеждений действительно имеет место. Это в равной степени относится как к рядовым гражданам, так и разного рода профессионалам-идеологам, политологам, социологам, электоральным технологам и прочим «ологам». Ценностное обесмысливание жизни — это сегодня и спонтанный процесс, связанный со сведением человеческого существования к борьбе за выживание; и целенаправленная культурная и информационная политика, преследующая вполне прагматические цели. Но реактивность этого рода не стоит вменять идеям и идеологиям, совершенно не причастным к нашим сегодняшним проблемам.

А.А.Кара-Мурза

Спасибо за выступления, за многие точные замечания. Тем не менее считаю, что основной тезис все-таки выдержал в первом приближении проверку этой дискуссией, а именно — архаичного, традиционалистского общества. Построенного на мобилизационном типе развития, общинном, традиционалистском, архаичном, где ценностью является порядок без изменений, т.е. отторгается любая новация, отторгается с порога, потому что общество предпочитает не рисковать. В этой ситуации консерватизм — это подавляющая часть общественной мысли. Он, безусловно, реактивен. Я вам больше скажу и согласен с тем, что

здесь говорила Гаман — в России он, может быть, и максимально реактивен. Больше того, мне очень нравится тезис Федотова, о котором сегодня говорили: иногда в России реакция предшествует революции.

Э.Ю.Соловьев

Реакция на революцию предшествует революции?

А.А.Кара-Мурза

Да, реакция на чужую революцию. Как Екатерина реагирует на Французскую революцию, как Брежнев реагирует на 1968 год в другой стране и закрывается здесь оттепель. Неадекватность этой реактивности присутствует. Это гиперреактивность. А почему? А потому, что Россия до сих пор варится в неопределенном традиционализме, неотрадиционализме, в попытках возврата тоталитаризма, в неоархаике, мы до сих пор не прошли политическую модернизацию. И поэтому происходит то, о чем Вадим Михайлович говорит — непонятно, как поведет себя человек в политике, нет политики в современном смысле слова. Поэтому мы туда запускаем самодуров, которые в этом механизме иначе себя вести не могут. Это логика власти, подавляющая логику интеллектуального размышления, что вовсе никак не подвергает сомнению сам тезис о том, что хотелось бы, чтобы они когда-то сошлись — эти две вещи. Пока они, конечно, не сходятся. И есть совершенно другой консерватизм — консерватизм внутри либеральной цивилизации.

В.М.Межуев

Почему ты это не называешь реформизмом?

А.А.Кара-Мурза

Модерн, либеральная цивилизация — это порядок через изменения. Метафора порядка остается суперценностью, но через изменение, через постоянное обновление. Это обновление, конечно, задает либерализм, но при этом консерватизм является

моментом тестирующим, цивилизационным, и тогда удерживается порядок. В этом смысле в современном инновационном обществе либерализм обязан стать консерватизмом. Это абсолютно банально, это совершенно другая функция консерватизма, как вы видите, в разных типах общества. К этому обществу мы еще не перешли. Это действительно реформистское общество. Я называю революционизм любого окраса – белого, красного – большевизмом, типом поиска виноватого или постоянный сброс на другого. Человек входит во власть не для реализации своего положительного идеала, а как замена предыдущих победителей. И меня очень смущает сегодняшний этап прихода новых победителей, которые будут искать новых виноватых. Кармический круг этих взаимопревращений разного типа большевизма сохраняется. Это очень опасно. И во многом здесь виноват, конечно, либеральный большевизм. Вот именно либеральному большевизму я противопоставляю либеральный консерватизм на протяжении многих-многих лет. То, что в политической практике это не реализовалось, это не значит, что надо подвергать сомнению интеллектуальный смысл этого синтезированного понятия. Точно так же во многих местах, когда ты говоришь про Восточную Европу, реализовался социализм, протестированный всей культурой европейской цивилизации.

В.М.Межуев

Я это называю «реформизм».

А.А.Кара-Мурза

А это и есть реформизм. В этом смысле они совпадают, в этом смысле реформаторы разных оттенков перестают оппонировать друг другу в парадигмальном смысле. Они начинают участвовать в общем разговоре. Это теперь называется демократия, да? И есть борьба двух крайностей: держиморда («держат и не пушат») против «до основания, а затем...». Эти крайности тоже сходятся.

Я думаю, что это как бы основной пафос. Конечно, политика нас и сейчас засасывает, и кому-то придется отвечать после нового цикла. Безусловно, мы уже не остановимся, инерция набрана, сейчас пытаются просто под колеса паровоза бросить

такие штуки, чтобы, может быть, не так наехали сильно и успеть куда-то смыться, но паровоз поехал и видно, что инерция набрана. И все-таки кажется, что любая новая цивилизационная идея в России, какая бы ни пришла на смену, включая неоевразийскую, она должна быть протестирована на укорененность здесь традиций. Потому что если выяснится, что евразийство — это миф в России, мы снова получим евразийский большевизм, хотя ребята, которые ее создают, вроде и неплохие.

В.И.Толстых

Кажется, мы договорились, при всей разнице высказанных мнений и суждений, что разумный или, как иногда его именуют, «просвещенный» консерватизм вовсе не является врагом реформ, вообще перемен и новаций. Но для консерватора в ситуации перемен или реформ всегда возникает вполне практический вопрос: что можно и нужно изменить в исторически сложившемся жизнеустройстве, а что, напротив, надо сохранить, сберечь и обратить на пользу обществу и стране, вставших на путь самореформирования.

Может быть, я чего-то не понимаю, но подозрительно само по себе тотальное отрицание всей предшествующей истории России, отказ от того, что было создано, накоплено и испробовано в прошлом и недавнем настоящем. Страна, предающая анафеме свое прошлое, превращая собственную историю в «черную дыру», не имеет и будущего. Это мысль не моя, а истого консерватора Черчилля. Можно сослаться и на Бориса Пастернака, который мудро заметил в своей «Охранной грамоте»: «Новое возникает не в отмену старому, как обычно принято думать, но совершенно напротив, в восхищенном воспроизведении образца». А наша общественность продолжает с завидным упоением проклинать тоталитаризм и коммунизм, не замечая при этом, как вместе с водой из ванны выбрасывает все жизнеспособное, что создано столетиями и многими поколениями — весь социальный и культурный генофонд страны. Если консерватизм и консерваторы, одновременно сверху и снизу, сумеют переломить эту разрушительную тенденцию, они сыграют глубоко положительную и созидательную роль в исторической судьбе России.

Попробую зафиксировать очень важный результат состоявшегося разговора. При всем различии подходов и позиций, без консерватизма, означающего порядок, уважение к традиции и действительно авторитетной власти, никак не обойтись в такой стране, как Россия. Выходит, не такие уж мы консерваторы, как кажется на первый взгляд. Прав Бердяев, на которого я ссылаюсь в начале разговора, — нам очень не хватает «умного» и «творческого» консерватизма. Сегодня это поняли, кажется, даже либералы, и это хороший знак. Значит, не все еще потеряно.

РЕФОРМЫ В РОССИИ И КИТАЕ — КТО ОКАЗАЛСЯ МУДРЕЕ?

3 ноября 1999 года

В.И.Толстых

Начну с приятного сообщения: три дня назад, 31-го октября, исполнилось 11 лет существования и работы нашего Клуба, с чем я вас и себя поздравляю. Летом и осенью я вместе с участниками проведенных за прошедший год — «сезон» — готовил альманах Клуба, который в ближайшее время будет представлен Ученому Совету института на предмет его издания. А теперь кратко выскажусь по поводу темы, вынесенной на обсуждение. Большинство членов клуба встретили ее с интересом и пониманием. Но некоторые члены клуба отнеслись к ней с иронией и скептически, считая, что здесь нечего обсуждать. Возможный ответ на поставленный вопрос ясен и однозначен — китайцы оказались мудрее. В Китае шли и идут реформы, а у нас «черт-те что». Но мне представляется, что вопрос гораздо серьезнее, и надо еще выяснить, в чем именно и почему китайцы оказались мудрее нас, русских.

Напомню, что недавно мы обсуждали тему «Россия и Восток», которая вызвала острую полемику, и не только между «западниками», но и среди «восточников», которых мы тогда пригласили. А сегодня эту тему хотелось бы продолжить и конкретизировать на примере сопоставления опыта модернизации в Китае и России — двух суперэтносов, однородных в социально-экономическом плане и весьма отличных в своем цивилизационном устройстве. Обе страны поставили себе целью перейти от плановой, командно-административной экономики к хозяйству рыночного типа, чтобы повысить эффективность производства и благосостояние населения, но пришли при этом к очевидно разным результатам. В Китае «политика реформ», начатых в 1978 году Дэн Сяопином, ознаменовалась внушительными ус-

пехами и достижениями, которые признаны всем миром. В России «политика реформ» по либеральному проекту потерпела крах, что вынуждены признать даже многие либерально мыслящие политики и интеллектуалы, не говоря уже о большинстве населения страны, на глазах у изумленного мирового сообщества стремительно скатывающейся буквально по всем показателям и параметрам в разряд слабо развитых стран. Как и почему это произошло? — вот на этот вопрос, как мне кажется, и предстоит нам ответить.

Я благодарен Владиславу Жановичу Келле и Борису Сергеевичу Ерасову за то, что они взяли на себя роль ведущих в этом разговоре. Не будучи специалистами «по Китаю», оба они знают предмет не понаслышке, бывали в Китае, знакомы с результатами китайских реформ, как говорится, воочию.

В.Ж.Келле

Сопоставление России и Китая в период реформ вещь, конечно, очень сложная, если все эти сюжеты рассматривать глубоко и теоретически. Обе страны, как сказал Валентин Иванович, вступили в период реформ примерно в одно время и имели более-менее однородные социальные исходные структуры. Но путь реформ у них оказался разным и дал различные результаты. Если брать чисто внешнюю сторону дела, то реформы в Китае начались в 1978 году после смерти Мао Цзэдуна, а в России — в 1985 году после смерти Черненко. Я думаю, что период Горбачева мы не должны выбрасывать, говоря о российских реформах. Замалчивание периода перестройки — это одно из проявлений хамского отношения к Горбачеву, к истории вообще, характерное для нынешнего периода. Все-таки Горбачев дал нам демократию, свободу в какой-то мере, и были серьезные внешнеполитические подвижки, отодвинувшие возможность ядерного столкновения. Наши реформы, я хочу это подчеркнуть, начались как реформы политические, а не экономические. В Китае же реформы начались как реформы экономические с самого начала. Они были провозглашены третьим, по-моему, пленумом ЦК КПК одиннадцатого созыва, где было принято решение о возможности использования рыночных механизмов и отношений в экономике.

У нас экономические реформы начались практически с 1992 года. До этого были какие-то поиски, тыканье туда и сюда, которое нередко приводило, по известному закону диалектики, к обратному результату. Например, вводили кооперативы, которые вместо того, чтобы насытить рынок, его опустошали. Потом вводили самостоятельность предприятий, а они, вместо того чтобы налаживать связи, их разрушали, и так далее, и так далее. Как говорит Черномырдин, «хотели как лучше, а получилось как всегда». «Как всегда» — это значит у нас «с обратным результатом» по всем законам диалектики.

Экономические реформы, я считаю, начал Ельцин, а в Китае — Дэн Сяопин. Две фигуры, конечно, очень различные. Дэн Сяопин — это опытный политический деятель, настоящий лидер, у которого были свои идеи, огромный политический опыт и знание реальности. У Ельцина этих качеств нет — ни своих идей, ни политического опыта, который был у Дэн Сяопина. У Ельцина была одна идея: как можно быстрее разрушить то, что есть, и двигаться к светлому капиталистическому будущему. Каким образом двигаться? Что и как делать? Всего этого он не знал и потому искал людей, которые могли бы осуществить радикальные реформы. Горбачев в свое время отбросил авантюрную программу «500 дней». За 500 дней продвинуть страну, осуществить реформу просто невозможно. А Ельцин хотел изменить быстрее, быстрее и искал наиболее радикально настроенных в отношении экономического переворота в России. Самым шустрим оказался Гайдар, которого ему подсунул, кажется, Бурбулис.

По каким принципам действовал Дэн Сяопин? Я бы выделил три основных принципа. Первое, это принцип использования рыночных механизмов в условиях, когда страна идет к социализму. Это что-то вроде НЭПа. Тут ничего нового нет. Но Ленин НЭП рассматривал все-таки как отступление от социализма, отступление от уже завоеванных позиций, причем отступление временное. Во всяком случае с социализмом НЭП не связывался. Он рассматривался как политика, которая вызвана необходимостью улучшить экономическое положение, как временная мера, которая должна быть затем заменена. Дэн Сяопин подошел к этому по-другому. Для него рынок был связан с его социалистической перспективой в Китае. В дальнейшем вырисовывалась примерно такая теоретическая схема: Китай находится в начальной стадии социализма, которая продлится примерно сто лет, и на этой начальной стадии социализм может

сочетаться с рынком. В дальнейшем эта идея эволюционировала, и сейчас она вылилась фактически в формулу «социалистической рыночной экономики». Это уже совершенно необычная, довольно смелая вещь, потому что, как вы знаете, у нас в свое время рьяно и остервенело критиковали рыночный социализм, а Китай пришел к нему, прикрываясь своей спецификой.

Итак — рынок, но к нему надо двигаться постепенно. Это очень важно. Почему? Известна формула Дэн Сяопина — неважно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей. Важно, чтобы был какой-то эффект. Дэн Сяопин заботился о том, чтобы накормить народ. Ведь Китай действительно очень бедная была страна. По данным Организации Объединенных Наций в Китае в начале 60-х годов было примерно 260 миллионов людей, живущих за чертой бедности. Причем черта бедности в Китае ниже, чем интернациональная черта бедности, она равняется примерно 50 центам в день на человека. В начале 90-х годов, т.е. через двадцать с небольшим лет, в Китае, по данным ООН, осталось 90 миллионов абсолютной бедноты. Представляете? Это огромное продвижение вперед. Накормить народ, двигаясь постепенно — для этого нужна была эффективная экономика и экономическая политика. Формула была такая — «переходя реку, надо нащупывать камни». А мы, начиная экономические реформы, с русским революционным размахом прыгнули в воду, не зная броду.

Итак, первый принцип — рыночная экономика, к которой надо двигаться постепенно. Второй — это открытость. Открытость не по Попперу, а по-китайски. Китай был все-таки очень изолирован, замкнут в себе. Тут открывалась возможность установления связей и допусков на свою территорию иностранных инвестиций, создания иностранных предприятий, компаний и так далее. Открытость в политическом плане минимальная, а в экономическом плане достаточно большая.

И был третий принцип, который не всегда упоминают: это развитие на основе стабильности. Для Китая это очень важно, потому что это огромная страна, и если там допустить хаос, то это обернется глобальной катастрофой. Мы в России убедились, что ни о каком экономическом развитии нельзя говорить, если нет политической стабильности, если нет доверия к власти. В Китае это была не только стабильность на основе развития, но и развитие на основе стабильности. Для Китая такая диалектика очень важна, потому что Китай это традиционная страна, где тысячелетиями ничего не менялось. В условиях индустриального общества,

в условиях техногенной цивилизации стабильность возможна только на основе развития, когда река течет, и она стабильна, если она течет. Если препятствовать ее течению, то начинается застой, как у нас, кстати, и получилось. Для Китая стабильность была условием самого развития, и потому необходимым условием всего развития считалось сохранение руководящей роли коммунистической партии. Это как условие, обеспечивающее возможность развития Китая путем реформ. О политических реформах в Китае речь не шла. Я смотрел последние материалы, и сейчас в основном говорят о реформах в области управления, о том, что нужно все больше и больше опираться на закон, чтобы все действия власти были легитимны, не было произвола и так далее. На этом делается акцент, и это очень важно, и не только для Китая.

Вот у нас получилась шоковая терапия. Почему? Потому что у нас не было никакой программы, никаких планов, и прежде всего знания и понимания существа того, что представляет собой Россия, российская экономика, российская культура. Наши реформаторы попытались перенести к нам западную модель рыночной экономики, без всяких корректив. Эта модель действует на Западе, в Соединенных Штатах, а у нас не привилась. Мне понравилось объяснение В.С.Степина — у нас иные начальные условия. Это очень хорошо сказано — «иные начальные условия». Когда схему, которая работает, быть может, в других условиях, перенесли к нам, то сработали эти начальные условия, и они превратили эту схему в ее собственную противоположность. Гайдар полагал, что не важно каким способом будет создан первоначальный капитал, и мы получили в результате криминальный, воровской капитал и соответствующее ему общество. Был проигнорирован исторический опыт развала колониальной системы империализма в той же Африке и в других странах, где модернизацию осуществляли по модели вестернизации. Исторический опыт показал, что чистая вестернизация нигде не проходит. А теперь, когда мы изучаем историю Китая, мы должны понять, что для нас не подходят ни вестернизация, ни остернизация. Изучая опыт Китая, мы не должны думать — «у них это так пошло, и у нас тоже пойдет». Учиться надо другому и по-другому.

Например, тому, как Дэн Сяопин четко учел особенности Китая. В Китае был голод. Что надо было сделать? Надо было накормить народ. Поэтому первые пять лет вся реформа в Ки-

тае шла в деревне и только в деревне. Дэн Сяопин дал импульсы, и начало расти производство сельскохозяйственное, почти на 6 процентов в год, появились продукты и прочее. В Китае огромное аграрное перенаселение, надо было чем-то народ этот занять. Начали развивать мелкие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, что развивало деревню во многих отношениях. Только в 1984 году акцент в области реформ был перенесен в города, началась модернизация. А это прежде всего наука, техника и технология. В 1984 году развернулась мощная пропагандистская кампания в пользу науки: без науки будущего у Китая нет. И пошли огромные вложения в науку, наука начала развиваться. Уже где-то к середине девяностых годов по объему занятых в науке в Китае работали около четырех с половиной миллионов человек, и полтора миллиона – это ученые и инженеры. Примерно та же структура, которая была у нас в Советском Союзе по количеству параметров науки, научного сообщества в СССР в 90-м году. Это за короткое время. Около шести тысяч исследовательских институтов, около трех тысяч высших учебных заведений, Академия наук, развивается заводская наука. Это была не только пропаганда, это была и политика.

Второй пример последовательности реформ. Это проблема приватизации. Начали с развития индивидуального частного хозяйства в мелких и средних предприятиях. А большие предприятия, государственные предприятия не подлежали приватизации. Прошло двадцать лет реформ и сейчас только ставится вопрос о переходе к так называемым предприятиям современного типа. Выделено сто предприятий, в которых проводятся эксперименты. Они акционируются, государство перестает отвечать за их материальное положение, и они смотрят, что из этого получается. Хотя 45 процентов государственных предприятий убыточны, Китай это терпит. Он не спешит с приватизацией крупной промышленности.

Вот эти примеры я привел для того, чтобы показать, что экономическая реформа идет продуманно, целенаправленно и постепенно. И в этом ее успех. Мы знаем, что в среднем за двадцать лет общее увеличение валового продукта составляет ежегодно 9 процентов. Они сейчас уже имеют планы на 2010, 2020 годы с целью превратить Китай в великую процветающую державу.

Что касается открытости, то одно из главных ее проявлений – это допуск инвестиций. По инвестициям иностранного капитала Китай стоит сейчас на втором месте в мире после Япо-

нии и на первом месте среди развивающихся стран. Десять лет назад было около 80 миллиардов инвестиций, к 2000-му году китайцы хотят, чтобы инвестиций в их экономику было 200 миллиардов долларов. Китай сумел создать условия для инвестиций. Это прежде всего политическая стабильность, создание благоприятных условий и свободных экономических зон. Инвесторы знают, что закон их защищает, им дают определенную льготу. Разработаны проблемы функционирования иностранной собственности, ее прав, обязанностей на территории Китая, создания совместных предприятий, проблемы интеллектуальной собственности. Я специально, когда ездил последний раз в Китай, беседовал с юристом, который занимается этими вещами. Он мне рассказывал, какая система в Китае защиты интеллектуальной собственности, это очень важно в связи с инвестициями в новые технологии. Недавно я встречал знакомых китайцев здесь, в России, которые ездили по всей Европе и изучали, как ставятся проблемы интеллектуальной собственности в сфере производства лекарств. Они, видимо, хотят сейчас завоевывать рынок лекарств. Ведь китайская медицина своеобразная, там есть лекарства, которых нет в европейской медицине. И я думаю, что если Китай будет производить лекарства на экспорт, то они очень скоро сумеют завоевать рынок. И они изучают это, специально выделили грант, создали группу и послали для изучения в Европу, для того, чтобы те изучали, как обстоит дело в этой сфере. Ничего не делается без подготовки!

Конечно, Китаю помогает китайская диаспора за рубежом — хуасяо. Зарубежные русские нам, кстати, не помогают. Так называемый «Большой Китай» — это Гонконг, Тайвань и так далее. Известно, что тайваньские капиталисты очень много создают в Китае и предприятий, и учебных заведений. Я сам видел одно здание учебного заведения, на фронтоне которого написано имя тайваньского бизнесмена, вложившего деньги в создание этого учебного заведения.

Таким образом, в отличие от российских, китайские реформы с самого начала были направлены на созидание, и этому все было подчинено. Разрушалось, ликвидировалось только то, что действительно мешало созиданию. У нас же почти десять лет мы в основном только разрушали. Созидание было очень незначительно, главное — это разрушали. И это главная беда, с которой мы столкнулись, начиная эти реформы. Китай, напротив, проводит реформы, постепенно создавая рыночное хозяй-

ство, повышая эффективность производства, поставив им на службу науку, образование и всю социальную сферу, развивая и используя интеллектуальный потенциал страны.

Одна из главных проблем, которая встает, когда мы обсуждаем Китай, это проблема политическая. Проблема политического режима в Китае – в том, что в Китае нет демократии. Собственно, именно то, что реформы в Китае проводятся под руководством Коммунистической партии, для наших демократов, либералов служит основанием для негативного отношения к Китаю: мол, Китай – это коммунистическая страна, поэтому нам надо быть от нее подальше. Кстати, идеологически в этом отношении наши либералы ничем не отличаются от идеологов прошлого. Если взять историю наших взаимоотношений с Китаем, то мы увидим, какую огромную негативную роль играли именно идеологические соображения в наших отношениях. Разрыв произошел еще до культурной революции по чисто идеологическим причинам. Только в последнее время, кажется, до нас дошло, что Китай – это наш великий сосед, с которым всегда нужно дружить, иметь с ним хорошие отношения. И то мы видим: то там, то здесь прорываются мелко-травчатые нападки на Китай и на наши более-менее дружеские отношения с Китаем, которые у нас сложились.

Так что нам надо изучать опыт Китая, хотя этот опыт не дает ответа на наши вопросы. Это опыт китайский, и если мы хотим что-то использовать из этого опыта, то мы должны преобразовать, адаптировать его именно к нашим условиям. А простое перенесение этого опыта не годится. Что касается демократии в Китае, то сейчас там происходит значительное улучшение в общем климате, в общей атмосфере. Китайцы стали более раскованными и в разговорах, и в отношениях. Во всяком случае, демократизация всей атмосферы чувствуется. Кроме того, мы современный Китай не знаем, а там идут очень сложные процессы, появляются люди со своими позициями, мнениями, со своей философией даже. И поэтому какая-то внутренняя демократизация самой жизни идет. Там многое можно делать, и критиковать, за исключением Цзян Цзэминя и руководящей роли партии.

Б.С.Ерасов

Я дополню выступление Владислава Жановича Келле некоторыми своими культурологическими соображениями и личными впечатлениями от недавнего пребывания в Китае в течение нескольких месяцев.

Сначала о том, как у нас пишут о Китае. Вот передо мной небольшая заметка из массовой газеты «Московский комсомолец» о «китайском синдроме». Вот что там написано: «В Китае жить не хочется, потому что там отсечена свобода. Там придумали, как накормить и одеть свой миллиард, но каждого отдельного человека лишили права говорить. С этим китайским кошмаром мы отвлеклись от наших российских дел».

Вот с такой злобой, тупостью и лицемерием пишут у нас об этой стране — как и о многом другом.

Мне пришлось читать лекции и вести занятия по чтению газет на русском языке. Приходилось перелистывать подшивки московских газет за несколько недель, чтобы найти статью, которую можно было бы без стыда рекомендовать для прочтения нормальным китайским студентам. Приходилось оказией выписывать из Москвы приемлемые статьи.

Обратной информации о Китае в Москве нет. В российских СМИ установлена плотная информационная блокада против коммунистического Китая, воздвигнут тотальный электронный занавес, намного более плотный, чем бывший «железный занавес» между СССР и «буржуазным Западом». Хотя этот занавес оказывается дырявым перед потоком китайских товаров, эти товары проникают из совершенно неведомой страны. Создается впечатление, что после «культурной революции» и «событий на площади Тяньаньмынь» в Китае ничего не происходило кроме бедствий и катастроф. Только случайно простой человек может узнать о том, что темпы роста Китая — около 10 процентов в год, что страна быстро меняется и что все это осуществляется под руководством компартии.

По версии наших СМИ, хорошо живут только на некоммунистическом Тайване. Вплоть до того, что когда говорят о Китае или показывают Китай, то представляют Тайвань, который «счастливо избежал коммунизма».

За последние годы серьезные публикации появляются только в научных журналах. И даже там, в большинстве материалов дается разборка нарастающих в КНР проблем и пессимистические прогнозы о неизбежности крушения и хаоса. Да и позитивная информация остается закрытой для неспециалистов.

Позволю себе несколько импрессионистических впечатлений о пребывании в Пекине в течение нескольких месяцев и коротких поездках за его пределы. На жителя современной России, даже ее столицы, знакомство с новым Китаем оказывает

поразительное впечатление. Это стремительно развивающееся общество, сохраняющее свою культурную самобытность. Это уверенные в себе люди, которые много и умело трудятся, постоянно изменяя жизнь к лучшему. Это люди, сохраняющие верность самим себе, своему обществу и своей культуре. Это общество, для которого «вхождение в мировую цивилизацию» означает прежде всего утверждение значения своей собственной цивилизации – и никоим образом не отказ от нее, не «смена генотипа». Это общество, помнящее свое прошлое и выстраивающее будущее на основе своего опыта и памяти.

На более повседневном уровне в Китае поражает комфортное устройство жизни – как традиционной, так и современной. Супермаркеты или маленькие магазинчики полны товаров – почти все местного производства, предназначенных для самого разнообразного вкуса, спроса, потребностей. Можно много дней ходить по разным супермаркетам или лавкам антиквариата – как по выставкам материальной культуры, изучать предлагаемые товары и поражаться изощренному умению учитывать разные потребности человека.

В.И.Толстых

Девяносто процентов товаров – китайские.

Б.С.Ерасов

Я думаю, что почти сто, хотя много товаров совместного производства или по лицензии, но произведены в Китае, для китайцев, с пояснениями на китайском языке. Опережая вопросы, скажу, что такого рода товары гораздо доступнее по ценам, чем в российских супермаркетах, рассчитанных на немногих «новых русских». Из супермаркетов выходит сплошной поток покупателей с тяжелыми сумками или тележками с покупками.

Есть, конечно, и «люксовые» магазины, где преобладает импорт, где красивые и обходительные китаянки так же скучают, как и в наших магазинах для богатых. Но существует и большое количество лавочек и рынков, где товары повседневного спроса (еда и утварь) крайне – опять-таки поразительно! – дешевы.

Российского человека не может не поразить и вид китайской столицы. О великолепии классических дворцовых комплексов, парков и храмов – особый разговор. Но важно то, что там

постоянно много народу. Китайцы приобщаются к своей высокой культуре, знают ее, помнят, любят. Но блеск современного Пекина, великолепие его современных улиц и кварталов, размах и стиль строительства поражают и жителя Москвы, которая оказывается много скромнее, застойнее и провинциальнее, чем китайская столица.

И конечно, нельзя не сказать что-то о китайском телевидении, даже если остальные СМИ мало доступны для иностранца, не владеющего китайским. Постоянно функционирует более 20 китайских каналов. Один канал отведен для Си-Эн-Эн с его очень последовательной, продуманной, точной пропагандой западных свобод, оправдания войны в Югославии, посрамления России и «взвешенной» критики Китая. Один канал в нашей гостинице был отведен для ОРТ – с его последовательной, продуманной и откровенной русофобией, чернухой, порнухой и невероятной грязью (насилие, жалкая жизнь в России, поношение прошлого, продажные политики, отпетые мошенники и шлюхи – вот перечень основных видео-образов).

Но смотреть китайские каналы, даже не зная китайского языка (некоторые программы на английском) – источник постоянного удовольствия. На них дают серьезные, нормальные обзоры новостей, особенно «домашних», взвешенная критика Запада, масса полезной информации, умеренная реклама, жизнь простых – и разных – людей, никакого самопоношения. Много танцуют и поют или показывают исторические или бытовые драмы, почти все – китайские, хотя бы из Гонконга, в которых играют отличные актеры, много красивых сцен и пейзажей, много действия и любви. Много любви, но без секса. Секса в Китае нет, как раньше в СССР (по телевидению). Могут быть только намеки, а все остальное за ширмой, куда скрываются герои. Но часто бывают сцены, наверное невозможные в российских СМИ: девушка сопротивляется и показывает высокий класс спортивной борьбы. Культ порядочности, деятельности, верности, чести, чистоты и достоинства – функциональные ценности как традиционной, так и современной китайской культуры. Есть и детективы с напряженными сюжетами и насилием, однако это насилие большей частью игровое, демонстрация искусства китайских единоборств. У такого телевизора можно действительно отдыхать после трудного трудового дня.

Вернемся на улицы города. При большой перенаселенности столицы, огромном количестве машин и велосипедов, здесь крайне редко приходится видеть конфликтную ситуацию или стал-

киваться с ней. Здесь жить так же безопасно, как это было в Москве при советской власти, и ребенок может спокойно гулять по улицам.

Есть в Китае и преступность, как во всяком «нормальном» обществе. Но о преступности население узнает прежде всего из репортажей об аресте, после которых вскоре (через несколько недель, пока не забыли) состоится суд, а затем и оглашение приговора — высшая мера или тюремное заключение (может быть и пожизненное). Далее следует сцена прощания с рыдающими родственниками — матерью, отцом и семьей. Итог: уровень насилия и агрессивности в этом обществе, с его огромными социальными и человеческими проблемами, оказывается крайне низким. На улицах Пекина гораздо безопаснее, чем в Сан-Франциско или Амстердаме, не говоря уже о Москве. Поэтому там можно жить, работать и развиваться.

Присутствующая здесь Валентина Гавриловна Федотова недавно опубликовала в «Независимой газете» статью под характерным названием «Всем нам нельзя уехать из России». Всем нельзя, хотя немало людей уже уехали. Но тем, кто может, очень рекомендую Китай.

Здесь весьма нужны специалисты, даже по такой специальности, которая оказалась у меня — культурология и история русской культуры. Здесь помнят, любят и изучают русский язык и русскую культуру. Хорошую культуру. На улице, в парках, музеях постоянно встречаются люди, которые, услышав русскую речь, подходят, чтобы поговорить. Здесь показывают по телевидению и в театрах лучшие русские фильмы и пьесы. Здесь хотят дружить с Россией и постоянно спрашивают: «Что же там у вас творится и когда это кончится?» Но у нас нет на это ответа. Тем более на вопрос: «А чем все это кончится?» Русским в Китае стыдно за свою страну в ее теперешнем виде...

Но обратимся снова к китайской культуре — к ее внешним проявлениям и внутренним смыслам.

На улице и в остальной жизни китайца окружает среда своей культуры. Здесь крайне мало вывесок на иностранных языках — сплошная иероглифика. Это своя культура. Здесь множество продукции индустрии культуры, в том числе книжная, аудиовизуальная, информационная. Почти вся она — китайская, на китайском, для китайцев.

Однако было бы нелепо утверждать, что эта среда изолирует и ограничивает человека, стремящегося к более широким горизонтам. Современный Китай переживает бум высоких техноло-

гий, в том числе информационных. В Пекине создается своя «Силиконовая Долина», и степень компьютеризации растет с каждым днем, подгоняемая «директивными указаниями» и постоянной пропагандой. В скромном университете, в котором я работал, степень компьютеризации преподавателей явно выше, чем в среднем московском университете, а аппаратура мощнее.

И вся эта информатика китаезирована.

Такова зримая картина современной китайской культурной жизни.

Теперь несколько данных об экономике, имеющих весьма прямое отношение к культурным факторам. Владислав Жанович привел некоторые цифры относительно инвестиций. Иностранные капиталовложения составляют то ли 200, то ли 300 или еще больше миллиардов долларов. Данные расходятся. Можно отметить, что примерно на такую же сумму были вывезены — уворованы — капиталы из России. Но в Китае это отнюдь не российские капиталы. В плане инвестиций Китай отнюдь не открытая страна — ни для вывоза, ни для ввоза.

В.И.Толстых

Они отстаивают принцип контролируемой открытости.

Б.С.Ерасов

Контролируемая открытость — очень точное определение. Там знают цену полной «открытости», достигавшейся «опиумными войнами» и вторжением иностранных эскадр. Китай — структурно закрытая страна. Она закрыта для импорта, подрывающего свое производство, для иностранных миссий и фондов, выращивающих враждебную культуру и собирающих данные о состоянии общества.

А капиталы поступили преимущественно от китайской диаспоры, из Гонконга, Макао, Тайваня. Инвестиции из США и Японии за последние годы уменьшились втрое — до 5-7 процентов. Через несколько лет, когда Тайвань будет «воссоединен», Китай не будет иметь внешнего долга.

За прошлые десятилетия много китайцев уехало из страны. В странах Юго-Восточной Азии живет около 25 миллионов китайцев, столько же, сколько русских в ближнем зарубежье. Они

составляют примерно от 5 до 30 процентов населения в небольших странах. Но контролируют они там почти 80 процентов совокупного богатства. Совокупно китайцы владеют за рубежом капиталом в 700 миллиардов долларов. Скоро эта цифра вырастет до триллиона. Два года назад они владели контрольными пакетами акций в 500 из 1000 крупнейших промышленных корпораций мира.

Сколько же богатств контролируют русские в ближнем зарубежье и в странах своего рассеяния? И как они относятся к своей Родине? И еще вопрос из сферы этнических особенностей бизнеса в России: какой процент оставшегося капитала принадлежит этнически нерусским владельцам?

Вот каково значение культурных ценностей и этнической привязанности для экономики, что пока еще составляет тайну за семью печатями для той российской элиты, которая верховодит делами. Впрочем, скорее всего верно определение одного из наших политиков: «Дураков во власти нет». Они ведают, что творят.

Теперь перехожу от впечатлений к теории. В чем истоки такой устойчивости, здравого смысла, мудрости.

Основная характеристика китайской цивилизации – ее органичный, целостный характер с развитой сложной структурой и хорошо сформированной срединной культурой. Это сложная культура, включившая различные инородные компоненты в не меньшей степени, чем европейская. Ее религия имеет составной характер и включает три явно несходных компонента – конфуцианство, даосизм и буддизм. Но кроме того, в Китае на протяжении веков, да и поныне еще жив языческий субстрат, традиция эстетизированного автохтонного язычества. Поклонение природе, сады из камней, витальные ценности и навыки, зафиксированные и в телесной культуре, и в кухне, и в медицине – все это помогает человеку выживать и в современном мире.

За минувшие 2500 лет все эти разнородные компоненты пережили периоды гонений, запретов и разрушительных репрессий. Но уже несколько веков назад все устоялось и образовался если не синтез, то симбиоз, отлаженная инклузивная система, в которой каждый компонент занимает свое место и имеет свои функции. А все вместе они способствуют формированию не только высокой культуры с ее духовностью, философией и ученостью, но и широкое поле срединной культуры, из которого никто не исключен.

И конечно, какому-нибудь заезжему демократу из России верхом нелепости покажется не только соединение казалось бы разных традиционных ценностей (о которых он вряд ли что-нибудь знает после своих западных университетов), но и включение революционных деятелей — и Сунь Ятсена и даже Мао Цзэдуна, а иногда даже Ленина и Сталина. Никто не забыт, ничто не забыто.

В дополнение к этим культурам и идеологиям высокого уровня в Китае сохраняется и культивируется народная культура, практически уничтоженная в странах «передового Запада» и там, где идет подражание Западу.

Все это разительно отличается от России, в которой существуют постоянные антиномии, противоборствующие стороны и начала, предающие друг друга анафеме и ведущие борьбу на уничтожение. В которой периодически меняются столицы, названия, символы и смыслы. В такой социокультурной среде срединная культура сформироваться не может.

Каковы основные символы и механизмы китайской культуры? Прежде всего, это то, что очень точно выразил сказочник Андерсен: «в Китае все жители — китайцы». Это другая раса, выразительно отличающаяся от белой и всех остальных. И дела не меняет наличие сильных этнических различий между разными китайцами — различий, не воспринимаемых в остальном мире. Поэтому в остальном мире их воспринимают как сходную массу. Поэтому и сами они во многом так себя воспринимают.

Быть китайцем — это значит иметь особую телесную культуру, особые привычки, особую кухню, поддерживать связь со своими соотечественниками и т.д. Китайцев много и в Америке, но и там они остаются китайцами: живут в своих кварталах, сохраняют свой образ жизни, пользуются своей письменностью и школами, торгуют своими товарами и т.д. А с представителями других культур обычные китайцы общаются с некоторым трудом, преодолевая чувство дискомфорта, тщательно сохраняя свое «лицо» и свою закрытость.

Второе. Это Великий китайский язык. А вернее система его письменности, недоступная простому европейскому смертному, а только синологу. В той или иной степени ее знают все китайцы, что опять-таки сближает их друг с другом — и отдаляет от всех остальных. На овладение этой письменностью уходят многие годы трудной учебы. Но результатом становится крепко спаянная единой семантикой человеческая общность. После этого

все китайцы становятся китайцами. И после этого все они могут жить, работать, творить в своей собственной среде, создавать новое, сохраняя преемственность и рассчитывая на признание.

Кроме того, такая письменность – прочный барьер против проникновения нежелательных, излишних, ненужных элементов чужих культур. Всякий иностранный термин должен переводиться на понятные символы, подвергаясь полноценной китаизации.

Конечно, такая письменность усложняет изучение иностранных языков. С этим в Китае проблемы, там сравнительно меньше людей и хуже, чем в России, знают английский язык. Для исправления положения принимаются энергичные меры, в качестве обязательного предмета и экзамена введен английский язык. Раньше подобное место во многом занимал русский, но мы потеряли свой шанс. Размах мер по приучению к английскому также поражает (огромное количество учебников, пособий, курсов и пр.). Китай совладевает со своей структурной открытостью. Там, где надо, поощряется дифференциация и специализация, знакомство с чужими достижениями, заимствование чужого опыта. Однако существует плотная система подключения этих достижений к «телу» китайской цивилизации.

Существует и еще один великий символ китайской культуры, воплощающий ее устойчивость и верность самой себе. Это «Великая китайская стена». Это сооружение вызывало удивление, восхищение и поношение многих западных мыслителей. И все же, думаю, немногие отдадут себе отчет в его значении. Оно заключается отнюдь не только в размахе строительства, протяженности на 5000 км и размерах стен и башен. И даже не только в геостратегическом плане, хотя она не раз сдерживала нашествия врагов с Запада. Стена была Общим Делом для многих поколений китайцев как в начале истории китайской государственности, так и впоследствии. Но главное – Стена была воплощением крепости государства, его способности противостоять набегам извне, а значит и гарантом мира и стабильности. В обширном пространстве за Стеной можно было жить и строиться, не опасаясь неожиданных нашествий. Эта защищенность – с суши и с моря – символическая основа китайской цивилизации. И все нашествия с Запада и Востока лишь на время прерывали течение истории.

Но следует выделить и еще один высший символ китайской культуры. Это Зимний императорский дворец Гугун – торжество непререкаемого, высшего порядка, которому подчинен сам

император и на страже которого стоит он сам. Никаких прихотей и своеволия в этой твердыне Порядка, получившего воплощение в великолепной архитектуре, убранстве, этикете, учении, строе мыслей. Все прихоти отодвинуты в летнюю резиденцию. Порядок, воплощенный в символическом центре китайского государства, превышает великолепие других древних столиц, где всегда присутствуют воля и своеволие, соединение памятников разных правителей, стилей и поводов.

Конечно, учинить порядок в столице, население которой превышает 10 миллионов человек, и в стране, где живет уже много более миллиарда китайцев, намного сложнее, чем только в центре. Но, несмотря на все невероятные препоны и проблемы, Центр сохраняет Порядок, которому могут позавидовать остальные менее упорядоченные страны, особенно Россия.

И в заключение моего выступления. Можно ли использовать китайский опыт реформ в России. Нет, ничей опыт прямо использовать невозможно. Особенно в России. Особенно китайский. И этому есть несколько основательных причин.

У нас не было и не будет Великой стены, ограждающей нас от Степи. У нас был и есть Лес и Мороз. Но это — естественные преграды, а не продукты цивилизации. У нас есть только сила духа и стойкость, воплощаемые в мощи и воле государства, во взаимном служении общему делу. Но сейчас у нас нет общего дела, нет государственной воли, а есть драчка различных элит за свой кусок.

У нас иссякает или уже иссяк общий язык, который используется прежде всего для взаимного поношения. И этот язык не стал в должной степени нашим семантическим устоем в мире. Он подорван извне и изнутри, он искорежен инородными смыслами, заимствованиями и вульгаризмами, вызывающими лишь отвращение.

У нас нет чувства меры и порядка в культуре, а есть приливы и откаты, переход от одной крайности к другой — с уничтожением накопленного материала. У нас есть только антиномии и расколы с преданием взаимной анафеме. У нас уже нет прошлого и очень сомнительное будущее.

В Китае умеют вести счет длительному историческому времени, опираясь на прошлое, смотреть в будущее. Они считают дни скорого воссоединения с Макао, но умеют ждать десятилетиями и веками. Они не торопятся, но готовят будущее.

У нас стремительно разрушается симбиоз разных культур, с большим трудом достигнутый в советский период. В Китае — культ дружбы с различными своими и не своими народами. Особенно с малыми народами по периферии государства. Например, с тибетцами. Недалеко от центра Пекина находится великолепный ламаистский монастырь Юнхегун, воздвигнутый еще в 1694 г. как символ духовного и политического единства Китая и Тибета. Неподалеку находится Парк национальных меньшинств, где воздвигнут маленький Тибет и тщательно воспроизведены его религия и искусство. Постоянные праздники и юбилеи тибетской культуры, гастролы мастеров привлекают огромное число тибетских деятелей культуры...

У нас нет реформаторов, а есть имитаторы, «независимые» эксперты — независимые от своего народа, культуры, цивилизации, но с готовностью выполняющие «заказы» — будь то физическое или моральное убийство или дискредитация страны, народа и его истории.

У нас выводят за рамки нормы принцип служения, а насаждают платные услуги и предательство. Бомбежка китайского посольства авиацией НАТО в Белграде добавила еще троих героев, павших за свою Родину. Их похороны вылились в национальный траур.

У нас нет признанных достойных лидеров и идеологов, а есть заказные «мастера социальных технологий» и манипуляции общественным мнением. У них есть вожди, статус мудрости которых никто не может поставить под сомнение.

И все же Россия будет сосредотачиваться, приходить в себя от изумления и глумления. И она должна будет искать свое место в мире, делать новый выбор в условиях нового высоко технологического и информационного нашествия. И последний выбор, который она может сделать — повернуть к Востоку. И не к отдаленному и экзотическому Востоку — Индии, арабскому миру или странам ЮВА, а к Китаю. Исторический союз с Китаем, может быть, единственный для России выход из крайней ситуации. Это примыкающая к нам мировая держава, с которой у нас много общего в принципах социального устройства. Длительная традиция сотрудничества и дружбы с народом, который тянется ко всему хорошему, что есть в нашей культуре.

В Китае хорошо знают, что Россия — исторически, географически и экономически — естественный союзник Китая. Они изучают причины распада СССР и в апреле 2000 г. проводят

крупную конференцию на эту тему. Они напряженно и внимательно следят за происками США и многому научились на опыте распада и войн в Югославии. Они изучают методы подрыва бывшей советской державы и действия, направленные против Китая. В том числе попытки геополитического окружения и «взлома» Китая с четырех сторон: со стороны Тайваня, Тибета, Монголии и Казахстана.

Они предпринимают все необходимые меры, чтобы противостоять этому. И у них есть все ресурсы — экономические, демографические, политические и цивилизационные, чтобы отстоять себя и претендовать на место ведущей державы XXI века.

Ю.М.Галенович

Я хотел рассказать о том, что меня в этом году очень заинтересовало в Китае. 47 лет тому назад, в 1952 году в Манчжурии или в северо-восточном Китае родился мальчик. Родился в обычной китайской семье, где не было никаких высокопоставленных людей, и в возрасте восьми лет, в 1960 году, пошел в обычную школу. А в 1966 году учиться прекратил, потому что началась великая пролетарская культурная революция. Проучился он всего шесть лет и имеет, следовательно, полное начальное образование, как это называется в Китае, не имея среднего образования. Были годы культурной революции, когда все было в хаосе, а после этого, в возрасте 14-15 лет, следовательно, его все это захватило, как многих молодых людей Китая. А потом его, как и других, призвали в армию, чтобы навести порядок, чтобы сделать человека дисциплинированным, и в армии он пробыл 8 лет. Но в армии он был в тех подразделениях, которые занимаются воспитанием военнослужащих, занимался художественной самодеятельностью, потому что у него были способности, он умел горнить. Отслужив в армии, он тем не менее остался при армии, это был 1978 год, уже после смерти Мао Цзэдуна. Сначала он работал в какой-то армейской гостинице, а потом трудился всего-навсего охранником в одной из продовольственных фирм там же, на северо-востоке Китая. Наступил 1992 год. Человеку стукнуло 40. И в 40 лет он почувствовал, что он — новый Будда. Ни больше, ни меньше. Причем этот новый Будда за семь лет — с 1992 по 1999 год — создал в Китае мощное необуддийское движение, в котором по сведениям Министерства общественной безопасности КНР было 39 организаций на

уровне провинций, 1600 организаций уровнем ниже, 2800 пунктов и миллионы последователей. Это тот самый Фалунгун, который появился в 1992 году и существовал до сего года. Это были люди, которые занимались дыхательной оздоровительной гимнастикой и в то же время они читали книги, которые написал этот новый Будда. Книги эти были полны китайских народных верований и всяких буддийских представлений, смесь такая была. Но это очень воздействовало на людей. Воздействовало довольно сильно, потому что фактически в этой организации состояло много членов Коммунистической партии Китая.

С Коммунистической партией Китая сегодня ситуация очень непростая. Организация на низовом уровне работает неважно, восстановить ее работу трудно, идеологической работы нет, организационной тоже — они сами не хотят, их трудно вовлечь, особенно в деревне. И такие люди вошли в эту организацию. Вообще-то традиционно в Китае быть в двух партиях это привычное дело для китайцев. Люди из КПК состояли и в Гоминдане. А теперь они состояли в этой новой необуддийской организации, в которой постепенно стали пропагандироваться не только идеи оздоровления человека. Самое главное и привлекательное в проповедях этого нового Будды было то, что если вы будете заниматься определенным комплексом, то вы достигнете состояния Будды, и нирвана будет перед вами открыта, вы избавитесь от всех болезней. Но дальше был сделан иной шаг. Этот новый Будда стал использовать широко распространенные настроения недовольства всем чиновничьим партийно-государственным аппаратом. Деградация этого аппарата сегодня такая, какой не было никогда в истории Китая. И поэтому люди в Китае их ненавидят. Ведь в Китае как говорят о чиновниках — «они». Слово «они» для них самое приемлемое. И новый Будда сказал, что мы близимся к концу света, признаком наступления которого является моральная деградация. Избавиться от моральной деградации можно, только следуя нравственным правилам, которые завещал нам Будда. Себя он провозгласил новым Шакья Муни. Он даже изменил дату своего рождения, чтобы сказать: вот я, живой Будда сегодняшнего дня. И когда все это распространилось очень сильно, Коммунистическая партия Китая забеспокоилась, потому что все это происходило с ее ведома, на ее глазах и с учетом позиции товарища Цзян Цзэминя, который в 1993 году сказал, что, в общем-то, религия и социализм могут как-то соответствовать друг другу. Из-за этого тезиса о какой-то

возможности соответствия возникла такая широкая организация. Но она стала защищать себя. Защищать вплоть до массовых выступлений, и последнее выступление было в апреле 1999 года, когда место, где живут главные руководители КНР и Коммунистической партии Китая, было вдруг осаждено. Десять тысяч или больше десяти тысяч этих людей приехали. Они ничего не делали, ничего не демонстрировали, не говорили ничего, у них не было никаких лозунгов, они просто молча сели или стояли молча. Но их было десять тысяч у ворот. И тогда руководство забеспокоилось, узнав, что их волнует. Они сказали, что вот наших двух активистов где-то там в каком-то городе задержали, вы их отпустите, пожалуйста. И, с другой стороны, мы знаем, что у нас в Китае ни одна статья не появляется без санкции руководства ЦК КПК. А появилась статья в одном из журналов, что наш Будда и его учение — это мистика, это против марксизма-ленинизма, это то, что должно быть уничтожено, и поэтому мы хотели бы знать, имеет ли к этому отношение ЦК КПК. Им было сказано, что отношения не имеет, и что ваших товарищей мы отпустим. И они спокойно разошлись. Прошло еще три месяца, и вот накануне 50-летия Китайской Народной Республики, в июле этого года появились сразу три документа. Первый документ — Центральный комитет Коммунистической партии Китая запретил всем своим членам принимать участие в этой организации. Второе — Министерство гражданской администрации запретило деятельность этой организации. И, наконец, третье — Министерство общественной безопасности Китайской Народной Республики объявило деятельность организации незаконной. Без суда, без прокуратуры Министерство объявило деятельность незаконной. И тогда произвели обыск дома у этого живого Будды, а он к тому времени был уже, естественно, в Соединенных Штатах Америки, арестовали всех руководителей местных организаций, они стали выступать с покаяниями, пошел естественный процесс. В одной из провинций, я прочитал, цифра такая была: из тех, кто объявил о том, что он порывает с этой организацией, десятая часть — члены КПК. И сегодня эта организация формально деятельность свою прекратила. Но хочется задуматься над тем, каковы настроения в Китае, какие мысли могут овладевать широкими массами людей в Китае? Что это за толща населения, которая все это так воспринимает? И какими методами приходится действовать Коммунистической партии Китая, чтобы это прекратить. Я хотел только этот пример привести.

Владислав Жанович говорил о том, что Китай и Россия начали переход от тотальной партократии к какой-то плюралистической модели. У меня возникли некоторые сомнения в отношении постановки вопроса. Возникает такой вопрос: вообще, мы здесь привыкли к тому мнению, что хуже тотальной партократии, какого бы цвета она ни была, социалистическая, интернационал-социалистическая или коммунистическая, ничего быть не может. Если всякая партократия — это заведомо плохо, то можно ли отождествить, скажем, партократию с властью криминала, с «бандократией». Что если этот вопрос поставить применительно к развитию наших реформ и к развитию реформы китайской. Реформы китайские — это реформы партократические. А мы наткнулись все-таки на то, что в недрах нашей партократии выбрали криминальные структуры, которые просто сбросили, если угодно, личину. И проблемы получаются совершенно иные. Простите, власть криминалитета — это власть криминалитета. Вор есть вор, ему побольше украсть и подальше спрятать. Партокрот, какой бы ужасный он ни был, он готов попасть в концлагерь, под расстрел, как только что рассказали о новых буддистах, но все-таки, там, в Китае, ход вещей-то держит партократия, еще не превратившаяся в бандократию. Вот тут-то принципиальной разницы нет, а если она есть, то получаются совершенно разные процессы, и тогда между российскими реформами и китайскими реформами ничего общего нет.

В.С.Семенов

Я считаю заголовок нашей беседы не очень удачным. Объясню, почему. «Реформы в России и в Китае: кто оказался мудрее?». И тут и там, насколько я знаю, я и в Китае был, стопроцентно делалось то, что заранее было запланировано. Поэтому, кто мудрее, это можно оценить по тому, как выполнены поставленные задачи. Но, на мой взгляд, тут и там делалось то, что заранее намечалось. Что делалось в России? Ясно, что это была контрреволюция, решавшая два вопроса: передел власти — 1991 год, и затем, в 92-ом — передел собственности. Два главных вопроса любой общественной жизни — власть и собственность. Вот что делалось в России, и все эти разговоры о приватизации, чего ваучер стоит —

две автомашины или нет, все это лишь прикрытие. Поэтому и была, конечно, контрреволюция, прикрываясь понятием «реформирование», «реформы». А реформирование как реформа — это же два пути созидательного развития. Что эволюция, что революция — они предполагают качественный скачок вперед, качественное развитие. Таких задач не ставилось.

Я работаю уже пять лет в лучшем международном журнале по управлению («Проблемы теории и практики управления»), который есть в России, где половина статей об опыте России и Китая, в том числе крупнейших американских экономистов и лауреатов Нобелевской премии, утверждает, что реформирования в России не было. Того, что требует настоящая реформа, ничего не проводилось. И они все подчеркивают, что все делалось для того, чтобы сменить форму власти и собственности. Крупнейший немецкий предприниматель, член Римского клуба, Клаус Штальман (он создал в МГУ им. Ломоносова российско-германскую образовательную программу) в своей статье, которая выйдет в пятом номере журнала, отмечает, что в России потрясающая зависимость от внешних сил. Он прямо пишет, что страна «посажена на иглу». Я просто процитирую его слова: «Причина всех отношений кризиса российской экономики не столько в ошибках реформ, хотя они не проводились, сколько в том, что она попала в глубокую зависимость от внешних сил, как формулируют некоторые журналисты, в том, что «страна посажена на иглу». Это — о реформах в России.

Теперь — Китай. 22-23 сентября состоялась международная конференция в Минске, где выступал Чрезвычайный посол Китая в Республике Беларусь. Вот текст, который я там получил, и он будет опубликован. Так вот, линия Китая, очень кратко, как они сами определяют: это соединение собственного общественного — социалистической ориентации — пути с открытостью мира, с использованием всех достижений в экономике, в культуре, прежде всего в экономике. Формируется тип смешанного конвергентного общества при сохранении ранее избранного пути. Так в основном они определяют особенности своего пути, настаивая на независимости всей общественной экономической линии развития. Они не рвутся в семерку-восьмерку, не входят ни в МВФ, ни в Международный банк, у них своя валюта — юань, которая открыто не конвертируется, и поэтому все кризисы Юго-Восточной Азии их мало касаются. Они не входят официально в систему Интернет, имея в виду, что Интернет

используется для пропаганды и в какой-то мере для шпионажа. Это великая держава мира, которая придерживается полностью самостоятельной линии развития. И вот результаты. Я приведу данные от 23 сентября этого года. За период 1979-1997 гг. действительный среднегодовой прирост внутреннего продукта 9,8 процента. По их оценкам, которые они все время преуменьшают, они вышли на седьмое место в мире. Но экономисты считают, что Китай сейчас на втором месте в мире после США. Общая сумма инвестиций — 370 миллиардов долларов, прямых, так как инвестиции есть и косвенные, через акции и так далее. А непосредственные капиталовложения в производство — 230 миллиардов долларов. Вот данные сентября. Дальше еще интереснее. Китай занял второе после США место в мире и по объему валютных накоплений, которые составляют на конец 1998 года 145 миллиардов долларов. В наш журнал приезжала китайская делегация, они говорят, что готовы дать миллиарды России, если будут созданы нормальные условия капиталовложения.

По мнению зарубежных авторов нашего журнала, процесс приватизации в России напоминает поспешную коллективизацию, а самым продуктивным и эффективным является китайский опыт, по сравнению с опытом всех восточно-европейских и центрально-европейских стран. Сравнивая Россию с Китаем, авторы утверждают, что неудачи экономических реформ в России связаны с применением подхода «СЛП», или стабилизация — либерализация — приватизация. А эффективным оказался использованный в Китае принцип «ИКУ» — это институционализация — конкуренция — управление. В последнем, четвертом номере за 1999 год напечатана статья Роберта Макентайера «Региональная стратегия в России и опыт Китая», где важнейшими особенностями китайской реформы названы следующие. Первое: сохранение крупных государственных предприятий, и там, где это необходимо, организация их упорядоченного свертывания. Второе: сосредоточение большей части производства на основе передовых технологий и прямых инвестиций стран в западные секторы. И третье: допущение существования различных форм собственности, в том числе городских и поселковых, сельских предприятий, развитие прибрежного предпринимательства и т.д. И отсюда — вывод. Высокие показатели экономического развития в последнее десятилетие у Китая и полный провал, как он пишет, так называемых реформ в России. Это оценка международных экономических экспертов.

А на мой взгляд, суть-то в том, что реформы у нас и не начинались, и глава фракции «Наш дом – Россия» Владимир Рыжков, выступая в Давосе, правильно сказал, что «наши реформы не начинались, их не было как реформы, потому что реформы – это тоже созидание, только эволюционное, это тоже развитие вперед». Он талантливый человек и объективно мыслящий политик, и понимает, что реформы все равно придется проводить, если мы не хотим полностью пропасть.

В.Ю.Царев

Сила компьютера определяется не объемом памяти на жестком диске, а тактовой частотой и оперативной памятью. Это я, чтобы настроиться на иной, чем у одного из докладчиков, лад. Тактовая частота бывает разная, вплоть до 400.

В основном я согласен с коллегой Ерасовым. Конечно, для России китайский путь экономически-хозяйственных изменений, точнее сказать, преобразований невозможен. Но он невозможен для любой страны, которая развивает хозяйство европейского типа. Дело в том, что для меня составляет загадку, как китайцы могут развивать свою систему сетеобразным образом, занимаясь всеми сразу проблемами и находя отклик на все возникающие вновь и вновь обстоятельства. Европейская хозяйственная традиция, как показывает хозяйственная история Европы, никогда не строилась на таких основаниях. Европейский хозяйственный путь строится иначе: выбирается направление, а под него подверстывается все остальное. Успешное продвижение по одному направлению создает эффект сифона, который втягивает в себя новые и новые обстоятельства, и если направление, ось развития выбрана правильно, то тогда общество ощущает на себе благодетельное последствие этого правильно избранного пути.

Как известно, хозяйственное развитие Европы возможно как бы в трех организующих направлениях: через ставку на производство, через ставку на потребление и ставку на последующую область – спрос. Когда-то европейская хозяйственная революция началась с революции потребления. Великие хозяйственные мыслители Смит, Рикардо, Стюарт были идеологами, философами потребления, производства. Производство вырабатывает своеобразную идеологию в отношении того, что потом получило название «капитал» – идеологию богатства. Концент-

рированная земля — это физикализм, концентрированные денежные средства, которые можно бросить в тот или другой хозяйственный прорыв — это меркантилизм. И, наконец, множество последующих звеньев, каждое из которых выстраивается в некоторую цепочку, цепь, которая обносит пространство деятельности. Давид Рикардо под конец жизни отошел от идеи концентрированного производства, основанного на концентрированном богатстве, и пришел к идее, которую потом приписали, не совсем основательно, но тем не менее, все-таки с некоторыми основаниями, замечательному французскому популяризатору экономики Жану-Батисту Се, который у нас известен под псевдонимом Сей. Жан-Батист Се в своем трактате о политической экономии впервые выдвинул так называемый «железный закон Се». Согласно этому закону потребление, направленное в должном направлении, создает новое производство и, в свою очередь, рождает новое потребление. Таким образом процесс становится необратимым, постоянным и устойчивым. Повторяю, уже у Адама Смита и Давида Рикардо присутствовали эти мысли. Однако, как это часто бывает, наиболее звонкую форму им придал именно Жан-Батист Се. Потребление или производство, производство или потребление, но то, что называют кейнсианством, было настоящим поворотом в хозяйственном сознании Европы, поскольку Кейнс впервые недвусмысленно прямо и последовательно заявил, что основой всякого хозяйственного развития становится спрос. Спрос всегда был бедствием для большинства стран мира, это как бы многоцивилизационная традиция. В конце концов людей надо было накормить. Это огромные как бы такие птичьи раскрытые рты населения. Спрос — это то, что всегда находится впереди всякого производства. Так было почти всегда. Но когда Кейнс со своими как бы странными идеями общественных работ, развитием системы социального обеспечения, преимущественным развитием образования выступил в условиях, когда во многих странах совершался процесс, называемый кризисом, многими это было воспринято с поеживанием.

В самом деле, что предлагал Кейнс? Он предлагал создавать новые рабочие места, платить людям деньги, вкладывать средства государства в образование, медицину, т.е. фактически в те области, которые оказываются областями бездонного спроса. Развивайте спрос, когда всего не хватает — тогда будет хватать. Для того, чтобы выйти на уровень обеспечения людей, которое

есть сейчас, нужно продвинуться в область запросов, которые не освоены в настоящий момент. Конечно, эта возможность манипулировать усилиями нации или народа, страны — как угодно — либо в направлении производства, либо в направлении потребления, либо в направлении спроса, открыта и для нас как некоторая историческая данность.

Хозяйственная политика, направленная на спрос, предполагает совершенно иное предпочтение в области того, что мы называем массовым потребителем. Это не богатый потребитель, это не персонаж хогартовских гравюр, когда какой-нибудь хозяин лавки провожает, расшаркиваясь, богатого посетителя. Это массовый покупатель, который имеет так называемые «бедные деньги». Политика хозяйствования, ориентированная на спрос, предполагает ориентацию на «бедные деньги». «Бедные деньги» как бы формируются из двух частей: это деньги, откладываемые на «черный день», и деньги, которые Жюль Мишле называл «деньгами из рук в рот» — это деньги, которые будут потрачены сейчас. Этих денег в обществе всегда много. И опять: деньги самое быстрое и самое умное, потому что человек не съест больше того, что он может съесть, он не наденет на себя две шубы, две пары штанов и не купит лишнюю кастрюлю или ложку. Конечно, бывают всякие случаи, но в целом «бедные деньги из рук в рот» самые лучшие. И когда в Германии в 1948 году Людвиг Эрхард начал свою экономическую революцию, он сделал ставку на самое спорное, самое необычное, с точки зрения русского человека, но самое верное — «бедные деньги», «деньги из рук в рот».

Китай в этом смысле делает сразу все, что нужно делать. Россия должна выбрать для себя что-то. Россия пыталась делать ставку на производство, и мы знаем множество этих вариантов.

Реплика: Когда?

Да всегда! У нас производство всегда управляло потреблением. Над страной всегда то гасли, то вспыхивали неоновые слова «лопай, что дают». Это и есть диктат производства над потреблением. У нас были попытки проводить хозяйственную политику через потребление. Они остались незамеченными. Это так называемая знаменитая система оптимального управления экономикой, к которой были прикосновенны и ныне живущий академик Арбатов, и Петраков, и так далее. Смысл этой политики был установить хозяйственные цели, оптимизировав потребление в первую очередь. Это та самая идея — уйти от обще-

ства массового потребления и научить людей умно и правильно потреблять. У нас на самом деле никогда не было хозяйственной политики, направленной на спрос. Совершенно правильно говорил коллега Ерасов: Китай – это страна, где спрос как бы обоснован, ведь в этих супермаркетах не просто множество товаров, но и множество покупателей, в отличие от нас, стало быть, это страна достигнутого массового спроса. У нас многое делалось, но никогда не делалось попытки развивать хозяйство через спрос. У нас никогда не уважались «бедные деньги». Что, в сущности, представляет из себя хозяйственная авантюра Гайдара, Чубайса и иже с ними? Прежде всего, это авантюра кражи той части «бедных денег», которую вдовица откладывает себе про черный день. Все вклады были украдены и уничтожены, они ни на что не пошли, они просто исчезли, испарились, растаяли. Наша политика до сегодняшнего дня это и политика наступления на вторую часть, самую главную неприкосновенную часть «бедных денег» – деньги «из рук в рот». Ведь когда задерживают заработную плату, когда заработную плату выплачивают не два раза в месяц, как положено по законодательству, а один раз в месяц, эти деньги, «бедные деньги», которые должны быть «деньгами из рук в рот», аккумулируются и превращаются в худшие из «богатых денег». Они не инвестируются никуда, они используются исключительно на спекулятивные нужды небольшой группы людей. Только спекуляция, а ни в коем случае не нормальное массово-спросовое действие порождает инфляцию. Зарплата никогда ни при каких условиях не способна породить инфляционный процесс. А вот если зарплата изымается, если она пускается на спекулятивные процессы, а затем в результате переправляется за границу уже в виде купленной валюты, а потом по валюте определяется курс национального рубля – вот тогда возникает инфляция.

Сейчас начинают говорить о том, что вот надо бы как-то развивать спрос. Совсем недавно об этом во всеуслышание заявил заместитель председателя Центробанка. Но он явно это сказал, поеживаясь. И как бы даже, может быть, и нехотя об этом сказал. Он это сказал, а Путин говорит о том, что, дескать, как-то надо сделать так, чтобы зарплаты доходили по назначению, доходили до того, кому они предназначены. «Как-то так это надо сделать...» Но это не сделано, и даже крупнейший из силовиков, который получил дополнительные возможности для того, чтобы проводить правильные идеи в жизнь, даже он не способен это сделать.

Итак, реформа, это действительное преобразование формы, наличной данности, хозяйственного целого в нашем случае. Реформа — это то, чего не было в наших условиях, у нас не было развития хозяйства через спрос, через расширение покупательной способности населения, реальной и массовой. Это никакая не благотворительность, «старина» Ельцин как-то говорил: будет страна жить лучше, тогда каждый пенсионер и человек будет жить лучше. Нет, это не так. Хотя вроде бы с точки зрения здравого смысла это так. Наоборот, если каждый пенсионер будет жить лучше, то тогда и страна будет жить лучше. Если деньги будут доходить до человека, который может их потратить, он часть денег спрячет, он ими не сможет спекулировать. Он их спрячет, наученный горьким опытом всяких «МММ» и прочих других «контор деда Никанора». Но то, что он потратит, он потратит действительно по своей нужде. Он потратит на то, что ему действительно нужно. На то, что он потратит, эти деньги будут аккумулированы. Так получилось в Германии. За пять месяцев были накоплены оборотные средства. Тот, кто производит товары, нужные населению, получит преимущество при заказе этих товаров у тех, кто их производит. Те, кто производит эти товары, будут предпочтительными заказчиками машиностроительной промышленности, а те, кто производит машины для тех, кто производит товары, нужные населению, получают преимущества для закупки сырья и полуфабрикатов у сырьевиков. А эти, в свою очередь, получают преимущества при расчетах с энергетиками. И все вместе они получают преимущества при банковском кредитовании. Так оно должно быть. Это выгодно народу, выгодно стране. Но Фридрих Ницше говорил, что немец — это такое странное существо, для которого привычка жизни в девяносто раз ценнее действительной выгоды. Это немец. Какие же мы? Что с нами будет? Вот куда должны идти реформы. А будут ли эти реформы? Я не знаю, мой прогноз неблагоприятный.

Ф.Б.Белелюбский

Во-первых, о методологии сравнения китайской и российской реформы. Дело в том, что это совершенно, качественно различные и разнонаправленные типы социального движения, поэтому сравнивать очень трудно, практически невозможно. Когда-то, может быть в 80-х годах, когда речь шла о китайском опыте,

то можно было подумать об использовании. А сейчас чего использовать? У нас другой общественный строй. Какой опыт китайских реформ может быть использован сейчас?

Здесь Владислав Жанович говорит о том, что у нас реформы разрушительные. Ну почему? Они созидательные. Они создали периферийную сторону капитализма — очень созидательная и содержательная реформа произошла. Чего тут. Разрушили социализм — это правильно, да. Но создали совершенно другую, качественно иную социально-экономическую формацию.

Теперь насчет Китая. Я вот жил в Китае в 90-м году. И что мы прозевали, став страной...

Реплика: ...периферийного капитализма?

Да, Россия стала страной периферийного капитализма.

Реплика: и примитивного индустриализма.

Ну да же! Вот мы кричим, что идем к рынку, а фактически же происходит натурализация нашего народного хозяйства. Сужается рыночное пространство, которое выдала «плохая советская власть». Разрываются связи между городом и деревней, между регионами, это легко прослеживается официальной статистикой. У нас господствует бартер имени господина капитана Джеймса Кука, сейчас господствующая форма общественных отношений. Поэтому причем здесь рынок, Китай? Это совершенно разные вещи. В Китае действительно рынок. И, может быть, Царев прав, что там огромный спрос, но когда я приехал (я год жил не в Пекине, в Нанкине — это все-таки глубинка, Южный Китай, провинциальный центр исторический), меня поразило: да, конечно, товары потрясающие. Но сказать, что там все китайцы это беспрерывно покупали? Ничего подобного...

Китай не такая уж открытая страна. У них есть термин «открытая политика» — «кайфан». Если брать семантику иероглифов, то этот иероглиф — «калитка, открытая наружу». Например, члены коммунистической партии Китая не сообщают на работе, кто из них коммунист. Вроде правящая партия, но фактически партсобрания не проходят в организациях, и нет объявлений, что будет партсобрание. Я обращаюсь к кастелянше (я был стажер факультета для иностранцев) и спрашиваю «как тебя звать — госпожа «фан» или товарищ «фантунжи». Она говорит «тунжи». Очень хорошо, я сам беспартийный, а мои родители коммунисты. Захожу в офис, говорю: «Здравствуйте, фантун-

жи». Она так была недовольна! Все тетки вскочили смотреть на нее, что она проболталась иностранцу, что она коммунистка. Представляете себе? Теперь насчет уровня жизни китайского народа. Не надо преувеличивать. Да, там потрясающие магазины. Китайский магазин, который открылся в Москве сейчас на углу Нового Арбата и Садовой, такой может быть в Китае только в каком-нибудь районном центре, очень занюханном. Это ничего общего не имеет с тем, что магазин представляет собой в Китае. Это нечто ошеломляющее, но я просто уходил и считал, что я не буду смотреть на такое раздражающее меня и парализующее мою волю зрелище. Но когда я приходил в гости к китайским друзьям без спроса — ну не мог дозвониться, допустим, а договоренность о встрече была — никогда еды не было! Просто нечем меня кормить — холодильник пустой.

Реплика: Вы были в 90-м году, а сейчас уже 99-й.

Я понимаю, хорошо, прошло десять лет. Буров правильно говорит, сейчас может быть действительно что-то изменилось. Но проблема карточек есть в Китае или нет? Например, меня допекали, когда я ходил по улицам и ездил по городам, в столовых спрашивали, есть ли у меня карточки. Я потом у наших украинцев узнал, что они за какие-то услуги получили карточки и покупали продукты вчетверо дешевле. Оказывается есть. Их пытались в 94-м году отменить, вроде.

Или, скажем, массовая неграмотность населения. Как научный работник я для интереса, например, прошу ложку. Они не дают обычно, палочками едят, но ложки всегда есть, их надо просить. Я пишу иероглиф «ложка». Официантка не знает иероглифа «ложка» вообще. Юрий Михайлович рассказывал про секту. Конечно, это тоже проблема. Чудовищная невоспитанность населения по сравнению с нами. Никогда дорогу не уступят старшему, если я в троллейбусе встану и уступлю место женщине, весь троллейбус перестает разговаривать и все глядят только на меня и на эту несчастную тетку, которая, краснея, садится на место. Одному коллеге говорю: «Слушайте, вот у нас в русском языке есть выражение «китайские церемонии», а у вас никаких церемоний. Народ нахальный до ужаса, смотрят, сколько денег у меня в кошельке, заглядывают, когда я вынимаю кошелек». Он молчал, молчал, покраснел и говорит: «Феликс Борисович, мы перебили всю интеллигенцию, вы что от нас хотите?».

Китайские профессора жалуются, что молодежь, например, не хочет учить китайский язык, а хочет учить английский, это гораздо легче. Это массовое явление, особенно в приморских городах. Хотят быть прислугой у иностранцев, не хотят учить китайский язык, это выгоднее — сразу получаешь денежку на руку. Поэтому у меня не сложилось впечатления о Китае как о каком-то таком необыкновенном оазисе.

Я думаю так, что сам опыт стабильного победоносного движения к большой социальной цели мы имеем и уже миновали. А вот технико-экономические приемы выхода из кризиса китайцев можно использовать, хотя социальная направленность китайских реформ совершенно другая. Они просто строят какую-то другую модель социализма. Но надо иметь в виду и то, что Дэн Сяопин не просто интуитивно понял, какие нужны реформы. Он Францию изучал, живя в пятизвездном отеле, работал там на конвейере, в прачечной. И когда жил в Москве год — он в НЭПовской Москве жил, между прочим. И поэтому у него в период его созревания как революционера были заложены уже какие-то точки отсчета и приоритеты, и с этим багажом он приехал строить социализм в Китае. Народная китайская революция 49-го года пришла с двумя программами. Первая программа — это национализация средств производства, средств обращения, заимствованная у Коммунистической партии Советского Союза, а вторая программа — новой демократии, где фиксируется аккумулированный опыт многоукладной экономики. Вот эта вторая программа новой демократии сегодня и реализуется.

С.А.Просеков

Мне нравится сегодняшняя тема. На мой взгляд, реформы в Китае несут как минимум два великих урока для России. И первый вопрос: почему китайцы начали свои реформы с экономики, с экономических реформ, а мы с политических, и почему они добились таких успехов, а мы, как вы знаете, оказались в полном разгроме? Один из самых важных уроков, которые несет в себе китайский опыт, заключается в том, что реформа Дэн Сяопина, не знаю, интуитивно он это понимал, либо пришел неким другим образом, опиралась в первую очередь на массовое сознание рядового китайца, в первую очередь крестьянина. Конечно же, Дэн Сяопин прекрасно знал свой народ, прекрасно знал, чем он живет, обряды, традиции и все такое прочее. Пре-

красно знал тот материал, с которым надо было начинать реформы. И на мой взгляд, сознание массовое китайца является как бы материнским лоном тех преобразований, которые начал Дэн Сяопин. На протяжении многих тысячелетий менталитет китайца, его самосознание воспитывалось двумя могучими политико-этическими учениями, такими, как конфуцианство и легизм, отчасти и даосизм, и буддизм и так далее, но в первую очередь конфуцианство и легизм, которые все время между собой соперничали и навязывали свою идеологию, свои взгляды на систему управления, руководство. По существу, Дэн Сяопину не надо было придумывать новое мышление, навязывать некую искусственную политическую структуру, чтобы потом начинать экономическую реформу. Он понял самую суть, что надо просто дать крестьянину свободу. Вот какое оно есть, сознание, а он знал, какое именно — конфуцианское, в первую очередь трудолюбие, стремление к знанию, к справедливости и прочее. Что он и сделал, как здесь правильно отмечалось, он руководствовался постулатом Конфуция: вначале накормить, одеть народ, а уж потом рассказывать, навязывать ему всякую идеологию — демократическую и какую угодно.

Второй урок — это эволюционность. Обратите внимание: начав с сельского хозяйства, Дэн Сяопин отчасти рисковал. Начал с сельского хозяйства: посмотрим, как и что получится. На маленьком участке все началось. Потом этот опыт стал разрастаться по всему Китаю, и результат, как вы знаете, оказался удачным, грандиозным. А потом потихонечку стало все, как здесь совершенно справедливо говорилось, переходить в город. Материализация промышленности. И еще один момент, на который я хотел бы обратить внимание. Давайте с вами вспомним опять-таки древнекитайское общество. Сущность структуры управления определялась отношениями: император → аристократия → крестьяне. Между ними жрецы-чиновники. Или чиновники, которые непосредственно занимались управлением. В современном Китае суть осталась примерно той же: председатель Китая, затем ЦК Китая, условно говоря, та же аристократия, те же чиновники, то же крестьянство и так далее. По существу эта схема не изменилась. Менталитет не изменился. Обратите внимание, Дэн Сяопин не стал ломать эту схему. Почему? В чем ее ценность, несмотря не все недостатки? Недостатков много, я не сомневаюсь. Но в чем ее ценность? Ценность заключалась в том, и этим гордился Дэн Сяопин, что эта жесткая централизация, жесткая

централизованная структура позволяла контролировать реформу, позволяла очень быстро вводить новые экономические идеи, новые структуры. Позволяла каким-то образом воздействовать на те участки или чиновников, коррумпированных чиновников, которые зарывались, воровали и так далее. Позволяла контролировать финансовые потоки, экономическую кровь Китая. Ведь первый частный коммерческий банк в Китае появился только в 95-м году. До этого все жестко контролировалось, и не было такого вывоза капитала, дикого, совершенно неконтролируемого вывоза капитала, который мы сейчас с вами наблюдаем в России. И потому жесткая централизация это не только не плохо, но и хорошо, она сыграла огромную положительную роль в этих экономических реформах Китая.

Мы забываем еще и другое. Китай, как вы знаете, соревновался на протяжении периода после второй мировой войны с двумя системами. Все время говорили: КНР и Тайвань. Давайте вспомним Тайвань Чан Кайши. Ведь он, по существу, начиная свою реформу после второй мировой войны, опирался на чей опыт, в первую очередь? Опять на тот же НЭП! Опять же, вспомним его сына, который и жил очень долго в России, и изучал реформы, на своей шкуре пережил эти реформы, и потом с этими идеями вернулся на Тайвань. И опять-таки, те реформы, которые были на Тайване, тоже очень во многом напоминают НЭП. И Дэн Сяопин, начиная свои реформы, учитывал опыт Тайваня, в этом смысле он не был новатором, он отчасти шел по тайваньскому пути удачи, и это сыграло огромную роль.

И третье, последнее, на что я хотел обратить внимание: тут ни разу не упоминалось знаменитое событие 1989 года — площадь Тяньаньмэнь. С одной стороны, конечно же, варварство, жестокость, кровь и так далее. С другой стороны, в этом вся противоречивость, давайте вспомним: ведь до этого был приезд Горбачева, опять студенты, которые рассчитывали на политические преобразования, такие же, как в Советском Союзе. Но одна из причин, почему руководство не пошло на это — дело в том, что они видели пример России, как все рушилось, как все разрушалось. И пойти на это, рисковать до этого более-менее удачным экспериментом было очень опасно, потому что непонятно, чем все закончится. И поэтому ради стабильности, ради динамики продвижения реформ они пошли на эти жесточайшие меры, что отчасти себя оправдало.

Вот некоторые заголовки последних сообщений западных информационных агентств о Китае:

Политические последствия экономических реформ (речь идет о широкой демократизации, в том числе о выборах местных органов власти).

Может ли быть Китай без коммунизма? (Выступление китайского диссидента, проживающего в США, который с уверенностью говорит, что может).

Запуск первого спутника – большой прорыв (подчеркивается, что теперь у Китая есть все атрибуты великой державы).

Самая быстро растущая экономика в мире (ясно, о какой стране идет речь).

За первые три квартала этого года прирост валового внутреннего продукта составил 7,4 процента (кстати, чтобы не впадать в односторонность, за третий квартал этого года производительность труда американского промышленного рабочего выросла на 4,9 процента, что является наивысшим достижением за последние 7 лет).

Заинтересованность иностранных инвесторов не уменьшается, а растет.

Торговый бум будет продолжаться независимо от политических соображений.

Безработица хуже, чем предполагали.

Вступление Китая в ВТО (Всемирную торговую организацию) приведет к созданию 12 миллионов рабочих мест.

Китайские лидеры озабочены волнами недовольства.

Силы, противостоящие Китаю в Тибете, не имеют в виду достижение независимости.

Китай за новый мировой порядок (приводится заявление Ли Пэна, согласно которому «невозможно согласиться с тем, что весь мир будет находиться под властью небольшой группы западных стран» и что «на Китае с его населением в 1,2 миллиарда человек» лежит обязанность бросить вызов западному господству; заявление сделано в ЮАР, поэтому естественно, что речь в нем идет и об аналогичной роли ЮАР, и о том, что необходимо «защитить законные права и интересы множества развивающихся стран и работать для установления нового международного политического и экономического порядка, обеспечивающего мир, стабильность и справедливость»).

5000 лет цивилизации (в связи с празднованием пятидесятилетия КНР).

Сооружение колоссального «Монумента всех времен» (в связи с непрерывным ходом истории Китая на протяжении 5 тысяч лет).

Уже этот беглый обзор показывает, что заботы у Китая другие, да и думают они во многом иначе (например, я спросил знакомую китаянку: «Где сейчас проживают родственники Конфуция?», на что та ответила: «В Шанхае.»).

В свое время Китай с большой для себя выгодой использовал советско-американское соперничество, да и после этого он показал, как следует исходить из своих интересов в этом мире. Пойдет ли это на пользу нам?

Может быть, это довольно естественный вопрос, только не очень ясно не то, как на него ответить, а кто, собственно говоря, на него должен у нас отвечать. Так, например, достаточно хорошо известно, как развивать экономику сегодня (есть, например, объемистые исследования ООН, показывающие, что на стартовом этапе приоритетами для Южной Кореи и Малайзии были здравоохранение и образование — хотя это, как представляется, элементарно: ведь известно, что означают для развития большие и необразованные люди). Но дело, опять же, совсем не в этом, а в том, что «ну и что?», в том, кто и как у нас все это столь необходимое нам развитие будет осуществлять.

Когда-то один мой знакомый полковник еще «того» Генштаба спрашивал, а может ли у нас быть лучше, а в ответ я ему говорил: «Покажите пальцем, кто это «лучше» может сделать, тогда и прикинем, а иначе это беспредметный разговор». У нас есть такая чуть ли не традиция говорить «Как бы того-то и того-то плохого с нами не случилось» (или, как вариация того же, «У нас еще есть энное количество лет, чтобы не допустить того-то и того-то»), в то время как это «плохое» уже случилось, и то, чего надо «не допустить», уже «допущено». А случилось, например, то, что очень и очень многие люди воспринимают в качестве нормы, что то, как жить России, решают, по существу, единицы.

Говоря о решении любой, например, экономической, проблемы, казалось бы, невозможно не понять, что ее не решить, не включив в рассуждения на эту тему всю совокупность жизненно важных для ее решения факторов (аспектов, сторон и т.д.), в том числе понимая в этой связи, что экономика — это проблема (одна из проблем) человека. А это, в частности, предполага-

ет, что продуктивное решение таких проблем не поддается конъюнктурным усилиям той или иной группы, а требует совместных (корпоративных, коллективных) усилий всего необходимого числа индивидов, располагающих достаточной духовной и профессиональной культурой. В этой связи, в свою очередь, требуется соответствующим образом организованная профессиональная исследовательская деятельность, которой в нашем случае – в отличие от искомого – занимаются известно как.

В последнее время некоторые русские люди полюбили развлекать себя повторением тютчевского «Умом Россию не понять», причем глядят при этом чуть ли не героями, или, если воспользоваться выражением М.А.Булгакова, гордятся собой. Представляется, однако, что Тютчев вовсе не имел в виду то, что потом ему с таким удовольствием стали приписывать. В его словах проглядывает хорошо известная многим людям реакция на свои очередные несбывшиеся надежды, когда, казалось бы, и народ молодецкий, да и власти пора бы уж, вроде, некоторые простые вещи понять, да вот, снова не заладилось. К тому же «умом» (только рационально) не понять не только Россию, но и в принципе любую страну, любой народ.

В.Г.Федотова

Сравнительный анализ успехов и неудач российских и китайских реформ мне хотелось бы повернуть в другую плоскость – сопоставления отношений двух этих стран с Западом. Это оправдано, поскольку и Россия, и Китай хотели приблизиться к западным стандартам жизни и надеялись на Запад: Россия в плане поддержания демократии, Китай в плане экономическом и прежде всего в получении части западного рынка для своих товаров. Неявной, невнятной, но все же сформулированной задачей российских реформ являлась догоняющая модернизация: единственный позитивный образ, предъявленный народу – «жить, как на Западе».

Модернизация с точки зрения экономической – это переход к капитализму западного типа, обеспечение функций капитала и создание адекватной ему социальной, политической и культурной среды. Плодотворной нам представляется идея интересной книги А.Фурсова «Колокола истории» о важности соотношения функции капитала и его субстанции (как он устроен), поскольку функции капитала могут реализовываться и до капитализма, и вне него. Добавим, что в западном капитализме

они совпадают не только друг с другом, но и с социальной субстанцией (институты, структуры, социальный порядок), с политической субстанцией (постановка целей, организация власти), с культурной субстанцией (ценности, нормы и культурные образцы). Благодаря этому западный капитализм отличается от западного тем, как показал М.Вебер, что он основан на труде и морали в отличие от капитала, приобретенного грабежом, войной, обманом: «Повсеместное господство *абсолютной* беззащитности и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются «отсталыми» по западноевропейским масштабам». Капиталистическая модернизация создает отложенный спрос, производство не только ради насущных потребностей, но и ради самого производства. Экономический мотив при капитализме становится самоцелью, приходя в противоречие с традиционным стилем мышления. М.Вебер пишет: «...человек «по своей природе» не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни». Повсюду, где современный капитализм пытался повысить «производительность» труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычайно упорное сопротивление, на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело». И тем не менее консьюмиристский мотив в условиях отсутствия стойкой трудовой мотивации может одержать победу над привычно низким уровнем потребления, и тогда не остается ничего другого, кроме роста всех структур западного капитализма и получения денег и благ на основе обмана, грабежа и войны. Для экономических неолиберальных программ свойственен отрыв экономической модернизации от социальной и политической модернизации, от понимания экономических мотивов, на различие которых у буржуазного и небуржуазного человека постоянно указывали классики политической экономии и социологии. Страсть к наживе не тождественна экономической мотивации западного капитализма. Китай, в отличие от России, имеет развитую традиционную трудовую мотивацию. Но, даже несмотря на это, он мог потерпеть поражение.

Чего избежал Китай? Он избежал непонимания того, чего ему следует ожидать от Запада на современном этапе. Дело в том, что после крушения коммунизма ситуация для Запада коренным образом изменилась: не осталось мест, препятствующих распространению функций западного капитала. Капитал всегда стремился к этому, но препятствия заставляли его реализовывать эти стремления в разной форме. Заботясь об адекватности функций капитала своим социальным, политическим и культурным субстанциям, т.е. сохраняя ядро собственного цивилизованного капитализма, Запад по-разному строил свои отношения с субстанциями незападных обществ. Там, где капитал осуществлял только свою функцию, не затрагивая прочих субстанций, возникала *колонизация*. При *вестернизации* его функции осуществляются посредством вмешательства в культуру, остальные сферы практически остаются неизменными. *Догоняющая модернизация* стремилась обеспечить функциям капитала адекватность во всех субстанциях, т.е. приблизить незападные общества к западному капитализму. При *развитии на основе собственной идентичности* (как в Юго-Восточной Азии) сохраняется местная культура, но вносятся изменения в другие сферы для обеспечения функций капитала. Сегодня мы имеем новый этап: *полная глобализация функций капитала* делает его безразличным ко всем субстанциям чужих обществ, останавливает Запад в попытках определения их судьбы и предоставляет это им самим. *Капитализм как мировая система озабочен всемирным функционированием капитала, а не осуществлением задач догоняющей модернизации.*

Многие в России удивлялись, а среди них и я, что при номинальном провозглашении модели догоняющей модернизации и агрессивной демократической риторике в 90-ые годы шли противоположно направленные процессы, что Запад присоединяется к упрощению нашей реальности до противостояния коммунистов и демократов, не замечая того, что народ отбрасывается от завоеваний демократии и складывается совершенно другое противоречие — между демократией и олигархией.

Мы не понимали, что Запад интересуется только функцией капитала, но вовсе не тем, чтобы выращивать в России его субстанцию. Китай понял это и пошел своим путем. Он сделал то, что было возможно при его населении, традиции и социальном устройстве.

Хотел бы поблагодарить председателя Клуба за очередной удачный выбор темы заседания. Благодаря этому сегодня было представлено много живых впечатлений о Китае, что лично для меня было очень увлекательно. Тем более, что побывать в КНР еще как-то не довелось.

Однако, слушая выступления коллег, мне показалось, что разговор пошел в основном вокруг специфики жизни в Китае, а не о сопоставлении мудрости реформ у нашего великого соседа и в России. Разумеется, это можно трактовать как неявное общее согласие присутствующих с тем, что о мудрости наших реформ говорить вообще не приходится, так что, вроде бы, лучше сразу говорить о менее известной для нас китайской реформе, с ее плюсами и минусами. Но все же, позволю себе заметить, обсуждаемая тема заявлена как вопрос. Такая форма задания направления для дискуссии подразумевает, по моему мнению, что в сопоставлении Китая и России в период больших преобразований последних лет пока еще есть что обсуждать, и что наблюдаемая ситуация в неявном соревновании двух стран до сих пор не вполне разрешена в пользу одной из сторон. Мне кажется, что в таком взгляде на положение вещей могут быть свои резоны.

Как представляется, сегодня мы еще не вправе выносить окончательный вердикт. Почему? Для этого можно привести по крайней мере следующие возражения:

Почему цена реформ в Китае учитывается лишь с момента смерти Мао? Ведь этому предшествовало безумное реформирование в форме культурной революции! То есть для меня как для аналитика было бы более естественным начать обсуждение с уточнения: что есть реформы, и в какой период они рассматриваются? Если при этом вопрос сведется к оценке действий Ельцина и действий Дэна после смерти Мао, то я скорее проголосую за китайского лидера. Но даже в этом случае остаются неясности.

Сегодня, повторяюсь, много говорилось о Китае. Прозвучали очень эмоциональные слова о достижениях, о росте благосостояния, о товарном изобилии. Но были упоминания и о трудностях жизни китайцев: закрытость общества, идеологическая зажатость, доступность материальных благ отнюдь не для всех. Но тогда полезно порассуждать, что дороже – разнообразие политической жизни, свобода граждан, навыки выживания в условиях лихорадочного реформирования (что характерно для

жизни россиян) или стабильность, относительное материальное благополучие, экономический рост и жизнь, канализируемая жесткой «политической арматурой» (что определяет существование китайцев)? Это примерно так же, как сопоставление шоколада и икры – лучше, когда имеется и то, и другое, а когда их сталкивают вместе, возникает реальная проблема выбора в условиях плохой сопоставимости.

В научном сообществе в последние годы стало как-то неприлично позитивно отзываться о нашей власти периода реформ. Мне эта позиция очень понятна, и я лично также предпочел бы видеть всех наших основных реформаторов подальше от рычагов управления страной. И все же сама объективная логика существования страны и хромающая, но все же ориентация на опыт развитых западных стран неизбежно вели к тому, что в принципе в нашей стране делались и необходимые шаги. В результате ныне в России при всех сложностях и очень высокой цене реформирования сложились весьма сильные предпосылки для развития, которые и могут реализоваться при появлении общенационального лидера. К этим предпосылкам, на мой взгляд, можно было бы отнести, например, следующее:

созданы государственные структуры новой страны – собственно России;

сформировалась настоящая многообразная и свободная политическая жизнь, в которой усиливается тенденция к более четкой структуризации, что создает возможность появления нормальной обратной связи в политике;

у граждан фактически сформировались навыки жизни и деятельности в условиях очень жесткого рынка, появились реальные и опытные деятели бизнеса, способные заниматься именно реальным, а не виртуальным бизнесом (жестко зависящим от привязки к государственной кормушке), что обеспечивает возможность высокой выживаемости в системе мирохозяйственных связей;

практически полная открытость страны содержит в себе не только минусы, но и тот большой плюс, что Россия и россияне активно вовлечены в глобальные цивилизационные процессы, которые становятся все более определяющими для всего мирового сообщества.

Словом, государственные руководители у нас оставляли и пока оставляют желать лучшего. Но их деятельность, к счастью, определялась и определяется не только факторами сугубо лич-

ного характера. Поэтому в нашей жизни наблюдается постепенная аккумуляция позитивных моментов. А ведь наше движение из прошлого в будущее еще продолжается. Поэтому мне бы казалось более корректным пока не ставить в состоявшейся дискуссии последнюю точку.

В.Г.Буров

Прежде всего мне хотелось бы обратить внимание собравшихся на *громадные* достижения Китая в области экономических реформ. В результате удалось накормить почти все население страны: из одного миллиарда двухсот миллионов, по принципиальным данным, только пятьдесят миллионов еще не накормлено, т.е. живут за чертой бедности. В китайских городах нет такого количества нищих, как в наших российских, хотя население их неизмеримо больше. Хочу подчеркнуть на основе моих личных впечатлений, что изменения в положительную сторону происходят в стране постоянно, достаточно не побывать в каком-то городе – в том же Пекине или Шанхае – и их уже не узнать.

Экономических проблем в Китае много, даже больше, чем было названо сегодня, но я не раз повторял, что ни одна страна не застрахована от наличия проблем, тем более такая страна, как Китай. И тем не менее она их решает, несмотря на все прощества зарубежных, включая и российских, оракулов.

Я не могу согласиться с Б.С.Ерасовым, что опыт Китая нельзя использовать в России. Конечно, между нашими странами существуют большие социокультурные различия. Однако есть методологические вопросы. В чем причина успехов китайских реформаторов? Во-первых, в том, что китайское политическое руководство учитывает положительные особенности, национальную специфику своей страны. Сейчас в Китае очень модным является слово «гоцин», дословно «национальный характер», «национальные особенности». Во всем следует придерживаться «гоцин» – таков лейтмотив китайской теории и практики. Во-вторых, китайские реформы осуществляются постепенно, этап за этапом. Разве это нельзя взять на вооружение в России?

А.Е.Городецкий

Мне иногда кажется, что мы собственные реформы знаем хуже китайских. Вокруг этого вопроса уже сложилась такая мифология, груз ошибочных представлений настолько велик, что

это реально сказывается на действительной истории и теории наших реформ. Сказывается, естественно, негативно. Поэтому и приходится в очередной раз повторяться, цитируя самого себя n-годовой давности.

Сначала нас потчевали легендой о том, что только с приходом команды гайдаровской академической молодежи в стране начались настоящие реформы. Практически весь сложный противоречивый период предшествующего реформирования, в ходе которого были созданы концептуальные, политические и экономические предпосылки для рыночного этапа преобразований, перехода реформ в фазу системной трансформации экономики и общества, был представлен исторической дырой, потерянным временем для потерянной страны. Потом оказалось, в 1992-1998 годах вообще никаких либеральных реформ и в помине не было, а тема ответственности за развал экономики и итоговый дефолт августа 1998 года в который раз была подменена поиском виноватых в среде оппонентов, призывами ко второму заходу либеральных экспериментов с неперменным закручиванием гаек в отношении оппозиции, недовольных и т.д. И мы невольно идем на поводу у подобных взглядов, когда, сравнивая Китай и Россию, начинаем нашу дискуссию утверждениями о том, что в России вообще никаких реформ и в помине не было.

У нас проблема не в том, что никаких реформ до сих пор не было ни в СССР, ни в России («зона, свободная от каких бы то ни было реформ»). Действительная проблема заключается в том, что реформы до сих пор не доводились до логического конца, или их первоначальные цели и модели изменялись до неузнаваемости. При этом концептуальное обеспечение реформ всегда отличалось колоссальным богатством теоретических подходов, всесторонним нормативно-правовым обеспечением. Вспомним, какими жаркими дискуссиями о товарном производстве и рынке при социализме предварялись реформы 60-х годов. Кстати, хозяйственная реформа, начатая в 1965 году, в концепции и директивных материалах была подготовлена уже к 1960 году. Вся история горбачевской перестройки – это напряженный поиск новой парадигмы социалистического реформирования, основанного на рыночной экономике и политической демократии. Сам механизм подготовки и запуска реформ включал всестороннюю проработку высших партийных и государственных решений, принимавшихся на съездах и пленумах, и окончательно оформлявшихся пакетами правительственных документов. Экономи-

ческие реформы 60-х выдохлись потому, что процесс десталинизации не перерос в какие-либо серьезные гражданские и политические реформы, серьезные подвиги в гражданско-правовой и политической сфере были совершенно табуированы. Советская перестройка рухнула вместе с СССР во многом потому, что политические реформы превратились в самоцель и выродились в государственный распад. Новообразования СНГ во главе с вдохновителем и инициатором развала — РСФСР, далее РФ, — по сути оказались неспособны к какому-либо самостоятельному реформационному творчеству.

Есть и еще одна немаловажная деталь. Российские реформы задумывались и вынашивались теоретическими идеалистами, а проводились в жизнь партийными (аппаратными) карьеристами. Вне круга избранных, как правило, оказывались профессионалы и прагматы администрирования и управления. Отсюда — заведомый перебор благоглупости и тривиальной корысти и критическая недостаточность ума, чувства долга, политической этики и ответственности, профессионализма.

Но тем не менее смею утверждать, что даже при таком пессимистическом взгляде на реформационный процесс страна, начиная очередной виток реформ в прошлом и настоящем, никогда не возвращалась к их исходному пункту. Поступательное движение российской Истории налицо. Страна всегда находила свой путь из исторических тупиков. Другое дело, каковы сроки и цена этой нашей «особости» (и «особливости») развития. Я думаю, что история и теория реформ применительно к российской истории в целом требует очень серьезного отношения и как философская, и историософская, и политэкономическая проблема. Теоретическое обесмысливание и обесценивание богатейшего и трагического опыта российских реформаций и революций — не только интеллектуальное вырождение и убожество научной мысли. Это еще и тривиальное «заказное дело». Историю страны тоже можно «заказать».

О сходстве и различиях в реформационном цикле. И в СССР и в Китае начало реформационного процесса пришлось на аграрный сектор. В рамках длинной волны реформации и там и здесь много экспериментировалось с организацией управления, ключевая роль придавалась хозрасчету, экономическому стимулированию, децентрализации планирования. И там и здесь можно выделить и зафиксировать некую экстенсивную фазу реформ без смены ценностного и идеологического ядра системы, ее ин-

ституциональных основ (опор). В рамках этой фазы реформы до определенного пункта идут по нарастающей, дают очевидные результаты. Но за пределами, условно скажем, 20 лет экстенсивного развития реформ положительная динамика начинает затухать. В СССР этот реформационный спад наиболее явно обнаружился после 1975 года, когда все рельефнее начал прогрессировать застой. Китай, если вести отсчет от 1979 года, также подошел к рубежу критического 20-летия. СССР, как теперь становится ясно, тогда вплотную столкнулся с трансформационным вызовом, который предполагал переход от реформирования планового хозяйства исторического социализма к фазе его системной трансформации. СССР не смог дать убедительного ответа на этот вызов и был разрушен как социально-экономическая система, геополитическая реальность и вторая сверхдержава. Отметим, что Российская Федерация также пока не сформулировала свой ответ на тот же сакраментальный вызов, вследствие чего постоянно пребывает перед угрозой повторения судьбы Союза. На мой взгляд, Китай неизбежно столкнется с аналогичным трансформационным вызовом, который станет критическим испытанием на прочность его цивилизационно-культурных основ, способности к исторической динамике, реформационному творчеству. Это также час испытаний для национальной элиты, китайцев как нации. Здесь будет найден ответ на вопрос о действительных достоинствах и ценностях китайской модели.

Есть много оснований полагать, что Китай все же найдет достойный ответ на трансформационный вызов. То, что сегодня говорилось профессиональными синологами, подводит к мысли о том, что китайская модель и есть образец того, что В.Г.Федотова назвала «развитием на основе собственной идентичности». Об этом свидетельствует ключевая роль культурных символов и образцов, стремление к очищению и обновлению традиции, умение привести к согласию культурный архетип и самые передовые новации века сего. В отношении Великой китайской стены как величайшего культурного символа китайской цивилизации. Мне кажется, что у этой культурной символики есть свои параллели. Например, океанические водоразделы для атлантической цивилизации, тихоокеанских цивилизаций. Общим для этих символов является то, что, выстраивая метафизическую ограду от внешней скверны, культурного растрепания, национального расслабления, они образуют своеобразное *про-*

странство сосредоточения и упрочения народного духа, национальной воли, кристаллизации национальной идеи для выхода на траектории самого продуктивного типа развития – на основе собственной идентичности. Именно этот опыт выстраивания такого пространства является для нас сегодня, пожалуй, самым ценным в китайской модели экономических реформ.

В.Ж.Келле

Вечером с самолета привезли меня в гостиницу, на пятом этаже я стою около открытого окна, и вдруг слышу звук курантов, напомнившей мне звук курантов, который я слышал в театре Вахтангова на «Принцессе Турандот». Тот же самый мотив курантов! Я решил, что попал в сказку. Я прилетел в Китай. Проработав там три года, я понял, что больше не могу там оставаться. Вот Ерасов рвется туда. Я – нет. Другая культура, у меня психологический дискомфорт появился. Я захотел вернуться в свою языковую среду, к своим людям, какими бы они ни были, хорошими, плохими. Китай – это государство-цивилизация, это действительно особая конфуцианская цивилизация. Раньше считали, что Китай – это символ застоя, что он развиваться не может. Но оказывается, что эта конфуцианская идеология вполне может послужить основой модернизации. Китайцы сейчас даже пишут, что конфуцианство может быть идеологией постиндустриального общества в будущем. Оказывается, есть в конфуцианстве такие мотивы, такие принципы, которые вполне совместимы с модернизацией, с развитием технологий. Китайцы сумели это доказать. В этом смысле Китай есть целостное образование, нам надо еще изучать его, а что касается опыта, то опыт это нечто другое. Нужно научиться, исходя из наших конкретных условий, находить оптимальные решения. В этом смысле опыт Китая нужно использовать – надо учитывать свои условия. Опыт модернизации – это главный итог из опыта современного Китая. Вот мы смеялись над этим – «социализм с китайской спецификой», а здесь есть большая истина. Нам необходимо развитие с учетом нашей российской специфики, чему и следует поучиться у Китая.

Б.С.Ерасов

Наблюдая современный Китай, испытываешь чувство стыда. Стыдно за свою страну, за ее состояние, за ее недостижения, мягко говоря, за характер средств массовой информации. Мож-

но пролистать газету, а я должен был читать наши газеты аспирантам, несколько подшивок, и трудно за месяц найти одну-две приличные статьи, которые не содержат мерзости. Китайским аспирантам читать нашу прессу просто неловко: об убийствах, о расчленении трупов, о детской проституции и всякое остальное. Трудно найти нейтральную тему, повествующую о русской жизни. Стыдно за свою страну, за ее западнизм, за ее неспособность противостоять наглым разрушителям в своей собственной среде и со стороны Запада. Находишь выход в том, чтобы говорить китайцам о том, как не допустить того, что совершилось у тебя в стране. О том, что же такое заключено в характере, генотипе русской культуры, какие противоречия и каковы источники постоянных срывов и деградации, чтобы они выстояли в этой глобальной цивилизации. Они всерьез это дело изучают и этим очень интересуются.

Второе соображение. Все-таки у меня после обсуждения этой сложной темы в такой высокопрофессиональной аудитории — не специально профессиональной, но высокопрофессиональной — возникает общее суждение, сводящееся к тому, что умом Китая не понять. Умом, когда рассуждаю или оцениваю эти вещи, исходя из западных и российских парадигм. Китайская цивилизация развивается совершенно в иной парадигме, как в классическом своем состоянии, так и в современности. И нам она не знакома. У нас очень мало знают китайскую культуру, даже китаисты, которые делятся на две категории — «древники» (классики) и «современники». Между ними, насколько я знаю, очень сильные кастовые разобщения. Они очень многое могут профессионально сказать, но целостной органической схемы я не нашел, хотя, может быть, не слишком настойчиво искал. Очень много импрессионизма в наших суждениях, в том числе и в моих, конечно, и в суждениях многих других китаистов. Существуют подходы на основе частичных аналитических концепций, теорий среднего уровня, взятых с Запада или из нашей действительности, которые позволяют объяснить какие-то конкретные стороны китайской цивилизации, китайского общества. Или, напротив, очень высокая степень обобщения, на уровне глобальных процессов. Но они пока не сомкнулись с анализом конкретных процессов, которые происходят в Китае. Поэтому нам на основе имеющихся плюралистических подходов понять Китай невозможно. Знакомство с китайской культурой у нас минимальное. Правда, это не только наша беда. Это беда всей

мировой науки, много публикаций в Соединенных Штатах, часто сделанных на высокопрофессиональном уровне, но они мало что говорят общественному сознанию о Китае. Не знаю, хорошо ли знают Россию, но Китай знают на Западе плохо. Еще раз подчеркиваю, что Китай — это «черный ящик» для всего мира. И он много еще покажет неожиданного.

И третье, последнее, соображение. Я думаю, что нам необходимо продолжить эту тему. Все-таки мы подошли к основной задаче, сформулированной нашим ведущим — проблема мудрости. Ну, «мудрость» — это метафора, конечно, но все-таки как расшифровать китайскую цивилизацию, как подойти поближе к ее пониманию, к пониманию меры и конкретных внутренних процедур, пониманию ее механизмов, пониманию тех истоков и тех процедур, на основе которых развивается китайская цивилизация, чтобы не сводить анализ к программам коммунистической партии или суждениям каких-то лидеров, ни к каким-то конкретным мероприятиям, которые предпринимает китайское правительство. Ведь эти программы и мероприятия ложатся на благодатную почву. Вы найдете в России хоть одного мыслителя или политика, которые могут предложить удачную программу и которая была бы принята? Вот такой, например, вопрос. За кого голосовать или не голосовать, это неважно. Есть ли на горизонте такой политик, который сумел бы провести удачную реформу? Я думаю, что ответ будет однозначно негативным. Есть хорошие, плохие, мудрые, глупые и так далее, но нет той культурной основы, социокультурной, цивилизационной, с помощью которой Россия могла бы сдвинуться, выбраться из этой пропасти, в которой она оказалась. Она, увы, будет существовать в этом состоянии еще длительный период. Так что я предлагаю продолжить наше обсуждение.

В.И.Толстых

Сначала о том, как появилось название. Теперь я открою вам секрет. В июле здесь была китайская делегация из Шанхая, из Академии общественных наук. И они попросили, в данном случае через Булова, чтобы я устроил им свидание с Горбачевым. Было странно, потому что китайцы обычно не стремятся встречаться с Горбачевым, но теперь положение меняется, и даже влиятельные газеты хотят взять интервью у Горбачева. Такая встреча была устроена. Что же произошло на ней? Михаил Сер-

геевич Горбачев, как искусный политик, начал с наступления. Он говорил о том, что знает и уважает Китай, следит за тем, что происходит в Китае, знает о его успехах и достижениях, но думает, что у Китая главные проблемы впереди, что никуда они не уйдут, например, от проблемы демократизации, проблемы свободы, рано или поздно они все равно встанут. Мы, говорил он, в чем-то очень похожи, потому что обе страны приблизительно в один и тот же исторический период решили, что подошло время меняться, и меняться серьезно, и начали реформы. И я должен признаться (это слова М.С.Горбачева, которые китайцы внимательно записывали), что вы, китайцы, оказались мудрее нас. И сформулировал, в чем именно. Здесь Михаил Сергеевич обратился к тому самому принципу, который для китайской политики реформ является очень важным – принципу открытости. Он говорил о том, что не могут две такие страны, как ваша и наша, которые представляют собой в экономическом, социальном, политическом отношении совершенно определенно сложившийся организм, вот так сразу прямо и полностью открываться миру. Вы этого не сделали, мы это сделали, и вы выиграли, а мы проиграли. Вы оказались в этом смысле мудрее нас. Поэтому мы пришли к тем печальным результатам реформ, которые сейчас имеем.

Я воспользовался этим суждением Горбачева и начал думать, какой смысл заключает понятие «мудрость» для самих китайцев? «Мудрость» – это понятие тоже надо как-то определить. И мне китаеведы, к которым я обращался, объяснили, что мудрость для китайцев – это действие по убеждению. Если человек действует по убеждению, то это мудрое поведение. Лично у меня давно возникло сомнение, что то, что делается в нашей родной России уже достаточно много лет, это отнюдь не действие по убеждению. Я не верю, что у нас есть настоящие либералы, я их никак не могу найти в России. Много людей, которые говорят о либеральных ценностях, но либералов по образу жизни, поведению, способу действий, методам, средствам, которые они применяют, я просто не нахожу. Как не вижу я в России сегодня и настоящих коммунистов. Я считаю себя коммунистом, исходя из того, как я отношусь к социализму. Нынешние коммунисты как-то ловко встроились в нынешнее жизнеустройство и даже на вербальном уровне меньше всего говорят, думают и поступают как правоверные социалисты. И какие-то странные демократы, меньше всего похожие на демократов. Зато расплодилось

рыночники – в смысле воров, людей, которые хапают, присваивают, прихватывают все, что попадется под руку. Причем нередко встречаются и талантливые люди. Вспомните в наших олигархов. Это надо умудриться, за десять лет реформ вы не назовете сегодня, если соберете их вместе, не назовете и одного олигарха типа Моргана, Дюпона, Форда, который бы что-то соорудил, пусть и наворовал сначала, взял где-то деньги, а потом создал то ли крупный автомобильный завод, то ли компьютерные сети.

Нет дня, чтобы не ругали, как-то не обзывали Березовского, но никто и ни разу не сказал ему: вот вы, Борис Абрамович, настырно, ничем не брезгуя, лезете во власть, в «благодетели» России. А что, собственно, полезного сделали вы для России и россиян, чтобы иметь право на власть, кроме того, что скупаете на непонятно каким образом наворованные деньги телеканалы, газеты и прочее? Каков ваш личный вклад в развитие России? Впрочем, дело не только в Березовском. У нас нет национального капитала как такового. А китайцы его создали. И не только с помощью хуацао, китайской диаспоры или японцев. Нам тоже присылали – МВФ. И где эти деньги, куда они ушли, на что они пошли? Никто же не задается простыми детскими вопросами. В Китае эти номера, как правило, не проходят. Там тоже воруют, они сами говорят о коррупции, что это проблема номер один, это они знают. И борются с нею, создавая национальный, а не компрадорский капитал. Результаты – налицо.

Сегодня Китай – это стабильно развивающаяся страна с относительно высоким уровнем жизни. Страна с полутора миллиардным населением, еще недавно экономически слабая и бедная, не только кормит и одевает себя (90 процентов продуктов питания и промышленных товаров в магазинах – китайские!), но и экспортирует рис, продовольствие, наводняет своими изделиями США и другие страны мира, имея сегодня положительное сальдо с США в 49 млрд. долларов, живет скромно, но в достатке, проводит абсолютно независимую внутреннюю и внешнюю политику, свободно распоряжается огромными инвестициями, которые ни у кого не клянит и не вымаливает, – согласитесь, это не может не вызывать уважения и восхищения. На фоне нашей нынешней разрухи и очевидной зависимости от Запада эта страна добилась за короткие исторические сроки поразительных достижений и успехов, которым можно позавидовать. До сих пор говорили о «японском чуде», «немецком чуде», а теперь можно добавить и «китайское чудо».

Это не значит, что в Китае все хорошо и нет проблем. Они есть, их много, и китайцы сами их видят и осознают. Это — низкая эффективность многих госпредприятий и недостаточная конкурентоспособность производимой продукции (на сегодня проблема номер 1 на мировом рынке). Это — зависимость, причем достаточно высокая, от иностранных инвестиций, которую сами китайцы обозначают как проблему «соблюдения масштаба иностранных инвестиций», делая сейчас упор на уменьшение притока иностранного капитала (и этот приток, особенно из США и Японии, в последние годы заметно сокращается). Это, наконец, отсутствие механизма самостоятельного технологического развития, которое пока что остается на уровне, по современным меркам, «примитивного индустриализма», и т.д. и т.п.

Поэтому в Китае не чувствуется никакой эйфории, головокружения от успехов. Во всяком случае, встречаясь с самыми разными людьми, мы в Китае этого не почувствовали. Напротив, растет ощущение беспокойства и тревоги, понимание того, что главные трудности и проблемы еще впереди. Но китайцы медленно поспевают, и в относительно благополучной ситуации проявляют здравый смысл, мыслят трезво реалистически. В марте 1998 года Цзян Цзэминь заявил: «КНР не может позволить себе выйти на мировой уровень без тщательного учета риска и опасностей, которые подстерегают ее там».

Отчетливо осознавая, что мир глобализируется (эта тема в современном Китае активно обсуждается на всяких форумах и уровнях), китайцы упрямо и последовательно осуществляют политику «опоры на собственные силы». Они прекрасно понимают, что без открытости в современных условиях проводить реформы нельзя, но степень и характер этой открытости должны регулироваться национальными интересами страны, сохранением ее независимости и суверенитета во всех сферах — экономической, политической и культурной. Китайцы вдоволь «накушались» революциями («Большого скачка», «Великой культурной революции»), и вот уже двадцать лет идут путем эволюционного развития (в отличие от нашей тяги к «революциям» и «контрреволюциям»). Для них формула триединства «стабильность — развитие — реформы» (именно в таком порядке) не лозунг, а руководство к действию. Реформы — не самоцель, а всего лишь инструмент и функция в реализации объективной потребности, где есть своя диалектика. Реформы — это сила, развитие — цель, а стабильность — гарантия.

Мудрость китайцев проявляется в том, что они убежденно, последовательно и умело эту логику взаимодействия трех начал реализуют, понимая, что без стабильности невозможны ни реформы, ни дальнейшее развитие страны. И главное, понимают то, что при переходе от централизованной плановой экономики к рыночной экономике, от тоталитарного режима к демократии нельзя спешить, скакать и перескакивать ступени и этапы. В отличие от нас китайцы вовремя осознали все преимущества политики контролируемой открытости. Результат очевиден: они, используя достижения западной науки, техники и технологии, осуществили прорыв, а мы скатились на дно, утратив прошлое, нисколько не продвинувшись в будущее.

Именно в этом контексте следует оценивать высокую степень управляемости китайской экономикой со стороны государства как хозяйствующего субъекта, опору китайцев на свои социокультурные ресурсы и резервы, заложенные в самой идентичности китайского общества, на традиции и цивилизационные особенности, которые оказываются вполне жизнеспособны и эффективны. Удивительная вещь: китайцы, стремясь войти на равных в мировое сообщество, хотят остаться при этом китайцами, а мы, кажется, изо всех сил пытаемся перестать быть русскими, называя это «поисками своей идентичности».

Разумеется, нам не надо копировать китайский опыт, да это и невозможно, но не следует и бежать, «задрав штаны», за Запад, раз навсегда усвоив, что это тоже не получится. Другое дело — поучиться у китайцев методологии, стратегии и тактике реформирования, умению творчески соединять мировой опыт модернизации со своими национальными интересами и особенностями, в чем китайцы, безусловно, преуспели и достигли выдающихся результатов. В этом, собственно, и состоит мудрость реформаторства. В этом смысле китайский опыт нам всего ближе и ценнее.

Список участников

АКЧУРИН

Игорь Алексеевич

доктор философских наук

АЛАЕВ

Леонид Борисович

доктор философских наук, профессор

БЕЛЕЛЮБСКИЙ

Феликс Борисович

кандидат философских наук

БОРОДАЙ

Юрий Мефодьевич

доктор философских наук

БУЕВА

Людмила Пантелеевна

доктор философских наук,
профессор

БУЗГАЛИН

Александр Владимирович

доктор экономических наук,
профессор

БУРГАНОВ

Агдал Гусейнович

доктор исторических наук, профессор

БУРОВ

Владилен Георгиевич

доктор философских наук

ВОДОЛАЗОВ

Григорий Григорьевич

доктор философских наук, профессор

ГАЛЕНОВИЧ

Юрий Михайлович

доктор исторических наук, профессор

ГАМАН

Ольга Викторовна

доктор политических наук, профессор

ГАЧЕВ

Георгий Дмитриевич

доктор филологических наук,
писатель

ГОРОДЕЦКИЙ

Андрей Евгеньевич

доктор экономических наук,
профессор

ГУСЕЙНОВ

Абдусалам Абдулкеримович

доктор философских наук, профессор,
член-корр. РАН

ЕГЕРЕВ Сергей Викторович	доктор исторических наук, профессор
ЕРАСОВ Борис Сергеевич	доктор философских наук, профессор
ЗДРАВОМЫСЛОВА Ольга Михайловна	кандидат философских наук, социолог
ЗОТОВ Анатолий Федорович	доктор философских наук, профессор
ИОРДАНСКИЙ Владимир Борисович	доктор исторических наук, профессор
КАРА-МУРЗА Алексей Алексеевич	доктор философских наук, профессор
КЕЛЛЕ Владислав Жанович	доктор философских наук, профессор
КРУШАНОВ Александр Андреевич	доктор философских наук
КУРДЮМОВ Сергей Павлович	доктор физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН
ЛУКЬЯНОВ Анатолий Евгеньевич	доктор философских наук, профессор
МАКСИМОВ Владимир Николаевич	кандидат философских наук
МАЛАШЕНКО Алексей Всеволодович	доктор исторических наук, профессор
МАСАРСКИЙ Марк Вениаминович	президент Международной ассоциации руководителей предприятий
МАСЛИН Михаил Александрович	доктор философских наук, профессор
МАХНАЧ Владимир Леонидович	доцент Высшей школы экономики, историк культуры
МЕЖУЕВ Вадим Михайлович	доктор философских наук
ПАНТИН Игорь Константинович	доктор философских наук, профессор

ПЕРЕЛОМОВ

Леонард Сергеевич

доктор исторических наук, профессор

ПРОСЕКОВ

Сергей Анатольевич

кандидат философских наук

РУТКЕВИЧ

Алексей Михайлович

доктор философских наук, профессор

СЕМЕНОВ

Вадим Сергеевич

доктор философских наук, профессор

СИРОТКИН

Владлен Георгиевич

доктор исторических наук, профессор

СОЛОВЬЕВ

Эрик Юрьевич

доктор философских наук, профессор

СТЕПИН

Вячеслав Семенович

доктор философских наук, профессор,
академик РАН**ТЕРИН**

Валерий Павлович

кандидат философских наук

ТИТАРЕНКО

Михаил Леонтьевич

доктор философских наук, профессор
член-корр. РАН**ТОЛСТЫХ**

Валентин Иванович

доктор философских наук, профессор

УТКИН

Анатолий Иванович

доктор исторических наук, профессор

ФЕДОТОВА

Валентина Гавриловна

доктор философских наук, профессор

ХОЛОДНЫЙ

Василий Иванович

доктор философских наук, профессор

ЦАРЕВ

Вадим Юрьевич

доктор философских наук, профессор

ЦЫМБУРСКИЙ

Вадим Леонидович

доктор философских наук

ШЕВЧЕНКО

Владимир Николаевич

доктор философских наук, профессор